

АННОТАЦИЯ

Житель древнего таджикского города Истаравшана Ахмад Расулов поехал в Москву продавать сухофрукты. Было это в сложные 30-е годы прошлого столетия. Разлука с домом оказалась долгой. По ложному обвинению в ограблении Сбербанка с убийствами, Ахмада Расулова приговорили к высшей мере наказания, а потом заменили ему расстрел заключением в лагере усиленного режима, сроком на двадцать пять лет.

Ахмад трудился на лесоповале, испытал все тяготы лагерного бытия, и через пять лет сумел бежать из заключения. Прошёл всю тайгу и оказался в самой её глуши. Там обосновался в брошенном охотничьем зимовье, и в одиночестве прожил в тайге тридцать пять лет. Не сломался, не пал духом, а выстоял, проявив лучшие человечески качества.

«Вечная мерзлота» - повесть о таджикском мардикоре Джамолиддине Солиеве, который приехал в Якутию на заработки. Чуткий к людским неурядицам, он попытался помочь якутской девушке Варваре устроить жизнь. Его вмешательство в её судьбу обернулось трагедией для Варвары и стало жизненным уроком для самого Солиева.

Леонид Чигрин

ТАЁЖНЫЙ РОБИНЗОН

Глупо противиться судьбе,
куда мудрее соглашаться с её
начертаниями и стараться
извлечь из них выгоду для себя.

Платон

Приключенческий роман

Часть первая

Большой урожай – не всегда благо. По крайней мере, сами истаравшанцы убедились в истинности этого утверждения в том памятном 1935 году. Ветви деревьев клонились под тяжестью плодов, а иные обламывались, и больно земледельцам было видеть такие картины. Яблок, груш и урюка было собрано, как говорится, немерено; все хозяйственные постройки были заполнены мешками и ящиками с крутобокими вызревшими плодами. Сладкие ароматы, разливавшиеся по всему городу, кружили головы, а губы слипались от сладости, которую разносил ветер. Видавшие виды истаравшанцы только качали головами при осознании такой щедрости природы. Сперва полагали её как свидетельство внимания Всевышнего к их древней земле, а потом стали поговаривать: а не наказание ли это за какие прегрешения? В самом деле, взрослые с утра до ночи трудились в просторном колхозном саду, который так и назывался – Боги калон, большой сад значит, а конца плодovому изобилию не было видно. Домочадцы – жёны и дети – собирали урожай на своих приусадебных участках и тоже выбивались из сил, таская тяжёлые мешки, ящики и корзины. И при этом деревья оставались усыпанными спелыми плодами, казалось, их было больше, чем листьев.

Во весь рост, как говорится, встала проблема сбыта даров необычайного года. Консервные фабрики отказывались принимать яблоки, урюк и сливы и что там ещё, мотивируя тем, что не успевают их перерабатывать. Предлагали им брать даже без оплаты, и всё равно следовал отказ. Можно было везти на рынки в Худжанд, Канибадам и Исфару, но и там тоже целые плодовые горы. Особенно удивляла айва, золотистые шары величиной с голову ребёнка, свисали до самой земли, и стоило подуть лёгкому ветерку, как перезрелые плоды сыпались вниз и разбивались со звучным шлепком. Из них варили патоку и варенье, резали на дольки и сушили на плоских крышах домов, устилали ими склоны холмов, и те расцветивались оранжевыми, жёлтыми и светло-коричневыми тонами.

И над всем этим плодовым великолепием расстилалось белёсое августовское небо. Дни стояли жаркие, и это тоже тревожило истаравшанцев. Плоды портились, скисали, особенно урюк и сливы, образовывалось грязноватое, дурно пахнущее месиво.

Плодами кормили скотину, щедро наваливали их в глубокие деревянные ясли, но такое изобилие тоже быстро приедалось. Коровы и овцы отворачивали морды в сторону и с большим удовольствием хрупали сеном или щипали сохнущую, жестковатую траву.

Председатель колхоза имени Ленина Изатулло Махмудов, грузный, рано поседевший мужчина, с утра ходил по Боги калону, досадливо морщился, теребил вислые усы и усиленно размышлял, как справиться с необычным изобилием. «Хоть в ямы сбрасывай и засыпай землёй», - с досадой думал он. Наверное, так и придётся делать, хотя всё его существо потомственного земледельца противилось этой мысли.

Усердно собирал яблоки и груши и Ахмад Расулов. Вообще-то он был плотником, но в колхозе одним делом не ограничиваются. Ахмад при случае

проявлял себя как хороший слесарь, как и все истаравшанцы, знал кузнечное дело, а при случае мог и дом сложить из саманных кирпичей. Он был выше среднего роста, жилистый, с лицом, опалённым жарким солнцем. Ему шёл сороковой год, об этом говорили морщинки, разбегавшиеся от уголков глаз к вискам, и продольные складки на щеках.

Конечно, сорок лет уже немало, но возраста своего Ахмад Расулов не ощущал. Был подвижен и работал с удовольствием. Любил пошутить, ценил дружбу, и, если кому-то из соседей нужно было помочь, то никогда не отказывал. «Рука руку моет, - поговаривал он с улыбкой. – Как не помогать людям?! Сегодня ты кому-то нужен, а завтра тебе чьё-то содействие понадобится».

Плотницкой работы Ахмаду хватало, но председатель колхоза распорядился, чтобы все отправились на уборку урожая. Что ж, Ахмад не стал возражать. Колхоз потому и называется колхозом, что в нём всё общее, коллективное, и общий успех складывается из ударного труда каждого. Вот и стоял сейчас плотник на высокой лестнице-стремянке, рвал яблоки, осторожно складывал их в корзину, а потом опускал её на верёвке находившимся внизу женщинам, и те несли такие корзины к грузовикам, кузова которых уже были заполнены до верха бортов. Весь большой колхозный сад походил на конвейер, где каждый был занят своим делом.

Густая крона яблони надёжно укрывала Ахмада от прямых солнечных лучей, но кое-где они пробивались сквозь плотную листву и покалывали глаза золотистыми иголочками. День стоял безветренный, парило. По лицу стекали капли пота, и Ахмад то и дело смахивал их ладонью. Надоедливо звенели мухи, норовили сесть на потное лицо, и Ахмад встряхивал головой, прогоняя их.

- Наш Ахмадджон, как конь, мотает головой, - засмеялась работавшая внизу весёлая, разбитная вдова Сайёра. – Ахмад-ака, спускайся, мы тебя будем оберегать от мух.

На такие шутки плотник не откликался. Сайёра была красивой и свободной женщиной, её муж умер три года назад, в иных обстоятельствах Ахмад может быть и обратил бы на неё внимание. В иных, но не теперешних. Женой своей он был доволен и не остыл к ней сердцем, хотя и прожили они вместе почти два десятилетия. Конечно, Робия уже не та, что в молодости, возраст даёт о себе знать. Потолстела, нет прежней фигуры и черты лица стали грубее, но это если смотреть на неё обычными глазами. А если глядеть глазами того же сердца, как муж, то Робия ничуть не хуже своих сверстниц, иным молодкам даст фору. Трое детей у них. Сыновья – Сиявуш, недавно отметивший своё восемнадцатилетие, учится на юриста в Таджикском университете, в Сталинабаде, пятнадцатилетний Касым, школьник, и дочь Зулайхо, скоро ей исполнится тринадцать лет, учится в шестом классе. Жаловаться Ахмаду Расулову не на что: в доме достаток, жена работающая, всё домашнее хозяйство на ней, и дети послушные и старательные, что в школе, что у себя в подворье. Потому он и отмолчался на слова вдовы Сайёры, не стоило давать повод ни ей, ни другим женщинам. Истаравшан хоть и город, а все друг у

друга на виду, стоит только перемигнуться с той же Сайёрой, сразу всем всё станет известно, даже если ничего серьёзного и не было.

Сайёра ещё раз прошла по адресу сдержанного плотника, надеясь, что догадается он о её симпатии к нему, но, видя, что старания остаются безответными, подхватила тяжёлую корзину и ушла к грузовику. Там шофёр Хамид был и подогадливей, да и в семье у него не всё ладно было.

За работой время летит незаметно. Кажется, ещё недавно солнце выглянуло из-за кромки горизонта, а уже стоит прямо над головой. Уж на что, на что, а на обилие тепла и света истаравшанцам жаловаться не приходилось. Всё залито золотыми солнечными лучами, даже пробиваются они сквозь плотные кроны деревьев и, вроде монеток, рассыпались на слежавшейся земле.

«Обед! Обед!» - слышались крики, и все поспешили на зов. В страдную пору на полевых станах за счёт колхоза готовили плов, а что касается овощей и фруктов, то их, как говорится, ешь-не хочю. Колхоз имени Ленина был хозяйством богатым, многоотраслевым, и председатель Махмудов средств на питание колхозников не жалел. Полагал правильно: как человек поест, так и будет работать.

Ахмад Расулов направился к полевому стану на окраине Боги калона. Были полевые станы и поближе, но тот, который он облюбовал, казался ему самым удобным. И действительно, у большого хауза, водоёма, росли старые плакучие ивы, такие высокие и развесистые, что их ветви образовывали шатёр, в тени которого можно было укрыться от дневного зноя. По сторонам хауза были установлены широкие деревянные каты-кровати, устланные одеялами с валиками подушек. Так, полулёжа, и обедали. Под сенью ив разгуливал лёгкий ветерок, приятно овевая разгорячённые лица, морщил рябью зелёную воду хауза. Могучие корни деревьев выступала на берегах водоёма, и походили на крепкие, мозолистые ладони, которые, словно чаша, удерживали прохладную влагу.

Рабочие уже собрались на обед, не хватало только Ахмада Расулова. Пришёл и он. Умылся в хаузе и прилёг на одеяло. Тело гудело от усталости, и Ахмад закрыл глаза, погружаясь в дрему.

- Эй, не спи, - толкнул плотника пожилой Усмон. Он был соседом Ахмада, и у них сложились приятельские отношения, несмотря на разницу в возрасте.

Мальчишка принёс объёмистые деревянные блюда с ароматным, рассыпчатым пловом, потом чайники с зелёным чаем и пиалки, и расставил их на достархане. Усмон разломал лепёшки и разбросал куски по узорчатой ткани.

В жару есть особенно хотелось, но запах вкусной еды сделал своё дело. Сборщики принялись есть, нахваливая мастерство повара.

Подошёл председатель колхоза Махмудов. Сидевшие на кате уважительно подвинулись, освобождая место главе хозяйства. Махмудов, обходя полевые станы, там и там отведывал плова и потому наелся досыта. Сейчас пил только зелёный чай

и покачивал головой в такт своим мыслям. Сборщики ели молча, чтобы не мешать высоким думам уважаемого раиса, председателя, значит.

Изатулло Махмудов заговорил совсем не о том, чего от него ждали.

- Всё-таки хорошо у нас, - раис повёл рукой вокруг себя. – Простор, обилие зелени, хлопок в рост человека, а уж о фруктах и овощах и говорить нечего. Стада и отар не пересчитать, молока столько, что детские сады обеспечиваем им бесплатно. Великое дело – труд земледельца. Конечно, усилий требует немало, но зато и результат налицо.

- Это так, - согласились сборщики.

- Я как-то был в Сталинабаде, на заводе имени Орджоникидзе, - продолжал Махмудов. – Нужно было заказать для колхоза трубопроводную арматуру. Через вышестоящие организации долго и хлопотно, тонну бумаги исписать надо и ждать потом не один месяц. Решил попробовать напрямую. Зашёл к директору завода. Человек уважительный, с понятием. Договорились, мы ему овощей, фруктов и сухофруктов для рабочей столовой, а он нам задвижки для оросительной системы из, так называемой, неликвидной партии. Кому неликвидная, не всё соответствует стандарту, а нам в самый раз. Да что говорить, вы и сами всё помните...

Все закивали, соглашаясь с раисом.

- Так вот, - Махмудов помассировал кончиками пальцев виски, словно стремясь освежить память. – А потом я решил пройти по цехам, чтобы познакомиться с большим современным производством. Слов нет, участки просторные, под крышей большие застеклённые проёмы, так что света достаточно. Вентиляция работает, но шум, станки грохочут, воздух напитан гарью от электросварки. Нет, подумал я, ни за что не променяю жизнь земледельца на этот механический ад...

Слова раиса задела Ахмада Расулова. И хотя он был плотником, а не токарем или слесарем-сборщиком, всё равно ему стало обидно за рабочий класс.

- Кто-то и на заводе должен работать, – возразил он.- Готовить ту самую трубопроводную арматуру, да мало ли что ещё на селе требуется. Много бы мы наработали без техники и других промышленных изделий...

- Это так, - согласился раис, - Может, попади я молодым на завод, тоже смотрел бы на него другими глазами. А так все мои предки были крестьянами, и я тоже пошёл по их стопам, потому и дорожу нашей привольной жизнью.

Помолчали, продолжая, есть. Голод уже был утолён, но плов ещё оставался, и по обычаю нельзя было оставлять его на вместительном блюде.

Летний день одаривал людей своими щедротами: изобилием солнечного света, многоцветьем красок, зеленью различных оттенков – от бледного, размытого, до изумрудного, слепящего глаза. Рядом перепархивали индийские

скворцы, кричали, дрались, не обращая внимания на людей, знали, что их никто не тронет, и потому жили своей привычной жизнью.

Председатель неожиданно засмеялся. Все с интересом посмотрели на него, ожидая нового рассказа. Так оно и вышло.

- Неделю назад нас всех, председателей, собрали в колхозе имени Жданова в Пролетарском районе. Приехала японская делегация знакомиться с сельским хозяйством Ленинабадской области. В её составе и агрономы, и зоотехники. Были инженеры и предприниматели. Делегация большая, все классные специалисты. Показывали им, рассказывали, ни из чего не делали секрета. Не знаю, увидели они для себя что-нибудь полезное или нет. Но дело не в этом. Делегацию возглавлял пожилой японец, бизнесмен, сказали, что миллионер. Хоть и в возрасте, а подвижный, так и сыпал вопросами. Чувствуется, по-настоящему захвачен делом.

Ездили по полям да фермам до обеда, а потом направились передохнуть на такой вот полевой стан. Всем известно наше гостеприимство, а тут областное начальство превзошло само себя. Чего только ни было на достархане, даже птичье молоко достали. Всё самое лучшее, отборное. Плов готовил Саид-ошпаз, повар, а вы все знаете его умение. Шурпа, манту, самбуса. Арбузы сахарные, дыни, как мёд, а помидоры, а огурцы. А урюк и черешня.... Э, да что там говорить, - сам себя перебил Махмудов. – Гости наелись так, что дышать было трудно. Легли на одеяла и затихли. А миллионер сквозь дрему что-то бормочет. Мы спрашиваем переводчика, что он говорит? Тот заулыбался и перевёл: «Тошиба-сан сам себя укоряет. Только теперь, говорит, я понял – насколько неправильно жил. Не знал покоя, не отличал день от ночи, стал миллионером. И не заметил, как ушли молодость, а потом и зрелость. Вот так надо жить, как таджики: и работать могут, и отдыхать. Вон какую красоту создали своими руками. Брошу всё и останусь тут простым колхозником».

Раис рассмеялся, засмеялись и сборщики. Помолчали, наслаждаясь послеобеденным отдыхом.

Пожилой Усмон вздохнул.

- Наверное, даже японский бизнесмен не придумал бы – что делать с таким количеством овощей и фруктов, которые свалились нам на голову в этом сезоне. Может, как в армии, поступать...

Председатель вопросительно посмотрел на пожилого земледельца.

- А как поступали в армии?

- Там вместо чая давали компот из сухофруктов. И вкусно, и полезно.

Глаза председателя расширились. Сонное оцепенение разом покинуло его.

- Усмон-ака, ты даже сам не представляешь – какую ценную идею ты сейчас подал...

Пожилой Усмон приосанился, вскинул голову, придавая себе важность. Он ожидал, что сейчас раис растолкует пришедшую ему в голову идею, но Махмудов прыгнул с деревянной кровати, вбил ноги в брезентовые сапоги и поспешил к «газику», который ожидал его под громадным тополем.

- Что же это за идея? – удивлённо пробормотал Ахмад Расулов.

- Придёт время, узнаем, - рассудительно проговорил Абдуфаттох, лучший колхозный механизатор.

Время пришло через неделю. Собрание активистов колхоза назначили на десять часов вечера, чтобы не занимать рабочие часы. Сели на большой площадке хирмана, площадки для сушки хлопка, под ласково помигивающими звёздами. Дневной жар понемногу отступал, лёгкий ветерок играл плотной листвой деревьев. Фонари на столбах по краям хирмана рассеивали желтоватый свет.

Председатель колхоза сразу перешёл к сути дела.

- Мы искали способ, как собрать богатый урожай фруктов и сохранить его без потерь. А оказывается, решение, как говорится, лежало на поверхности. И хвала нашему уважаемому труженику Усмону-ака, он натолкнул нас на дельную мысль...

Услышав похвалу в свой адрес, сухощавый, седобородый Усмон вскинул голову и прогнул поясницу, чтобы сесть ровнее и показаться представительнее.

- А дельная мысль оказалась следующей, - Изатулло Махмудов окинул взглядом активистов колхоза, среди которых находился и плотник Ахмад Расулов. – Сухофрукты широко используются в армии. Из них варят компоты для солдат, и армия закупает эту продукцию тоннами. А у нас их тонны и есть. За эти дни наше областное руководство связалось с торговым представителем Таджикистана в Москве Солехом Хусаиновым и сообщило ему о богатом урожае фруктов в Ленинабадской области. Тот в свою очередь побывал в Наркомате обороны и предложил организовать регулярные поставки сухофруктов воинским частям. Военное ведомство проявило интерес к такому предложению. Нам, истаравшанцам, дано такое задание – срочно отправить в Москву сорок тонн сухофруктов для Московского областного гарнизона. Мы должны отобрать самое лучшее. Там оценят товарный вид и качество нашей продукции, и, если москвичей это устроит, то они будут регулярно закупать у нас сухофрукты. Таким образом, богатый урожай, который стал для нас чуть ли не бедствием, обернётся благом. Можем заработать большие деньги. Это и хозяйству большая выгода, и каждому из нас.

Изатулло Махмудов перевёл дыхание, вытер потный лоб большим цветным платком.

- С железной дорогой я тоже успел переговорить. Они нам через две недели выделят один грузовой вагон ёмкостью в шестьдесят тонн.

Ахмад Расулов недоумённо покачал головой.

- Так что же, вагон недогруженным пойдёт?

Раис усмехнулся и снисходительно посмотрел на плотника.

- Я потому и руковожу нашим хозяйством десять лет, что смотрю вперёд на десять шагов. Разве не под моим руководством колхоз получил имя великого Ленина и вышел в передовые?

Никто на это не возразил. Отдав должное своим организаторским способностям, Изатулло Махмудов ответил и на вопрос Расулова.

- Как я уже сказал, вагон шестидесятитонник. Сорок тонн – колхозной продукции. Остальные двадцать тонн наберём из личных подворий, кто сколько сдаст. Определим человека, который будет сопровождать вагон. Он запишет сданные сухофрукты, продаст их на рынке, а потом каждый из вас получит деньги, соответственно вашему товару. Всё ясно?

Оказалось, не всё.

- Кто будет сопровождать вагон? Не мало ли одного человека? Значит, сам он должен будет продавать сухофрукты? На каком рынке? А где будет хранить товар?

Изатулло Махмудов поднял руку, призывая активистов соблюдать тишину и спокойствие.

- Сейчас всё узнаете. Одного человека для сопровождения вагона будет достаточно. Железнодорожный состав повезёт в Москву ковры, шёлковые ткани, шерсть, хлопковое волокно, так что у состава будет своя сильная охрана. Наш торговый представитель в Москве сказал, что армейцы заберут свои сорок тон сухофруктов сразу же на товарном дворе. Для остальных двадцати тонн Хусаинов уже подобрал складское помещение. Его аренда будет стоить недорого. Часть отдадим деньгами, часть продукцией. Есть рабочие. О месте для торговли наш представитель тоже позаботился. Это Черкизовский рынок. Грузовик для перевозок на складе имеется, так что никаких проблем. Взвешивай сухофрукты и получай деньги. Впрочем, почему только сухофрукты? Отберём крепкие помидоры, огурцы, баклажаны, черешню, яблоки, персики... Всё не перечислишь. Ящики имеются, в дороге состав будет неделю. Товар не испортится.

По всему было видно, раис всё продумал основательно. Осталось неясным последнее: кто будет сопровождать вагон?

- Конечно же, наш завхоз Ульджабой, - подсказал Абдуфаттох – механизатор. – Кто лучше его справится с таким хлопотным делом? Он и организовать сможет и деньги сосчитает, не ошибётся.

-Это уж точно, - засмеялись колхозники. – И с нами за товар расплатится, и свой карман не обидит.

Эта реплика председателю колхоза не понравилась. Ульджабой приходился ему родственником. И если его обвиняют в плутовстве, стало быть, и сам раис не без греха. Так что ли получается?

Изатулло Махмудов обвёл сидящих активистов укоризненным взглядом.

- Я такие шутки не понимаю. До сих пор Ульджабой ни в каких злоупотреблениях не был замечен, и со своими обязанностями справляется прекрасно. Или у кого-то другое мнение?

Другое мнение у колхозников было, о плутовстве завхоза знали многие, но сейчас не время и не место было, чтобы выводить родственника раиса на чистую воду, потому собравшиеся отмолчались.

- Так-то лучше, - снисходительно заметил Изатулло Махмудов. – Только завхоз в Москву не поедет. Вы знаете, мы начали большое строительство: новый коровник, клуб, детский сад-ясли. Надо материалы завозить, с рабочими договариваться. Дел у завхоза сверхголова. Нужен другой человек – спокойный, ответственный, и не занятый на основном колхозном производстве. Не забывайте, скоро начнём сбор хлопка.

- Тогда Ахмада можно послать, - предложил пожилой Усмон. – Расулова, он как раз такой человек, о каком вы только что сказали, раис-ака. Не подведёт, и с делом справится.

- Верно. Именно так. Ахмад – стоящий человек. И, кроме того, плотник. Ящики починить, тару обновить, это он сможет. Золотые руки у него, - разом заговорили колхозные активисты.

Ахмад растерянно осмотрелся по сторонам. Его хлопали по плечу, подбадривали, шутили, что теперь он будет не усто Ахмад, мастер, значит, а Ахмад-тоджир, торгаш. Разбогатеет, из Москвы на своей машине приедет.

- В крайнем случае, осла купит, - пошутил поливальщик Рахматулло.

Все захохотали.

Ахмад Расулов покраснел. По своей натуре он был человеком скромным, не любил выделяться, а тут такое внимание. С одной стороны, конечно, интересно было бы побывать в Москве, а с другой стороны, шутка ли, шестьдесят тонн колхозного и личного товара. А вдруг что не так, за всю жизнь потом не расплатишься.

Председатель колхоза отыскал взглядом взволнованного плотника, ободряюще кивнул ему.

- Я тоже подумал о Расулове. Думаю, не ошибёмся, если доверим ему важное дело. Как ты, Ахмад, принимаешь наше предложение?

Ахмад Расулов поднялся на ноги.

«Может отказаться, пока не поздно?» - мелькнуло в голове, но на него смотрело столько глаз, ему улыбались, в него поверили. «А будь, что будет, - тут же возникла другая мысль.- Кто-то может, а я чем хуже?»

- Ну, если доверяете, - пробормотал он. – Тогда я, конечно, ...

Изатулло Махмудов облегчённо вздохнул.

- Вот и прекрасно. Завтра с утра зайдёшь в правление, обговорим все вопросы и начнём собирать товар.

Колхозные активисты расходились с собрания с гомоном, смехом и шутками. И только Ахмад Расулов был непривычно молчалив и сосредоточен. Таким он и оставался до самого дома. Не замечал бархатистую черноту ночи. Пепельную россыпь множества звёзд над головой, хоровод мошкары, вьющейся вокруг фонарей на столбах. Он словно предчувствовал, что с этого дня его жизнь потечёт совсем по другому руслу, и её привычный уклад сменится отчаянной борьбой за выживание. Но кто что может предугадать заранее в своей судьбе и заблаговременно принять меры, чтобы обезопасить себя от роковых случайностей? Ахмад Расулов, по крайней мере, этого не сумел.

Дома жене Ахмад ничего не сказал о предстоящей поездке. Всё произошло так неожиданно, что он сам ещё не верил в предстоящую перемену. Как решили, так могут и отменить. Спал плохо, ворочался с боку на бок, два раза вставал и пил степлившуюся воду.

- Отец, вы не заболели? – участливо спросила жена. Вместо ответа Ахмад тяжело вздохнул, лёг и с головой укрылся тонким одеялом.

Рассвет ещё только заявлял о себе побелевшей на востоке кромке неба, предутренней прохладой и гаснущими звёздами, а Ахмад Расулов был уже в правлении колхоза. Из руководства ещё никого не было. Посидел на скамейке у входа в двухэтажное здание правления, поговорил с колхозным сторожем, старым Нуриддином, в прошлом шофёром, а тут подошли раис с бухгалтером и экономистом. Прикинули, кто что должен делать, и работа закипела. На колхозном складе засыпали в джутовые мешки сухофрукты, сколачивали из дощечек ящики под свежие овощи и фрукты. Весовщик принимал у колхозников те же сухофрукты и солнечную продукцию из личных подворий, заносил фамилии в списки, которые росли на глазах. Триста килограммов своих сухофруктов сдал и сам Ахмад Расулов.

Легко сказать – собрать шестьдесят тонн продукции, которую предстояло везти в Москву? Придирчиво осматривали каждую пригоршню

сухофруктов, на первом месте стояло качество продукции. От него зависело – будет российская армия и дальше закупать у истаравшанцев плоды их садов и полей, или ограничится приёмкой одной партии? Как бы то ни было, но в двухнедельный срок уложились, собрали необходимое количество вкусно пахнущего груза.

В вагоне, который железная дорога выделила колхозу имени Ленина, Ахмад сколотил деревянный топчан для отдыха, оборудовал кухоньку, что ни говори, а в дороге есть-пить нужно, одной сухомяткой не обойдёшься. Предусмотрел и другие необходимые удобства.

Жене Ахмад Расулов так и не сообщил о важном колхозном задании. Так закрутился, что, как говорится, себя не помнил. Но жена в первый же день всё узнала от соседей. Помогала мужу собирать необходимое в дорогу, вздыхала и головой покачивала от избытка разнообразных чувств. За двадцать лет совместной жизни они впервые расставались на долгое время. Ни сам Ахмад не знал, ни кто другой не мог точно определить – сколько ему предстоит пробыть в Москве. Ориентировочно прикидывали месяц, а так, как выйдет. Может и меньше, если хорошо пойдёт торговля. Для такого громадного города, как Москва, двадцать тонн сухофруктов и прочей продукции, это вроде капли в море. «В несколько дней разберут», - авторитетно заверил седобородый Усман. Что ж. Ахмад Расулов не возражал и против такого срока. Посмотрит Москву, а там, если поездка будет удачной, ещё несколько раз придётся съездить.

Сыновья порадовались за отца. Старший, Сиявуш, юношеским баском заверил отца: пусть, мол, не беспокоится, он сам, братишка Касым и сестрёнка Зулайхо уже почти взрослые. И матери будут помогать, и всё домашнее хозяйство сохранят в полном порядке. Сам Ахмад не сомневался в этом. Дети выросли разумными и самостоятельными, хорошая опора будет им с женой в старости.

Две недели мелькнули, как один день. Пришёл в себя колхозный плотник лишь тогда, когда взревел гудок паровоза, состав дёрнулся, залязгал сцеплениями и медленно покотил по рельсам, постукивая на стыках. Ахмада провожали сам председатель колхоза, бухгалтер и председательский шофёр. С семьёй Ахмад простился дома. Сыновья хотели посмотреть, как отец отправится в дальний путь, но глава семейства запретил им это. Хоть и не так далеко пролегла железная дорога от их родного города, а всё равно тревожился бы, как сыновья доберутся до дома. И потом верно говорят: долгие проводы, лишние переживания.

Раис самолично осмотрел, как разложили груз в вагоне, как устроился в нём сопровождающий, и остался доволен. Всё было сделано по уму, тревожиться не о чем, а значит, предстоящее путешествие пройдёт без осложнений.

Вагон надёжно закрыли снаружи и опечатали. Хоть и усиленная охрана сопровождала состав, а всё равно в пути могут быть всякие случайности. Желающие поживиться чужим добром не переводились во все времена.

Мешки и ящики в вагоне были уложены до самого потолка. Свободного пространства оставалось мало. Свет проникал в вагон через небольшое зарешёченное окно, в вагоне царил полумрак. «Как в тюремной камере» - подумал Ахмад. Как часто потом вспоминалось ему это сравнение. Словно провёл репетицию перед тем, что предстояло ему пережить позднее. И хотя до той поры тюремных камер он не видел, почему-то ему на ум пришла именно эта мысль. Был в вагоне примус, на котором предстояло готовить еду, лампа, небольшой запас керосина и четыре алюминиевых молочных фляги с водой. До Москвы всего этого вполне должно было хватить.

Запертое помещение имело свои неудобства. Вентиляция отсутствовала, летнее солнце раскалило вагон, и Ахмад почувствовал, что задыхается. Горячий воздух вливался в гортань и сушил её, тело покрылось липким потом, пришлось скинуть с себя всю одежду, но и это не дало облегчения. Ночью Ахмад Расулов не спал ни минуты; всё та же изнуряющая духота, постель казалась горячей. Он мочил простыни водой, на одну ложился, а другой укрывался с головой. Но этой прохлады хватало на какие-то полчаса. Простыни высыхали, и было такое ощущение, словно укрываешься раскалённым листом жести.

Ахмад подтащил табуретку к стене вагона, встал на неё и ловил иссохшим ртом слабый поток свежего воздуха, струившегося в окно. Он подумал, что не выдержит предстоящего неделю путешествия в запертом вагоне, да и все свежие овощи и фрукты в ящиках тоже превратятся в раскисшее месиво.

Паровоз неумоимо тянул длинный состав, возвещал о себе хриплым гудком, вагон раскачивало, колёса выбивали ритм на стыках рельсов. Небо стало светлеть, и Ахмад с ужасом подумал, что скоро взойдёт солнце, и тогда его тесное укрытие станет подобно паровозной топке.

Но вот состав стал замедлять ход, звучно зашипел воздух в тормозах, вагоны сталкивались один о другой на сцепках. Поезд остановился. Послышались шаги чей-то говор, потом в дверь вагона, в котором находился Ахмад Расулов, постучали.

- Эй, посбон, караульный, значит, ты еще живой?

- Живой,- хотел откликнуться плотник, но из пересохшего горла вырвалось лишь сипение.

- Чего молчишь?

- Душно тут, - смог, наконец, проговорить Расулов.

- Какая умная голова догадалась запереть тебя в вагоне? – продолжал допытываться всё тот же звучный голос.

- Наш колхозный председатель, побоялся, что вагон могут в пути ограбить.

- Шутник! Мы вон какие товары везём и то не боимся, а он за сухой урюк беспокоится. Давай, мы откроем вагон, а то ты до Москвы в египетскую мумию превратишься.

По правде говоря, Ахмад не знал, что такое египетская мумия, а может и знал, да столько лет прошло с тех пор, как учил в школе историю древнего мира, все сведения о той поре выветрились из памяти. И так ему захотелось поскорее вырваться из душного пространства, что он едва не закричал от радости. Но чувство ответственности за порученный груз сказалось: - Там же пломба?

- Для нас это пустяк. Перед Москвой снова её повесим. Ну, так, как? Идёт?

- Идёт! – невольный узник откликнулся с такой радостью, что невидимый собеседник засмеялся.

Послышался лязг задвижки. А потом тяжёлая дверь вагона медленно поползла в сторону. Ахмада обдало утренней свежестью, всё пространство вокруг играло яркими красками. Внизу у вагона стояли двое мужчин в военной форме с карабинами на плечах. Один, примерно ровесник Ахмада, сухощавый. Загорелый, с полоской чёрных усов. Назвался капитаном. Второй – светловолосый, лет двадцати пяти, рядовой.

Ахмад предстал перед охранниками полуголый, с взъерошенными волосами, небритый, с опухшими глазами от бессонной ночи.

- Хорош, ничего не скажешь. У тебя такой вид, любой грабитель от испуга заикаться станет, – пошутил капитан. – Иди, Володя, - обратился он к напарнику, - на свой пост, а я тут с нашим коллегой потолкую.

Капитан ловко забрался в вагон и сел в дверном проёме.

- Садись, - он шлёпнул ладонью по доскам рядом с собой. Ахмад опустился на пол. – Давай знакомиться. Меня зовут Иззат Амонов, я начальник охраны состава. У меня двадцать гавриков в подчинении. А ты кто будешь?

Ахмад Расулов назвал, сказал, что и куда везёт.

- Ну и отлично, - заключил капитан. – Неделю соседями будем. Сейчас состав дальше пойдёт, до следующего полустанка четыре часа хода. Я с тобой

тут побуду. Давай, приводи себя в порядок, готовь завтрак. Я не ел, и тебе видно тоже было не до еды.

- Это верно, - согласился Ахмад.

Он вскипятил чайник на примусе, побрился, оделся и предстал перед начальником ВОХРа, военизированной охраны.

- Вот это другое дело, - одобрил тот. – А то я уже засомневался, подумал – бродяга в вагон забрался.

По репликам Иззата Амонова можно было догадаться, что он человек разговорчивый, любит пошутить и всегда в хорошем настроении.

Ахмад Расулов расстели достархан, поставил банку с мёдом, разломал лепёшку, достал из ящика виноград, пригоршню сухого урюка и вопросительно поглядел на капитана.

- Сойдёт, - одобрил тот. – В обед закусим поплотнее.

Пили чай, неспешно ели, вели тот разговор, который обычен для мужчин среднего возраста. Толковали о жизни, семьях, работе, о том, что удаётся, а что не так выходит, да не изменишь.

Состав дёрнулся и покатил дальше, постепенно набирая ход. Полустанок: побеленное здание вокзала, несколько глинобитных домишек, окружённых фруктовыми деревьями, остался позади. Вокруг тянулись хлопковые поля, окаймлённые порослью тутовника, вдалеке виднелись пирамидальные тополя, словно копья, вонзившиеся в небо, редкие строения.

Утро разгоралось, переливалось в день. Ахмад с любопытством смотрел на открывающиеся перед ним пейзажи. Выезжать ему приходилось редко, как-то побывал в Ташкенте, готовили там павильон на сельскохозяйственной выставке; правда, в Ленинабаде бывал часто, там жили родственники, но это не считается, не великий путь. А так всё время был занят работой, некогда было любоваться природой. Да и чем любоваться: поля, сады, бахча – всё привычное. А теперь эти привычные картины из вагона движущегося поезда смотрелись совсем по-иному, и он стал проникаться осознанием красоты родных мест.

- В Москве бывал до этого?- полюбопытствовал капитан.

Ахмад отрицательно покачал головой.

- Не приходилось. Я – колхозник, у нас из года в год одно занятие и одни места.

- Это так, - согласился капитан. – А я вот всё время на колёсах. Цыганская жизнь. Перевели на работу в управление, так, веришь ли, не смог находиться на одном месте. Не нужно, сказал, повышения в должности,

верните снова в поездную охрану. Так и катаюсь туда, сюда. Дети незаметно выросли, жена состарилась, и сам, вроде матёрого пса, сивым стал. Жизнь, она в юности струится плавно, как Сырдарья, и чем старше становишься, тем сильнее время убыстряет бег. Вроде вчера был молодым, а теперь зовут дядей, а скоро и дедушкой именовать начнут.

Иззат Амонов углубился в жизненную философию. Поскучнел, машинально поигрывая ремнём лежавшего рядом карабина.

- С женой чужими стали. И понятно, редко бываю дома. У сыновей своя жизнь, мало интересуются мною. Кого винить в этом, самого себя разве? Такovy, брат, издержки нашей профессии, да и вообще нашего мужского бытия...

Капитан замолчал, молчал и Ахмад Расулов. Был тот момент, когда между собеседниками устанавливается понимание, не требующее ни лишних слов, ни долгих рассуждений.

- В армии служил? – неожиданно спросил Иззат, видимо, желая сменить тему.

Ахмад не любил этот вопрос.

- Не пришлось, - неохотно ответил он. – Не взяли из-за плоскостопия.

Ему казалось, то, что он не побывал в рядах Красной Армии, все воспринимают, как мужскую неполноценность. Но капитан имел в виду другое.

- Армия даёт возможность посмотреть другие края, приобщиться к другому миру. Так, по крайней мере, произошло со мной. Ну, ничего, в Москве восполнишь упущенное.

У тебя нет излишков овощей, фруктов?

Ахмад кивнул.

- Немного есть. Взял. Я так и думал, что в пути придётся кого-то угощать. И в той Москве тоже. Да и самому нужно чет-то питаться. А ты почему спрашиваешь?

- У нас много консервов, макарон, круп разных, - пояснил Иззат Амонов. – С этим не бедствуем, а вот с дарами полей и садов хуже. Давай сделаем так: мы тебя обеспечиваем обедами, а ты нам помогаешь витаминами.

Предложение начальника поездного ВОХРа понравилось Ахмаду Расулову, оно снимало с его плеч большую заботу. Готовить еду он мог, но не любил это занятие.

На следующем полустанке он оделил охранников помидорами и огурцами, виноградом и персиками, а взамен получил наваристый суп из мясной тушёнки и миску макарон по-флотски. Так продолжалось до самой Москвы, и обе стороны были довольны гастрономической сделкой.

Скучать в пути колхозному плотнику не приходилось. С ним ехали то капитан Амонов, то охранники. Чаще всех навещал Ахмада молодой светловолосый Володя. Он тоже был из семьи колхозников. Служил в Сталинабаде в армии, понравилось ему в Таджикистане, так и остался в этой красивой и интересной республике. Родом был из Рязани, но навещать своих близких часто не удавалось. С Ахмадом говорил о колхозной жизни, сравнивал – какая она у него была, и какая у Расулова. Обоим это тема была интересна, и время в пути летело незаметно.

Было что посмотреть Ахмаду Расулову в дороге. Если Узбекистан многим напоминал таджикские пейзажи, то Казахстан отличался коренным образом. Беспредельные степные массивы простирались вдоль железнодорожного полотна. Селений было , мелькнёт какое у самого горизонта или выветится в ночи тусклыми огоньками, а так безлюдье и одноцветье, сплошные жёлтые тона. Блэкное, выцветшее от летнего зноя небо, и белёсый шар солнца над головой. Жара такая, что не спасал даже ветер, бьющий в лицо от быстрого движения состава. Горячий воздух сушил кожу лица, язык становился шершавым, как наждачная бумага, и только зелёным чаем спасался Ахмад Расулов от нестерпимой температуры, доходящей до пятидесяти градусов в тени. «Сырую воду не пей,- предупреждал его капитан Амонов. – Можешь тепловой удар получить, и живот так расстроишь, что в больницу можешь загреметь. Только зелёный чай...»

Ахмад и сам знал это, не новичок в жарком климате. Смотрел он на рыжую степь, царство пустоты и неистового солнца, и размышлял о неравновесии в мире. Где-то, как, например, в Таджикистане, горы теснили узкие полоски долин, не хватало земли при обилии рек и ледников. А тут земли немерено. Зато нет воды, оттого ни деревца, ни кустика. Одна сухая верблюжья колючка шелестит стеблями в потоках разогретого воздуха.

Миновали Казахстан, а когда пошла Российская территория, стало полегче. И днём не так жарко, и посмотреть есть на что. Перелески, возделанные поля, селения с садами и огородами, и людей полно, каждый занят своим делом.

2.

С любопытством смотрел Ахмад Расулов на другую жизнь, хотя, чем она была другой. Так же трудились земледельцы. Так же хлопотали с утра до вечера, кто на полях, кто на фермах, а кто на заводах и в учреждениях. Все добывали себе хлеб насущный, кто как мог, в зависимости от профессии и

учёности, и так же струилась у них жизнь, глубокая, как река, в молодости, и мелеющая в старости.

Когда Ахмад Расулов поделился своими размышлениями с Иззатом Амоновым, тот засмеялся.

- Видишь, что делает обилие впечатлений. Философствовать стал. Поглядим, как в Москве заговоришь.

Всего неделю ехал колхозный плотник в своём вагоне, а уже обвык и чувствовал себя занятым путешественником. Наладился быт. С питанием не было никаких проблем, и товар хорошо сохранился, жара его не испортила. Размякли и потекли один-два помидора, несколько персиков и виноградных кистей, выбросил Ахмад их из ящиков, вот и все потери.

До Москвы осталось ехать ночь, капитан Амонов предупредил Расулова.

- Я тебя закрою в вагоне и дверь опломбирую. Вроде ты так и ехал всю дорогу. А то мало ли что может сказать ваш торговый представитель. Ещё придерётся, мол, правила транспортировки не соблюдал.

- А ты и опломбировать дверь можешь? – удивился плотник.

Капитан сверкнул в улыбке белыми зубами.

- У нас всё нужное имеется, на то мы и поездная охрана.

Дверь вагона тяжело, с гулом закрылась, загремел запор. Ахмад Расулов очутился в темноте. Прилёг на топчан и задремал. Спал урывками, предстояла встреча с Москвой и начало его торговой деятельности. А кому неизвестно, что всякая новая полоса в жизни всегда сопровождается беспокойством и чувством зачастую ничем не обоснованной тревоги?!

Поезд то замедлял ход. То ускорял, иногда резко тормозил, и тогда вагоны колыхались и лязгали, пахло разогретым металлом и машинным маслом. Уже рассвело, мимо проплывали невысокие дома, перелески, шёл дождь, выбивал по железной крыше шелестящую мелодию.

Снова толчки, скрежет, и так довольно долгое время. Наконец, движение прекратилось. Залязгали запоры, вагонная дверь поехала в сторону. Ахмад Расулов выглянул. Вагон отцепили, он стоял в тупике, на запасном пути, прижавшись к бетонной платформе. У вагона стояли невысокий, полный майор, в плащ-палатке, накинутой на плечи, начальник поездной охраны Иззат Амонов, и сутуловатый, горбоносый старшина, явно из кавказцев.

Майор подал Ахмаду руку, тот помог ему забраться в вагон. Несмотря на малый рост, офицер был грузным, с заметно выступающим животом, возрастом годам к пятидесяти.

В вагоне майор осмотрелся, пнул сапогом стоявший рядом мешок с сушёным урюком.

- Так и ехал взаперти? – спросил майор.

Ахмад посмотрел на начальника ВОХРа, тот подмигнул ему и поднял большой палец вверх, что должно быть означало: «Держись бодрее, всё в порядке».

- Так и ехал, - согласился колхозный плотник.

- И как?

- Очень душно было, - пожаловался Ахмад. – И темно.

- Ничего, отдышишься, зато товар весь целый. Какие мешки и ящики наши?

Ахмад Расулов показал.

Майор развязал один из мешков, вынул сушёные дольки кураги и яблочек, пожевал, утвердительно качнул головой.

- Неплохо, вкус есть, хорошо высушили. А может это только сверху такие сухофрукты. А внизу всякой дряни натолкали?

Ахмад даже побагровел от негодования.

- Извините, товарищ майор, я не знаю, с какими поставщиками вы имели дело до сих пор, но мы, истаравшанцы, обманом не занимаемся. Не в нашей это натуре. И потом у нас такой богатый в этом сезоне урожай на все сельхозкультуры, что мы крайне заинтересованы в покупателях нашей продукции, а в таких случаях тем более не прибегают ко всяким подлогам.

Майор дружески ткнул истаравшанца кулаком в плечо.

- Ну-ну, оскорбился, - сказал он примирительно. – Верю, верю, не нервничай. Но и ты пойми меня. Я заместитель командира полка по тылу. Моя обязанность обеспечивать солдат самой лучшей провизией, а хитрецов у нас в торговле достаточно. Думают, если армия, то можно подсунуть всякую дрянь и сорвать побольше денег.

Майор посмотрел в открытую дверь вагона, досадливо покачал головой.

-Дождь некстати, промочит сухофрукты, они заплесневеют. И ждать нельзя, простой вагона дорого нам обойдётся. Попробуем изловчиться.

Хасиков, - окликнул он горбоносого старшину. – Давай машины и солдат.

- Есть! – козырнул тот и побежал вглубь перрона.

Послышался рёв мотора и громадный грузовик с кузовом, крытым тентом, подкатил к вагону. Развернулся и подъехал так, что задняя часть кузова упёрлась в проём открытой двери.

Солдаты встали в два ряда, и мешки, и ящики один за другим переходили из рук в руки, а затем укладывались в кузове в штабеля. И хотя солдаты работали споро, всё-таки сорок тонн – достаточно большой объём. И Ахмад подумал, что за оставшуюся половину дня военнотружущие не управятся.

Истаравшанец прижался к стенке вагона, чтобы не мешать солдатам. В щель между кузовом машины и дверным проёмом виднелась часть городского пейзажа, серое небо с медленно ползущими чёрными тучами, частая сетка дождя, похожая на штрихи, какие художники наносят на листки бумаги, чтобы создать необходимый фон.

« И это Москва, - разочарованно думал Ахмад Расулов. – У нас в Таджикистане в это время даже камни плавятся от жары, а тут холод, дождь и ни одного приличного здания». И тут же устыдился этой мысли. Каких красот можно ждать от окраины города, в тупике товарного двора, да ещё в ненастную погоду.

Нагруженная доверху машина отъехала, и тут же её место заняла другая. И снова солдаты, как муравьи, засуетились возле мешков и ящиков. Дождь почти не попадал на них, и майор довольно хмыкнул.

- Вот что значит точный расчёт. Сантиметр в сантиметр подогнали машину к вагону.

В ненастье темнеет быстро, синие сумерки напоззли на промокший город, кое-где в окнах домов показались жёлтые огни.

Майор озабоченно посмотрел на часы.

- Хорош на сегодня, - сказал он. – И так мы сделали больше, чем я рассчитывал. Завтра к обеду управимся.

Грузовик отъехал от вагона. Солдаты набились в кузов. Следом за ними запрыгнул туда и старшина.

- Извини, брат, – сказал майор, – но мы снова закроем тебя в вагоне. Сам понимаешь, товар дефицитный, мало ли что может быть. Народ в

Москве всякий, лучше подстраховаться. А снаружи вохровцы за вагоном присмотрят. Им всё равно состав охранять надо.

И Ахмад Расулов снова остался один в тёмном вагоне. Впрочем, его одиночество длилось недолго. Где-то через час дверь вагона с шумом откатилась в сторону и показался капитан Амонов.

- Скучаешь, земляк, - весело осведомился он. – Давай, готовься, ужинать будем.

Ужин был типично солдатским: гречневая каша с мясом, зато на фрукты для охранников Ахмад не поспешил.

Капитан извлёк из полевой сумки бутылку водки.

- Сегодня последний вечер, земляк, - пояснил он. – Нужно отметить наше знакомство. Хорошая была поездка, надеюсь, ты к нам не в претензии?

- Вот уж чего нет, – отозвался Ахмад. – Я вам благодарен за помощь. Без вас изжарился бы в вагоне, как мясо в нашей национальной печке.

Капитан засмеялся.

- Это верно, но мы – земляки, а иногда это ближе, чем родство.

Ахмад Расулов не пил, но на этот раз уклониться было невозможно, и сто граммов водки он выпил, как пьют горькое, но нужное лекарство.

За ужином с капитаном они просидели до полуночи, а потом Иззат Амонов ушёл к своим солдатам.

Ранним утром начальник ВОХРа закрыл вагон на задвижку, а часа через два снова появился майор с солдатами и машинами.

Разгрузка шла быстро, но Ахмад Расулов уже не следил за ней.

Капитан Амонов вызвал его из вагона. Рядом с ним стоял высокий, хорошо одетый мужчина средних лет. Его широкое лицо украшали тщательно подбритые усики. Смотрел он, слегка щурясь, словно старался получше взглядеться в тех, с кем имел дело.

- Знакомьтесь, - сказал Иззат Амонов. – Это наш торговый представитель Таджикистана в Москве, уважаемый Солех Хусаинов. А это истаравшанец Ахмад Расулов, доставивший сюда вагон с дарами полей и садов.

- Я в курсе дела, - отозвался торговый представитель. – Значит так, истаравшанец Расулов. После того, как армейцы заберут свой товар, маневровый поезд зацепит наш вагон и оттащит его к складам Черкизовского

рынка. Рабочие уже готовы. Там вагон разгрузят, сторожа имеются, хотя, конечно, за товаром вам присматривать придётся. У базара есть гостиница, место вам там заказано. Предоплату за услуги я сделал, а расчёт произведём тогда, когда вы распродадите вашу солнечную продукцию.

Вот вроде всё. Вопросы есть?

По манере говорить коротко и ясно, было понятно, что торговый представитель не привык расходовать время напрасно.

- Всё ясно, - отозвался Ахмад Расулов. – Только страшновато как-то.

Солех Хусаинов усмехнулся.

- Всякое новшество поначалу пугает. Ничего тут сложного нет, тем более, что я постоянно буду навещать вас, если что помогу советом и делом. Русские в таких случаях говорят: не боги горшки обжигают.

Ахмад Расулов чисто по-русски почесал пятернёй густоволосый затылок.

- Так-то оно так, - проговорил он. – Только те, кто обжигают горшки, сначала осваивают эту операцию, а потом уже пускают дело на поток. А меня сразу, как новорождённого щенка, бросили в водоём. Сможешь выплыть – хорошо, нет – сам виноват.

Солех Хусаинов снова усмехнулся. Видно такая у него была привычка.

- Ну, на щенка, дорогой товарищ, вы мало похожи. Я же сказал вам: будем помогать. Мне, как торговому представителю, важно, чтобы сельскохозяйственная продукция нашего Таджикистана имела постоянный сбыт. Это доход республики в целом, и заработок каждому, кто трудится в колхозах и совхозах. Потому ещё раз повторяю: буду помогать.

Ахмад вздохнул и пожал плечами.

- Готов ударно трудиться.

- Ну и отлично, - с этими словами Солех Хусаинов сел в легковушку, которая дожидалась его на платформе. Машина пыхнула дымком и стремительно покатила в сторону широкой городской магистрали.

В ту же минуту, словно по команде, к вагону приблизился маневровый паровоз, затормозил, но недостаточно, толкнул вагон так, что загремели ящики, а сам колхозный плотник едва устоял на ногах, ухватившись за дверной косяк. Сцепщик соединил вагон с паровозом, тот издал сиплый гудок и потащил вагон к Черкизовскому рынку.

Всё произошло так быстро, что Ахмад Расулов даже не успел попрощаться с начальником ВОХРа. Амонов махнул рукой и крикнул: - Счастливо! Дома увидимся!

Они обменялись адресами, и была надежда, что, действительно, продолжат знакомство. Только не получилось это у них, так уж позднее сложились обстоятельства.

До рынка ехали часа три. Паровоз на переездах сигналил, предупреждая о своём приближении. Город разрастался, появились многоэтажные дома, по тротуарам густыми толпами двигались пешеходы. Ненастье кончилось, солнце играло бликами на влажных кронах деревьев, отражалось в окнах домов. Исчезли серые и чёрные тона, многоцветье захлёстывало Москву. Ветер бил в лицо Ахмада Расулова, нёс с собой запахи трав, каких-то цветов, и всё это мешалось с гарью паровозного дыма. Особенно были красивы церкви с их причудливой архитектурой, а белоствольные берёзки походили на стройных девушек-подростков.

«Вот это да!» - раз за разом повторял Ахмад Расулов, не в силах оторвать глаз от разворачивающегося столичного великолепия.

Торговые склады Черкизовского рынка оказались громадными ангарами, в которые свободно въезжали составы. Маневровый паровоз втянул вагон в один из таких ангаров; стоявший у ворот человек в форме железнодорожника сверился со списком и крикнул машинисту: «Шестнадцатый».

Это оказался номер бокса, в котором предстояло поместить груз, прибывший из Таджикистана. Торговый представитель оказался человеком слова. Рабочие уже ждали у бокса. Их было десять человек. Разгрузка шла без промедлений. Ахмад Расулов должен был следить, чтобы ящики не ставили на мешки, а тару со свежими овощами и фруктами размещали ближе к дверям, ну и вообще, чтобы фактический счёт не расходился с реальным. В такой суматохе и толчее, и при довольно слабом освещении, запросто могли несколько мешков и ящиков уйти куда-нибудь в сторону. Но, как говорится, слава Богу, обошлось без происшествий, и не было необходимости кому-то предъявлять претензии.

Разгрузка шла до поздней ночи. Когда она закончилась, начальник смены, тот самый мужчина в железнодорожной форме, дал Расулову подписать документ, из содержания которого явствовало, что сопровождающий груз бокс принял, и товар размещён в нём, согласно установленным правилам. После этого металлические двери бокса закрыли на два замка, внутренний и навесной, а ключи вручили Ахмаду Расулову.

- Утром в семь часов тут тебя будет ждать машина, - предупредил Ахмада начальник смены. – Погрузишь первую партию товара, и тебя отвезут

в ларёк, где будешь торговать. Смотри, не проспай, у нас с твоим Таджикистаном разница во времени.

- И верно, - спохватился Ахмад. Он сверил свои часы с часами начальника смены и поставил их по московскому времени.

- А где у вас тут гостиница? – спросил он железнодорожника. – Там для меня место забронировали.

- Выйдешь из бокса и направо, - ответил тот, сопровождая слова указательным жестом руки.

- А не поздно? Уже стемнело.

- У нас тут всё круглосуточное. Не бойсь, примут, как родного.

Приняли, может и не совсем, как родного, но, по крайней мере, никаких препятствий не чинили. Рыночная гостиница оказалась четырёхэтажным зданием. Даже в темноте было видно, что оно нуждается в ремонте, до которого, наверное, у его хозяев руки не доходили. Пожилая администратор, с усталым, помятым лицом, сверилась по списку, нашла фамилию Расулова и сказала: «Номер двадцать семь, на втором этаже».

- А ключ? – спросил Ахмад.

- Это четырёхместный номер. Ваши соседи уже там. А вообще-то ключ находится у дежурной по этажу.

Вещей у Ахмада было немного. Всего лишь потёртый чемодан, в котором разместились бельё, полотенце и кое-что из одежды.

Дежурная, девица с крашеными перекисью волосами и яркой помадой на губах, окинула нового жильца заинтересованным взглядом. Взяла листок с направлением, прочитала фамилию.

- Откуда к нам?

- Из Таджикистана, - хмуро ответил Ахмад. Он сильно утомился за минувший день, и менее всего был расположен к полуночной беседе.

- Всё азиаты да Кавказ, - вздохнула дежурная и махнула рукой. – Туда, по коридору. Там же все удобства, туалет и душ. Если хотите поужинать, в конце коридора буфет.

Ахмад кивнул и побрёл в указанном направлении. Усталость разом навалилась на него, хотелось скорее лечь в постель и уснуть. Слишком много было впечатлений за поездку, и в первые московские дни.

В номере было темно. Три койки заняты, а одна у самой двери свободная. На неё и улёгся колхозный плотник, вытянул ноги и закрыл глаза.

Но, как ни хотелось спать, а сон долго не приходил к нему. Кто-то из соседей свирепо храпел, по потолку скользили световые полосы от фар проезжавших рядом с гостиницей машин. По коридору ходили, где-то хлопала дверь, кого-то звала дежурная по этажу.

В номере было светло, когда Ахмад проснулся. Он испуганно взглянул на часы. Стрелки показывали шесть часов. Его соседи уже встали, одевались, негромко переговаривались. Двое, один постарше, другой помоложе, по виду были кавказцами, третий, не понятной национальности.

- Здравствуй, дорогой, - сказал старший кавказец. – Ташкент, да?

- Таджикистан, - ответил Ахмад.

- Тоже неплохо, - одобрил кавказец. – Теперь у нас тут полный интернационал. Азербайджанцы, молдаванин и таджик. Как говорил Карл Маркс: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» Вот мы и соединились. Какой товар привёз?

- Сухофрукты, помидоры, огурцы, яблоки. Ещё кое-что.

- Молодец, дорогой. Качество хорошее? Товар в дороге не испортился?

- Нет, всё в порядке.

- Хороший хозяин. Сколько товара?

- Двадцать тонн.

Кавказцы переговорили о чём-то между собой на своём языке. Самое интересное, что Ахмад их понял. Азербайджанский язык походил на узбекский, а узбекским Расулов владел свободно. Говорили кавказцы следующее: двадцать тонн для нас много. Но половину можно взять, только цену надо сбить. Скажем, что оптом будет вполтину дешевле.

Ахмаду стало весело, но он не подал вида, что понял, о чём толковали соседи по номеру, быстро одевался. Торопился, нужно было умыться и позавтракать в буфете. До семи часов времени было немного и опаздывать не хотелось.

- Слушай, дорогой брат, - сказал старший кавказец. – Если товар хороший, половину у тебя возьмём. Мы тут постоянно торгуем и живём, а тебе, наверное, скорей домой надо. Ведь надо, да? Жена ждёт, дети ждут, на работе беспокоятся...

- Это так, - согласился Расулов.

- Вот видишь, как повезло тебе. Мы – люди отзывчивые, дай, думаем, поможем хорошему человеку, пусть от этого нам даже выгоды не будет.

Десять тонн нам, остальное понемножку сам продашь. Посмотрим товар, оценим, заплатим наличными. По рукам?

- И сколько это будет? – поинтересовался Ахмад. Он искоса посмотрел на молдаванина, тот едва заметно покачал головой, не соглашаясь, мол.

Старший кавказец сделал вид, что обиделся.

- Зачем сколько? Сперва договор, потом деньги. Оптом закупаем, конечно, чуть-чуть меньше будет, чем в розницу, но зато быстро и без хлопот. Договорились?

- Пока ничего определённого сказать не могу, – твёрдо ответил Ахмад. – Понимаете, товар не мой. Мне его дали колхозники, каждый, сколько мог, и я должен вернуть им деньгами. Занижать цену будет не по совести.

- Вах, откуда они могут знать, сколько продал, за сколько продал? – удивился молодой кавказец.

- Но я-то знаю. Поэтому сделаем так: я поспрашиваю на рынке, сколько какой товар стоит, а потом поговорим об оптовой закупке, – заключил Ахмад Расулов.

- Обидел ты нас. Не поверил нам. Плохими соседями будем, – старший кавказец вышел из номера. За ним последовал молодой.

- Правильно сказал, – одобрил Расулова молдаванин. – Будь осторожен с этими торгашами. Обманут, и ничего не докажешь. Вся милиция у них схвачена.

- Как это? – не понял Ахмад.

- Делятся с милицией, а та их покрывает.

- Вон оно что.

К своему боксу Ахмад пришёл вовремя, но ни рабочих, ни машины ещё не было. Спросил у сторожа. старика в ватной телогрейке, на лице которого проглядывали красные прожилки, явное свидетельство тесной дружбы со спиртными напитками, когда будут грузчики. Сторож усмехнулся, прищурил выцветшие глаза.

- У них настроения нет, спозаранку приходиться.

- Это почему? – удивился Ахмад Расулов.

- Нужно было пообещать подогреть их, а ты этого не сделал. А ведь известно: рыбка посуху не ходит.

Ахмад непонятливо уставился на сторожа.

- Надо было им пару бутылок поставить и закусь какую. У тебя её вон сколько. Ну и мне стаканчик, сам видишь, твой бокс в целости и сохранности.

Откуда было знать колхозному плотнику из Таджикистана московские торговые порядки?!

- Вон оно что, - протянул Ахмад, прозревая.

- А ты как думал, - старик хитро подмигнул ему. – Жидкая валюта кого хочешь шевелиться заставит.

- Вон оно что, - ещё раз повторил Ахмад. – И сколько нужно подогрева?

- Сколько, нисколько, а литр с утра – это закон.

- Где же я столько денег наберу? – удивился Расулов.

Старик поглядел на него, как на несмышлёного подростка.

- А с торговли. Ты ж ведь продавать будешь. В торговле, брат ты мой, если с умом действовать, большие барыши иметь будешь.

Ни о самой торговле, ни о барышах с неё Ахмад и понятия не имел, но со сторожем продолжать беседу не хотелось. Сам плотник не пил, и не переносил даже запаха спиртного, а от сторожа несло, как от винного ларька. Да и рабочие уже показались, шли они неспешно, хмурые, вид помятый, будто не раздевались на ночь, да и провели её где-нибудь на садовой скамейке.

- Мужики, время уже, - не выдержал Ахмад.

Бригадир, мужчина, повыше и покрепче остальных, буркнул: - До вечера ещё далеко.

Ахмад вздохнул, вытащил деньги из кармана.

- Литр за мной и закуску приготовлю. Только давайте побыстрее.

Бригадир одобрительно крякнул.

- Это по-нашему. Давай червонец.

Вытащил десятирублёвку из стопки денег в руках Ахмада.

- Трофим, давай-ка в распивочную, сообрази. Да свистни шофёру, пусть подъезжает.

Грузовик подъехал. Шофёр, небритый мужик, с опухшим лицом, неопределённого возраста, подогнал машину к дверям бокса, открыл задний борт машины.

- Давай, славяне, карета подана.

Ахмад ещё с вечера приготовил десять ящичков с помидорами, столько же с огурцами, по пять ящичков яблок, груш и слив, два мешка сухофруктов. Он не знал, как будут брать москвичи его товар, и взял это количество наугад, на пробу.

Грузчики быстро разместили ящички и мешки в кузове.

Бригадир распорядился шофёру: - Петро, отвезёшь его к Ульяне, в точку на тридцатом ряду.

- Найдём, дело известное, - буркнул шофёр, - только мою долю не зажильте.

Бригадир почесал жилистую шею.

- Будь спок.

Ахмад выдал грузчикам помидоров и огурцов на закуску, добавил пару головок чеснока.

- Хлеб сами возьмёте.

- Это имеется, - успокоил его бригадир. – Слышь, хозяин, с утра гарантируешь нам подогрев? Тогда никаких простоев не будет.

Признаться, Ахмаду Расулову не очень хотелось идти на такой договор, но он уже стал прозревать, что тут порядки иные. Будешь упорствовать, ещё больше потеряешь.

- Ладно, - хмуро ответил он, закрыл бокс и пошёл к машине. Сел в кабину и поехали на тридцатый ряд, к неизвестной Ульяне.

Черкизовский рынок поразил колхозного плотника. Он казался нескончаемым, крытые ряды разбегались во все стороны. Торговали всем, что только можно было вообразить, и даже тем, о чём не было представления. Шёл только восьмой час, а покупатели валили толпами. Крики, шум, сигналы машин сливались в оглушающий набор звуков.

«Вот это да!» - вслух изумился Ахмад. Он думал, что таджикские базары большие, скажем худжандский рынок, но тут они не заняли бы и одного ряда.

Небритый шофёр проворно крутил баранку, сигналил, орал на тележечников, преграждавших ему путь, и был на рынке, как рыба в воде.

- Государство в государстве, - сказал он Ахмаду и проявил недюжинную эрудицию. – Как Ватикан в Италии. Тут не зевай, моментально карман очистят и с живого семь шкур снимут. Ну, Ульяна – баба толковая. Она тебя враз в ум введёт.

- А кто эта Ульяна? – любопытствовал Ахмад.

Пётр засмеялся.

- Увидишь, узнаешь. Узнаешь, полюбишь. Торговка здешняя, все правила напрожог знает. С собой ничего, и до мужиков охочая. Но не вредная, можно с ней ладить.

Точка на тридцатом ряду оказалась вместительным ларьком на два продавца. Пётр подъехал с задней стороны, где имелось что-то вроде складского помещения. Спереди у ларька был прилавок, на котором стояли двое весов. Закрывался ларёк металлическими створками, расходящимися в стороны.

Пётр заглушил двигатель, хрипло закричал: - Хозяйка, принимай напарника!

Ульяна оказалась очень полной, светловолосой женщиной, с голубыми глазами. Ей было лет за тридцать, волосы завиты и облачком окружали голову. Несмотря на лето, Ульяна была в меховой безрукавке, объёмистую талию охватывали тесёмки передника.

Она с интересом осмотрела Ахмада.

- Здравствуйте, сосед. Ко мне на выучку вас определили? Что ж, будем знакомы. Будете человеком, со мной уживётесь. Как имечко-то?

Она подала Ахмаду руку. Он назвался, осторожно пожал пухлую пятерню женщины.

- Не обижай его, Ульяна. Он – мужик худощавый. Ты его скоро в скелет превратишь, - заржал водитель.

Ульяна замахнулась на него тряпкой, которую держала в руке.

- Тебе бы только твои жеребьячи шутки. Ничего другого на уме нет.

- А то, - развеселился Пётр. – Ну, давайте, скидывайте товар, у меня с утра клиентов не перечесть.

Ульяна скрылась в проходе между ларьками и тут же вернулась с тремя неряшливыми мужиками, по виду явными бродягами.

- Ну-ка, за работу, лодыри, - распорядилась она. – Гляди, Ахмад, куда что ставить.

В задней части ларька было не очень просторно, там уже стояли мешки, ящики с морковью, редькой и капустой. Ахмад складывал свой товар в штабеля, прикидывая, что в первую очередь понадобится, что во вторую.

Бродяги закончили разгрузку. Пётр запрыгнул в кабину, махнул рукой в знак прощания, газанул и скрылся в извилистом проезде между ларьками. Грузчики вопросительно уставились на Расулова.

- Сколько? – спросил он у Ульяны.

- Червонец на всех. Им под завязку хватит.

Ахмад Расулов вроде неплохо знал русский язык, но говор москвичей был ему не понятен, словно общался с иностранцами. Например, что значит – под завязку?

Ульяна щёлкнула себя пальцем по горлу и пояснила: - Это значит, зальют за воротник и до вечера не просохнут.

«Ещё лучше», - подумал Ахмад, но переспрашивать не стал, рискуя услышать что-нибудь ещё более мудрёное.

- Раньше торговать приходилось? – спросила Ульяна.

Ахмад отрицательно помотал головой.

- Я плотник. Просто на этот раз вышло так, что больше послать было некого.

- То-то ваш торговый представитель просил меня помочь тебе.

Расулов изумился.

- Хусаинов просил?

- Он самый.

- Но ведь... - Ахмад хотел сказать, что может быть общего между такой величиной, как торговый представитель целой республики и обыкновенной торговкой с рынка, но сдержался. Впрочем, Ульяна поняла его и без слов.

- Торговля – это такое дело, что пути в ней разных людей пересекаются. Пересеклись и наши.

Сказав это, Ульяна замолчала. Ахмад понял, что дальше говорить на эту тему бесполезно.

- Ну, давай, показывай свой товар, - распорядилась продавщица. – Поглядим количество, качество, определим цену.

Осмотрела ящики, мешки, села на скамейку, хлопнула по ней ладонью, приглашая Ахмада сесть рядом.

- Товар неплохой. Я уже наметила, что в первую очередь продавать надо, а что ещё подождать может. Сейчас на прилавке разложим образцы, напишем ценники, и начнём торговлю.

Так и сделали. Ульяна показала Ахмаду как пользоваться весами, посоветовала приготовить мелкие деньги для сдачи, и подтолкнула истаравшанца в плечо, вперёд, мол.

- А чем ты торгуешь? – только и успел поинтересоваться Ахмад.

- А всем, чем хочешь, - откликнулась женщина. – Тут недалеко городишко есть – Лыткарино. Там у меня домик-развалюха, небольшой огород, десяток деревьев в саду. С них и торгую, но это какой торг – слёзы одни. А так дачники свой товар подкидывают, из Подмосковья. Люди большие, при должностях, самим зазорно стоять за прилавком, вот они меня и приспособили для дела. С выручки беру свой процент. Конечно, деньги невеликие, но концы с концами сводить можно. Я ведь одна тяну дом, без мужика. Спился он совсем, я его и выгнала. Бродяжит где-то, живу с матерью да дочь подрастает...

Ульяна ещё долго бы могла откровенничать с понравившимся ей серьёзным мужчиной. Симпатичный, не бездельник, и, что самое удивительное, день в разгаре, а от него спиртным не пахнет. Но у прилавка собрались уже покупатели, и какая-то нетерпеливая женщина крикнула: «Эй, где вы? Торгуете или нет?»

Ахмад и Ульяна встали у прилавка. У неё были картошка, морковь, репа, огородная зелень, в молочных флягах – золотистый тягучий мёд.

Истаравшанец, как ни старался, а торговал из рук вон плохо. Долго взвешивал помидоры, огурцы и урюк, путался в деньгах, когда отсчитывал сдачу. Пару раз давал лишнее, ему с насмешками возвращали.

- Так ты, милоч, проторгуешься, - заметил ему бородатый мужик с клетчатой сумкой в руках.

Ахмад даже вспотел от напряжения, на спине и подмышками проступили мокрые пятна.

Ульяна торговала бойко, переговаривалась с покупателями, а сама краем глаза наблюдала за своим напарником.

Наконец, товар у Ахмада кончился. Он перевёл дыхание и повалился на скамейку. Голова кружилась, поташнивало. Подумал, что легче весь день работать на солнце где-нибудь на стройке, чем вот так несколько часов в ларьке.

Очередь рассеялась. Ульяна присела рядом с Ахмадом, сочувственно поглядела на него.

- Тяжко?

- Очень, - признался Ахмад.

- А как же я весь день тут с утра до вечера, из месяца в месяц?

- Не знаю, - Ахмад даже передёрнулся от мысли, что может надолго застрять в этом ларьке.

- Хватит отдыхать, давай я тебя учить буду, - Ульяна толкнула истаравшанца в плечо. Он открыл глаза и устремил на неё осоловевший взгляд.

- Чему тут учиться?

Глаза женщины расширились и стали походить на бледно-голубые шарики.

- Ты думаешь, три часа попарился и всё узнал? Э, милый, торговля – серьёзная наука, люди институты заканчивают, а за прилавком стоять не умеют.

Во-первых, ты стараешься взвешивать товар грамм в грамм, а этого как раз делать не следует.

- А как же иначе? – удивился Ахмад. – Ведь мне за него деньги платят.

- И пусть платят. Честно взвешивать, ты враз в убытке останешься.

Ахмад непонимающе смотрел на разгорячившуюся женщину.

- Вот смотри, - Ульяна загнула на руке один палец. – Грузчиков утром ты должен подогревать, чтобы они приходили вовремя и работали без простоев?

Ахмад кивнул.

- Придётся.

- Так, дальше, - Ульяна загнула второй палец. – Тут бродягам нужно червонец кинуть, чтобы они твои ящики да мешки перетащили в ларёк? Или ты сам будешь это делать?

- Буду платить, - согласился истаравшанец.

- Санитарные инспекторы почти каждую неделю ходят, им тоже на лапу нужно дать, а то придерутся и быстренько точку прикроют. Будешь кидать?

- Ну, раз ты говоришь, - пробормотал Ахмад.

- Прекрасно. Участковый Макаров тоже жить хочет. От милиции многое в нашем деле зависит, его никак нельзя обижать. Много-немного, а четвертак положи, да ещё продуктов в сумку отсыпь.

А пожарный надзор, а служители рынка – уборщики всякие, а контролёры из районного Управления торговли... Кроме того, - Ульяна

понижила голос и склонилась поближе к Ахмаду. – Москва – город бандитский. Каждая группировка свой район пасёт. Ей тоже доля полагается. Не дашь, в лучшем случае оболъют товар керосином, а то могут так избить, что инвалидом на всю жизнь останешься.

Теперь у Ахмада глаза расширились до предела. Торговая грамота, которой делилась с ним миловидная пухлая женщина, не укладывалась в сознании простодушного истаравшанца. Он оторопел и только следил за пальцами, которые загибалась Ульяна.

- Где же я столько денег возьму? – ужаснулся он. Только теперь Ахмад стал понимать – насколько не своим делом он занялся. Голова шла кругом, и первым побуждением было – бросить всё и вернуться домой. Но двадцать тонн овощей и фруктов не бросишь, надо возвращать деньги землякам.

- У тех же покупателей, - пояснила Ульяна. – Торгуй с умом, все довольны будут, и сам с барышами останешься. Завтра покажу тебе, что нужно делать.

И показала. Стрелка весов колебалась и не доходила до нужной черты, продавщица подталкивала чашу пальцем и объявляла: «Килограмм» или «Два», словом, сколько просили. Сдачу недодавала, поясняла, что нет мелочи. Торопила покупателей, сердилась, что задерживают очередь, и те отходили от прилавка, забывая на нём монеты. Ахмад отодвигал в сторону слегка помятые или недозрелые помидоры, Ульяна, напротив, подкладывала их к хорошим, и всё это с шутками, с комплиментами, чтобы отвлечь внимание покупателей.

Работа этой разбитной, ловкой женщины походила на действия фокусника на арене. За нею невозможно было уследить, и потому невозможно было уличить в обмане.

Половина дня пролетела стремительно. Ларёк закрыли на обед. На тележках развозили еду в кастрюльках. Взяли по тарелке борща, жареное мясо с картошкой и по бутылке клюквенного сока.

- Ну, что скажешь? – осведомилась Ульяна.

Ахмад, поражённый до глубины души, только помотал головой и признался: - Здорово, но я так не смогу.

- Сможешь, да ещё и как, - успокоила его женщина. – Через месяц ловчей меня будешь. Пока присматривайся да подтаскивай товар к прилавку, а торговать буду я сама. С прибытка сочтёмся. Лады?

Это Ахмада устраивало, и он торопливо согласился. Обманывать он не умел, всю жизнь трудился честно, и вдруг его моральные принципы оказались неверными. С этим трудно было примириться, и он был рад, что бойкая женщина возьмёт на себя все теневые стороны торговли.

Теперь утром, в начале седьмого часа, он уже был в ларьке. Ульяна появлялась ещё раньше него и начиналась битва с покупателями. Это была действительно битва, поскольку одна сторона хотела получить товар получше, а заплатить подешевле, а другая – всучить товар похуже и получить за него побольше.

Ахмад поражался энергии и предприимчивости Ульяны. Сам он к концу дня совершенно выбивался из сил, хотя всю жизнь занимался физическим трудом и отдыхал редко. Она же была готова торговать день и ночь. Ассортимент продукции у неё постоянно менялся. Дачники ей привозили то фрукты и ягоды, то сало, копчёных кур, грибы, квашеную капусту и многое другое, и Ахмад всё это перегружал из холодильника в холодильник.

Он убедился на практике – как много денег уходило на сторону. Каждый день являлись с проверкой члены всяких комиссий, отделов, ведомств. Держались надменно, начальственно, с таким видом, словно нисходили с высот до простых смертных. Ульяна встречала их радостными возгласами, смехом и шутками, и те, подобрев, уходили со своей долей в кармане и объёмистым пакетом в руках. Частым гостем был и участковый инспектор милиции, старший лейтенант Макаров, грузный, с красным лицом, в потёртом мундире, сидящем на нём в обтяжку. Макаров заходил в ларёк, садился на скамейку, отдуваясь и широко расставив ноги в давно нечищенных сапогах. В любую погоду он обильно потел и вытирал лицо и голову большим клетчатым платком.

Для участкового Ульяна держала бутылку водки. Быстро наливала полный стакан. На закуску шли квашеная капуста, грибки, полоска сала с ржаным хлебом. Вроде незаметно продавщица совала в карман Макарову положенную купюру. Тот благодушно оглядывал продавцов, шурил мутные глаза и громко произносил: «Благодарствую за угощение. Если что, я всегда...» после чего поднимался и уходил, так и не договорив, что именно «Я всегда...»

Заглядывали какие-то неясные личности, осматривались по сторонам, говорили вполголоса, в их речи звучали такие слова, которые Ахмад не понимал совершенно. С такими Ульяна вела беседы, выходя из ларька, а когда возвращалась, то всегда облегчённо вздыхала.

«Блатные, - пояснила она как-то своему напарнику. – С ними ухо нужно остро держать и не класть им пальцы в рот. Мигом откусят». Понятное дело, что смысл этой фразы не уложился в сознании истаравшанца.

Ахмад Расулов убедился, что честно торгуя, быстро прогоришь, но искусство обвешивать и обсчитывать ему не давалось. Так они и продолжали трудиться: он в роли подсобного рабочего, а бойкая и разбитная женщина крутилась за прилавком за двоих.

Иногда, правда, не часто в лавке появлялся торговый представитель Солах Хусаинов. Кивал головой Ахмаду, осведомлялся – как дела? Расулов пожимал плечами, отговаривался, что торгуем, мол, и добавлял, что скорее бы домой.

Самое интересное, что и у Хусаинова были какие-то дела с Ульяной. Они обменивались малопонятными фразами, то он совал продавщице пачку денег, то она ему, но что это значило, Ахмаду они не спешили докладывать.

3.

Ульяна продолжала учить истаравшанца московской жизни. Как-то он ей пожаловался, что азербайджанцы в гостинице надоели ему. По-прежнему настаивали на оптовой продаже им половины товара, Ахмад отказывал, тогда они делали вид, что смертельно обижаются, упрекали истаравшанца, что он – плохой мусульманин, не желает ни в чём идти навстречу единоверцам.

Как-то раз старший кавказец поинтересовался у Расулова – выручка есть? Не так, чтобы очень, отговорился истаравшанец, не желая посвящать постороннего в свои секреты. А где хранишь, продолжал интересоваться азербайджанец. Не скажешь же ему, что большую часть денег Ахмад передавал торговому представителю, а кое-что оставалось у них с Ульяной для осуществления теневых операций, везде сопутствующих торговле. В Сбербанке, коротко ответил Ахмад. Там надёжно и проценты идут.

Старшего кавказца, словно током поразило. Он сел на койку к Расулову, схватил его за руку и стал трясти. Слушай, кричал он. Зачем ты такой глупый? Зачем Сбербанк, самое ненадёжное место. Нам давай, мы с Гасаном, азербайджанец кивком головы указал на младшего кавказца, твои деньги в оборот пустим. Через полгода в два раза больше получишь. Давай деньги сюда, дорогой брат, зачем долго думаешь...

Пришлось пообещать, что как только соберётся хорошая сумма, так сразу Ахмад передаст её предприимчивым кавказцам.

Ульяна укоризненно покачала головой.

- Давно бы сообщил, давно бы всё наладили. Я всё хотела тебе сказать, неправильно ты наладил свой быт, зря тратишь много денег. Зачем тебе эта гостиница? Дорогая и буфет там такой, что разориться можно.

- А где ночевать? – задал Ахмад резонный вопрос.

Ульяна подумала.

- Значит так, на ночлег определим тебя к Нинке-Коню. Там можно плотно и дёшево завтракать. Рядом булочная, свежий хлеб, горячие булочки и пирожки, чай и кофе. Чего, спрашивается ещё надо? Обедаем тут, а на вечер будем тебе прикупать колбаски, сыра, ну ещё чего захочешь. Вот увидишь,

какая экономия получится, и никакие кавказцы тебя доставать не будут. У Коня холодильник есть, и сама она деваха что надо.

Ахмад даже рот открыл от удивления.

- Какой конь? Ни одного коня я на Черкизовском рынке не видел.

Ульяна от души расхохоталась, показав два ряда крупных, белых зубов.

- Ой, умора! И я тоже не могла толком объяснить. Это подруга моя, её прозвали Конём. Ну да ты сам всё увидишь. Она тут, через два ряда работает. У неё свой небольшой косметический салон, и массажная есть. Рядом комната отдыха. Там диван, шкаф, холодильник, посуда всякая есть. Нинке в салон сторож нужен. Сколько ни нанимала, все алкаши. Пьянки там устраивают, все помещения изгадят, она их и выгоняет. Ты ей как раз подойдёшь: непьющий, нестарый, видный собой мужик. Будешь сторожить её салон, и ночевать в комнате отдыха. Платить она тебе не будет, зато будешь устроен, как человек. Только смотри, Нинка – баба влюбчивая, чтобы ты с ней никакие шуры-муры не затевал. Враз с тобой разлетимся, ты не смотри, что я всё время улыбаюсь, я, знаешь, какая ревнивая.

«Этого мне ещё не хватало», - подумал про себя Ахмад, но ничего не сказал, а только вздохнул.

Признаться, он был благодарен Ульяне за содействие в торговле и относился к ней, как к товарищу, женщины же в ней не видел. Не в его она вкусе была, да и потом за все двадцать лет семейной жизни он ни разу не изменил жене. Она и к сорока годам сохранила фигуру и миловидность. Ульяна же была слишком полной, походила на набор различных округлостей. Всё выпирало, и всё колыхалось – и живот, и груди, и всё остальное тоже. Зато Ульяна откровенно проявляла интерес к своему напарнику, как к мужчине. Вроде случайно, то прижмётся к нему, то грудью заденет, а то встанет так, что еле протиснешься между ней и стенкой. И всякий раз её лицо наливается краснотой, дыхание учащается, а глаза начинают маслянисто блестеть.

- Вот ты как-то спросил: отчего у нас женщины такие спорые да резвые? – разоткровенничалась Ульяна. – Жизнь заставляет. Мужики у нас ни к чёрту не годятся, все пьяницы да лодыри. Конечно, есть и стоящие, да не про нас они. А нам достаются одни обсевки. Потому и вертишься, как юла, и семью кормить надо, и самой хочется выглядеть попривлекательнее, а для этого тоже рубли нужны. Встретится вот такой мужик, как ты, и голова начинает кружиться. Знаю, не женится, знаю, ничего путного не выйдет, а всё равно тянет, пусть час да мой.

Вечером, после работы, Ахмад и Ульяна пошли в косметический салон. Он оказался совсем рядом, в пяти минутах ходьбы.

Нинка-Конь и точно походила на коня. Была рослой, костистой, с широкими плечами и слегка сутулилась. В её лице всё было неправильным: маленькие, глубоко сидящие глаза, нос, похожий на картофелину, выдающиеся верхние скулы, тонкие губы, будто прорезали их ножом. В довершение ко всему – длинные руки, с широкими кистями. Было такое впечатление, словно Всевышний хотел сотворить мужчину, а потом то ли передумал, то ли времени не хватило, и бросил дело на половине. И получилось что-то среднее между мужчиной и женщиной, хотя Нина явно относила себя к прекрасной половине человечества. Модно одевалась, лицо украшал тщательно нанесённый макияж, но всё это лишь подчёркивало её непривлекательность.

Подруги расцеловались.

- Вот, Нина, - Ульяна подтолкнула Ахмада вперёд. – Это и есть мой напарник, о котором я говорила. Прошу любить и жаловать.

Хозяйка салона улыбнулась, показав крупные, желтоватые зубы.

- Ну, любить ты будешь, а жаловать – это я беру на себя. Неплохой мужик, имеет товарный вид. Проходите, работу я закончила, посидим, поболтаем.

В комнате отдыха накрыли стол: свежие булочки, колбаса, сыр, масло сливочное, мёд в вазочке. Курился паром электрический самовар.

- Прошу извинить, всё на скорую руку. В другой раз получше будет.

Нина извлекла из шкафа бутылку коньяка, вопросительно посмотрела на Ахмада. Тот замотал головой.

- Вот этого не надо. Я не пью, если только сами...

- Ну, Ульяна, вот это сокровище отыскала, - Нина была по-настоящему удивлена.

Ульяна засмеялась.

- Сам нашёлся.

- Может, ещё и не куришь? – продолжала допытываться хозяйка салона.

- И не курю, - отозвался истаравшанец.

- А с остальным как?

Ахмад намёк понял, но говорить ничего не стал, лишь неопределённо пожал плечами.

- Хоть в святые записывай, - прокомментировала Нина. – Ну, давайте тогда просто пить чай, раз ничего горячее не хотите.

Ульяна перешла к делу.

- Нина, ты говорила, тебе сторож нужен. Может Ахмад подойдёт? Сама видишь, какой он. И порядок будет, и сохранность твоего салона обеспечит.

Хозяйка подумала.

- Что ж, я не против. Только условия такие: раз будет тут ночевать, платить не буду. Пусть живёт, ужином буду обеспечивать, утром чай может пить. Согласны?

Ульяна заторопилась.

- Чего лучше? Условия царские.

Нина обратилась к Ахмаду.

- Массаж я сама тут делаю, а с клиентками у меня две мастерицы работают. И тебе массаж могу делать, если понадобится. Бесплатно. А может, решишься, и меня тоже помассируешь. Не все мужики на это решаются.

Нинка-Конь рассмеялась, а Ульяна нахмурилась.

- Ну, не хмурься, не хмурься, шучу. Когда это я у тебя мужиков отбивала?

Так решился главный для истаравшанца вопрос. В косметическом салоне было чисто, тепло, в комнате отдыха все удобства, и, главное, никаких затрат, да ещё питание. И основная работа рядом.

В тот же вечер он решил перебраться на новое место. Рассчитался с гостиницей. Когда забирал свои вещи, старший кавказец озаботился:

- Уходишь, да?

- Ухожу.

- Лучше место нашёл?

- Лучше.

- Нехороший ты человек оказался. Другьям не помог, на добро злом ответил. Мусульмане так не поступают. Вот увидишь, тебе скоро совсем плохо будет.

Азербайджанец оказался провидцем. Так оно и вышло.

Прошёл месяц, за ним потянулся другой. Осень в Москве понемногу заявляла о себе. В Таджикистане в октябре ещё лето, зелень и не думает увядать, всюду цветут розы, а тут небо то и дело затягивали тучи, начинал лить частый, надоедливый дождь. Иногда устанавливались хорошие дни, но

по утрам иней ложился на траву в скверах, ночами подмораживало, и во всём ощущалась грусть скорого окончания благодатной поры.

Ахмад Расулов предполагал, что в Москве задержится не больше двух месяцев, а выходило, и осень он может тут скоротать. Пригородные колхозы и совхозы заваливали столицу овощами и фруктами, да и частные хозяйства тоже старались сбывать поскорее свою продукцию. Потому получалось, что товар истаравшанца не был редкостью. Москвичи покупали, но быстрого сбыва не было, закон конкуренции проявлялся во всей полноте.

Ахмад Расулов устроился неплохо. Ночевал в тепле и почти в домашних условиях, с питанием тоже проблем не было, и Ульяна окружила его такой заботой, что иногда он даже тяготился излишним вниманием. Ясное дело, он тоже должен был идти навстречу предприимчивой женщине, которой пришёлся по нраву, а вот тут истаравшанец никак не мог пересилить себя. Был он из породы однолюбов, которые раз и навсегда определяли для себя судьбу и не пытались изменить её или хотя бы на время выбиться из её руслу.

И тогда Ульяна взяла инициативу в свои руки.

- Завтра у меня день рождения, - сообщила она Ахмаду. – Давай отметим его по-человечески.

Ахмад откатил бочку с солёными огурцами в сторону, вытер руки о передник.

- Я не против. Ты, Уля, заслуживаешь этого. А где и как?

- Да в салоне у Нинки-Коня. Я, ты, ну может, кого ещё пригласит.

- Отлично.

В тот же вечер комната отдыха в косметическом салоне преобразилась в праздничную. Женщины накрыли роскошный стол, много цветов. Ульяна и Нина приоделись, украсили себя, как могли. И если толстушка ещё смотрелась, то Нине явно не шли ни розовое платье, отделанное кружевами, ни яркая косметика. Даже её искусные мастерицы и те не смогли преобразить свою хозяйку.

Но, в общем-то, для торжества это особого значения не имело.

За стол сели втроём.

- А где твой хахаль? – повернулась Ульяна к подруге.

- Попёрла я его, - грубо ответила Конь. – Только пить да жрать может. А как до дела дойдёт, так только потеет да извиняется, что нынче, мол, не в том состоянии. Так и не дождалась я того состояния...

Как тут было не посочувствовать обделённой женщине.

- Хотя ты не будь таким, - Нина толкнула Ахмада в плечо.

Что он мог сказать в ответ на такое пожелание? Счёл за лучшее отмолчаться.

Ахмад подарил Ульяне красивые национальные серьги и браслет. Прихватил их с собой, когда уезжал из Истаравшана, просто так, на всякий случай, а оказалось, кстати. Нине вручил роскошное, вышитое сюзане и тоже угодил. Подарок понравился.

- Я его на стену повешу, - сказала хозяйка салона. – Мои клиентки от него балдеть будут. Восточная экзотика.

В благодарность женщины расцеловали своего единственного кавалера. Он ответил тем же, как говорится, положение обязывало.

- Ну что, выпьем? – Нинка-Конь потёрла руки в предвкушении удовольствия. Она достала из шкафа пузатую бутылку тёмного стекла и три фужера. Разлила в фужеры густой красный напиток.

- Я пас, - Ахмад отодвинул от себя фужер.

Хозяйка салона смерила его удивлённым взглядом.

- Да ты что, милоч, это же вишнёвая настойка. Её дети вместо воды пьют. Ты давай, не нарушай компанию.

Ахмад понял, что на этот раз от выпивки увернуться не удастся.

- Ну, если дети пьют, - вздохнул он и придвинул к себе фужер. Настойка, и верно, оказалась приятной. Густая, сладкая. Откуда было знать простодушному истаравшанцу, что настаивали вишни на чистом спирту.

Тост следовал за тостом. Сперва пили за знакомство, потом за дружбу, за любовь, за тесное единение России и Истаравшана, а дальше Ахмад погрузился в забытие. Высветлялись какие-то обрывки. Танцевали под магнитофон, и его рука то ощущала ребристые бока хозяйки салона, то тонула в солидных жировых отложениях своей напарницы по торговле. С кем-то целовался, а может сразу с обеими дамами, куда-то порывался идти, но не пускали, а потом провал.

Пробудился днём, когда солнечный лучик бил прямо в глаза. Открыл их и тут же зажмурился.

«Проспал, - мелькнула мысль. – А как же ларёк? Ульяна меня со свету сживёт».

В висках пульсировала боль, всё тело было словно свинцом налито. Попытался лечь поудобнее, но что-то мешало с двух сторон. Приподнял голову, осмотрелся и вздрогнул от неожиданности. Он лежал между двумя женщинами. Слева посапывала Ульяна с блаженной улыбкой на лице, справа Нинка-Конь храпела по-мужски и что-то бормотала спросонья.

«Вай, вай, - едва не вскрикнул Ахмад. – Как же это я?»

И женщины, и он сам лежали голыми. Комнату наполнял запах перегара, стол был неубран. Тарелки с недоеденными закусками, фужеры с недопитой наливкой. Повсюду, на стульях и на полу валялась одежда.

«Проснутся женщины, что подумают? – терзался истаравшанец. – Наверное, я виноват. Напился, стал приставать к ним. Повалил, раздел...»

Если бы он мог, он провалился бы сквозь землю. Но разложенный жёсткий диван не давал такой возможности. Попытался осторожно встать, но вышло ещё хуже. Обе женщины пробудились.

- Ты куда? – Конь обхватила его обеими руками и привлекла к себе. – Доброе утро, родной. Какой ты молодец!

Нина смачно поцеловала Ахмада в губы.

- Ну, ну, не увлекайтесь, - Ульяна потянула Ахмада к себе. – Нина, мы как договаривались? Ахмадик мой, а ты иногда будешь брать его на прокат.

Нинка-Конь засмеялась.

- Он мужик что надо. Обеим хватит.

Ахмад не знал, что делать и как себя вести. За свои сорок лет он впервые оказался в таком положении. Хотелось скорее встать, одеться и убежать из косметического салона куда угодно, на другой конец огромного Черкизовского рынка и спрятаться там где-нибудь среди ящиков. Но женщины цепко держали его, приходилось поворачиваться то в одну сторону, то в другую, и обмениваться с обеими поцелуями.

Нина потянулась, громко зевнула.

- Ну что, пора вставать. Сейчас мои мастерицы в салон придут. Приведём себя в порядок, попьём кофейку и за работу. Как говорится, делу время, потехе час. – Она засмеялась: - А хорошая была потеха! Улька, что скажешь?

Ульяна тоже захохотала.

И только истаравшанцу было не до смеха. За свои сорок лет он ни разу не изменил жене, а тут разом провёл ночь с двумя женщинами. Утешало

лишь одно, женщины не только не делали трагедии из ночного загула, а, напротив, были довольны. Тогда чего же он мучается раскаянием?

Ахмад взял себя в руки, попытался успокоиться. Постоял под холодным душем, побрился, выпил две чашки кофе и, правда, почувствовал себя лучше. И Ульяна, и Нина вели себя, как обычно, перебрасывались фразами, подшучивали одна над другой.

А дальше – привычный трудовой день. Ахмад таскал ящики и мешки, двигал бочки. Правда, в ногах не было привычной устойчивости и руки подрагивали, но после обеда слабость прошла. Ульяна бойко торговала, переругивалась с женщинами, молниеносно отсчитывала сдачу.

- Какая вам мелочь? – огрызалась она. – Где я вам столько монет наберу? Вас за день сотни проходят, а у меня нет своего монетного двора.

Словом, всё, как всегда. И только, когда Ульяна встречалась взглядом с Ахмадом, то чуточку розовела и заговорщически улыбалась ему. А он так толком ничего не мог вспомнить и только деланно раздвигал губы, вроде старался ответить улыбкой на улыбку своей напарницы.

С того дня, а вернее, с той ночи, жизнь его круто изменилась. Ночевал он по-прежнему в комнате отдыха косметического салона. Но теперь вместе с ним спала Ульяна на правах его хозяйки. Когда же ей нужно было съездить в Лыткарино проведать мать и сына, то под бок к истаравшанцу подкладывалась Нинка-Конь. Поначалу Ахмад тяготился таким двойственным положением, а потом махнул рукой. «А ну вас к чёрту, - подумал он. – Всё равно скоро уеду. Как идёт, пусть так и идёт. Кто узнает в Истаравшане о моём приключении? По крайней мере, будет что вспомнить!» И он улыбнулся улыбкой шкодливого мартовского кота. Верно говорят, что человек легко привыкает ко всему, даже к тому, что ещё недавно казалось ему невозможным.

Товара оставалось всё меньше, Ахмад прикинул: самое крайнее через месяц его торговая командировка подойдёт к концу. Свежие овощи и фрукты уже кончились, теперь на прилавке высились сухофрукты. Их тоже брали, правда, не толпились за ними. Но в любом случае, денег собралось больше, чем прикидывал предварительно председатель истаравшанского колхоза Изатулло Махмудов. Каждый из колхозников получит неплохую сумму за свою продукцию. И сам Ахмад Расулов тоже не останется внакладе.

Он уже привык жить в Москве, хотя его пребывание в ней ограничивалось пока несколькими месяцами. Но размеренный труд на Черкизовском рынке мало походил на занятие плотницким ремеслом на колхозных стройках. Тут работа намного легче, и денег побольше. Прибавьте сюда хорошее питание и своеобразное обслуживание сразу двух женщин. Скучал ли он по родным местам, по семье? Было, конечно, и это, хотя, по

правде говорить, он давно уже вышел из юношеского возраста, когда и семья и дом имеют большое значение. У взрослого мужчины иные понятия о жизни, главное, чтобы был хорошо устроен, сыт и здоров, а всё остальное лишь приложение к этим благам. За время своего пребывания на рынке Ахмад повидал своих земляков из Куляба, Гарма, Исфары. Некоторые из них уже годами жили и трудились в столичном российском городе, обзавелись новыми семьями, подрастали дети от смешанных браков. И когда Ахмад спрашивал земляков: а как же прежние семьи там, в Таджикистане, и не хотят ли они вернуться в родные края, на него смотрели с удивлением. «Кто же от хорошего уезжает к худшему? – усмехнулся один из таких «молодожёнов». А семьи, дети, о них помним. Есть родственники, они и заботятся о них. Деньги время от времени посылаем».

И Ахмад подумал, что благополучие тоже засасывает людей, как болото, и такие понятия, как стыд и совесть глохнут на корню, словно растения, не получающие влаги.

Благополучие понемногу затягивало в свою глубину и колхозного плотника Ахмада Расулова. И тут ещё как-то Ульяна ночью завела с ним серьёзный разговор о будущем.

- Может не стоит тебе возвращаться домой? – спросила она.

- Как это? – удивился Ахмад.

- Ну что ты там будешь делать?

Ахмад даже рассмеялся, услышав этот простодушный вопрос.

- Э-э, милая, - протянул он. – В колхозе у плотника дел непочатый край. Причём в любое время года. Это полеводы зимой отдыхают, а мы заняты с утра и до темноты.

- И нравится тебе такая жизнь? – допытывалась его напарница по торговле.

- Нравится, не нравится, другого выбора нет.

Но Ульяна не согласилась с ним.

- А вот и есть.

- И какой же? – полюбопытствовал Ахмад.

- Остаться в Москве.

- Что же я тут буду делать?

Ульяна удивилась его непонятливости. Она приподнялась на локте и посмотрела ему в лицо.

- То же, что и сейчас.

Ахмад молчал и молодая женщина заторопилась.

- Почему бы тебе не стать представителем вашего колхоза в Москве, на этом вот Черкизовском рынке? Ты же сам говорил, что сельхозпродукции в вашем хозяйстве хоть отбавляй. Говорил или нет?

- Говорил, - признался истаравшанец.

- Так вот, колхоз будет посылать её сюда, а мы с тобой будем продавать. Обговорим себе процент от прибыли и за дело. И колхозу выгода, и нам с тобой неплохая жизнь.

Ахмад поразмыслил и пришёл к заключению, что правота в словах его напарницы есть. Действительно, такое представительство позволило бы его родному хозяйству решить многие наболевшие проблемы, тот же сбыт сельхозпродукции.

- Так-то оно так, - проговорил Ахмад, - Но ты забыла, что у меня семья и дети.

Ульяна искренне удивилась.

- Почему это забыла? Помню. У тебя их никто не отнимает. Будешь посылать деньги, иногда навещать их. И потом сыновья у тебя подрастают, заберёшь их сюда, устроишь учиться. Или нам в торговле помогать станут. А дочь, что дочь... Русские говорят: дочь - отрезанный ломоть. Выйдет замуж и кончилась дочь на этом. Не до родителей ей будет. Своя семья, свои дети. По себе знаю...

Ульяна замолчала, молчал и Ахмад, каждый размышляя о своём, подыскивая доводы «за» и «против».

Ульяна плотнее прижалась к истаравшанцу.

- Ахмадик, хорошо, если бы ты на нас женился.

Ахмад поначалу даже не понял, что она имеет в виду.

- Как женился? На ком?

- Ну, на мне и Нинке.

- У меня же есть жена.

- Но это там. И тут будут жёны.

Ахмад даже развеселился, представив себе картину многосемейной жизни.

- Разве такое возможно?

- А почему и нет? – ответила Ульяна вопросом на вопрос. – Ты – мусульманин, а, говорят, у вас можно иметь жён столько, сколько захочешь. Ваша вера разрешает это.

- Ну, во-первых, не столько, сколько захочешь, а только четырёх...

Он хотел продолжить разъяснение, но обрадованная женщина не дала ему договорить.

- Вот видишь, четырёх. Значит, ещё одна остаётся в запасе. Только мы тебе не позволим жениться на четвёртой.

- Это почему? – удивился Расулов, хотя и трёх ему было бы вполне достаточно.

- Мы с Нинкой очень ревнивые, так что ты на других не очень-то засматривайся. Глаза выцарапаем.

- Кому?

Ульяна поразмыслила, плотнее прижалась к истаравшанцу.

- Конечно, ей, четвёртой. Тебя-то мы любим.

Женская логика удивила Ахмада Расулова. Три жены, вроде, само собой разумеется, а вот к четвёртой будут ревновать.

Ульяна заснула, а он ещё долго лежал в полумраке с открытыми глазами.

Черкизовский рынок не прекращал свою жизнь и глубокой ночью. Глухо рычали грузовики, доставляя товары. Свет фар попадал в окно и розовой полосой скользил по потолку. Где-то слышалась перебранка грузчиков, а вот раздались шаги в проулке, возле косметического магазина.

Ахмад Расулов не был склонен к философским размышлениям. У простого плотника немного времени для отвлечённых рассуждений о том, что удалось и что не вышло, для чего ты пришёл в этот мир и выполнил ли своё земное предназначение. Но этой ночью он думал, как странно устроена человеческая жизнь. Ещё недавно он и помыслить не мог о том, что окажется в Москве, будет заниматься торговлей, делом, к которому никогда не имел склонности и вдобавок запутался в отношениях с женщинами. Мало того, теперь ему предоставляется выбор: остаться в большом столичном городе и продолжать жить, в общем-то, лёгкой, денежной жизнью на всём готовом, или вернуться в Истаравшан и заняться прежним привычным трудом, с улыбкой и грустью вспоминая о своих минувших похождениях.

Он уснул уже под утро, так и не придя к какому-то определённомu решению.

А в Москве настала пора благодатного бабьего лета, прощания с минувшей тёплой, порой и перехода к холодной дождливой осени, а затем и снежной, вьюжной зиме. По небу скользили редкие облака, ярко светило солнце, и горожане вбирали в себя дневное тепло, словно накапливая его перед ненастной погодой. Жёлтые листья сыпались на тротуары и походили на больших ярко-рыжих и золотистых бабочек, кружившихся в воздухе. Прохожие ловили их руками, они шелестели и рассыпались на мелкое крошево под ногами. И только дворники были недовольны этой порой и, ворча, мётлами сгоняли палую листву в большие сугробы.

Ахмад с Ульяной завтракали, жмурились от солнечных лучей, потоками вливавшихся в окно.

- Вот интересно, - сказал истаравшанец. – Уже скоро три месяца как я в Москве, а Москвы так и не видел. Каждый день один и тот же маршрут – из дома на склад, оттуда в лавку до самого вечера, а потом снова домой.

Он уже называл комнату отдыха в косметическом салоне своим домом.

- И верно, - согласилась Ульяна, - а поглядеть тебе на Москву надо. Она красивая, как в сказке ходишь. Нынче самое время, тепло и дождей нет. Ещё неделя, другая, и такая хмарь наступит, хоть волком вой. Сумрачно, холодно, дожди без конца. Тогда из лавки и носа не высунешь.

Давай сделаем так. До обеда ты помогаешь мне, а во второй половине дня, ступай, пошатайся по городу. К концу месяца начнут с дач привозить варенья да соленья и продохнуть некогда будет. Да и с колхозом тебе нужно будет списаться, чтобы утвердили тебя в должности своего представителя и слали товары.

Ульяна уже нисколько не сомневалась, что Ахмад останется с ней, и намечала их совместное будущее на предстоящие осень и зиму.

- Всё равно мне придётся съездить домой, - поразмыслил истаравшанец.

- Это ещё зачем? – насторожилась женщина.

- Нужно отвезти деньги, раздать их там по списку колхозникам, отчитаться о своей командировке.

- И незачем туда-сюда кататься, - оборвала его Ульяна. Она уже вела себя с ним, как настоящая супруга. – Только деньги зря тратить, да время терять. И без тебя обойдутся. Ваш торговый представитель Хусаинов всё это лучше тебя сделает.

Ахмад Расулов попытался возразить.

- Мои расчёты не входят в его обязанности. Он слишком большая величина для этого.

- Один раз войдут, - снова оборвала его Ульяна. – Авось не облезет.

Она обрушила на бедного истаравшанца столько доводов, что он счёл за лучшее замолчать. Тут уже вспомнилась ему народная мудрость: кто спорит с женщиной, сам уподобляется ей. Время ещё есть, оно само подскажет, как быть и что делать дальше.

И стал он работать так, как посоветовала Ульяна. До обеда трудился в лавке, а во второй половине дня переодевался во всё чистое и уезжал знакомиться с Москвой. Садился на трамвай или автобус и отправлялся до определённой остановки, а там ходил по улицам и дивился огромному городу. Многоэтажные дома нависали над ним, как крепостные стены, их архитектура впечатляла, и Ахмад даже представить себе не мог, что жил бы, например, в таком доме. Наверное, заблудился бы в его подъездах, точно в горных ущельях.

Москва, казалось, не имела ни границ, ни пределов. Повсюду витрины магазинов, солнце отражалось в них, и весь город казался залитым ярким пламенем. Здания министерств смотрелись солидно, как и подобает их рангам, кинотеатры манили афишами, а возле театров Ахмад останавливался и вникал в названия премьер. Буквы вроде русские, а смысл названий не укладывался в голове. Только теперь он понял, насколько ему не хватает образования. А так не попади он в Москву, жил бы и трудился в своём колхозе, и хватало бы ему и знаний, и плотницкого умения. В столице же, глядя на её великолепные строения, стал осознавать истаравшанец, что такое настоящее мастерство строителя.

Ахмад Расулов всегда считал себя крепким и выносливым человеком, а Москва утомляла его. Походив два-три часа по её улицам, садился где-нибудь на скамейке в сквере или на остановке автобусов и смотрел на прохожих. Москвичи все спешили так, словно в их доме случился пожар, и было их столько, что приходилось пробиваться сквозь встречные потоки. И это тоже удивляло истаравшанца. Разгар рабочего дня, а людей на улице не протолкнёшься. Неужели все бездельники, но тогда куда торопятся? Доведись кого-то спросить, как проехать к тому же Черкизовскому рынку, буркнут что-то на ходу и мчатся дальше. Только у стариков и милиционеров можно выпытать нужное направление.

И чем больше ходил колхозный плотник по Москве, тем меньше хотелось ему жить в ней. Вспоминалось размеренное бытие в Истаравшане. Можно поработать и отдохнуть, повстречаться с друзьями, полюбоваться природой. Нет безумной спешки, нет отрешённости от самих себя. Ему казалось, что москвичи и умирают, не как люди, а как загнанные лошади. Упадут, ткнутся лицом в горячий асфальт на тротуаре, и кончилась на том их биография. И не хотелось Ахмаду Расулову ни такой жизни, ни такого конца.

С Ульяной он не делился такими мыслями, она бы не поняла его и слушать бы не пожелала. Попытался он как-то пооткровенничать с Нинкой-Конём, но и та оборвала его на полуслове: «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Тебе повезло, нашёл и глубину, и лучшесть. Чего спрашивается, ещё надо?»

Ахмад терялся в раздумьях. То ему казалось, что действительно повезло; иные мечтают о Москве и не могут в ней закрепиться, а он получил всё разом. А иногда такая на него накатывала тоска, хотелось всё бросить, собрать пожитки и устремиться на вокзал. Даже душный и тёмный вагон казался спасением.

Понедельник был у них выходным днём. И повезла Ульяна напарника в свой городишко Лыткарино. Надо сказать, ничего особенного, вот только лес поразил истаравшанца. Квадраты домов вырубались прямо среди деревьев, и стояли жилые кварталы, зажатые елями, соснами да белоствольными берёзками. И дышалось легче, и настроение становилось праздничным.

Домишко у Ульяны, и верно, был неказистый. Брёвна потемнели и крошились, один угол просел, и крышу надо бы было обновить. Ахмад окинул жильё опытным глазом, и даже руки загорелись, до того захотелось ему приложить тут своё умение.

Мать Ульяны, пожилая, сутулая, с морщинистым лицом, встретила гостя неприветливо. Она не верила в непьющих мужиков, и на этого тоже смотрела с подозрением. Как бы ни взял чего и не унёс в привокзальный буфет. Прежний муж дочери так и делал. И дочка тоже дичилась, не шла к незнакомцу, только выглядывала из приоткрытой двери.

- Вроде деньги у тебя есть, а дом в таком состоянии, - удивлённо поинтересовался истаравшанец. – Наняла бы мастеров.

Ульяна махнула рукой.

- Нанимала. То аванс выклянчивают, получают и пропадают. Пропьют всё и приходят с синими мордами. Прости, мол, хозяйка, и тут же просят ещё денег на опохмелку. Другой раз привезла материалы для ремонта, так всё покрали и опять пропили. Вот и весь ремонт. Нет мужика, а без него никакое дело не слаживается.

Наверное, вспомнила Ульяна своего спившегося мужа и лишь безнадёжно вздохнула. А потом села поближе к Ахмаду и положила ему голову на плечо.

После этой поездки в Лыткарино, твёрдо решил Ахмад Расулов вернуться в Истаравшан. Ещё не хватало, чтобы и его дом вот также разваливался без хозяйских рук, и дети были бы такими же боязливými и

неприкаянными. Но как часто мы замыслиаем одно, а судьба не соглашается с нами и поступает по своему разумению.

И ещё одно уяснил для себя истаравшанский плотник: торговля не для него. Не для него занятие, которое целиком держится на обмане, взяточничестве, где нет таких обыденных понятий как честность и мастерство. Никогда не понимал он профессий, которые ничего не производят, а являются посредническими. Даже в религии мы обращаемся к Аллаху со словом Офаридгор, Создатель, а не посредник. Раньше он полагал, что торговля тоже нужна, и что можно заниматься ею без плутовства. Оказалось, нельзя. Вокруг торговцев столько крутится всякого рода прихлебателей, что хочешь-не хочешь, а будешь обвешивать, подсовывать покупателям некачественный товар, не давать сдачу и так далее. Ибо если хочешь удержаться в торговле и неплохо жить, то должен стать таким же, как и остальные в этой сфере людской занятости. Недаром существует такая поговорка: с волками жить, по-волчьи выть. Повыл Ахмад Расулов с тружениками прилавка три месяца и осознал, что хватит с него. Есть ремесло, которым он неплохо владеет, которое кормит его, вот и нужно им заниматься. Утвердился он в своём решении, и больше не было ни сомнений, ни колебаний. Так кирпичная кладка после того, как затвердеет раствор, образует прочную стенку.

Ахмад Расулов с удовольствием знакомился с достопримечательностями Москвы. Знал, что скоро уедет и, кто знает, будет ли у него другая такая возможность беззаботно бродить по улицам и проспектам столицы, любоваться её архитектурой и памятниками старины, вдыхать горьковатый аромат солнечных дней бабьего лета и дивиться на москвичей, жизненный ритм которых так отличается от азиатского. Скорее всего, нет, не будет у него такой возможности.

К трамвайной остановке он шёл извилистым проулком, в котором размещалось здание Сбербанка. Ему нравилось это строение, внушительное, хранящее приметы старины. Первый этаж был облицован мраморными плитами, а второй украшали четыре колонны, между которыми виднелись львиные головы. Здание солидное, как бы говорящее клиентам: смелее несите сюда свои сбережения. Тут вас не обманут, более того, получите от своих вкладов и солидные проценты.

Ахмад останавливался у здания Сбербанка, любовался им, как любят произведения искусства. Напротив банка, на другой стороне, был небольшой сквер с цветочными клумбами. В нём на скамейке сидели пенсионеры. Ахмад примелькался им, он кивал им в знак приветствия, и они отвечали ему снисходительным наклоном головы.

Вот и теперь он остановился у здания Сбербанка. Оно было закрыто на обеденный перерыв, о чём сообщал расписание дня на массивной мраморной доске у входной двери.

В Сбербанке происходило что-то необычное. Послышались выстрелы, раздались приглушённые крики. Удивлённый Ахмад смотрел на тяжёлую входную дверь с зеркальными стёклами в проёмах. Дверь неожиданно распахнулась, из неё выбежали трое мужчин в милицейской форме. Их лица закрывали чёрные матерчатые маски с прорезями для глаз и рта. За ними выскочил охранник банка с наганом в руке. Один из милиционеров выстрелил в охранника, тот выронил наган, схватился руками за грудь и медленно осел на тротуар.

Ахмад не знал, что и думать. Подобное он видел впервые в жизни и остолбенел от неожиданности. Милиционеры держали в руках туго набитые коричневые мешки. Истаравшанец стоял на их пути, но даже не подумал посторониться. Один из милиционеров бросил ему бумажный свёрток, Ахмад машинально схватил его. «Беги! – крикнул милиционер. – Беги туда!» Он толкнул истаравшанца в грудь и указал ему направление вглубь проулка. «Сейчас взрыв будет!»

И Ахмад побежал. Выстрелы напугали его, а от взрыва вообще нечего было ждать чего-либо хорошего. Сами милиционеры заскочили за угол Сбербанка и скрылись в проходном дворе. Послышался рёв автомобильного двигателя, взвизгнули шины и невидимая машина помчалась.

Ахмад Расулов продолжал бежать, сам не зная – куда и зачем? Он находился в том состоянии, которое называют беспамятством, когда человек совершает действия автоматически, не отдавая себе отчёта в своих поступках. И единственное, что он делал осознанно, это крепко прижимал бумажный свёрток к груди. Он не видел ни людей, собиравшихся возле Сбербанка, ни пенсионеров, которые привстали со скамеек, что-то кричали и показывали на него руками.

Впрочем, убежал истаравшанец недалеко. Навстречу ему вылетел милицейский автомобиль, заскрипел тормозами, и из него выскочили четверо парней в штатской одежде. «Ага, вот один из них!» - выкрикнул здоровый, широкоплечий парень. Он подставил Ахмаду ногу, тот с размаху полетел на тротуар и больно ударился о тёплый асфальт, обдирая руки и щёку. Пакет полетел в сторону, раскрылся, и из него посыпались деньги. Парень навалился на истаравшанца всей своей тяжестью, заломил ему руки за спину и защёлкнул на запястьях наручники.

4.

Оперативники разбежались по сторонам. Двое помчались в проходной двор, один к пенсионерам, чтобы расспросить их о том, что они видели. Здоровый парень поднял Ахмада за ворот пиджака, как котёнка, и поставил

на ноги. Истаравшанец стоял, пошатываясь, падение оглушило его. Саднила ободранная щека, и болели руки, заломленные за спину.

Здоровый парень с ненавистью уставился на Ахмада.

- Куда скрылись твои подельники?

Слово «пodelьники» Ахмаду было незнакомо, и он не сразу понял, о чём его спрашивает оперативник.

- Это были милиционеры, - сказал он первое, что пришло ему в голову.

- Ты не темни, - зло бросил ему здоровый парень. – Они такие же милиционеры, как ты водитель трамвая. Куда они скрылись? – повторил он вопрос.

- Я не знаю, - ответил истаравшанец. – Я шёл, они выбежали из банка, крикнули мне, что сейчас будет взрыв, бросили мне в руки этот пакет и приказали, чтобы я бежал. Я и побежал...

- Под дурачка косишь, - лицо здоровяка перекривилось от злобы. – Я тебя быстро отучу...

Он с такой силой ударил Ахмада кулаком в живот, что у того помутилось сознание. В глазах вспыхнули огненные круги, дыхание перехватило, и он упал бы на землю, если бы оперативник не удержал его.

- Кто был с тобой? – последовал вопрос. – Назови фамилии, клички, приметы.

Слёзы катились из глаз Ахмада, он мотал головой, силился произнести хотя бы одно слово и не мог. Ему не хватало воздуха, страшная слабость разлилась по телу.

- Молчишь, не хочешь раскалываться, - здоровяк ударил истаравшанца кулаком в подбородок. Тот упал на спину, больно ударился затылком об асфальт и потерял сознание.

Ахмад ничего не видел и не чувствовал. Он не видел, как к месту происшествия подъехала ещё одна машина, и из неё вылез милицейский полковник, уже в возрасте, с седыми висками. При его появлении здоровяк вытянулся, а остальные оперативники поспешили к начальнику.

- Ты чего, Трошин, мордобой на улице затеял? – полковник нахмурился. – Столько людей собралось, а ты демонстрируешь розыскное умение. Увольнения захотел?

- Виноват, товарищ полковник. Но этот тип, - здоровяк мотнул головой в сторону лежащего в беспамятстве истаравшанца, - издевается над нами, говорит, что банк грабанула наша милиция.

- Правильно говорит, - подхватил разговор другой оперативник. – Пенсионеры подтвердили, что грабители были в милицейской форме, с чёрными масками на лицах. В руках у них были большие, туго набитые мешки.

Грабители скрылись в проходном дворе, за углом Сбербанка. Там их на центральной улице ждала машина. Какая и куда поехала, никто не видел. Полагаю, оперативника с собакой вызывать бесполезно.

- В милицейской форме... - полковник недовольно поморщился. – Разлетится о нас слава по Москве, доказывай потом, что я не я, и хата не моя. Так, кажется, говорится. Сейчас приедет следственно-оперативная бригада, останешься, Трошин, с ней. О первых результатах сообщишь мне по телефону. Вы, - полковник повернулся к другим оперативникам. – Поднимите этого грабителя, в машину его и доставьте в МУР. Я с ним сам побеседую.

Ахмад Расулов долго не приходил в сознание. Здоровяк нокаутировал его по всем правилам боксёрской науки. Истаравшанцу брызгали в лицо водой, давали нюхать нашатырный спирт, но все эти действия не давали ощутимого результата.

- Как бы не помер, - встревожился майор, дежурный по МУРу.

Врач не согласился с ним.

- Веки подрагивают, скоро очнётся. Только бы памяти не лишился. Если бы Трошин так же действовал головой, как кулаками, цены бы ему в МУРе не было.

Ахмад открыл глаза, кругом серая пелена, смутные белые пятна. Его подняли, посадили на скамейку, дали выпить воды. Зубы стучали о стакан, вода проливалась на грудь, мочила пиджак и рубашку.

Окончательно пришёл он в себя ещё через полчаса. Осознал, что находится в каком-то учреждении, сидит в коридоре на скамейке, похожей на садовую. Рядом стоят какие-то люди, один в белом халате, похоже, врач.

- Как вы себя чувствуете? – спросил врач, наклоняясь к нему.

- Плохо, - Ахмад обхватил голову руками, только тут он понял, что с него сняли наручники. – Голова кружится, вот-вот расколется на части. Тошнит.

Врач озабоченно хмыкнул.

- Похоже на лёгкое сотрясение мозга. Но слышит и отвечает адекватно. Думаю, можно допросить, только недолго.

Ахмада подняли со скамейки, завели в кабинет, посадили на стул. Ступал он с трудом, ноги были, как ватные.

Напротив него, за широким столом, заваленном папками и бумагами, находился пожилой полковник, седой, щурился и тёр ладонями покрасневшие от усталости глаза.

- Пришли в себя? – спросил он сочувственно.

Ахмад кивнул, осмотрелся.

В кабинете не было ничего особенного. Давно небеленые стены, портрет Сталина в рамке под стеклом, сейф, покрашенный голубой краской, и широкое окно, в которое вливался дневной свет.

Ахмад сидел на стуле, прикреплённом к полу.

Сбоку от рабочего стола полковника стоял небольшой приставной столик с четырьмя телефонами.

«Зачем четыре?» - подумал Ахмад.

- Давайте пока побеседуем без протокола, - предложил полковник. – Я начальник отделения МУРа, Московского уголовного розыска. Слышали о такой организации?

Истаравшанец отрицательно покачал головой.

- Приятно, что в Москве есть человек, который не слышал о МУРе, - усмехнулся полковник. Наша организация ведёт поиски преступников, совершивших тяжкие противоправные действия. То, за которое вас задержали, как раз из таких.

Моя фамилия Улыбышев, зовут Иван Демьянович.

Приношу вам извинения за грубость нашего сотрудника. Поверьте, он будет наказан...

Полковник не договорил. Резко зазвенел один из телефонов. Улыбышев поднял трубку. Говорил он междометиями, так, что невозможно было понять, о чём идёт речь.

- Ага... Вот оно как... Ну и ну.., - и заключил. Ясно. Занимайтесь дальше.

После состоявшегося разговора полковник по-иному стал относиться к Ахмаду Расулову. Исчезла благожелательность, в голосе появились металлические нотки. Он придвинул к себе стопку бумаг, взял ручку.

- Я буду проводить допрос. Каждое ваше слово будет занесено в протокол, и в случае ложных показаний будет обращено против вас. Вам это понятно?

Надо сказать, за свои сорок лет Ахмад Расулов впервые оказался в милиции, впервые с ним говорили вот так сухо и официально. Полковник спросил – понятно ли ему, но, говоря честно, Ахмаду было совершенно непонятно: за что его схватили, почему били, и что вообще происходило в Сбербанке, рядом с которым он оказался совершенно случайно.

Вместо ответа он неопределённо пожал плечами. Голова по-прежнему сильно болела, не все слова полковника он воспринимал чётко.

- Итак, фамилия, имя, отчество?

Ахмад сообщил.

- Год и место рождения?

И это истаравшанец назвал.

Полковник отложил ручку и пристально посмотрел на него.

- Издалека гость. Давно находитесь в Москве?

Ахмад рассказал, что привело его в столицу, и сколько дней он находится в Москве.

Улыбышев слушал его недоверчиво.

- Неплохо придумано. Предупреждаю, всё это мы проверим.

- Проверяйте, - согласился истаравшанец. – Мне скрывать нечего.

- Раньше судились?

- Никогда.

Полковник поднял трубку теперь уже другого телефона.

- Справочное? Проверьте по всесоюзной картотеке: Расулов Ахмад Салимович, год рождения 1895, Таджикистан, город Истаравшан. Я подожду.

Ждал полковник недолго. Получив нужные сведения, он нахмурился. Видно это было не то, чего он ожидал.

- Паспорт с собой?

Ахмад извлёк из внутреннего кармана пиджака паспорт, протянул его начальнику отделения МУРа. Тот полистал документ, отложил в сторону.

- Кто были ваши сообщники в ограблении банка?

Ахмад Расулов приложил руку к груди в знак искренности.

- Поверьте, товарищ полковник...

Улыбышев прервал его.

- Ко мне обращаться «гражданин начальник».

- Поверьте, гражданин начальник. Никого и ничего я не грабил. Возле Сбербанка я оказался совершенно случайно. Никаких грабителей не знаю. Видел трёх милиционеров с мешками в руках, лица закрыты чем-то чёрным.

Полковник ударил кулаком по столу.

- Никакие это не милиционеры, и тебе это хорошо известно. – Неожиданный переход на «ты» придал его речи ещё большую грубость. – Не прикидывайся простачком, говори, кто были твои сообщники? Их фамилии, клички? Куда они скрылись?

Начальник отделения говорил громко, почти кричал, каждое его слово болью отзывалось в голове Ахмада. Он с трудом сидел на стуле, всё вокруг него расплывалось, и Ахмад чувствовал, что вот-вот может потерять сознание.

- Никого и ничего я не знаю, - еле слышно пробормотал он.

Полковник склонился над столом, пристально уставился на истаравшанца.

- Вы убили двух человек, охранника и кассиршу. Похитили больше миллиона рублей. Это особо тяжкое преступление. Ты понимаешь, что тебе светит вышка. Если будешь говорить правду и поможешь нам, то сохранишь себе жизнь. Такой опытный уголовник, как ты, должен понимать это.

Итак, последний раз спрашиваю...

Но что спрашивал в последний раз полковник, Ахмад Расулов уже не слышал. Его сознание отключилось, он сполз со стула и повалился на пол.

Пришёл в себя он глубокой ночью. Кто-то прыскал ему в лицо водой, хлопал по щекам и приговаривал: «Давай, браток, а то и помереть недолго».

Ахмад поначалу не мог понять, где находится. Над головой какие-то доски, сам он лежит на чём-то жёстком. Узкая комната, стены выкрашены серой краской, отчего кажутся грязными. Рядом с ним сидит странный человек, совершенно лысый, на лице многодневная седая щетина, глаза красные, без ресниц.

- Где я? – тихо спросил истаравшанец.

Лысый улыбнулся, показав жёлтые зубы. В верхнем ряду одного не хватало.

- В камере, родной мой. В подвальном изоляторе МУРа. Тебя притащили сюда полумёртвым, еле откачал я тебя.

Теперь Ахмад понял, что лежит он на досках двухъярусных нар, оттого так жёстко и неудобно.

- Я сяду? – произнёс он полувопросительно.

Лысый встал, Ахмад сел на койке, свесил ноги. Осмотрелся. Камера была тесная, шагов пять в длину, три в ширину. Небольшой стол у дальней стены, над ним высоко, у самого потолка, узкое окно, забранное решёткой. У стола две табуретки. С другой стороны – массивная железная дверь, сбоку от которой унитаз и умывальник.

Лысый сел рядом, с любопытством разглядывал своего сокамерника.

- За что залетел? – осведомился он.

- Ограбление банка, двое убитых, - неохотно ответил Ахмад. – Только я ни причём.

- Однако, - с уважением произнёс лысый. – Ты – птица высокого полёта. Не щипач какой-то и не сямка. А что ни причём, это понятно. В несознанку играешь.

- Ни во что я не играю, - с усилием проговорил Ахмад. – Случайно проходил мимо Сбербанка, меня схватили и допрашивают. Не верят моим словам.

- Серьёзный разговор был, - кивнул лысый. – Вишь, тебя, как пасхальное яйцо, разукрасили.

- Били, - согласился Ахмад.

- Вот что, братан, - лысый посерьёзней, улыбка сошла с его лица. – Я понимаю тебя, боишься «подсадной утки». Только я законник, в авторитете среди воров. Думаю, когда познакомимся, по-другому будешь ко мне относиться. Зовут меня Василием Пономарёвым, погоняло – Бильярд. Может, слышал?

Ахмад Расулов чувствовал себя получше, голова уже не болела, правда, слабость ещё была, и потому он с интересом посмотрел на сокамерника.

- Почему – Бильярд?

Лысый засмеялся.

- Должно быть из-за голого черепа. На бильярдный шар похожа. Так слышал ты обо мне?

Ахмад отрицательно покачал головой.

- Понятно. Ты видно – залётный. Откуда сам-то?

- Из Таджикистана, - ответил Ахмад.

Лысый присвистнул.

- Далеко забрался. Оно и правильно. Хотели сделать дело и слинять к себе в Азию. Как зовут тебя?

Ахмад сказал.

- А кликуха?

Истаравшанец не знал, что такое кликуха, подумал, что лысый спрашивает о профессии.

- Плотник, - ответил он.

Лысый пожевал губами, словно отведал чего-то кислого.

- Плотник, - задумчиво произнёс он. – Тоже не слышал. По годам ты не мальчик, а наши пути не пересекались.

- Это какая у тебя ходка?

Ахмад непонимающе уставился на него.

Бильярд удивился.

- Ты что, никогда на клифту не валялся?

И снова истаравшанец не понял странного собеседника. Откуда ему было знать, что судьба свела его с преступником высокого класса, вся жизнь которого походила на тюремный матрац: узкая белая полоса – короткое пребывание на воле, широкая синяя – долгая отсидка в лагере.

Бильярд недоумевал. По виду его сокамерник походил на бывалого вора и засыпался на серьёзном деле, а ведёт себя, как новичок, первоходок. А может, играет в несмышлёного, боится засыпаться? На допросах отнекивается, тогда, конечно же, и в камере откровенничать не будет. Но всё равно, ведёт себя странно, хочешь, темни, но зачем же прикидываться простаком, чуть ли не фраером. «Ладно, - подумал Бильярд, - посидим вместе недельку-другую, глядишь, и побратаемся».

- У меня пятая ходка, - сказал он, внимательно вглядываясь в побитое лицо сокамерника. – Квартиру одного подпольного миллионера пошерстили,

а уйти не смогли. Бронированная дверь была, с секретом. Снаружи открыли, а изнутри она на автомат защёлкнулась. Пока то, да сё, мусора прибыли.

И снова Ахмад озадачился. Понял, что Бильярд участвовал в ограблении чьей-то квартиры, а мусора, кто это? Дворники? Почему прибыли они, а не милиция?

- Так, - сказал Бильярд. – Вижу, нет у нас с тобой синхрона. Ну да, ладно, дело поправимое. Как писал Серёга Есенин: «время даже камень точит». Слышал про такого? Наш поэт, для блатных сочинял вирши.

Ахмад вздохнул, получалось, с Бильярдом они толковали, как два иностранца, не знающие языков друг друга.

- Много в банке взяли? – Любопытство одолевало Бильярда. И хотя понимал, что его сокамерник намерен темнить и дальше, всё-таки решил задать последний вопрос.

- Вроде миллион, - неохотно отозвался Ахмад.

И снова лысый присвистнул.

- Не хило. Бабки хоть утащили?

Ахмад кивнул.

- Те убежали, их ищут, а меня схватили со свёртком в руках, там оказались деньги.

- Это ты зря, - посочувствовал Бильярд. – Жадность нашего брата губит. Или не доверял подельникам?

Рассказывать, как было на самом деле, Ахмаду не хотелось. Всё равно лысый не поверит ему. И потому он только пожал плечами.

Понимая, что от непонятного сокамерника большего не добьёшься, Бильярд перевёл разговор на другую тему.

- Поздновато уже, а сна ни в одном глазу. Может, чайку попьём? А может, ты и поешь хочешь?

Только теперь Ахмад понял, насколько он проголодался. И то, почти сутки во рту не было ни крошки.

- А есть что? – ответил он вопросом на вопрос.

Бильярд подмигнул ему.

- У меня, брат, всё, что хочешь, имеется. Я – вор в законе, а для таких особое снабжение.

И, правда, на столике под полотенцем нашлись и белый хлеб, и копчёная колбаса, и даже сливочное масло в стеклянной банке.

Ахмад удивлённо покачал головой при виде такого великолепия.

- Ешь, не стесняйся, - подбодрил его Бильярд.- С такой статьёй, как у тебя, ты везде сыт будешь, хоть в тюрьге, хоть в колонии.

И это тоже было непонятно истаравшанцу, но для первого знакомства информации о блатной жизни было достаточно, дальнейшие расспросы он отложил на потом.

Время в камере тянулось медленно, заняться было нечем, и Бильярд посвящал Ахмада в тайнства того мира, о котором он прежде и не слышал.

Ежедневно Ахмада вызывали на допросы. Для начальника отделения МУРа Улыбышева было делом престижа, как можно скорее раскрыть совершённое дерзкое ограбление. На него давило начальство и, кроме того, появлялся шанс стать заместителем начальника МУРа, а это уже серьёзная заявка на генеральское звание.

Надо сказать, таких «твёрдых орешков», как истаравшанец, у полковника ещё не было. Кажется, все факты были против задержанного, а он твердил своё: в ограблении участия не принимал, на месте преступления оказался случайно.

Полковник и стучал кулаком по столу, и грозил расстрелом, а то, напротив, вёл доверительную беседу, чтобы расположить к себе упрямого преступника.

- Пойми ты, чудак человек, - говорил Улыбышев. – Ну что за резон тебе париться в душевной камере, да ещё с таким отпетым негодяем, как Пономарёв? У него вся жизнь по тюрьмам да колониям прошла, он же психованный. Задушит тебя ночью и отвечать не будет.

Но и этот довод не действовал на истаравшанца. Он сидел с Бильярдом в одной камере уже две недели, и они подружились, насколько это было возможно между матёрым уголовником и простым колхозником из далёкого Истаравшана.

Бильярд убедился, что Ахмад Расулов никакой не грабитель, а влип в историю по воле случая, и теперь готовил его к новому повороту в судьбе.

- Не поддавайся ни на какие угрозы и увещевания, - говорил выдавший виды вор. – Милицейским нужно скорее закрыть дело, и, даже зная, что ты не виноват, всё равно на волю не выпустят. Им лишний «висяк», то есть не раскрытый грабёж, не нужен. Настоящих грабителей не нашли, значит на тебя всё повесят.

Эх, если бы не деньги в твоих руках, ты бы уже гулял по матушке Москве...

Ни в чём не сознавайся, даже если бить будут. Возьмёшь одно дело на себя, ещё пару добавят, и пойдёшь по совокупности лет на двадцать за решётку.

И Ахмад Расулов держался. Допросы длились часами, его доводили до полного изнурения, а он стоял на своём: не грабил, никаких поделщиков не знаю, зачем мучаете безвинного человека?

- У тебя сложное положение, - втолковывал ему Бильярд по ночам. – С такой статьёй, как у тебя, - вооружённый грабёж и убийство, на зону приходят авторитеты. И тебя встретят как настоящего вора. А если ты будешь говорить, что попал случайно, то да сё, то превратишься в посмешище, а таким один путь в «шестёрки», и, уловив недоумённый взгляд Ахмада, Бильярд пояснил: - Это вроде холуя при авторитетах. Поэтому держись замкнуто и с достоинством, намекай, что большие дела проворачивал у себя в Азии, а что не сидел до сих пор, так это по тому, что всю милицию покупали.

Бильярд учил истаравшанца блатному языку, объяснял законы преступного мира, и Ахмад Расулов свыкался с ролью матёрого уголовника, хотя за всю свою жизнь не совершил ни одной кражи, ни одного противоправного действия.

- И со следователями, и с операми держись стойко, стисни зубы, терпи, что бы с тобой ни делали. Их цель подвести тебя под вышку, а твоя – уберечь свою жизнь.

Такие беседы с прожженным уголовником были для истаравшанца хорошей школой, и он оказался понятливым учеником.

- Твоя кликуха Плотник, - наставлял Расулова лысый Бильярд. – Был такой деятель в преступном мире, действовал где-то в ваших краях, а куда делся, неизвестно. Так что тебе и карты в руки. Работал ты по банкам и ювелирным магазинам, промышлял наркотой, а что засыпался в Москве, так это со всяким бывает. Не всё учли, не всё продумали. У русских говорят: и на старуху бывает проруха. Твоими поделщиками были в Азии Ринат и Сиплый. Обоих недавно расстреляли в Казани, так что никто не проверит и никто не докажет, был ты с ними или нет.

- И всё-таки я не понимаю, - размышлял Ахмад Расулов. – Неужели во всём МУРе нет ни одного здравомыслящего человека? Но ведь ребёнку ясно, не грабил я банк и не убивал. За что же держать меня в заключении?

Бильярд рассмеялся так искренне, будто его сокамерник сказал что-то забавное. Даже слёзы выступили на глазах.

- Ребёнку может и ясно, да вот ты многого не понимаешь. Напоминаю ещё раз: похищен миллион в Сбербанке, и убиты охранник и кассир. В

Сбербанке, повторяю ещё раз. Это не государственные деньги, а вкладчиков, значит, государство должно им вернуть вложенные средства. Итого, убыток два миллиона рублей, а это по нынешним временам о-го-го какая сумма! Нанесён удар по престижу государства, и ты думаешь, оно успокоится и выпустит тебя на волю? Нет, родной мой, кто-то должен ответить за это. Вот ты и ответишь. По-твоему, государство объявит: грабители не пойманы, извините, граждане, и таким образом распишется в своём бессилии? Такого не бывает. Моли Бога, чтобы грабителей не нашли.

- Но почему? – удивился истаравшанец.

- Тогда вы пойдёте как организованная банда. На вас повесят ещё несколько нераскрытых дел и приговорят к стенке.

Ахмад не понял.

- Это ещё что такое?

Бильярд снисходительно пояснил.

- Стенка или вышка – это высшая мера наказания. Расстрел, одним словом.

Потрясённый Ахмад молчал. У него в голове не укладывалось, чтобы вот так, ни за что, ни про что, взять и лишить человека жизни, только потому, чтобы в отчётах МУРа не было нераскрытого дела.

- Ну, хорошо, это если найдут их? – проговорил Ахмад. – А если так и не найдут?

Бильярд усмехнулся его непонятливости.

- Тогда будут судить тебя одного. Дадут условный срок, скажем, лет двадцать, до того момента, пока грабители не попадутся. А когда их отыщут, будет пересуд, и тогда уже по обстоятельствам.

Что значит по обстоятельствам, истаравшанец мог догадаться и сам. Пока же ему оставалось одно: стойко держаться на допросах, отрицать своё участие в совершённом кем-то преступлении, и ждать решения своей судьбы, двадцатилетнего заключения в лучшем случае или расстрела в худшем.

Пока же сиделось ему в камере не так уж и плохо. Раз в сутки выводили на прогулку в тюремный двор, накрытый сверху решёткой. Как особо опасные преступники, они с Бильярдом гуляли вдвоём, остальных заключённых, содержащихся в следственном изоляторе МУРа, они не видели.

Впрочем, особого удовольствия прогулки не доставляли. Стояла поздняя осень, часто шли дожди, было холодно и сыро. Тёплой одежды не было, они брали с собой байковые одеяла и кутались в них. Одеяла сырели, и потом просушить их было негде. А дальше пошёл снег, он падал сквозь

решётку крупными хлопьями, Ахмад ловил их ладонью, и было грустно и больно в душе. Он думал о семье и представлял их состояние, ведь, наверное, в колхоз сообщили, что плотник Ахмад Расулов стал членом вооружённой преступной группировки, пойман и сейчас находится под следствием. Можно вообразить себе, как воспринята эта новость в его родном городе?! Потрясение пережили, наверное, Ульяна и Нинка-Конь. Впрочем, что им до истаравшанца, с которым столкнула их судьба? Поохали да и забыли о нём.

Вот тут Ахмад заблуждался. Его несостоявшиеся жёны, конечно же, помнили о нём. Они ждали его день-другой, а потом забеспокоились. Говорят, человек – не иголка. Это так говорят, а в Москве бесследно исчезают десятки людей, и отыскать их не удаётся. Недаром существует поговорка: как сквозь землю провалился. Вот Ахмад и провалился. Ульяна и хозяйка косметического салона обзвонили морги и больницы; может Ахмад попал в автомобильную аварию, погиб или пострадал и теперь находится в тяжёлом состоянии в какой-нибудь лечебнице? Но повсюду ответ был отрицательный: нет, не попадал.

Тогда встревоженные женщины обратились к участковому инспектору Макарову, когда он зашёл к ним в очередной раз получить привычную мзду. Попросили: может по милицеейским каналам удастся прояснить судьбу истаравшанца? Просьбу подкрепили крупной денежной купюрой.

Участковый пришёл через неделю и сообщил потрясающую новость: их сожигатель арестован за ограбление банка и сидит сейчас под стражей. Ульяна и Нинка-Конь были, словно оглушённые громом.

- Этого не может быть, - решительно проговорила Ульяна. – Когда же это он успел стать бандитом? Ведь он же всё время был на наших глазах. Я пойду в милицию и всё расскажу. А потом может передачу ему надо организовать? В тюрьме особо не прокормишься.

Она готова была действовать, Нинка-Конь сидела с отсутствующим видом и явно не одобряла благих намерений своей подруги. Любовь любовью, а грабёж с убийством – дело серьёзное, в таких случаях лучше держаться подальше. И потом, кто знает, может торговля для истаравшанца была только прикрытием, а на самом деле, во время тех же прогулок, он встречался с бандитами и обдумывал с ними свои тёмные дела?!

Участковый Макаров прикрикнул на Ульяну.

- Ты, девка, потише! Время сейчас сама видишь какое. Всех под метёлку метут. Припишут вам соучастие в грабеже, и попадёте туда, куда Макар телят не гонял. Не Макаров, а Макар. И так, и так, вас допрашивать будут. Стойте на своём, дескать, мы этого таджика плохо знаем, у него своя торговля была, у нас свои занятия. Ничего общего, у каждого своё. Ясно вам?

Ульяна смахнула с глаз слёзы и согласно кивнула. Прав Макаров, сплошные аресты идут. У них на Черкизовском рынке сколько людей позабыли. Мясника Трофима, бакалейщика Коляна, бондаря Семёна... Всех разве перечислишь? Если не виноват Ахмад, милиция разберётся и отпустит его. А если и сотворил чего, то пусть сам себе и отвечает. Подождём, кому какая карта выпадет.

Истаравшанцу карты попадали так себе. Бильярд учил его картёжным премудростям. Тасовал карты с такой скоростью, что уследить невозможно было. А когда раздавал, то у Ахмада всё мелочь, а у сокамерника козыри да тузы.

- Как это получается? – изумлялся Расулов.

Лысый только усмехался, а потом проделывал то же самое, только медленно, и его «химия» при раздаче становилась ясной.

- Зачем мне всё это? – Ахмад с досадой бросал карты на стол.

- А затем, когда попадёшь в колонию, заставят тебя перекинуться в карты. Отказаться нельзя, это проверка: действительно ли ты серьёзный урка или апельсин, скороспелка. То есть, сам себя вором представляешь, а на деле фуфло.

Картёжники – большие умельцы, в момент тебя обставят. А на кону ставки серьёзные. Могут на побег играть, на чью-то жизнь, а то и на твою. Вот смотри, как жульничают, как масть передёргивают.

И Бильярд показывал, как прячут козырные карты в рукав, под полу телогрейки, под ногу.

- Проиграл, не тушуйся,- поучал лысый сокамерник. – Сразу хватай за горло и проверь, куда карты спрятаны. Нашёл, бей ловкача в морду, за это никто не осудит. А бить надо так...

И Бильярд показывал, как надо драться в лагерных бараках.

- И ещё много значит наколка, татуировка. Она вроде паспорта у каждого блатного. Вот смотри.

И Бильярд снял с себя пиджак, потом рубаху. Ахмад так и ахнул. Всё тело бывалого уголовника было покрыто синими узорами. На левой стороне груди – профиль Ленина, на правой - Сталина. Это значит, приговаривался к высшей мере наказания. Когда готовятся расстрелять, порви на себе рубаху, конвой в вождей стрелять не станет.

- Если приговорили, всё равно приведут в исполнение. Это форс такой.

На спине у Бильярда был изображён церковный собор с пятью куполами, свидетельство того, что он имеет пять ходок в зону, иными

словами, судился пять раз. Татуировки рассказывали – в каких лагерях он сидел, какую значимость имеет в уголовной среде, вор ли он в законе или мелкий жулик.

Ахмад только дивился, слушая эти разъяснения.

- Но у меня-то нет татуировок, - возразил он.

- Отговоришься, что ты – азиат, мусульманин, у вас такой обычай не принят.

Бильярд подумал немного и заулыбался.

- Есть, нашёл. Будешь на зоне, говори, что промышлял в Афганистане. Нападали там на караваны, грабили купцов, наркотой промышляли. Это объяснит – почему у тебя нет наколок. Из Афганистана нужно было удирать, полиция вышла на след. Ну а дальнейшее известно. Да и кличка твоя пусть будет не Плотник, она не подходит тебе. Будешь зваться Афган. С такой биографией не завалишься.

- Афган, так Афган, - согласился Ахмад.

По правде говоря, он не верил, что будет осуждён. Жила в нём подспудная вера в справедливость. Не может быть, чтобы человека вот так, ни за что, и ни про что, взяли и упекли в Сибирь или куда там ещё. Есть ведь закон, суд, адвокаты, неужели не разберутся и не установят, где правда?

Бильярд только смеялся над такими рассуждениями. «Если бы так, - говорил он. – То не было бы рецидивистов, повторников. За что меня судили пять раз? Никто не разбирался – прав или виноват? Судимый, попался, на тебе ещё один срок. А если бы разобрались, оправдали, ни за что не пошёл на новое дело. Наше общество само формирует преступников.

Уже три с половиной месяца Ахмад Расулов сидел в следственном изоляторе Московского уголовного розыска. Кто только его ни допрашивал, и никого его правда не интересовала. Преступление было громким, говорили о нём в Москве много, стояло оно на контроле у самого министра внутренних дел. А раз так, раскрыть его нужно, во что бы то ни стало. Оперативники с ног сбивались, казалось, вот-вот выйдут на след, но грабителей обнаружить не удавалось. То ли затаились надёжно, а может, удалось скрыться за границу. Время шло, и тяжелее всех приходилось истаравшанцу.

Камера давила его, низкая, тесная. Хотелось на воздух, увидеть зелень, людей, ощутить запахи цветений. Там, на воле, уже закончилась весна, а он задыхался в душной сырости. Бильярд учил его философски относиться к превратностям жизни, всякое, и доброе, и плохое неизменно приходит к концу и заменяет одно другое. Но плохо давалась эта наука свободолобивому истаравшанцу.

Тюремную пищу он ел с отвращением. Жидкая баланда с крупинками перловки или почерневшими капустными листьями, каша из той же перловки или дроблёного гороха, сваренные в воде. Мутная тёплая бурда, именуемая чаем. С такой пищи он, наверное, совсем бы зачах, но его поддерживал сокамерник. Он получал с воли хорошие передачи, в которых были и свежий хлеб, и батоны, и сливочное масло, и колбаса... И всем этим Бильярд делился с истаравшанцем. Ахмад слышал его рассказы о волчьих законах в тюрьмах и лагерях, и ему было непонятно – почему прожжённый урка старается помочь ему выжить, готовит его к предстоящей нелёгкой жизни в заключении. Зачем ему это нужно?

- Понимаешь, - объяснил Бильярд. – Жалко мне тебя. Вернее, даже не жалко, а сочувствую я тебе. Мужик ты правильный, крепкий, трудовой, а попал между зубьев шестерёнки и не выберешься. А ведь, сколько пользы нам от тебя было бы, мне тоже, например. Мы – воры, а ведь кто-то должен работать, выращивать хлеб, производить всякие полезные вещи, всё то, чем и мы пользуемся. Если бы все были паразитами, то и жизни на земле бы не было.

Такова была нехитрая философия матёрого уголовника.

- И другое, - продолжал Бильярд. – По молодости я бы может и не пожалел тебя. Меня не жалели, а почему я кого-то должен тащить из ямы? А теперь, когда разменял пятый десяток, я стал задумываться. Всякое действие рождает такое же действие, а то и увеличивает его. Вроде как семена бросаешь в землю. Посеял зло, оно даёт десятикратный урожай. А ведь и добро тоже. Я вот тебе помогаю, ты в свою очередь тоже поддержишь кого-то и, глядишь, выровняется перекоп в нашей жизни. В лагерях я заметил одну особенность. Те, кто верили в Бога, легче мотали срок. Значит, Господь поддерживал их. А неверующие ломались, вешались, бросались на ограждения, чтобы охранник пристрелил их. Так что, если вскоре оборвётся нить моей жизни, предстану я перед Творцом, и он спросит: скажи-ка, Пономарёв, что-нибудь хорошее ты совершил в своей жизни? А мне, как говорится, и крыть нечем. Раз так, опять-таки скажет Господь, давай-ка ты, брат, в ад до скончания веков. А когда они кончатся, только ему одному и ведомо. А так я отвечаю: Господи, вот Ахмад Расулов подтвердит, что не оставил я его в беде, помог удержаться на плаву. Разве это не добро? Говорят, на том свете за одно благое дело сотня дурных скашивается. Ты ведь не откажешься подтвердить мои слова? – обратился Бильярд к истаравшанцу.

- Не откажусь, - со всей серьёзностью откликнулся тот. И верно, не было слов, которыми бы он сумел выразить свою признательность закоренелому уголовнику, по-братски заботившемуся о нём, не рассчитывая на что-то ответное.

- Откуда ты получаешь такие продукты? – как-то спросил Ахмад.

Бильярд засмеялся.

- Это грев работает, - пояснил он. Истаравшанец, понятное дело, не вник в суть его слов, и тогда уголовник пояснил.

- Я ведь вор в законе, в нашем мире это большая величина. Когда мы проворачиваем какое-то дело, то часть прибыли передаём в общак, это вроде кассы взаимопомощи. Общак ведает авторитетные люди, которым можно доверять. Утратят они доверие, возьмут хоть копейку из общака, заплатят жизнью. Средства из общака идут на поддержку таких, как я, когда оказываемся в заключении. Отсюда передачи, отсюда подкуп надзирателей, чтобы режим в камере был помягче. За карты в карцере полагается карцер, а мы с тобой свободно играем. Нас каждый вечер водят в душ помыться, а остальным полагается раз в неделю. Мы можем днём лежать на койке или даже спать, а другим это строжайше запрещено. Всё это называется, грев, от слова подогреть, это деньги, которые идут на то, чтобы облегчить жизнь авторитетов. Зато и я на воле обязан передавать деньги в общак, это святое в нашей среде.

И снова Ахмад Расулов был потрясён.

- Ты хочешь сказать... – он указал пальцем на дверь, имея в виду продажность надзирателя. Бильярд понял его и согласно кивнул.

- Все покупаются, - согласился он. – Все хотят жить, и жить хорошо. Начиная с простого вертухая, коридорного надзирателя, до начальника тюрьмы, и до самого министра. А как, ты думаешь, устраиваются побеги из тюрьмы? Всё зависит от того, кто за тобой стоит и какими располагает деньгами...

Эти слова стали настоящим откровением для простодушного истаравшанца. Ни сам он никому никаких взяток не давал, не было в том необходимости, и, понятное дело, ему тоже других денег, кроме зарплаты не предлагали, поскольку ничьи судьбы от него не зависели. Случался приработок, продавал он со своего сада и огорода фрукты и овощи перекупщикам, но опять-таки, это были плоды его труда, за такое не наказывают. И сумрачно стало у него на душе: неужели всё в этом мире продажное?

- Всё, - подтвердил многоопытный Бильярд, - и чем скорее ты согласишься с этим, тем легче тебе будет жить в дальнейшем. У младенцев глаза открываются в первые дни жизни, а у тебя, видишь ли, на пятом десятке прожитых лет. Но и это неплохо... Не тужись, Афган, всё перемелется, мука будет.

Неизвестно, что хотел сказать этим многомудрый вор в законе, но, наверное, был какой-то смысл в его словах.

Каждый день повторялся в следственном изоляторе, как мелодия в заезженной пластинке. «Расулов, на выход!» - командовал надзиратель. Ахмад выходил из камеры в коридор. «Лицом к стене!» - следовало следующее распоряжение. Поворачивался, упираясь лбом в серую, давно некрашеную стену. «Вперёд!» Шёл вперёд по длинному коридору, днём и ночью освещённому тусклыми лампочками.

Камеры временного содержания МУРа находились в подвале, потому поднимались по лестницам в основное помещение. Там, в коридоре, Ахмад снова вставал лицом к стене, надзиратель открывал дверь кабинета и докладывал: - Гражданин следователь, подследственный Расулов доставлен.

И начиналось надоевшее. Следователь задавал одни и те же вопросы, грозил, уговаривал, настаивал на том, чтобы Расулов добровольно признался в совершённом ограблении и убийствах. Ахмад, глядя в стену мимо следователя, равнодушно твердил привычное: не грабил, не убивал, никого и ничего не знаю.

За спиной следователя на стене висел поясной портрет Сталина. Ахмад встречался с ним взглядом, и всякий раз читал в глазах вождя разное. То Сталин вроде бы подбадривал его и советовал стоять на своём, а то в его взгляде просматривалась укоризна, дескать, чего тянешь, следователю пора закрывать уголовное дело, все сроки прошли, и из-за твоего упрямства снижаются показатели МУРа. А то вождь глядел на истаравшанца с откровенной злобой, и в такие моменты его взор не сулил Ахмаду ничего доброго. Возникла какая-то незримая связь с вождём, и Ахмад Расулов не знал – хорошо это или плохо.

5.

Самое интересное, что такая связь, действительно, существовала, хотя ни сам глава великого государства, ни простой колхозный плотник из далёкого Истаравшана даже не подозревали об этом. Но как маленький винтик в громадной машине выполняет свою функцию и без него не обойтись, так и Ахмаду Расулову предстояло сыграть определённую роль в чётко отлаженном государственном механизме. И самое невероятное, в данный момент он являлся той козырной картой, от которой зависело – кто в высшем эшелоне власти поднимется на очередную должностную ступеньку, а кто спустится по ней, утратив прежнее влияние и привилегии.

Наркомат внутренних дел возглавлял в ту пору Генрих Ягода. Он был исполнительным служакой, но ему не хватало гибкости мышления. Ягода был прекрасным организатором, но тугодумом, и Сталину приходилось постоянно подталкивать его, говорить, что нужно делать, и как поступить в том или ином случае, и вождю это начинало надоедать. Да, он нуждался в ответственных исполнителях, но, наряду с этим, они должны были быть и инициативными руководителями. Получив указание сверху, они должны

были развивать его и придавать ему масштабность, поднимая на государственный уровень.

Сталин в ту пору возвысил незначительного партийного функционера Николая Ежова, работавшего в аппарате Центрального Комитета ВКП/б/Казахстана. Иосиф Виссарионович отметил его высокие деловые качества, а, самое главное, инициативность и быстроту действия. Ежов был переведён в Москву, в центральный партийный аппарат и назначен заведующим отделом административных органов, то есть он должен был курировать работу Народного Комиссариата внутренних дел и его руководителя Генриха Ягоду.

Как всякий человек маленького роста и слабого телосложения, Николай Ежов был очень честолюбив и хотел выдвинуться. Бесспорно, должность заведующего отделом в ЦК партии почётная и ответственная, но наряду с этим она не сулила дальнейшего продвижения. Секретарём ЦК партии Ежову не стать, эти ступени занимали ближайшие соратники вождя. Кроме того, Сталин постоянно обновлял партийный аппарат, чтобы функционеры не образовывали прочные связи и не замыслили чего дурного против вождя. Административные кадры следовало тасовать, как карты в колоде, и вождь никогда не забывал делать это.

Значит нужно из партийного аппарата переместиться в правительственный. Самое лучшее место – это глава Наркомата внутренних дел. Специфика деятельности этого силового органа хорошо известна Ежову, поскольку он его курирует. Остаётся последнее – скомпрометировать Ягоду, чтобы Сталин освободил его от выполняемых обязанностей и переместил куда-нибудь в другую структуру. И тогда Иосиф Виссарионович назначит наркомом внутренних дел именно его – Николая Ежова, поскольку лучшей кандидатуры в этот момент ему не сыскать. Этот расчёт походил на высокочеловеческую игру в шахматы, при которой один игрок предусмотрел все ходы, а другой даже не подозревал о том, что фигуры уже расставлены на доске в проигрышной для него позиции.

Заведующий отделом административных органов Николай Ежов сделал пробный ход.

При очередном докладе Сталину Ежов с озабоченным видом сообщил, что Наркомат внутренних дел компрометирует себя в глазах москвичей, а возможно и в масштабе всей страны.

Сталин, как всегда, ходил по кабинету из одного конца в другой, вдоль длинного стола для заседаний. Он был обут в мягкие сапоги, ступал по ковровой дорожке и шаги его не были слышны. В окна проникал рассеянный дневной свет, зубчатая стена Кремля закрывала дальнюю перспективу.

- Что вы этим хотите сказать? – спросил Сталин, смерив Ежова тяжёлым взглядом.

- Уже почти полгода назад бандитской группировкой был ограблен Сбербанк. Похищено более миллиона рублей и убиты охранник и кассир. Нападение на банк было совершено днём, при большом количестве свидетелей. Казалось бы, раскрыть такое преступление не составит большого труда, и, тем не менее, вот уже полгода дело находится в разряде «висяков», то есть...

Сталин недовольно остановил Ежова жестом руки.

- Я знаю, что такое «висяк», не надо мне объяснять. Сколько человек грабило банк?

- По имеющимся сведениям – четверо. Трое были одеты в милицейскую форму, с матерчатыми масками на лицах.

- А четвёртый?

- Четвёртый был схвачен при попытке убежать. Взяли его с поличным – со свёртком с деньгами. Скорее всего, это был главарь банды. Сам он в банк не заходил, а наблюдал за ходом ограбления со стороны.

Ежов докладывал чётко, обдумывая каждое слово.

Сталин хмурился, затягивался дымом из трубки.

- Москвичи или гастролёры? – спросил он.

- Полагаю, гастролёры. Главарь – таджик по национальности.

- Гастролёры, а сумели скрыться в Москве? – удивлённо проговорил Сталин. – А может уже и покинули Москву и затаились где-то в провинции?

- Может и так, товарищ Сталин, - согласился Ежов с предположением вождя.

- Интересное дело. Что возмущает народ в этом преступлении?

- То, что оно так и не раскрыто. Люди предполагают, что это были настоящие милиционеры. Потому их коллеги не спешат с расследованием. Миллион – сумма большая, на всех хватит. Наши аналитики отмечают резкое падение доверия общества к органам правопорядка.

- Да, так можно подумать, - согласился Сталин.

Он подошёл к Ежову, тот встал со стула и вытянулся по стойке «смирно».

- Что лично сделали вы, как заведующий отделом административных органов ЦК? – осведомился Сталин. В его голосе звучало явное недовольство. – Неужели вас, как одного из партийных руководителей, не насторожило, что столько работников милиции не могут арестовать четверых преступников?

- Не только насторожило, но и тревожит, - чётко доложил Николай Ежов. – Я держу на контроле ход расследования этого дела, регулярно просматриваю оперативно-следственные материалы, но общая картина следствия мне не ясна. У меня складывается впечатление, что от меня умышленно скрывают некоторые обнаруженные факты.

- Серьёзное обвинение, - Сталин неотрывно глядел в синие глаза Ежова.

- Я готов ответить за каждое своё слово, - твёрдо проговорил Ежов. – Своё беспокойство я неоднократно высказывал наркому внутренних дел Ягоде, членам коллегии Наркомата, и, видя, что должной реакции нет, решился...

- Решились доложить об этом деле мне? – полувопросительно-полуутвердительно предположил Сталин.

- Так точно,

- Какое подразделение Наркомата занимается этим делом?

- Московский уголовный розыск.

Сталин покачал головой, словно удивляясь, что такая авторитетная организация демонстрирует своё бессилие, казалось бы, в очевидном деле.

- Значит, сделаем так, - подвёл он итог докладу Николая Ежова. – Это дело у МУРа забрать и передать Политическому управлению Наркомата внутренних дел, поскольку такое промедление приобретает явно политический характер. Пусть им займётся самый опытный следователь. Сообщите моё решение наркому Ягоде. У меня нет желания выслушивать его оправдания в своей бездеятельности, а точнее беспомощности. О ходе расследования этого преступления регулярно информируйте меня.

- Слушаюсь, - по-военному чётко откликнулся Николай Ежов.

Он понимал, на что идёт, дискредитируя наркома внутренних дел. Риск был большой, в случае если дело о налёте на Сбербанк так и останется нераскрытым. Но может случиться и прорыв, так бывает, когда накапливается много сведений, отрабатываются различные версии, и вдруг картина становится ясной. В таком случае выигрыш мог бы быть большим, именно таким, к какому стремился Николай Ежов. Он работал в партийных органах много лет, сформировался в умелого интригана и понимал, что подозрение, вовремя брошенное на кого-то, вовремя сказанное слово, могут стать

решающими в сложной политической игре, протекавшей непрерывно в окружении Иосифа Виссарионовича Сталина.

Генрих Ягода, когда Ежов передал ему распоряжение Сталина, признал его справедливым и высказал намерение работать ещё старательнее, чтобы прояснить, наконец, это затянувшееся уголовное дело, хотя и Ягода, и Ежов понимали, что это лишь средство для того, чтобы одному удержаться в кресле наркома, а другому постараться занять его.

Так ограбление Сбербанка из уголовного дела перешло в разряд политических. А Ахмад Расулов из простого истаравшанского плотника превратился в главаря хорошо организованной преступной банды.

Утром следующего дня загремели запоры, тяжёлая железная дверь камеры отворилась, и молодой рыжеволосый надзиратель выкрикнул: «Расулов, на выход! С вещами!»

Ахмад медленно поднялся с нар, на которых сидел. Из вещей у него был только пиджак, который он взял в руки. Он вопросительно поглядел на Бильярда, как бы спрашивая, может на свободу? Но многоопытный уголовник отрицательно качнул головой, давая понять, что вряд ли. Скорее всего, этот вызов означал новый виток следствия в затянувшемся деле истаравшанца.

Так оно и оказалось. Ахмада вывели во внутренний двор МУРа, и он едва не захлебнулся от обилия воздуха и яркого солнца. День ещё только разгорался, казался до блеска промытым недавним дождём. Всё вокруг искрилось, было таким первозданным, словно в начальный день творения. За те месяцы, которые Ахмад Расулов провёл в следственном изоляторе МУРа, он уже отвык от великолепия окружающего мира и теперь в полной мере наслаждался им. Не было мрачных серых стен, решётки над головой, как во время прогулок, лёгкий ветерок доносил ароматы цветущих лип. Ахмад зажмурил глаза и жадно вдыхал их, это были ароматы свободы.

Но недолго упивался он красотой весеннего дня. Тот самый рыжеволосый надзиратель толкнул его в спину: «Давай в машину! Чего, как кот, жмуришься?!»

Посреди двора стоял автозак, грузовая машина с закрытым железным кузовом и надписью «Хлеб» на боку. «Почему хлеб?» удивился истаравшанец, но додумать не успел. Его затолкнули в кузов и закрыли гулкую дверь, он очутился в темноте. Вслед за ним в кузов забрались два конвоира и уселись в узком тамбуре. Хлопнула ещё одна дверь, мотор автозака зарычал, и машина выехала со двора МУРа на широкую улицу.

Это были недолгие глотки свободы, которые сперва ободрили Расулова, а потом повергли в ещё большее уныние. Ему казалось громадной несправедливостью, что тысячи людей находятся на свободе, радуются

жизни, весне, а он должен томиться в душных камерах, неизвестно зачем и почему?

На этот раз его привезли в настоящую тюрьму, на Лубянку, громадное серое здание которой занимало Политическое управление Наркомата внутренних дел России.

Автозак въехал во внутренний двор тюрьмы и остановился. Ахмад выпрыгнул из кузова на мощёный камнем пол и осмотрелся. Высокие стены с множеством зарешёченных окон, рядом два охранника с винтовками в руках наизготовку. Тут уже не было ни весны, ни свежего воздуха, ни яркого солнца. Всё было блёклым, пахло плесенью и хлоркой.

Ахмада завели в тёмное помещение, освещённое одной электрической лампочкой. Измерили его рост, сфотографировали в фас и профиль, записали его биографические данные. Затем заставили раздеться догола и опять занесли в карточку особые приметы – родинки, шрамы. Занимались этим врач и человек в военной форме, с хмурым, невыразительным лицом.

Прежнюю одежду отобрали. Выдали чёрные штаны из грубой ткани, такую же куртку, носки, нижнее бельё, линялое, большого размера, ботинки без шнурков. Голого повели в душ, где он получил кусочек хозяйственного мыла и вымылся под присмотром охранника. Затем оделся и, хлопая разношенными ботинками, пошёл по коридору. Руки держал за спиной. Охранники шли один впереди, другой сзади. Передний стучал большим ключом по пряжке ремня. Ахмад не знал, зачем это делается. Лишь позднее ему объяснили, что таким образом охранник предупреждает встречающих, что ведёт заключённого. Если ведут встречающего, то заставляют его встать лицом к стене. Заключённые не должны видеть друг друга. Поднимались по металлической лестнице, шли по коридору с десятками тяжёлых железных дверей, потом спускались и снова тянулся коридор, казавшийся бесконечным. Кругом были натянуты металлические сетки, если и захотел бы прыгнуть вниз, в лестничный пролёт, чтобы покончить жизнь самоубийством, то не смог бы сделать этого. Полутемно, хотя на воле был яркий день, пахло затхлостью и той же хлоркой. Перед каждым входом в коридор и выходом из него, охранник отпирал ключом решётчатую дверь и потом закрывал её за собой.

Ахмаду казалось, что идут они бесконечно, он впал в оцепенение и механически переставлял ноги.

Наконец, они дошли до нужной двери, неизвестно на каком этаже и в какой части тюремного здания. Ахмада снова заставили встать лицом к стене, открыли дверь и толчком в спину побудили войти в камеру. Тяжёлая дверь с лязгом захлопнулась за ним.

Стоя у порога, он осмотрелся. Это бала камера-одиночка, четыре шага в длину и два в ширину. Слева узкая металлическая койка, ножки которой вмурованы в металлический пол. Прямо, у противоположной стены, маленький столик, рядом табурет, тоже прикреплены к полу. Справа умывальник и унитаз, закрытый крышкой. На столике алюминиевая миска, ложка и кружка. Вот и всё, что полагалось заключённому в тюрьме на Лубянке. Да и ещё над умывальником на гвозде висело затёртое вафельное полотенце.

На койке лежал тонкий матрас, покрытый серым байковым одеялом, комковатая подушка.

Ахмад вздохнул и сел на койку. Тотчас же со стуком открылось окошечко двери, послышался оклик надзирателя.

- Встать! Днём на койке не сидеть и не лежать! За нарушение режима карцер!

Ахмад поднялся и пересел на табурет. В камере высоко под потолком светила яркая лампочка. Это было непонятно, повсюду в коридорах тусклый свет, а тут даже глаза слепит. Позднее он понял, зачем это делается. Над столиком под самым потолком небольшое окно, забранное решёткой из толстых прутьев. Снаружи окно закрыто деревянной коробкой, так называемым «намордником», видна только полоска голубого неба.

Ахмад сидел на табурете, глядел в выщербленный бетонный пол и ощущал невыразимую усталость. Не было мыслей, ни о чём не хотелось думать, вялое безразличие охватило его. Он по-прежнему был далёк от свободы, камера-одиночка стала наглядным подтверждением этому.

Так он просидел до вечера. Время от времени надзиратель заглядывал в камеру и снова со стуком захлопывал окошко.

Минуты текли медленно, переливались в томительные часы. Время в тюрьме тоже несвободно и имеет своё особое измерение.

В обед Ахмада не кормили, видно, ещё не поставили его на довольствие. Да ему и не хотелось есть, слишком угнетённым было состояние. Полоска неба в окне потемнела, окошечко в двери открылось, послышался голос надзирателя.

- Чашку и кружку! Ужин.

Ахмад подошёл к окошку, поставил на полочку чашку и кружку. В окошко видны были руки дежурного заключённого и пола его куртки. Из черпака в чашку упал скользкий комок перловой каши, сваренной в воде, к ней добавился кусочек селёдки. На кашу положили ломоть чёрного хлеба. В кружку налили тёплого чая, и выдали два кусочка сахара-рафинада. Как только Ахмад взял всё это, окошечко захлопнулось.

Он сидел за столиком над тюремным ужином и не мог заставить себя проглотить даже ложку каши. То, что ему выдали, нельзя было назвать едой. Только теперь он понял, как хорошо ему жилось в следственном изоляторе МУРа вместе с Бильярдом, и как нелегко придётся отныне в одиночке тюрьмы на Лубянке.

Он пожевал немного хлеба, съел селёдку, и запил всё это тёплым чаем, который ни цветом, ни вкусом не соответствовал этому напитку. Разве только был сладковатым от брошенного в него сахара.

И снова Ахмад сидел на табурете, безразлично глядя себе под ноги. Понятие времени утратило для него всякий смысл. Небо в окне почернело, надзиратель постучал в дверь и крикнул: «Отбой!»

Ахмад подбежал к двери и крикнул в свою очередь: «Который час?» послышался ответ: «Время знать не полагается».

Уснуть он не мог. Жёсткая постель не давала возможности улечься нормально, томила духота, яркий свет слепил глаза даже через закрытые веки. Ахмад встал и кулаком ударил несколько раз в металлическую дверь.

- Чего тебе? – послышался грубый голос надзирателя.

- Свет надо выключить.

- Не полагается. Будешь шуметь, карцер получишь. Там темноты сколько хочешь.

Ахмад вздохнул и снова лёг на койку. Через какое-то время он заснул, но вскоре проснулся, как от толчка. На подушке рядом с его лицом сидела здоровенная крыса и пристально смотрела на него. Истаравшанец вздрогнул от неожиданности. Брезгливость и страх охватили его. Крыса, видя, что человек пробудился, тяжело шлёпнулась на пол и скрылась в углу, где у неё была нора.

Больше Ахмад не спал. Он то сидел на табурете, то ходил по камере. Отчаяние охватило его, и, наверное, если бы была возможность, то покончил бы жизнь самоубийством. Но в камере не было ни крючка, ни какого-то выступа, за который можно было бы зацепить полосу от простыни.

Рано утром подали завтрак: жидкую гороховую кашу, хлеб, чай и опять два кусочка сахара. На этот раз он всё съел без остатка. С рассветом пришло понимание, что нужно бороться за жизнь, в конце концов, он ещё не стар, и правда рано или поздно возьмёт своё. В заключении Ахмад Расулов находился впервые и ещё не знал, что в тюрьмах и лагерях такого понятия, как правда, не существует, а если к кому и может прийти, то в виде посмертной реабилитации.

С неделю его не вызывали на допросы, приучали к тюремному режиму. Был он жёстким, и направлен на моральное и физическое изнурение людей, заключённых в тесных четырёх стенах. Круглосуточно горел свет, днём ни сидеть не кровати, ни спать не разрешалось. Спать можно было только на спине, руки держать поверх одеяла. В противном случае надзиратель будил зычным голосом и стуком дверцы. Какие-то просьбы и возражения не принимались во внимание, если же пытался протестовать, то запирали в карцер. При раздаче еды Ахмад пожаловался на крысу, пугает, не даёт спать. Надзиратель заржал: «Это тебе вместо жены. Она девка смиренная, не трогай её, и тебе обиды не будет. Оставляй ей немного еды и будете дружно жить. Её кличка Василиса».

Ахмад делился с Василисой кашей, хлебом, давал ей кусочек сахара, и верно, с крысой у него установились приятельские отношения. Люди её не пугали, она часами сидела на кровати и наблюдала за сокамерником. Когда появлялись какие-то дела, скрывалась в норе. Истаравшанец привык к ней и даже находил в её присутствии утешение для себя, всё-таки живое существо.

В тот день, когда его вызвали на допрос, почувствовал даже облегчение. Всю свою жизнь он находился среди людей, и одиночество было для него сильнейшим наказанием.

Надзиратель вёл его по длинным коридорам, поднимались по лестницам то вверх, то вниз, шаги звучно разносились в пустом пространстве, сопровождаемые стуком ключа по ремённой пряжке.

Наконец достигли административного корпуса. Надзиратель постучал в одну из дверей, приоткрыл её и доложил: «Подследственный Расулов доставлен».

Ахмад вошёл в кабинет. В нём царил полумрак, яркий свет настольной лампы бил ему прямо в лицо. Сидевший за столом человек был почти не различим, обрисовывался только общий контур.

- Садитесь, - слышался голос.

Ахмад опустился на прикреплённый к полу стул. Свет лампы был резким, Расулов моргал, щурился, глаза начали слезиться.

- Нельзя ли лампу повернуть немного вбок, - попросил он.

- Нельзя, - слышался голос. – Таков порядок.

Я веду следствие по вашему делу, - заговорил человек, сидевший за столом. – Моя фамилия Сабидлов. Зовут Сергей Павлович. Предупреждаю: на вопросы отвечать правдиво и чётко. Ложь только ухудшит ваше положение. Ваши показания будут фиксироваться в протоколе, любая неточность, попытка запутать следствие будут обращены против вас. Вам ясно?

Ахмад кивнул. Было странно слышать голос и не видеть толком самого человека. Создавалось впечатление, будто разговор идёт с неодушевлённым предметом, вроде репродуктора.

- Имя, фамилия?

Ахмад Расулов отвечал.

- Год рождения? Место рождения?

И на эти вопросы истаравшанец отвечал коротко и ясно, и подумал, что в том уголовном деле, которое на него завели, всё это уже записано, и не понятно, какой смысл тратить время на выяснение уже очевидного. Но следователю не укажешь, и Ахмад терпеливо отвечал на вопросы, следовавшие один за другим.

- Картина ограбления банка определена обстоятельно, - следователь перешёл к сути дела. - Из материалов явствует, что вы возглавляли преступную группу...

Расулов изумился,

- Я?

- Да, вы, у нас есть показания свидетелей, которые видели довольно часто, как вы прохаживались возле Сбербанка, останавливались, разглядывали систему защиты окон, определяли надёжность охраны...

Ахмад Расулов перебил следователя.

- Это не так, - он уже знал, что к Сабидлову следует обращаться «гражданин следователь».- Я не знаю, что показывали свидетели, но мне нравилось здание Сбербанка, оно необычно по форме и заинтересовало меня. Потому я останавливался возле него.

Следователь иронически засмеялся.

- Я вижу, вы, тёмный азиат, являетесь любителем оригинальной архитектуры. Придумали бы что-нибудь получше. И потом в Москве немало других необычных исторических зданий, а вас замечали именно возле Сбербанка. Не правда ли, странное совпадение?

Кровь бросилась истаравшанцу в лицо.

- Почему это вы, гражданин следователь, оскорбляете меня? Какое имеете право? Пусть я азиат, но я такой же гражданин страны, как и вы...

Сабидлов перебил его.

- Вы ещё не знаете всех наших прав, как и своих обязанностей тоже. У нас всё впереди. И потом вы уже не гражданин Советской страны, а подследственный, совершивший тяжкое преступление...

- Ну это ещё нужно доказать, - разозлился Расулов. – Я не намерен брать на себя чужую вину. Ищите настоящих бандитов.

- Найдём, - голос Сабидлова звучал угрожающе. – Непременно найдём, и каждый из вас получит своё в полной мере.

Итак: когда вы задумали ограбление банка? Назовите фамилии и клички членов вашей банды? Куда они скрылись и где отсиживаются в настоящее время?

- Почему это члены моей банды? – Ахмад был вне себя от возмущения. - Зачем вы придумываете то, чего не было? – Его лицо побагровело, от жара настольной лампы по щекам стекал пот, и он то и дело смахивал его ладонью.

- А тут и придумывать ничего не надо, - отпарировал следователь. – Вы не зашли в помещение банка, а наблюдали со стороны, как действуют ваши сообщники. И это понятно, шла перестрелка, а какой же главарь будет рисковать своей жизнью? И потом вы, не дожидаясь дележа, схватили пачку денег и постарались скорее скрыться с места происшествия. Кто может подумать при таком раскладе, что вы не один из грабителей...

- Но подумали же, - усмехнулся Ахмад Расулов.

Следователь сделал вид, что не расслышал его реплики.

- Именно все эти детали вашего поведения и говорят о том, что вы являетесь главарём преступной группировки, совершившей в Москве особо дерзкие разбойные нападения. Впрочем, полагаю, не только в Москве. Хватит упорствовать, вам, наверное, неплохо знакомы статьи Уголовного кодекса, и вы знаете, что чистосердечное признание и добровольная помощь следствию могут существенно облегчить вашу дальнейшую участь.

Ахмад Расулов только вздохнул в ответ. У него сложилось впечатление, что ведёт разговор с механическим существом, которое способно задавать вопросы и не воспринимает никакие возражения и оправдательные доводы.

А между тем дело об ограблении Сбербанка находилось на контроле заведующего отделом административных органов Николая Ежова, а значит, косвенно под надзором самого Генерального секретаря ЦК партии Иосифа Виссарионовича Сталина.

Карьера Николая Ежова зависела от скорого раскрытия этого уголовного дела, и он спешил, предпринимал всё возможное, чтобы ускорить следствие. Ежов вызвал к себе начальника Политуправления Наркомата внутренних дел генерал-лейтенанта Трофима Алексеевича Васильева.

Васильев был рослым представительным мужчиной, с ладной фигурой и седыми висками, как раз со всем тем, чего так не хватало тщедушному Ежову. И потому он принял генерала в своём кабинете, сидя за рабочим столом. Кресло было с удлиненными ножками, и Ежов казался выше и значительнее. Он во всём подражал Сталину, так же смотрел тяжёлым взглядом на подчинённых, говорил медленно, выделяя каждое слово. Правда, во время серьёзного разговора не расхаживал по кабинету, как это делал глава государства. При маленьком росте Николая Ежова такое поведение смотрелось бы комично.

- Трофим Алексеевич, - заговорил Ежов, после того, как генерал сел на стул неподалеку от него. – Я вижу, дело об ограблении Сбербанка так и не движется, хотя и мне, и вам дали большие полномочия. Вы самостоятельны в своих действиях и не обязаны отчитываться перед наркомом Ягодой. Вы докладываете о ходе следствия лично мне, я докладываю о нём лично Иосифу Виссарионовичу. Товарищ Сталин дал указание раскрыть это преступление как можно скорее, а никаких положительных сдвигов как нет, так и нет. Хочу предупредить вас: ещё неделя-другая, и вы можете лишиться своей должности, да и меня постигнет такая же участь. В случае успеха мы с вами можем переместиться в другие кабинеты, - Ежов возвёл глаза к потолку, как бы обозначая иные, более высокие руководящие сферы.

Генерал вздохнул, вытер платком вспотевший лоб.

- Первый такой случай в моей практике, - признался он. – Делом о Сбербанке занимается наш лучший следователь Сабидлов. Но главарь банды оказался твёрдым орешком, на допросах ведёт себя нагло, никакие доводы на него не действуют.

- Значит, применяйте другие, - посоветовал Ежов.

Собеседники встретились глазами. Физические методы воздействия на подследственных официально не разрешались, но тут, как говорится, на карту было поставлено слишком многое, и просто необходимо было обойти запреты.

- Знаете, как говорили иезуиты: цель оправдывает средства, - подсказал Николай Ежов.

- Ага, понятно, - отозвался Васильев.

Заведующий отделом поудобнее устроился в своём высоком кресле.

- Отбросьте все церемонии, - продолжал он. – У нас слишком мало времени, чтобы соблюдать уголовно-процессуальные нормы.

- Ясно, сделаем, - коротко откликнулся генерал.

Николай Ежов молчал. Он думал, если банду не удастся обнаружить, то почему не приписать ограбление другой банде? В Марьиной роще, самом криминальном районе столицы, их немало. Сделать попытку захвата одной из них, самих бандитов перестрелять, подбросить туда милицейскую форму и деньги, и, считай, сложное дело раскрыто. И пусть тогда преступник из Таджикистана продолжает упорствовать, пойдёт под суд на косвенных доказательствах. Кстати, можно повесить на него ещё пару нераскрытых дел где-нибудь на периферии. Это только повысит значимость расследования, которое успешно провело Политуправление. Но как сказать об этом генералу? Ведь в таком случае заведующий отделом административных органов ЦК попадает в зависимость от него... Но с другой стороны, слова к делу не пришьёшь. Где доказательства, что такое решение подсказал ему Ежов? И совсем с другой стороны, ведь генерал сам осуществит эту подложную операцию, стало быть, он, Николай Ежов, опять-таки остаётся в стороне...

Николай Ежов ещё помолчал, словно испытывая терпение Васильева.

- Трофим Алексеевич, - заговорил он, понизив голос, и тем самым как бы подчёркивая важность того, что будет сказано дальше. – Марьиная роща – настоящий бандитский притон. Почему бы вам не провести её зачистку?

- Да, но ... – начал было Васильев, но Ежов остановил его жестом руки. – Думаю, там вполне могут оказаться те, кто грабил Сбербанк.

- Возможно, - неуверенно согласился генерал; до него всё ещё не доходила та комбинация, которая только что возникла в голове заведующего отделом.

- Конечно, бандиты будут отстреливаться, и вы, чтобы сохранить своих людей, прикажете им стрелять на поражение.

- Так часто делается, - послышалась ответная реплика.

- И тогда при обыске помещения обнаружится поношенная милицейская форма с матерчатыми масками, оружие, из которого были убиты кассир и охранник, и ... – Ежов помедлил, - и деньги. Кстати, сколько у вас их имеется в секретном фонде, из которого вы производите оплату ваших агентов?

Генерал поразмыслил.

- Тысяч триста наберётся. Но ведь деньги тогда уйдут в фонд государства?

Ежов удивился.

- Но почему? Проведите их, как вещественные доказательства, и они останутся у вас.

- Верно, - согласился Васильев. Он стал вникать в детали предполагаемой хитроумной комбинации. – Правда, есть одно «но». Пули, которые извлекли из тел убитых в Сбербанке, они ведь были выпущены из другого оружия?

Ежов покачал головой, как бы удивляясь тупоумию начальника Политуправления.

- Вы заберёте их себе в управление для контрольного сличения с пулями, которые будут выпущены из другого оружия и ...

- И вернём подменённые, - домыслил генерал. – А ведь интересная идея, - проговорил он. Лицо его прояснилось. Создавалась прекрасная возможность убить сразу нескольких зайцев, и тем самым показать себя решительным и умелым руководителем.

- Есть у вас надёжные люди? – прямо спросил Ежов. – Исполнительные и не болтливые?

Генерал усмехнулся.

- Тут никакой проблемы. У нас в Управлении спаянный коллектив.

- Ну и прекрасно. – Этими словами Ежов дал понять генералу Васильеву, что тот может быть свободен.

Генерал поднялся, попрощался с заведующим отделом за руку и пошёл к двери. Остановился, что-то вспомнив, повернулся лицом к Ежову.

- Да, а что делать с главарём бандгруппы?

- Продолжайте следствие, - распорядился Ежов. – И без этих интеллигентских штучек. Бандиты с нами не церемонятся, а мы любезничаем с ними. Создается, хорошо, не создается, соберёте для суда хороший материал и ...

- Ясненько, - начальник Политуправления покинул кабинет партийного функционера, осторожно прикрыв за собой дверь.

С того дня Ахмад Расулов ощутил на себе резко изменившееся к нему отношение. К следователю Сабидлову присоединился ещё один – Тюрин Борис Никандрович, худой, лет пятидесяти, с длинным носом и большими залысинами на лбу.

- Будешь сознаваться? – прямо спросил Тюрин.

Ахмад отрицательно покачал головой.

- Не в чем, и вы сами знаете это.

- Ну, смотри, азиатская твоя морда. Мы на тебя навешаем собак. Ты у нас так и сдохнешь в камере.

Больше на допросах истаравшанцу не светили лампой в лицо. Поступали хуже, ему не разрешали садиться. Следователи, Сабидлов и Тюрин, сменяли один другого, допросы длились часами, и всё это время Ахмад проводил на ногах. Тело наливалось свинцовой усталостью, ноги начинали дрожать, сознание мутилось. Он падал на пол от изнеможения. Надзиратели брызгали ему в лицо воду, давали понюхать ватку, смоченную в нашатырном спирте, и заставляли подняться. И мучения возобновлялись.

Пытки были изощрёнными, ставились цели сломить заключённого физически, тогда и морально он будет нестойк. Койку убрали, остались лишь вмурованные в бетонный пол спинки. Ахмад сидел на табурете и, как только закрывал глаза, следовал окрик надзирателя «Не спать!» Если он всё-таки засыпал сидя, его били ладонями по щекам. И так из ночи в ночь. Дело закончилось тем, что он упал на пол без сознания и пролежал так весь день. На обед давали миску баланды, хлеб и целую селёдку. Но ни чая, ни воды не было. От жажды пересыхало в горле, лопались и кровоточили губы.

Мучениям не было конца. Ахмада бросали на пол лицом вниз, один надзиратель держал за плечи, другой за ноги, а третий бил резиновой палкой по икрам ног и почкам. Боли были ужасными, Ахмад кричал, пытался освободиться, но это лишь развлекало палачей.

Несколько дней вообще не давали ни есть, ни пить. Крыса Василиса, жившая в камере вместе с Ахмадом, обезумела от голода и жажды. Глаза её горели, как угольки, длинные клыки выступали иглами. Она бросалась на человека, стремясь искусать его и хоть так насытиться. Ахмад отбивался от неё ногами, боялся ложиться на койку, озверевшая крыса могла впиться ему в горло. Вскоре крыса исчезла и больше не появлялась, должно быть ей удалось где-то пристроиться получше.

Сознание истаравшанца мутилось. Он перестал осознавать, где находится, не отличал день от ночи. Он готов был сознаться в чём угодно, но не мог этого сделать, поскольку сознаваться было не в чем. Он ничего и никого не знал. Пытался что-то придумать, но следователи быстро разоблачали его ложь, и за неё следовали побои палками.

Это была нелепейшая ситуация, когда узник был сломлен и физически, и морально, когда был готов подписать всё, что угодно, но никаких показаний дать не мог, поскольку ни в чём не был виноват, и не был в состоянии даже придумать что-то правдоподобное.

Заведующий отделом административных органов ЦК партии Николай Ежов почти ежедневно звонил начальнику Политуправления Наркомата внутренних дел и задавал один и тот же вопрос: «Ну как?» «Мы ничего не

можем сделать», - оправдывался Васильев. – Какое-то нечеловеческое упрямство!»

Генерал Васильев ежедневно вызывал к себе следователей Сабидлова и Тюрина и бросал им короткое: «Как?»

Те пожимали плечами, что значило – не сознаётся.

- А «мокрую камеру» пробовали? – поинтересовался генерал.

- Нет, - виновато потупился Сабидлов. – До неё ещё дело не дошло.

- Ну что же вы? Теперь понятно, почему преступник упорствует. Слишком гуманно с ним обращаетесь.

На следующий день Ахмада Расулова вывели из камеры. Его сопровождали два надзирателя, краснолицые, с тупыми, невыразительными физиономиями.

Опять шли по мрачным коридорам, поднимались и спускались по лестницам, наконец, остановились у поржавевшей, железной двери.

- Раздевайся, - приказал один из надзирателей.

Ахмад не понял.

- Как?

- Догола.

Он разделся. Другой надзиратель отворил заскрипевшую в петлях дверь, истаравшанца схватили за руки и вбросили в тёмное помещение. Света не было, он попытался удержаться на ногах, но скользкий пол был залит водой, и Ахмад плашмя упал в затхлую воду. С трудом поднялся, нигде ни проблеска света. Вода не была холодной, но гнилостной, видно долго её не меняли, и дурно пахла.

Размеры камеры не угадывались, Ахмад вытянул руки и прошёл по камере сперва из конца в конец, а потом из стороны в сторону. Помещение было тесным, походило на каменный мешок, залитый по щиколотку водой. Время от времени раздавался плеск, что-то мокрое и мягкое касалось его ног.

Ахмад опустил руку в воду, нащупал плавающий предмет и с ужасом убедился, что это крыса. В камере было полно крыс, они плавали в воде, ныряли в неё, исчезали и снова появлялись. Где-то в углу у них была нора, крысы скрывались в ней, должно быть в глубине было сухо, потом снова плескались в воде.

Ахмада Расулова охватил ужас, он бросился к двери, бил в неё кулаками, кричал, но надзиратели не откликались.

Истаравшанец понимал, что должен стать пищей для этих хищных тварей, обитавших в камере, и это приводило его в исступление. Он готов был на всё, чтобы его расстреляли, повесили, но только, чтобы не быть съеденным заживо мерзкими тварями.

Но, странное дело, крысы не нападали на него. По-прежнему плавали, исчезали и появлялись, и не проявляли никакого интереса к человеку, прижавшемуся к двери.

Ахмад ждал чего угодно, но ничего не происходило. Абсолютная темнота, плеск воды, шершавые бетонные стены.

Должно быть, вечером, в двери открылось окошко, на полку поставили миску с едой и кружку с чаем.

- Выпустите меня!- закричал Ахмад.

- Сознаться будешь? – осведомился надзиратель.

Нервы истаравшанца не выдержали, и он зарыдал.

- Ну как вы не поймёте, мне не в чем сознаться.

- Тогда сиди.

Окошко захлопнулось.

Неспешно тянулись минуты, часы.

Еду ему выдавали, но он не ел её и бросал в воду крысам. Они пищали, дрались, брызги разлетались в стороны, но человека не трогали. Наверное понимали, что для них он источник пищи.

По раздаче еды можно было установить, сколько он дней находится в «мокрой камере», но Ахмад не делал этого. Глубокое равнодушие к собственной судьбе охватило его. От голода он обессилел, потерял интерес ко всему, и это даже радовало его. Он хотел одного: умереть, смерть виделась ему избавлением от всех мучений.

Теперь Ахмад сидел в воде, привалившись спиной и затылком к шершавой стене. Иногда он спал, и тогда крысы забирались ему на плечи и голову, и дремали вместе с ним. Когда он просыпался и начинал шевелиться, крысы с плеском прыгали в воду и плыли к своей норе.

У Ахмада начались галлюцинации. Он видел себя на строительстве колхозной фермы. Строгал доски, пилил брёвна, ему было жарко, и запах чистой древесины ласкал обоняние. А то собирал фрукты в саду, их было так много, что сад тонул в их золотистом изобилии.

- Ну как? – спрашивал генерал Васильев следователей, и те виновато отводили глаза в сторону. Стойкость истаравшанца была необъяснимой. Никто до него не выдерживал столь длительной пытки «мокрой камерой». На вопрос «будешь сознаваться?» он бормотал что-то на таджикском языке или отделялся молчанием.

«Какое-то животное терпение!» - всердцах выкрикивал начальник Политуправления.

Но в стойкости Ахмада Расулова не было ничего животного. Это была стойкость невинного человека, который не совершил ничего предосудительного, и ему просто-напросто не в чем было признаваться.

Он ждал смерти, но она не спешила к нему. По всей видимости, он ещё не исчерпал всех испытаний, которые были ему предопределены кем-то свыше.

Истязания истаравшанца завершились неожиданно. Оперативники получили сообщение от одного из своих агентов, что в Марьиной роще появилась банда главаря по кличке Лошак, и она явно готовится совершить какое-то преступление. Это было именно то, что нужно, и то, чего ждали. Начальник Политуправления сообщил о банде Ежову. Приказ был категоричным: «Брат! В живых не оставлять никого!»

Той же ночью дом, где укрывалась банда, взяли в кольцо. После ожесточённой перестрелки, оперативники ворвались в помещение. Раненых и оставшихся в живых добили выстрелами в упор. А ещё через день во всех газетах появились сообщения, что уничтожена крупная воровская шайка, и среди её членов были те, кто совершил налёт на Сбербанк. На фотографиях были запечатлены милицейская форма, в которую были одеты грабители, наганы, и солидная пачка денег, часть тех самых, которые были захвачены в кассе банка. Ахмад Расулов описывался как один из подручных Лошака, и по-прежнему именовался вожаком бандитов, ограбивших банк и совершивших убийство двух человек.

Следствие по делу налёта на Сбербанк было успешно завершено.

Со всеми материалами заведующий отделом административных органов Николай Ежов прибыл к Сталину. Ежов держался скромно, вёл себя так, будто никакой его заслуги в ликвидации крупной банды и раскрытии «висяка» не было.

Иосиф Виссарионович по достоинству оценил его сдержанность.

- Вот видите, - проговорил он. – Когда появляется хороший организатор, всякие сложные дела сразу становятся простыми.

Вождь выбил пепел из трубки в мраморную пепельницу, пальцем спрессовал в трубке свежий табак и закурил. Тотчас же задымил папиросой и Ежов.

Сталин долго рассматривал фотографии, на которых запечатлелся весь ход ликвидации крупной банды, пробежал глазами по протоколам, актам и рапортам, составлявшим уголовное дело.

- Неплохо сработано, - проговорил он, по обыкновению выделяя каждое слово. – Я предлагаю вам, Николай Иванович, возглавить Наркомат внутренних дел. Полагаю, вы созрели для этой должности.

- Да, но Ягода... – начал было Ежов, но Сталин остановил его движением трубки.

- Ягода без дела не останется. Наркомат внутренних дел – сложная и ответственная сфера, там нужен деловой, энергичный и сдержанный человек, из тех, у кого не разнятся слова и дела. Не ошибусь, если скажу, что вы один из таких людей. Надеюсь, Политбюро согласится с вашей кандидатурой.

- Товарищ Сталин... Иосиф Виссарионович... – Ежов задышался от волнения. Ему не хватало ни слов, ни воздуха... – Все силы... всю энергию...

Сталин остановил его.

- Верил и верю. Не стоит так волноваться.

Он походил по кабинету, давая возможность прийти в себя новому наркому внутренних дел.

- Да, а что тот главарь шайки, который сидит на Лубянке? Сознался он в преступлении?

- Кое-какие показания дал, - заторопился Ежов. – Но удивительно стойкий бандит, держится, хотя, я полагаю, скоро мы его заставим во всем сознаться.

Сталин постучал чубуком трубки по папке уголовного дела.

- Теперь его показания не имеют особого значения. Ничего существенного к этим материалам он добавить не сможет.

Николай Ежов поторопился согласиться.

- Совершенно верно. Будет только врать и выкручиваться. Как с ним поступить, Иосиф Виссарионович?

Сталин смерил Ежова укоризненным взглядом.

- И это вы спрашиваете, нарком внутренних дел? Решайте сами. По мне расстрелять его, и дело с концом. Нет человека, нет проблемы.

- Будет сделано, - заторопился Ежов. Он готов был сам бежать на Лубянку и собственноручно пристрелить упрямого азиата.

Сталин поразмыслил.

- Впрочем, не стоит торопиться. Народ верно говорит: поспешишь, людей насмешишь. Могут вскрыться ещё какие-нибудь обстоятельства, а бандита не будет...

Николай Ежов молчал, понимая, что вождь не завершил своего рассуждения, что касается самого новоиспечённого наркома, то, по его мнению, конечно же, было бы лучше расстрелять Расулова именно затем, чтобы не вскрылись никакие новые обстоятельства этого затянувшегося дела. Но со Сталиным не поспоришь.

- Вы знаете, о чём я сейчас подумал? – снова заговорил вождь. – А так ли всё просто было с ограблением Сбербанка? В своё время большевики ещё до революции проводили такие операции, скажем, в Грузии. Тоже нападали на банковских работников. Деньги шли на покупку оружия, поддержку революционного движения. Эффективная форма поддержки всякой антиправительственной деятельности...

Ежов знал, что в Тбилиси в своё время сам Сталин принимал участие в таких экспроприаторских ограблениях, которые называли просто «эксы», но сделал вид, что впервые слышит об этом. Сам Сталин никогда об этом не распространялся.

- Так вот, я думаю, - вождь продолжал расхаживать по кабинету. – Мы только недавно провели судебный процесс по делу «Московского центра», на котором осудили скрытых «врагов народа». Но есть и другие группировки, деятельность которых расследуется, а не было ли это ограбление Сбербанка попыткой получить деньги на подрывные цели, на борьбу с нашим государством?

Ежов весь превратился во внимание.

- Вполне может быть, - торопливо согласился он.

Сталин остановился рядом с Ежовым и устремил на него тяжёлый взгляд.

- Подумайте над этой версией. Пока держите её в секрете, чтобы подобное предположение не просочилось в зарубежную печать. Сами понимаете, для нас это невыгодный факт. Во всяком случае, поработайте в этом направлении. Но в любом случае, главарь банды не должен уйти от наказания. Ни при каких обстоятельствах. И поскорее отправьте его куда подальше, сами видите, преступление из уголовного переходит в политическую плоскость. Придержите пока этот факт, как козырную карту для очередного процесса над «врагами народа». Конечно, лучше бы

расстрелять, но пока не вся бандитская шайка в наших руках. Так что, повременим.

И сам Сталин, и Ежов понимали, что никакой политики в нападении на Сбербанк не было. Но для дальнейшего осуществления репрессий в стране этот факт мог пригодиться, как гиря, он мог утяжелить чашу обвинения против политических противников Сталина.

Таким образом, колхозный плотник Ахмад Расулов вырос до размеров крупной фигуры, к которой никаких объективных подходов в следствии уже не могло быть. Его судьба определилась в ходе короткой встречи главы государства с будущим наркомом внутренних дел.

- Значит, сделаем так, - развивал свою мысль Иосиф Виссарионович. – Организуйте широкий судебный процесс, чтобы народ больше не волновался, и слухи всякие не гуляли по Москве. Сначала приговорите бандита к высшей мере, а потом, спустя, скажем, дней десять решением Особого совещания замените ему расстрел максимальным сроком отсидки в самой строгой колонии. Пусть посидит, подумает. Если ничего нового не появится, можно и расстрелять. – Сталин едва заметно усмехнулся. – Дело не хитрое.

Вождь посмотрел на Ежова, пыхнул дымом из трубки.

- Вы свободны, товарищ нарком.

- Есть, товарищ Сталин, - по-военному откликнулся Николай Ежов. – Все ваши указания будут выполнены.

- Не сомневаюсь.

Новый нарком внутренних дел мог торжествовать. Тщательно продуманная комбинация по раскрытию дерзкого ограбления Сбербанка увенчалась успехом. Но к довольству примешивалось странное чувство досады. Главаря преступной шайки не удалось сломить, он по-прежнему стоял на своём, несмотря на жестокие пытки и унижения. Его стойкость и мужество были поразительными.

Опытный интриган и карьерист Николай Ежов был по своей натуре слабым человеком. Он не мог противостоять давлению, легко шёл на соглашательство и предательство, лишь бы уцелеть самому и подняться на ещё одну должностную ступень. И потому такие люди, как Ахмад Расулов, вызывали в его душе уважение, и одновременно, неприятие. Значит он, Николай Ежов, хуже и подлее их? Эта мысль отравляла ему существование. И он захотел увидеть главаря преступной шайки.

Ахмада Расулова побрили и постригли, дали возможность вымыться в душе, переделали в чистую арестантскую робу и повезли к наркому внутренних дел.

В сопровождении четырёх вооружённых охранников он вошёл в кабинет наркома.

Кабинет был огромным, сверкал полированной мебелью, пол был застлан пушистым ковром. На стене висел громадный портрет Сталина. Вождь был изображён в полный рост, с трубкой в руках, в излюбленной полувоенной форме.

В окна кабинета вливался яркий солнечный свет, и Ахмад даже зажмурился от его изобилия.

- Пусть подойдёт поближе, - слышался тихий голос.

Охранники подтолкнули Расулова, и он приблизился к длинному приставному столу.

Николай Ежов и Ахмад Расулов пристально разглядывали один другого.

Громадный кабинет подавлял наркома, он выглядел в нём ещё мельче и незначительнее. Ахмад не знал – кто этот человек, но не ощущал ни страха, ни волнения. Он уже столько перенёс и пережил, что никакие изменения в судьбе его больше не волновали. Оставалась только смерть, и он ждал её как избавления.

Николай Ежов видел перед собой сильно исхудавшего заключённого, с запавшими глазами, бледного, но во взгляде его не было ни тревоги, ни опасливого ожидания. Ахмад Расулов держался с оскорбительным равнодушием.

Ежов ожидал просьб, уверений в своей невинности, униженной покорности, но ничего этого не было. Ахмад Расулов молчал и смотрел прямо в глаза наркому.

Молчал и Николай Ежов. Но их обмен взглядами дал обоим больше понимания, чем, если бы они обменялись долгими речами. Ахмад Расулов дал понять наркому внутренних дел, что ничего не боится и не ждёт для себя ничего хорошего. Что будет, то и будет.

Бегающие глаза Николая Ежова и подёргивающаяся от нервного тика щека раскрыли истаравшанцу внутренний мир этого человека. И неуважение, которое поначалу испытывал Ахмад Расулов к этому мелкому человечку, перешло в явное презрение.

До этого Ежов намеревался задать Расулову несколько вопросов, и, может быть, тут, в кабинете грозного наркома в присутствии свидетелей услышать признание в совершённом преступлении. Но теперь, разглядывая истаравшанца, нарком ощутил в нём скрытое сопротивление и тот прочный волевой стержень, которого не имел сам. И пришло понимание, что никакого

признания он не добьётся, более того продемонстрирует своё бессилие, а вот этого как раз и не следовало выказывать в начале своей блестящей карьеры.

И нарком внутренних дел Николай Ежов не задал подследственному Ахмаду Расулову никаких вопросов.

Говорить им было не о чем. Николай Ежов махнул рукой.

- Уведите.

Когда шли по двору к машине, Ахмад спросил у охранника.

- Кто это был?

Тот немного помедлил с ответом.

- Нарком внутренних дел. Хозяин твоей судьбы. Ты, дурак, не воспользовался такой возможностью. Надо было в ноги упасть и молить о милости.

Ахмад вспыхнул.

- Я не привык унижаться, а перед таким человечком тем более. Он похож на крысу.

Охранники сделали вид, что не расслышали слов, оскорбительных для всесильного наркома.

Сталин так и не узнал, что явился участником грандиозной инсценировки по ликвидации банды, совершившей налёт на Сбербанк в центре Москвы, и что простой плотник из Истаравшана был поднят до уровня главаря организованной преступной группировки.

Николай Ежов недолго продержался на посту наркома внутренних дел. Спустя два года он был арестован, обвинён в корыстном использовании служебного положения, во вредительских действиях и, ещё год спустя, расстрелян. Вместе с ним так же завершил свою карьеру бывший начальник Политуправления Васильев, ставший заместителем наркома.

Таким образом, тайна ликвидации банды Лошака и его подручного, истаравшанца Ахмада Расулова, так и не была раскрыта, и до нынешнего дня оставалась славной страницей в деятельности московской милиции. Эту операцию изучали в милицейских школах, на курсах повышения квалификации оперативников-розыскников, и остаётся только удивляться тому, как удалось подтасовку фактов превратить в подлинную историю совершённого служебного подвига.

В заключении человека ограничивают во всём: в пище, сне, возможности быть самим собой, а главное, в свободе. Не могут лишить лишь одного - способности думать. Именно этим и занимался, сидя в камере, истаравшанец Ахмад Расулов. И когда он стал размышлять о своей странной судьбе, вникать в её извивы и хитросплетения, ему стало легче. Он углублялся в воспоминания, и стены камеры словно раздвигались. Вспоминался родной Истаравшан, детство, а потом юность и молодые годы, и всё это было окрашено радужными тонами. Он осознал, что был период, когда был по-настоящему счастлив, и оттого тюремные испытания казались менее значительными.

Ахмад ожидал дальнейших суровых допросов, мучений и истязаний, но вдруг его оставили в покое. К следователям больше не вызывали, кормить стали лучше, разрешали спать даже днём. Он не понимал – в чём причина улучшения тюремного режима, и понял тогда, когда дежурный заключённый, раздавая кашу, шепнул ему: «К суду тебя готовят».

И сразу всё прояснилось в сознании колхозного плотника. Действительно, он исхудал, оброс волосами, как такого выводить в зал судебных заседаний? Нужно дать возможность прийти в себя, выглядеть прилично, ведь будут судить не истаравшанского колхозника, а одного из главарей бандитской шайки, наводившей ужас на всю Москву.

Ему выдали прежнюю одежду, водили в душ по желанию, хоть каждый вечер, гулял он во дворе Лубянки уже по часу, а потом к нему привели парикмахера, и то постриг его и побрил. Ахмад ожил, обрёл привычную бодрость, и к нему вновь вернулась вера в справедливость. Не может быть, чтобы в суде не разобрались в той чудовищной ошибке, которая произошла с ним, и не выпустили на свободу.

И он с нетерпением стал ждать начала судебного процесса.

Утром, после завтрака, его вывели из камеры, затолкали в закрытый наглухо кузов автозака и куда-то повезли. Машина долго петляла по улицам, останавливалась и снова трогалась с места, но Ахмад не видел ничего, в его тесное помещение не проникал даже лучик света. И только, когда въехали во двор Московского городского суда, охранники надели на него наручники и помогли спуститься на выщербленный асфальт.

Ахмад зажмурился от обилия света, летняя жара одарила его, как и всех, своими щедротами, только он воспринимал их полнее и напряжённее. Когда же пришёл в себя и осмотрелся, то увидел, что двор суда заполнен людьми доотказа. На него смотрели во все глаза, перешёптывались. А он никак не мог понять причину такого повышенного внимания.

Милиция расчистила от зевак проход до здания суда, охранники подхватили Ахмада под руки, и повели по образовавшемуся живому

коридору. Он слышал реплики: «Настоящий зверь!», «Попил нашей кровушки!», «Такому только попадись!», и у него появилась догадка, что вряд ли он и в суде получит понимание.

Зал суда тоже был заполнен любителями сенсаций. Журналисты и репортёры при виде Ахмада Расулова засуетились, защёлкали фотоаппаратами, яркие вспышки слепили глаза.

Ахмада завели в некое подобие клетки у стены. Толстые железные прутья отгородили его от всего мира. Охранники сняли с него наручники, закрыли дверь клетки на внутренний замок, и Ахмад сел на жёсткую скамью. Он чувствовал себя скованно, пристальное внимание множества людей утомляло, и Ахмад сам себе напоминал хищника в зоопарке, которому предстояло только пугать и развлекать зевак.

«Встать, суд идёт!» - раздался голос судейского секретаря. Публика зашумела, всколыхнулась, все поднялись на ноги.

- Встать! – рявкнул охранник, и истаравшанец тоже поднялся со скамейки.

Судья, пожилой мужчина, лысоватый, в сером костюме, шёл первым. За ним следовали судебные заседатели: худенькая женщина средних лет, и старичок, суетливый, бросающий на истаравшанца опасливые взгляды.

Судья и заседатели пошли к столу на возвышении и заняли свои места. Из боковых дверей вышли прокурор с помощником, и адвокат тоже со своим секретарём.

Прокурор был рослым, в мешковато сидящем на нём чёрном костюме. Его вьющиеся волосы шапкой вздымались над головой. Мясистое лицо было тщательно выбрито и блестело, отражая огни светильников.

Адвокат оказался молодым человеком, видно только что со студенческой скамьи. Он чувствовал себя непривычно в синем костюме, явно купленном где-нибудь на толкучке. То и дело приглаживал светлые волосы и крутил головой, пытаясь ослабить давление серого галстука.

Судья возвестил о начале судебного заседания. Он долго читал обвинительное заключение, в котором подробно воспроизводились детали состоявшегося ограбления Сбербанка и убийства кассира и охранника.

«О, Господи!» - громко вздохнула какая-то женщина. Судья строго посмотрел на неё поверх очков в массивной роговой оправе и продолжил чтение. Текст был длинным, и Ахмад с трудом вникал в его содержание.

Закончив читать, судья обратился к Ахмаду Расулову.

- Подсудимый, встаньте! Признаёте ли вы себя виновным?

Ахмад стоял, держась руками за толстые прутья железной клетки.

- Нет! – громко ответил он. – Я ни в чём не виноват!

Зал загудел, все повернулись к подсудимому.

- Начинаем судебные прения, - провозгласил судья. – Слово предоставляется государственному обвинителю.

Прокурор встал, откашлялся, провёл ладонью по вздыбленным волосам.

- Уважаемый судья, уважаемые судебные заседатели! Дело, которое нам предстоит расследовать, и по которому мы должны будем вынести решение, необычно по своей сути. Ограбление Сбербанка произошло в разгаре дня, и было осуществлено жестоко и цинично. Начнём с того, что деньги, хранившиеся в банке, - это вклады наших тружеников, пенсионеров, молодёжи, начинающей жить, и преступники нимало не посчитались с этим. Пытаясь завладеть сбережениями наших граждан, бандиты не остановились даже перед убийствами, а ведь у кассира и охранника были семьи, были дети, оставшиеся сиротами.

Зал снова загудел, послышались угрожающие выкрики в адрес жестокого бандита.

- Тише! – предупредил судья. – Прошу соблюдать тишину. Нарушителей будем удалять из зала.

Прокурор эффектным жестом указал на Ахмада Расулова.

- Как мы только что слышали, жестокий и циничный убийца не признаёт свою вину...

- Протестую! – выкрикнул адвокат.

Судья вопросительно посмотрел на него.

- Уважаемый прокурор квалифицирует подсудимого как убийцу. Это определение ещё не вынесено судом.

- Протест принимается, - решил судья. – Прошу прокурора соблюдать процессуальные требования.

Прокурор откашлялся.

- Извините. Я повторяю: подсудимый не признаёт своей вины, хотя в ходе следствия она убедительно доказана. Что ж, это лишний раз выявляет сущность его натуры. Я прошу, уважаемый суд, пригласить для дачи показаний оперативных работников МУРа Давыдова и Сучкова.

Оперативники МУРа появились в зале. Их предупредили об ответственности за дачу ложных показаний. Тот самый здоровяк, избивавший Расулова у Сбербанка, теперь говорил иное. По его словам выходило, что истаравшанец оказал им сопротивление, он хорошо подготовлен физически, и милиционерам с большим трудом удалось обезвредить его. Второй оперативник повторил то же самое. Их слушали с большим вниманием, сочувственно качали головами.

Судья обратился к адвокату.

- Сторона защиты, у вас есть вопросы к свидетелям?

Адвокат так стремительно вскочил на ноги, что часть бумаг с его стола полетела на пол. Секретарь адвоката, паренёк ещё моложе его, кинулся подбирать их. Адвокат попытался пригладить волосы, но ещё больше взъерошил их, и от того приобрёл ещё более комичный вид.

В зале послышались смешки. Вообще, надо сказать, адвокат сильно проигрывал по сравнению с представительным прокурором.

- Скажите, Давыдов, - спросил адвокат. – Как это получилось, что вы такой здоровый, хорошо развитый физически оперативник, не могли, по вашим словам, одолеть грабителя? Вы посмотрите на него, он вдвое меньше вас.

Оперативник усмехнулся.

- Может он восточные единоборства изучал, кто знает. Там ни сила, ни вес роли не играют. И потом у него в руках был нож, мы его еле выбили.

- В ваших прежних показаниях ничего о ноже не говорится? – встрепенулся адвокат. – Как же это вы забыли о такой важной детали?

Давыдов насмешливо посмотрел на адвоката.

- Вам этого не понять. В горячке задержания и не такое забывается.

Свидетели со стороны обвинения шли один за другим.

Пенсионеры, сидевшие на скамейке, на другой стороне от Сбербанка, утверждали, что неоднократно видели подсудимого в проулке. Он всегда останавливался возле банка, осматривал окна и двери, а один раз даже ухватился за оконную решётку и попытался проверить её крепость. Другой пенсионер добавил, что подсудимый разглядывал замки на двери Сбербанка и даже пробовал подобрать к ним отмычки.

Адвокат как мог, опровергал эти нелепости.

- Как же удалось подсудимому ухватиться за решётки на окне, если они находятся на высоте около четырех метров? Его же рост один метр семьдесят пять сантиметров.

- А он подпрыгнул, - отговорился свидетель.

- У дверей банка стоит охранник. Разве он мог позволить, чтобы кто-то подбирал отмычки к дверям? – допытывался адвокат.

- Мог, - стоял на своём свидетель. – Может он подкупил охранника? Или охранник отлучился на минуту?

Самое интересное, что все эти нелепости воспринимались как достоверные факты, и секретарь суда заносила их в протокол.

Одна их работниц банка сообщила, что из окна своего кабинета она хорошо видела подсудимого. Он и верно рассматривал окна банка и подавал своим сообщникам какие-то знаки. А когда заметил, что за ним наблюдают, то вынул из кармана большой чёрный пистолет и пригрозил им.

- Почему же тогда во время налёта на банк этого пистолета у него не оказалось? – встрепенулся адвокат. – Логично предположить, что именно в тот момент оружие ему было нужнее всего?

- А это вы у него спросите, - огрызнулась свидетельница. – У них, у бандитов своя логика.

Свидетели обвинения добросовестно топили Ахмада Расулова, навешивая на него всякие несуразности. Обстановка в зале накалялась. Со всех на истаравшанца были устремлены враждебные взгляды, и он подумал: если бы не клетка, в которой он сидел, и не охрана возле неё, публика разорвала бы его на части, таким закоренелым негодяем и преступником выглядел он в глазах собравшихся.

Особенно старался старший азербайджанец.

- Это настоящий бандит, - горячился он. – Мы с Рауфом сразу это поняли. Хотели его проверить. Слушай, говорим, продай оптом свой товар нам и поезжай домой. Зачем тебе сидеть в Москве? Он отказался, теперь понятно почему. Ему нужно было время, чтобы подготовиться к ограблению банка.

- А может быть вы давали ему нестоящую цену? – поинтересовался адвокат.

Старший азербайджанец даже руками всплеснул от негодования.

- Зачем нестоящую? Больше базарной цены давали. Дай, думаем, поможем человеку, пусть даже себе в убыток.

- Знаем мы вашу помощь себе в убыток. Видели вас на базаре, - отпустил реплику седоусый старик, сидевший в зале.

Азербайджанец не понял его.

- Правильно дед говорит. Честнее нас нет продавцов на Черкизовском рынке.

- Мамедов, у вас всё? – судья попытался остановить разгорячившегося старшего азербайджанца.

- Зачем всё, я ещё главного не сказал. Как-то вечером этот человек, - Мамедов указал пальцем на истаравшанца, - в гостинице спросил меня, слушай, говорит, дорогой брат, есть здесь поблизости большой, богатый банк?

Есть, сказал я, Сбербанк, совсем рядом. А он хорошо охраняется? Мне кажется, не очень, ответил я. А если, мол, напасть на него? Зачем я буду останавливать, подумал я. Попробуй, сказал я, если что, мы с Рауфом поможем.

- Стойте, - вмешался адвокат. – Из ваших слов явствует, что вы сообщники подсудимого?

До старшего азербайджанца дошёл смысл обвинения защитника.

- Зачем так говоришь? – вскинулся он. – Молодой, оскорбляешь. Сразу видно, в Баку не жил. Мы проверить этого человека хотели, а потом сообщить в милицию.

- Почему же не сообщили? – последовал вопрос адвоката.

Мамедов даже поперхнулся от неожиданности.

- Ловкий оказался. Всех опередил.

Всем была ясной нелепость этих показаний, и судья лишил слова заболтавшегося азербайджанца.

Свидетели защиты были несравненно слабее. Держались неуверенно и скованно, и доводы их были неубедительными.

Начальник поездной охраны Иззат Амонов говорил, что неделю ехал с Ахмадом Расуловым и ничего подозрительного в его поведении не заметил. Хороший человек, открытый, душевный.

- Ну, ещё бы, - иронически заметил прокурор. – Он должен был размахивать пистолетом, говорить о своих преступных замыслах, втягивать вас в свою шайку. Так что ли, по-вашему?

Начальник ВОХРа пожал плечами, не зная, что сказать в ответ на реплику обвинителя

- Вот вам типичный пример слепого землячества, - прокомментировал прокурор показания начальника поездной охраны.

- Протестую, - вскочил адвокат, - это прямое оскорбление свидетеля.

Протест адвоката не был принят судьёй во внимание. Тот лишь махнул рукой, садись, мол.

Ещё более неубедительным был торговый представитель Таджикистана в Москве Солах Хусаинов. Он сообщил, что видел Ахмада Расулова несколько раз, и тот не показался ему подозрительным..Напротив, боялся торговать и жалел, что взялся не за своё дело.

- Ну, за своё-то он как раз и взялся, - громко заметил прокурор.

Напарница Ахмада по лавке Ульяна заливалась слезами и твердила, что Расулов – хороший человек, никого не обвешивал и никого не обманывал.

- Видно, вы это делали за него? – в голосе обвинителя прозвучал явный сарказм.

Ульяна смешалась.

Прокурор махнул рукой.

- Всё ясно, одна шайка-лейка.

- Протестую, - снова выкрикнул адвокат. И опять судья явно проигнорировал его протест.

- А скажите, свидетель, - обратился прокурор к Ульяне.- Ваш напарник Расулов всё время был в лавке или отлучался куда-нибудь?

- Сперва всё время, - пояснила женщина. – А потом я сказала ему: скоро тебе домой ехать, а ты ещё Москвы не видел. Ступай после обеда, походи по городу.

- И он ходил не дальше Сбербанка, - засмеялся прокурор. – А он не обещал вам больших денег в скором будущем? Ведь вы практически развязали ему руки.

- Ничего он мне не обещал, - испуганно ответила женщина. – Откуда бы они у него взялись?

- А миллион, похищенный в Сбербанке? – напомнил прокурор. – Помоему и вам бы хватило.

Ульяна громко зарыдала, и судья разрешил ей покинуть свидетельское место.

Ахмад Расулов слушал показания свидетелей обвинения и защиты и недоумевал. Почему одни так настроены против него, а другие боязливы и осторожны? Он не учитывал ни психологии тех, кто находился в зале суда, ни обстоятельств того смутного времени.

В зале суда сидели, в основном, пенсионеры и зеваки, которым некуда было девать свободное время и для которых судебные процессы были основным развлечением. Кроме того, газеты и радио уже подготовили москвичей к тому, что будут судить одного из организаторов ограбления Сбербанка и злостного рецидивиста, и именно такого они и видели в Ахмаде Расулове. И потому перепалка между прокурором и адвокатом занимала их внимание, и, конечно же, они были на стороне прокурора, который и выглядел внушительнее и олицетворял собой законное правосудие. Преступник был пойман и должен быть наказан в соответствии с совершённым деянием. И хотя судебный процесс по своей сути, как негромко выразился один из журналистов, превратился в «избиение младенца», судья вёл процесс предвзято, сам игнорировал процессуальные нормы и явно симпатизировал напористому представителю прокурору. Кроме того, судья получил указание из вышестоящей инстанции, чтобы главарь преступной шайки получил наказание по максимуму. Судье намекнули, что в исходе этого процесса заинтересованы высшие руководители страны и, понятное дело, судья делал всё возможное, чтобы соответствовать этому указанию.

Что же касается времени, то оно было непростым. В Москве шли непрерывные аресты «врагов народа», атмосфера страха окутывала город удушливой пеленой, и никому не хотелось попасть под жёсткий пресс правосудия. Потому следовало или молчать, или громогласно поддерживать генеральную линию партии и правительства.

За фактическими доказательствами тоже дело не стояло. Пули, извлечённые из тел убитых в банке кассира и охранника, были выпущены из тех же пистолетов, которые были изъяты у бандитов в Марьиной роще. Отпечатки пальцев этих бандитов были обнаружены на сейфе в хранилище банка. Там же нашлись отпечатки пальцев и Ахмада Расулова. И хотя в протоколах отмечалось, что он внутрь банка не заходил, снова судья никак не прореагировал на это явное противоречие.

Показания свидетелей защиты были вялы и неубедительны, что тоже легко объяснимо. Ахмада Расулова они знали мало, а может он и действительно вёл двойную жизнь. Начнёшь оспаривать и доказывать его честность и порядочность, и сам окажешься рядом с ним на скамье подсудимых.

- Переходим к выступлениям сторон, - объявил судья.- Слово предоставляется государственному обвинителю Сивоконю Юрию Даниловичу.

Прошу, Юрий Данилович.

Прокурор выпрямился во весь свой немалый рост, окинул грозным взглядом сидящих в зале. Стихли перешёптывания, воцарилась тишина.

- Я могу долго говорить о совершённом преступлении, - начал свою речь прокурор. – Оно поражает своим цинизмом и совершенно залётным гастролёром из далёкого Таджикистана. Вернее, совершено под его руководством, - поправился прокурор. – Чему же тут удивляться? Таджикистан – бывшая царская окраина, жестокость и попрание всяких норм морали – там обычные явления, и все эти пороки вобрал в себя главарь банды. Да вы только посмотрите на его облик...

Все, как по команде уставились на подсудимого. И действительно, резкие черты его лица, густые брови, удлинённый разрез глаз, густые волосы, падавшие на лоб, смуглая кожа – всё это свидетельствовало о его криминальной натуре.

- Протестую! – вскочил адвокат. – Прокурор оказывает психологическое воздействие на суд.

- Протест отклонён, - объявил судья. – Слова прокурора – всего лишь характеристика внешности подсудимого.

Адвокат бессильно всплеснул руками и сел на своё место.

В зале стояла такая тишина, что было слышно, как со звоном билась о стекло залетевшая с улицы муха.

Прокурор недовольно покосился на неё и возвысил голос. Его хорошо поставленный баритон доносился до отдалённых уголков просторного зала.

- И все эти порочные явления своей среды подсудимый принёс в Москву, город высокой культуры и здоровой морали. Чуть ли не целый год столица жила напряжённой жизнью, пока шло расследование этого дерзкого преступления. Следует отдать должное нашим доблестным защитникам правопорядка, сумевшим схватить отъявленного рецидивиста на месте преступления, иначе, кто знает, что ещё он сумел бы совершить в Москве.

Оперативники МУРа выпрямились и дружно закивали, поддерживая слова государственного обвинителя. Это был их «звёздный час», и они всю всю пользовались заслуженной славой.

Прокурор откашлялся, помолчал, обводя глазами собравшихся зевак, которые ловили в напряжённой тишине каждое его слово.

- Убийство было обычным делом для Расулова, - прокурор указал рукой на истаравшанца. – И он не посчитался с тем, что у кассира и охранника были дети, оставшиеся сиротами.

- Но не он убивал, - попытался возразить адвокат.

Прокурор смерил его снисходительным взглядом.

- Можно предположить, что не он, - согласился прокурор с адвокатом. – Но он побуждал своих подручных к таким действиям, а мой уважаемый коллега знает, что побуждение к действию расценивается как не менее тяжкое преступление.

Расправившись таким образом со своим оппонентом, прокурор продолжал дальше

- Нет смысла заново излагать все обстоятельства дела. Они хорошо известны всем, находящимся здесь. Я прошу, уважаемый суд, разделить мою обвинительную речь на две части. Одну я произношу сейчас, вторую продолжу после выступления стороны защиты.

Адвокат попытался возразить, но судья опередил его.

- Принимается, - провозгласил судья.

Прокурор признательно склонил голову.

- В дальнейшем станет ясно, почему я поступил таким образом. Пока же скажу следующее. Как мы поступаем с больным органом, если стоит вопрос сохранения всего организма? Конечно же, мы его удаляем. К примеру, это может быть больной зуб или воспалившийся аппендицит. Мы спешим к хирургу, и он проводит необходимую операцию. Решение нашего высокоуважаемого суда и будет такой спасительной операцией. Над этим нашему почтенному суду и стоит поразмыслить в оставшееся время.

Прокурор картинно повёл рукой в сторону судьи и заседателей.

- Благодарю за внимание, пока я закончил.

Судья потряс головой, провёл рукой по наметившейся лысине, словно приходя в себя.

- Благодарю вас, Юрий Данилович. Слово предоставляется стороне защиты.

Молодой адвокат вскочил на ноги. Конечно же, он понимал, что проигрывает государственному обвинителю по всем статьям, но в данный

момент его заботило не это. Он осознавал, что судебное заседание ведётся предвзято, в уголовном деле много неясностей, его надо вернуть на следствие, и потому был полон негодования. Эмоции брали в нём верх над холодной логикой, и оттого речь адвоката была сумбурной и малоубедительной.

- Уважаемый суд, уважаемые присутствующие в зале. Наше судебное заседание – не совсем обычное. Мы упускаем из вида существенные детали и принимаем, как факты, те, которые явно не имели места.

- Протестую, - прокурор поднял руку. – Адвокат бросает тень на работу следствия, обвиняя их в недобросовестности.

- Протест принят, - согласился судья.- Прошу адвоката быть более доказательным.

- Пожалуйста, - адвокат задыхался от волнения.- Получается явное противоречие. Подзащитного обвиняют в двойном убийстве, которого он не совершал. Он якобы подстрекал своих сообщников на эти убийства, но, спрашивается, как он мог сделать это, находясь на улице?

Прокурор усмехнулся.

- Он мог им дать наводку на это заранее.

Адвокат энергично замотал головой.

- Ну, это вряд ли, откуда он мог знать, что будет происходить в Сбербанке?

Теперь засмеялись зрители, сидевшие в зале.

- Шёл грабить Банк и не знал, что будет происходить в банке? Но это ребёнку ясно... – проговорил седоусый старик.

Адвокат смешался, но продолжал стоять на своём.

- Ребёнку может и ясно, но прямого подстрекательства к убийству не было, и моему подзащитному не стоит это вменять в вину.

Седоусый старик сожалеюще причмокнул губами.

- Эх, молодость, горячая да зелёная!

Судья стукнул ладонью по столу.

- Прошу соблюдать порядок. Нарушителей будем выводить из зала.

Адвокат снова взъерошил свои светлые волосы, что придавало ему ещё более легкомысленный вид.

- Имеются неопровержимые факты, что подсудимый не входил в банк, и в то же время на сейфе обнаружены отпечатки его пальцев. Не кажется ли вам, уважаемые судья и заседатели, что тут явная несообразность?

- Не кажется, - откликнулся со своего места прокурор. – Он мог заскочить на минуту в банк, чтобы посмотреть, всё ли там идёт так, как намечали, взглянуть, сколько денег в сейфе и тут же выскочить наружу.

- Но тогда бы его видели сотрудники банка, а так они утверждают, что было всего три грабителя в милицейской форме и чёрных масках, - стоял на своём адвокат.

- И это легко объяснимо, - снисходительно проговорил прокурор, - когда вокруг гремят выстрелы, и кто-то падает убитым, вам будет не до взглядов по сторонам.

Судья предупреждающе постучал по столу.

- Должен заметить, что судебное заседание превращается в перепалку между сторонами обвинения и защиты. Прошу соблюдать установленные правила и не перебивать выступающего.

Прокурор выставил перед собой руки, давая понять, что с его стороны порядок будет обеспечен.

Адвокат говорил взволнованно, сопровождая слова хаотичной жестикуляцией.

- Так вот повторяю ещё раз, в уголовном деле есть несообразности, и следовало бы окончательно прояснить их.

Как часто мы судим о человеке предвзято, основываясь на сложившемся мнении. Так происходит и в данном случае. А между тем, есть и другие свидетельства. Вот, - адвокат потряс стопкой бумаг. – Соседи Ахмада Расулова, его товарищи по работе характеризуют его как спокойного и выдержанного человека, который никогда, повторяю, никогда не был замечен в каких-либо сомнительных мероприятиях. Тут же имеется производственная характеристика колхозного плотника Ахмада Расулова, подписанная председателем колхоза, секретарём партийной организации и председателем профсоюзного комитета сельского хозяйства. Так вот, в этой характеристике Расулов обрисован с самой положительной стороны.

- А показаний его жены у вас не имеется? – ядовито усмехнулся государственный обвинитель.

В зале засмеялись.

- А то, мой уважаемый, доверчивый коллега не знает, - продолжал прокурор, - что у них там, в Азии, все друг другу родственники, и смешно было бы ждать других свидетельств и характеристик.

- Это верно, - откликнулся чей-то женский голос из зала.

Адвокат возмутился: - Ну, знаете, так мы можем до многого договориться. Нельзя же всё подвергать сомнению.

- Уже договорились, - отозвался прокурор. – Делаем из матёрого уголовника этакого пушистого, безвинного ягнёнка. Я понимаю, сторона защиты отработывает свой хлеб, но давайте же будем объективны и беспристрастны.

Судья недовольно нахмурился.

- Вы закончили свою речь? – обратился он к адвокату.

- Ещё минуту, - попросил тот. – Я ещё раз обращаю внимание суда на односторонность следственных материалов, а точнее, на их предвзятость, и прошу вернуть уголовное дело на доследование. Я твёрдо убеждён в том, что подсудимый Расулов ни в чём не виноват. Он стал жертвой случайного стечения обстоятельств, и наша задача объективно разобраться во всём и оправдать его, а не ломать ему судьбу. У меня всё.

Адвокат выжидающе посмотрел на судью, тот жестом руки разрешил ему садиться.

- Да вот ещё что, извините, забыл главное,- спохватился адвокат. – Допустим, что Расулов возглавлял нападение на банк. Почему же он тогда побежал в одну сторону с небольшими деньгами в руках, а его подельники с миллионом, повторяю с, миллионом рублей скрылись в другой стороне, где их поджидала машина? Логичнее ему было бы находиться вместе с ними. Опять-таки явное расхождение с элементарной логикой.

- Прошу слова, - поднял руку здоровенный оперативник МУРа.

- Слушаем вас, - благосклонно отозвался судья.

- Моя фамилия Давыдов. Я старший лейтенант милиции, старший инспектор Московского уголовного розыска. Именно я задержал главаря группировки, вот его, - Давыдов ткнул рукой в сторону молчаливо сидевшего Ахмада Расулова. – И чуть не погиб от его руки. Это он с виду такой, как все, а на самом деле ловкий и сильный, и нож имел. Так вот, я что хочу сказать. Наш дорогой адвокат ведёт первое дело и полон сантиментов, не знает правил уголовного мира. Расулов поступил, как истинный главарь. Он оторвался от своих и побежал в другую сторону. Правильно побежал, одному скрыться легче, а тех денег, которые у него были с собой, ему бы хватило на пару месяцев приличной жизни. А там поделили бы добычу. Рассчитано было

всё верно, кроме того, что мы выскочили прямо на него. А выскочили мы потому, что в соседнем проулке заглох грузовик, и мы были вынуждены были поехать в окружную. Не будь этого, не видели бы мы этого субчика на скамье подсудимых.

- Короче, не было счастья, да несчастье помогло, - прокомментировал седоусый старик из зала.

- Можно и так сказать, - согласился оперативник.- Так что не нужно строить из него невинного ягнёнка, верно сказал прокурор. За десять лет работы в МУРе я насмотрелся на блатных, и главаря от простого поделщика могу отличить.

- Всё у вас? – спросил прокурор.

Давыдов мотнул головой в знак утверждения.

- Всё.

- А у вас, сторона защиты?

- Мне больше нечего сказать, - отозвался адвокат и сел на своё место с видом несправедливо обиженного человека.

- Прошу, уважаемый суд, дать мне возможность докончить моё выступление, - поднялся прокурор.

- Слушаем вас, - согласился судья.

Государственный обвинитель задержал взгляд на железной клетке, в которой сидел Ахмад Расулов, словно ещё раз осмысливая те доводы, которые готовился привести, чтобы подчеркнуть весомость своего обвинения.

- Слушая нашего молодого коллегу, я едва не прослезился, - заговорил прокурор. – Действительно, за душу берёт: и скромный труженик, и прекрасный семьянин, и жертва обстоятельств, которые он сам же и создал. Но так ли это на самом деле? А не предстал ли перед нами матёрый рецидивист, который так ловко действовал, что усыпил нашу бдительность, и появился перед нами в обличье рядового колхозника, не более и не менее? Прошу разрешения у уважаемого судьи задать подсудимому несколько вопросов.

Судья склонил лысеющую голову.

- Разрешаю.

Прокурор возвысил голос.

- Подсудимый Расулов, два года назад вы больше месяца находились в Ташкенте, с середины июля до середины августа. Было такое?

- Было, - негромко отозвался Расулов. Волнение сжимало ему горло, и голос едва повиновался.

- Прекрасно, а что вы там делали?

- Мы готовили павильон для нашей сельскохозяйственной выставки.

- И вы постоянно находились в павильоне? – продолжал допытываться прокурор.

- Постоянно.

- А вот ваши товарищи Мустафаев и Камбаров утверждают, что, в основном, вы работали полдня, а вторую половину где-то отсутствовали.

Ахмад Расулов попытался припомнить.

- Да, было несколько раз, - признался он. – Я тогда ездил за материалами для стройки.

- Как просто! - деланно восхитился прокурор. – Какое убедительное алиби! А вот справка из Ташкентского городского отдела милиции, что именно в это время было совершено нападение на отделение Агропромбанка, в результате чего было похищено более трёхсот тысяч рублей. И грабители не были найдены.

В зале ахнули.

- Ловок! – послышался чей-то голос.

- Может кому-то это покажется совпадением, но я вижу в этом закономерность, а точнее один и тот же преступный почерк.

- Но и это ещё не всё, - продолжал прокурор, эффектно играя голосом.

- Подсудимый Расулов, в прошлом году осенью вы часто ездили в Худжанд. Зачем?

- У меня тяжело болел двоюродный брат, требовалась моя помощь, - хмуро отозвался Ахмад.

- Помощь? – прокурор вскинул брови. – Но вы вроде не врач?

- Нужны были деньги, продукты привозил. У брата большая семья.

- Ах, вон оно что, - прокурор бесшумно поаплодировал подсудимому. – Какая забота о родственниках, какой гуманизм! И опять странное совпадение. Ночью совершено нападение на кассу шёлкового комбината и украдено четыреста тысяч рублей.

И именно в это время наш подсудимый купил себе большой дом и перебрался в него со своей семьёй. Старый отдал родителям, переселил их из кибитки. Я не ошибаюсь?

Ахмад вскинул голову и посмотрел в глаза прокурору.

- Зачем вы так говорите? Я хорошо работал, десять лет собирал деньги. Это легко проверить.

- Я и проверил, - согласился прокурор. – В отделах милиции Ташкента и Худжанда.

Так что же скажет сторона защиты на эти странные совпадения? – обратился государственный обвинитель к молодому адвокату.- Не являются ли мои доводы весомее тех бумажек, которыми вы только что потрясали в воздухе?

Адвокат сидел, склонив голову, и никак не отозвался на язвительную реплику прокурора.

- В народе существует поговорка, - продолжал прокурор. – За деревьями леса не видно. Прекрасно подходит к данному случаю. Именно внешность скромного труженика и не дала возможность кое-кому рассмотреть матерого уголовника. Я полагаю, если соответствующие органы проведут обыск в доме Расулова, то обнаружатся немалые деньги, на которые можно будет приобрести ещё несколько домов. Что вы на это скажете, подсудимый?

- Ищите, раз вам так хочется, - негромко пробормотал Ахмад.

- Ну, вам-то, понятное дело, не хочется обыска, - иронически заметил прокурор. Пора было переходить к эффектной концовке.

И он перешел к ней.

- За двадцать лет моей практической деятельности в органах правопорядка, это первый случай, который вроде бы не сложен на первый взгляд, но на самом деле таит в себе немало подводных камней. Надо отдать должное: следствие проведено оперативно, всё, что является сущностью этого дела, выявлено и соответствующим образом задокументировано. Но, к сожалению, объём преступлений, совершённых этим, так называемым, плотником из Истаравшана, таков, что даже по ходу судебного разбирательства всплыли новые «подвиги» подсудимого Расулова. И это не удивительно, слишком долго он нарушал закон и цинично попирали все правила нашего советского общежития. Бандиты, которые грабили Сбербанк, прикрыли лица чёрными масками, чтобы их потом не узнали, а подсудимому Расулову такая маска не понадобилась, ибо вся жизнь его была маской. С виду один человек, а сущность совсем иная...

Государственный обвинитель говорил хорошо поставленным голосом, стараясь добиться максимального эффекта от своей речи, но Ахмад не слушал его. Он сидел на скамейке, опершись локтями о колени и обхватив руками голову. Он никак не мог понять, что же произошло на самом деле, кому и зачем нужно было превращать его в убийцу и грабителя и, мало того, ещё и в главаря бандитской шайки? Ведь так несложно было разобраться и установить – кем он является на самом деле, зачем приехал в Москву и чем занимался в ней все те месяцы, которые провёл на Черкизовском рынке. Но почему-то никто из следователей, да и тот же прокурор, не занимались этим и с лёгкостью превращали его в матёрого уголовника. Откуда было знать простому истаравшанцу, что он был главным действующим лицом в том судебном фарсе, который разыгрывался перед собравшимися в зале заседаний?

Более того, он был ступенькой, поднявшись на которую, можно было оказаться в верхнем эшелоне власти, а тут уже не до поисков истины и справедливости.

Так подчас переплетаются судьбы в жизни: заведующий отделом административных органов ЦК партии Николай Ежов зависел от истаравшанского плотника Ахмада Расулова, а тот в свою очередь зависел от будущего наркома внутренних дел, того же Ежова, и напрямую способствовал его карьере.

Речь прокурора Сивоконя подходила к концу, Ахмад же размышлял о той несправедливости, которую творили над ним облечённые властью чиновники правосудия. У него создавалось впечатление, что он оказался в мире слепых и глухих людей, которые не видят очевидного и слышат явного.

- Таким образом, сторона обвинения ходатайствует о вынесении подсудимому Расулову самой тяжкой меры наказания, а именно высшей меры – расстрела, - прокурор энергичным взмахом руки как бы усилил воздействие этих слов на многочисленных зрителей, доотказа забивших зрительный зал.

Собравшиеся загудели, выкриками и репликами выражали своё одобрение ходатайству прокурора.

- Побольше бы таких стреляли, жила бы Москва спокойно, - прорезал гул визгливый женский голос.

Ахмад был потрясён, но где-то в глубине души всё ещё теплилась надежда, что суд отклонит просьбу прокурора о высшей мере наказания. Да, в мире немало несправедливостей, но такой чудовищной и нелепой, просто не может быть.

- Встать! – послышался голос секретаря. – Суд удаляется на совещание.

Собравшиеся ждали вынесения судебного приговора. Переговаривались, где-то даже слышались смешки, толковали о ценах на продукты, сетовали, что не все товары можно достать, да и зарплата небольшая. И эти обыденные переговоры потрясали Ахмада, оскорбляло равнодушие обывателей, для которых судебный процесс был всего лишь развлечением. А ведь сейчас решалась его судьба, стоял вопрос – жить или не жить ему дальше?!

Весь этот час, пока шло совещание судьи и заседателей, Ахмад сидел, как оглушённый. Он не сводил глаз с прокурора, который толковал о чём-то со своим помощником, и удивлялся этому человеку. Как же можно – знать правду, и в то же время так легко перечеркнуть жизнь ни в чём не повинного человека!

- Встать! Суд идёт, - снова послышался голос секретаря.

Судья принялся зачитывать судебный приговор. Голос его был тусклый и невыразительный. Некоторые слова он глотал, и Ахмад не все понимал в звучащем тексте. Но это шла констатирующая часть, в которой сообщалось о совершённом им преступлении, и давалась ему оценка, а он ждал завершающих слов приговора.

И они прозвучали: «Приговаривается к высшей мере наказания – расстрелу».

7.

Короткая тишина, а потом зал взорвался аплодисментами. Ахмад Расулов больше ничего не видел и не слышал. В его сознании что-то словно взорвалось: грохот, яркая вспышка, и он выпал из времени и пространства.

Судья спросил – понятен ли ему приговор, а Ахмад не слышал вопроса. В его голове, подобно колоколу, звучащему в пустоте, разносились слова: «приговаривается к высшей мере наказания».

Ему предоставили возможность сказать последнее слово, а в голове звучало: «приговаривается к высшей мере наказания – расстрелу».

Конвойные заставили его подняться. Он стоял, держась за железные прутья клетки, в которую его поместили, точно дикого зверя, и ни на что не реагировал. Он перестал воспринимать окружающую его действительность.

Судья дал разрешение отвезти теперь уже приговорённого к высшей мере наказания преступника Расулова Ахмада в тюрьму; двое охранников вели его под руки к машине. Остальные охранники оттесняли в сторону зевак, боясь, как бы ни совершился самосуд над главарём преступной банды.

Ахмада поместили в камеру смертников. Она была не больше его прежней камеры, но в ней не было никаких выступов, за которые можно было бы зацепить простыню и повеситься. Стены камеры были обложены войлоком и обтянуты брезентом, чтобы приговорённый к смерти узник не разбил о них голову. Кроме того, он находился под постоянным наблюдением надзирателя, чтобы тот мог помешать ему совершить самоубийство.

Ахмад Расулов был потрясён, но он был духовно и физически крепким человеком, и ближе к вечеру оцепенение спало с него. Он ел, что давали, много спал, и надзиратели дивились его бесчувственности. На самом деле он примирился с судьбой. Раз ему выпала такая доля, глупо протестовать и оспаривать её. Значит, кому-то нужно было подвергнуть его такому испытанию. Может это была проверка на мужество и стойкость, а может что-то другое, но подлинная крепость человека как раз и заключается в том, чтобы осознавать неотвратимость случившегося и не оспаривать волю высших сил. Он не был глубоко религиозным человеком, но он верил в высший разум, и если уж на земле с ним совершили несправедное, то там, в ином мире, наверняка, разберутся и воздадут должное всем, кто глумился над ним. Осознание подобных простых истин помогло ему обрести душевный покой, и надзиратели с удивлением смотрели на смертника, который даже улыбался своим мыслям. Они сочли это бесчувственностью азиата, а на самом деле это было философское осмысление неизбежности, того проявления закономерностей, которое мы называем судьбой. И в этом отношении мудрый и рассудительный Восток всегда был выше суетливого и беспокойного Запада.

Нарком внутренних дел Николай Ежов внимательно следил за судебным процессом над Ахмадом Расуловым. Нарком боялся неожиданностей, мало ли что может произойти в последний момент, всего не предусмотреть. И известие о том, что подсудимый после оглашения приговора впал в транс и теперь ни на что не реагирует, успокоило Ежова. Но всё равно, нужно было побыстрее избавиться от истаравшанца. Самое лучшее было бы, конечно, тотчас же привести приговор в исполнение. Нарком всегда помнил слова Сталина: «Нет человека, нет и проблемы». Но в то же время Иосиф Виссарионович дал указание: с расстрелом истаравшанца пока повременить. Мало ли какие обстоятельства могут вскрыться в дальнейшем. И возможно новое громкое судебное разбирательство!

Ахмад Расулов провёл в камере смертников больше месяца. Кормили его не лучше и не хуже прежнего, строгий режим не навязывали, правда, он находился под неусыпным вниманием надзирателей, но и к этому можно привыкнуть. В день гулял по часу во внутреннем двореке тюрьмы, и физически чувствовал себя довольно сносно, правда, не хватало труда, к которому привык. Никого из заключённых он не видел, и временами ему казалось, что он единственный узник в этом мрачном, глухом строении. Ему приносили книги из тюремной библиотеки, среди них были серьёзные,

научные, он пытался читать их и не понимал. Были и простые, которые укладывались в сознании. Одна из них просто потрясла его. Это были «Отверженные» французского писателя Виктора Гюго, в её содержании он нашёл много сходного со своей судьбой.

Книги приучили его думать, и сразу же тюремный быт стал менее мучительным. Ахмад сделал важное для себя открытие. Свобода – не только возможность находиться на воле, ходить, куда тебе хочется, находиться среди людей. Такой свободы человека можно лишиться, достаточно запереть его в тюремную камеру. А есть свобода духа, свобода разума, которую никто у тебя отнять не может. Ты можешь погружаться в прошлое, можешь путешествовать по времени, вспоминать, что было прежде, в каких поступках был прав, а в каких не очень. И стены камеры раздвигались сами собой, они были бессильны удержать в заключении свободную мысль. Так простой плотник из Истаравшана становился философом, правда, в рамках своего интеллекта, но и этого было немало, поскольку возможность близкой смерти уже не пугала его. Все смертны, каждому отмерен свой срок, и глупо не соглашаться с этим.

Ахмад Расулов сделал ещё одно важное для себя открытие.

В его доме всегда жили собаки и кошки. Ахмад любил этих полезных и близких человеку животных. Он часто наблюдал за их поведением и видел, что они не принимают близко к сердцу любые огорчения, зато всегда находят повод для радости. Размышляя об этом, он понял, что у животных нет понимания конечности своего бытия, которое присуще людям. Для них неважно прошлое, оно уже не существует, у них нет стремления прогнозировать будущее, поскольку это бесполезно. Они живут даже не сегодняшним днём, он тоже неясен в своей незавершённости. Они живут каждым мигом, проживая их как последние и неповторимые. И человеку, когда он оказывается в положении смертника, тоже нужно учиться так же жить. Неизвестно сколько ему ещё существовать на этом свете, но зато он хозяин каждого мига, должен осознавать его ценность и неповторимость, и проживать его со всей полнотой, как величайший дар судьбы.

Надзиратель следил в глазок двери за приговорённым к смерти узником, видел его погружённым в задумчивость, и считал, что тот повредился в уме от сурового приговора. На самом же деле Ахмад Расулов поступал в соответствии с известным утверждением философа Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую». Он мыслил, и его существование не было столь тягостным, как у других смертников, для которых физическая сущность была важнее духовной.

Однажды утром, после завтрака, дверь камеры распахнулась и здоровенный надзиратель, с гладко выбритой лоснящейся физиономией, рявкнул: «Расулов, на выход!»

Ахмад медленно шёл к двери. Расстрел? Но он знал, что расстреливали по ночам. Опять на допрос? Но о чём допрашивать, если уже состоялся суд и вынесен приговор... Так что же тогда? И потом надзиратель один, а если бы вели расстреливать, то были бы ещё и вооружённые конвоиры. Ахмад терялся в догадках, механически выполнял команды: «Лицом к стене», «Руки за спину», «Стоять», «Пошли».

Опять спускались по лестницам, поднимались, шли по казавшимся бесконечными коридорам. Тускло светили лампочки, колыхались натянутые сетки, эхом разносились шаги, и пахло хлоркой.

Наконец, у одной из дверей надзиратель остановил истаравшанца. Отворил дверь и доложил: «Осуждённый Расулов. Камера 220», после чего ввёл Ахмада в полутёмное помещение.

Оно было небольшим, слева у стены шкаф с папками, справа – внушительных размеров сейф. В глубине комнаты стоял стол и за ним сидели трое в военной форме. Сбоку от них виднелось окно, забранное шторой, которая скрадывала дневной свет.

Все три офицера казались одинаковыми, хотя один был худым, второй полным, третий возвышался над ними почти на голову. Одинаковым было выражение лиц: хмурое, с налётом усталости.

Средний из офицеров указал на стул, стоявший поодаль от стола.

- Садитесь.

Ахмад прошёл, сел на стул и сгорбился. Он не ожидал ничего хорошего для себя, хотя, если вдуматься, худшего уже не могло быть.

Надзиратель остался стоять у двери.

Средний из офицеров раскрыл толстую папку, по-видимому, уголовное дело.

- Фамилия, имя, отчество, год и место рождения?

Вопросы следовали один за другим, Ахмад Расулов механически отвечал, не понимая, зачем снова интересоваться тем, что записано в следственных материалах.

- Статья?

Ахмад назвал свою расстрельную статью.

Офицер помолчал, обменялся взглядами с офицерами, сидевшими рядом.

- Заключённый Расулов, - снова слышался его негромкий невыразительный голос. – Решением Особого совещания в ваш приговор внесено изменение. Высшая мера наказания заменяется отбыванием срока в лагере усиленного режима. Срок установлен условно – двадцать пять лет. Вам понятно?

Быть может офицеры, сидевшие за столом, ожидали от заключённого проявления радости или облегчения, иные падали в обморок от неожиданного дара судьбы или кого там ещё, а этот только выпрямился, но лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

- Не понятно, - Ахмад помотал головой. – Значит, меня не расстреляют?

- Нет, - пояснил офицер. – Вам определены условных двадцать пять лет с отбыванием их в лагере усиленного режима.

Офицер произносил слова, отделяя одно от другого, чтобы заключённый вник в их смысл. Истаравшанцу это не удавалось, не потому, что радость затмила его рассудок, ничего подобного не было. Просто всё в его жизни на данном витке времени было впервые: и арест, и заключение, и смертный приговор, и теперь вот странные условные двадцать пять лет. Если условно, значит, его должны выпустить на свободу? И В то же время – с отбыванием срока в лагере усиленного режима. Что-то тут не вязалось одно с другим.

- Почему условных лет? – спросил истаравшанец.

- Следствие по вашему делу не считается завершённым, - офицер похлопал ладонью по раскрытой папке. – Могут вскрыться дополнительные факты, и тогда расследование продолжится. В частности, предстоит изучить материалы по ограблениям в Ташкенте и Худжанде. Если новые факты окажутся отягощающего характера, повторный суд может снова определить вам высшую меру наказания. Если же этого не случится, вы будете отбывать в лагере свои двадцать пять лет.

Теперь ясно?

Да, теперь стало яснее, но Ахмад Расулов не знал – радоваться такому повороту судьбы или огорчаться. Это значило, что расстрел по-прежнему, как говорится, светил ему, только срок исполнения его откладывался на неясное время.

Прежнее смутное чувство неопределённости не оставляло его, но в душе пробудилась искра надежды: если один раз колесо судьбы слегка провернулось и появился шанс жить, то может оно провернётся ещё раз, и расстрел вообще отменят.

Ради этого стоило жить, и не только жить, а не терять надежду и стараться приблизить свободу. Он ещё не знал – возможно ли будет это в

лагерных условиях, но в душе появилась вера в лучший исход, и он обвёл посветлевшим взглядом сидевших за столом офицеров.

- Теперь ясно, - произнёс Ахмад Расулов и поднялся с шаткого стула.

Господи, дай мне силы, чтобы справиться с
тем,
что я могу сделать, дай мне мужество, чтобы
смириться с тем, чего я не могу сделать, и дай
мне мудрости, чтобы отличить одно от
другого.

Древняя восточная
мудрость

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Его снова вели по гулким долгим коридорам, но теперь он воспринимал тюрьму на Лубянке уже по-другому. Где-то в верхние окна проникал солнечный свет, и оттого на серых стенах возникали причудливые узоры, как будто созданы были кистью искусного художника. Оказывается, всё не так мрачно и тоскливо. И даже в местах заключения можно обнаружить что-то привлекающее внимание. Тогда ещё Ахмад Расулов не знал, что окружающий нас мир воспринимается по-разному в зависимости от нашего настроения. Глубокое уныние или радость от того, что жизнь продолжается, как раз и являются теми художниками, которые высветляют свою палитру или, напротив, наполняют её мрачными красками.

На этот раз надзиратель привёл Ахмада в другую часть тюрьмы и к другой двери. Ахмад удивлённо посмотрел на него, но спрашивать не стал, чтобы не услышать в ответ злобную реплику. Дверь загремела замками, надзиратель с усилием отворил её и втолкнул истаравшанца в камеру.

Это помещения было просторнее прежнего, но тесноты несравнимой. Всё пространство занимали двухъярусные нары, на которых сидело и лежало столько людей, что ещё одному поместиться было просто негде. Лишь посреди камеры стоял стол с двумя длинными скамейками по сторонам, да справа от двери виднелись умывальник и унитаз.

Воздух в камере был синим от табачного дыма, и у непривычного к нему истаравшанца заслезились глаза, и запершило в горле. Только из слегка приоткрытого, решётчатого окна вверху, под потолком, проникал лёгкий ветерок, и дымные пласты колыхались, точно кисейные занавеси.

Ахмад стоял у порога и осматривался. Было ясно, что его поместили в общую камеру. Это значило, что он уже не смертник, и до отправки в лагерь ему предстоит провести дни или недели среди этого скопища уголовников.

Лысый Бильярд научил истаравшанца, как вести себя в таких случаях, и он спокойно ожидал развития событий.

«Настоящий блатной в жизни должен соблюдать три правила, - втолковывал ему тогда выдавший виды уголовник. – Это – не верь, не бойся и не проси. Не нарушай их и везде тебя будут принимать как своего».

Пока же Ахмад не боялся. Камера была рассчитана человек на двадцать, но в ней явно помещалось вдвое больше.

К нему подскочил худой, вертлявый уголовник. Сперва он показался молодым, но вблизи на его лице просматривалась сеточка морщин, глаза испещрены красными прожилками, и весь он дёргался и гримасничал. Скорее всего, это был наркоман, существование которого длилось от дозы и до дозы. Такие полулюди занимали при главаре должности «шестёрок», это была одна из низших ступеней в блатном мире.

- Какой гость у нас! – «шестерка» подскочил к Ахмаду. – Ну-ка посмотрим: фраерок это или свой человек?

«Шестёрка» постелил у ног истаравшанца чистое вафельное полотенце.

Ахмад толчком ладони в лоб отбросил «шестёрку» в сторону, вытер подошвы ботинок о полотенце и прошёл к столу. За столом сидели шесть человек, ели и пили. Они подняли головы и всматривались в истаравшанца.

- Я – вор, - произнёс Ахмад Расулов. Представляться так его научил лысый Бильярд. – Статья 123 «б», погоняло Афган. Приговорён к «вышке», пока замена на четвертак.

Погоняло – значило кличку, какую имели все уголовники.

В камере воцарилось молчание. Уже сама статья уголовного кодекса говорила о том, что в камеру прибыл не просто карманник или мелкий жулик, а воровской авторитет высокого полёта.

Из-за стола поднялся полуголый мужчина, с седоватой шевелюрой «ёжиком». Лицо грубой лепки, тело испещрено татуировкой, по которой знающий человек мог бы «прочитать» его тюремную биографию.

Было ясно, что это «пахан», главный в камере. Он протянул руку и обменялся с Ахмадом рукопожатием.

- Слышали о тебе, - произнёс он уважительно. – Бильярд прислал нам «маляву», когда тебя перекинули на Лубянку. «Малява» означала записку, посредством которых «авторитеты» обменивались новостями. Кажется, в жёстких условиях тюремного режима невозможны контакты заключённых между собой. На самом деле «малявы» свободно ходили из одной тюрьмы в другую. Их передавали сами надзиратели, получавшие от «авторитетов» за это хорошие деньги.

- Садись за стол. Отведай с нами хлеб-соль.

Эти слова означали, что уголовники признали вновь прибывшего за своего, и отныне он будет пользоваться всеми льготами и привилегиями, которые только возможны в камерном содержании.

Ахмад пожал руки остальным, сидевшим за столом. Они подвинулись, освободили ему место.

- Слышали о тебе, - снова проговорил «пахан».- И на суде ты вёл себя, как правильный блатной. Не юлил, не сваливал вину на других. И приговор принял достойно.

Да ты ешь, ешь. В одиночке, наверное, наголодался.

На столе стояли банки с мясными консервами, в беспорядке разбросаны куски вяленой рыбы, хлеба, огурцы и помидоры.

Ахмад давно не видел таких деликатесов. Он сглотнул голодную слюну, но не набросился на еду, это тоже считалось недостойным «авторитета». Ел спокойно, не торопясь, отвечал на вопросы.

- Как же ты залетел? – удивился «пахан». – Вроде битый урка и так прокололся, подельники подставили?

Ахмад кивнул.

- Деньги нужны были. Меня Лошак заверил, что всё схвачено, никаких проколов не будет. Ну, я и поверил.

- Подставил он тебя, - посочувствовал «пахан». – Конечно, ты для них залётный. Он поступил, как последняя гнида. За это и схлопотал пулю.

А ты где промышлял до этого? Какие дела проворачивал?

- В Афганистане, - неохотно откликнулся Ахмад. – А о делах как-нибудь потом.

«Пахан» понял бестактность своих вопросов. Кто из блатных будет сразу откровенничать о себе, оказавшись в незнакомой среде? Кто поручится за то, что в камере нет «подсадной утки», которая работает на тюремную администрацию? Передаст твои слова кому надо, и навесят тебе дополнительный срок.

- Молчу, молчу, - спохватился «пахан». – Потом, так потом. А и то верно, куда спешить? Времени у нас хоть отбавляй, обо всём успеем переговорить.

Лежавшие и сидевшие на нарах уголовники вовсе глаза рассматривали большого «авторитета», залетевшего к ним в камеру.

Ахмад ел не спеша. «Пахан» налил ему водки в кружку, протянул.

- Не пью, - мотнул головой истаравшанец. И это «пахан» понял правильно. От водки у многих развязываются языки, видно у Афгана много серьёзных дел, о которых он предпочитает не распространяться.

- Ну, и ладно, - отозвался «пахан».

Ахмад опустошил консервную банку с мясной тушёнкой, отодвинул в сторону. Он обменивался взглядами с соседями по столу и видел, что относятся к нему доброжелательно. Он показал знание воровских обычаев, вёл себя достойно и вошёл в воровскую общагу без сучка и задоринки.

За столом сидели уголовники, составлявшие «элиту» воровского мира. Все они были покрыты татуировкой, небриты, от долгого сидения в камере обрюзгли, и на воле смотрелись бы подозрительно. Тут же, все вместе, они составляли специфическую среду, которой присущи были свои законы, называвшиеся «понятиями». Они были разных возрастов и разных телосложений, но у всех просматривалось что-то общее, роднившее их. Грубая речь, пестрящая жаргонными словами, лица, на которые порочная жизнь наложила свои отпечатки. И Ахмад с благодарностью вспомнил лысого Бильярда, который обучил его всем тонкостям блатной жизни.

Сытная еда разморила его. Он потряс головой, отгоняя сонливость.

- Слышь, Афган, - спросил один из сидевших за столом, по кличке Сухой. – Ты правильный вор, а наколок у тебя нет. Как это вышло?

Ахмад предвидел такой вопрос и подготовился к нему заранее.

- Я же говорил, что промышлял в Афганистане. Иметь там наколки, значит сразу засветиться. В мусульманских странах татуировка не принята. Как укроешься от полиции, если всё твоё тело в росписи? Причём, у одного.

- Это верно, - согласился Сухой.

Ахмад с трудом боролся со сном. Отмена приговора о высшей мере наказания разом сняла с него всегдашнее напряжение. И теперь он размяк и расслабился.

«Пахан» понял его состояние.

- Эй, ты, Жакан,- крикнул он. – А ну слезь с нар, уступи место авторитету. Переселяйся вон туда, к середине.

С верхних нар у самого окна неохотно спустился худощавый уголовник, бритый наголо. Он пошёл туда, куда ему было указано.

«Пахан» указал на освободившиеся нары.

- Ложись, Афган. Утро вечера мудренее. После твоих передрыг поспать не мешает.

Ахмад ощущал во всём теле звенящую усталость. Он медленно, на подгибающихся ногах прошёл к нарам, взобрался на них и, едва коснувшись головой ватной подушки, сразу же провалился в глубокий сон. Он не слышал ни гула в камере, ни командных окриков «пахана», ничего из того, что составляло жизнь переполненного тюремного помещения. В камере и днём, и ночью горел свет, и трудно было ориентироваться во времени.

Сколько часов он проспал, не мог даже предположить. Проснулся, ощущая, что усталость покинула его. Долго лежал с открытыми глазами,

вспоминая, где он, и что с ним произошло в последнее время. А когда память освежилась, сел на нарах, свесив ноги.

- Давай к нам, Афган, - позвал его сидевший за столом «пахан», - перекусим, чем бог послал.

Бог послал уголовникам неплохую еду, правда, питались отменно только авторитеты. Мелкая шушера, вроде «шестёрок, карманников, щипачей и прочих, довольствовались тюремным рационом: баландой, перловой кашей на воде, липким хлебом, напоминавшим куски глины, и тёплой, бурой водицей, даже отдалённо не напоминавшей чай.

Камера была забита доотказа. Спали на нарах по очереди, пустовали только постели авторитетов. Тюремная иерархия соблюдалась строго, каждый знал своё место, в соответствии с воровской специализацией. Такие, как Ахмад Расулов, занимали высшую ступень в блатном мире, и он сразу почувствовал это преимущество. Обитатели камеры с ним держались уважительно, предупреждали каждое желание, и только «пахан» и ещё несколько авторитетов держались с ним на равных.

Время в заключении идёт медленно. Единственной отдушиной были часовые прогулки в тюремном дворе. Можно было погреться на солнце, увидеть квадрат зарешёченного неба, вдохнуть свежего воздуха. В камере курили непрерывно, Ахмад, не переносивший табачного дыма, задыхался от удушья. Потому он большую часть суток лежал на нарах под окном, где всё-таки было посвежее.

Обитатели камеры развлекались, как могли. Играли в шахматы, сделанные из хлеба. Все фигуры были одинаковыми, и белые отличали по нитке, завязанной на шее. В основном же, в камере шла непрерывная картёжная игра, далеко не безобидного характера. Можно было спустить всё и остаться голым. Играли на деньги, на наркотики, и даже на жизнь. Проигравший становился или рабом победителя, или должен был покончить с собой. Играли на еду, на надзирателя, которого, в случае проигрыша, нужно было оскорбить, после чего «смельчака» отправляли в карцер. Вообще-то надзирателей старались не задевать, парни они были здоровые, если что, врывались в камеру человек десять-пятнадцать сразу, и избивали резиновыми палками нарушителей режима до полусмерти. Могли и убить, тогда это подавалось как покушение на жизнь надзирателя или попытка побега.

Такого сочетания жестокости и бесчеловечного отношения друг к другу Ахмаду ещё не приходилось видеть, и он содрогался от мысли, что мог оказаться в нижнем эшелоне уголовной иерархии, и какие только унижения не пришлось бы ему пережить тогда.

Личность истаравшанца занимала внимание обитателей камеры. Друг о друге они знали всё, а вот молчаливый, скрытный Афган оставался для них

загадкой. Его расспрашивали о том, как промышляют бандиты на Востоке, большой ли доход имеют от грабежей, он отделялся невнятными фразами и предпочитал не распространяться о проведённых операциях. Скупое говорил о том, что нападали на торговые караваны, захватывали редкие товары – шелка, оружие, драгоценные изделия, и сбывали их потом перекупщикам в соседнем Пакистане. Рассказывал о плантациях мака и наркотиках, которые потом производят из маковой смолки. Тоже стоящий товар, хотя заниматься им смертельно опасно. Уголовников интересовала работоторговля, правда ли, что она существует на Востоке, и, правда ли, что можно покупать красивых женщин, сколько тебе хочется, если есть, конечно, средства. Афган удовлетворял их любопытство. Его рассказы были правдоподобными, он слышал такие истории от стариков в Истаравшане, которые в своё время побывали в соседних странах, и обстоятельно передавал услышанное. Обитатели камеры внимали ему, раскрыв рты; экзотика Востока потрясала их воображение, и авторитет Афгана, не только видевшего всё это, но и принимавшего непосредственное участие в той красивой и сложной жизни, возрос ещё больше.

О себе же Ахмад по-прежнему говорил скупое, больше отмалчивался, и к этому тоже относились с пониманием. Излишняя болтливость вообще не поощрялась в уголовной среде, а тут речь шла о делах международного масштаба. Уголовники, вся жизнь которых проходила в замкнутой преступной среде, были простодушными, как дети, и ничего не стоило убеждать их в чём угодно. Зато из их повествований Ахмад Расулов извлекал много полезного для себя, и его знания того специфического мира, в котором он оказался помимо своей воли, расширялись с каждым днём, проведённом в камере. Блатные или урки, как они называли сами себя, были малообразованными людьми. Их суждения об окружающем мире вызывали невольную улыбку Ахмада, закончившего десятилетку и трудом в большом хозяйстве зарабатывавшем себе на хлеб. Он был хорошим мастером, многое мог сделать своими руками, а это сопряжено с пониманием своей человеческой ценности. У блатных же были совершенно иные ценности, малопонятные обычному человеку. Они цинично судили обо всём, для них не было ничего святого. Их похабные рассказы о женщинах заставляли истаравшанца содрогаться от отвращения. В воровской среде уважительно отзывались лишь о матерях, но Ахмад мало верил в искренность такого почитания, слишком уж урки были аморальны во всём.

Ахмад знал, что находится в камере для пересыльных уголовников, которым предстояло отправиться в места постоянного отбывания наказания. Правда, когда это осуществится, никто толком сказать не мог. Самого Ахмада Расулова ждал лагерь усиленного режима. «Скорее всего, в Сибирь загонят, - прикинул «пахан». – Вашего брата, азиатов, определяют куда похолоднее». Уловив вопросительный взгляд истаравшанца, «пахан» пояснил: «Блатных в стране развелось много, нужно как-то их сокращать. Всех не перестреляешь,

хлопотно и дорого обходится, а так сама природа их вымаривает, как клопов. Кого холодом, кого жарой».

Почти полгода провёл Ахмад в пересыльной камере Лубянской тюрьмы. Её обитатели постоянно менялись, одних уводили, других подсаляли. Из старожилов остались только они с «паханом». Зима давала о себе знать холодом, который заносило в окно, да свинцовым небом с частой снежной крупой, которая осыпала заключённых во время прогулок.

Пришло время и Ахмада Расулова. Его вывели из камеры и завели в большое помещение, чем-то напоминавшее вокзал. Те же скамейки, та же людская скученность. Правда, было и отличие: вдоль стен стояли охранники с винтовками наизготовку.

Заключённых раздевали догола и гнали в душ, вручив каждому кусочек чёрного мыла и несвежее вафельное полотенце. После душа выдавали нижнее бельё, тоже не первой носки, ватные штаны и телогрейку, бушлат и шапку, непонятно из чего сшитую. Заключённые говорили, что это «свинячий мех».

Потом распределяли всех по командам, выкрикивая фамилии. Ахмад оказался среди пятидесяти человек, большинство из которых было ему незнакомо. Что удивительно, он был тут известен. С ним здоровались, называли кличку Афган, дружески заговаривали, из чего он сделал вывод, что обмен информацией в тюрьме налажен неплохо.

Его команду построили и повели к машинам, тем самым крытым грузовикам. Затолкали всех в кузов, захлопнули двери. И так, в сплошной темноте, куда-то повезли. «На вокзал», - сказал какой-то многоопытный уголовник. Он оказался прав, примерно через час грузовики замерли в отдалённой части вокзала. Заключённых с бранью и толчками отогнали от машин и приказали сесть на корточки. Так они и сидели под снегом, ощущая под собой стылую грязь. Примораживало, изо рта вырывался пар. Небо завесила чёрная пелена туч, и, хотя было лишь начало дня, возникало ощущение, что близятся сумерки.

Ахмад жался от холода и размышлял, что будет дальше. Он ждал перемен в своей судьбе и страшился их. Человек быстро привыкает ко всему, что выпадает на его долю, и потом нелегко расстается со знакомой обстановкой. Истаравшанец обвыкся в тюремной камере, находился там в относительном благополучии, а каково ему будет в сибирском лагере? Если, конечно, ему выпадет Сибирь...

«По одному, на корточках, к вагонам», - послышалась команда.

Заключённые по-заячьи запрыгали к вагонам, находившимся от них метрах в двадцати. Дошчатые, давно некрашенные вагоны зияли дверными проёмами. Вместо дверей были сдвигающиеся в сторону решётки.

Ахмад допрыгал до вагона, поднялся на ноги и, прежде чем забраться в вагон, оглянулся. Чуть поодаль от заключённых стояла толпа провожающих, в основном, женщины. Ахмад не поверил своим глазам: среди провожающих он увидел Ульяну. И хотя она находилась довольно далеко от него, он явственно разглядел её. Она плакала, и её голубые глаза походили на голубые озера, наполненные чистой влагой. Ульяна подняла руку и махнула ею в знак прощания. Ахмад смог ответить лишь лёгким кивком, медлить было нельзя, можно было схлопотать удар винтовочным прикладом в спину. Как часто потом вспоминал он эту короткую сцену прощания. Она согревала его в стылые ночи, значит, он кому-то был нужен на свете. И оставалось только догадываться – как и откуда узнала Ульяна об отправке заключённых из тюрьмы в лагерь. Да и чтобы прийти к эшелону и взглянуть на близкого человека ещё раз, тоже нужна была немалая смелость. Можно было запросто очутиться в таком же зарешёченном вагоне, в те годы сажали в тюрьмы и лагерь и за меньшее.

Заключённых набивали в вагоны, как говорится, под завязку. Для особо опасных преступников были отгорожены специальные отсеки, больше похожие на клетки для хищников. Они были сварены из металлических прутьев, в них можно было лежать, поджав ноги. Такие отсеки отделялись от основного пространства узким проходом, по которому расхаживали конвойные солдаты.

Ахмада затолкали в такую клетку, и он мысленно отдал должное своей уголовной статье, и тому, что попал в разряд особо злостных рецидивистов. Тут он мог стоять и сидеть относительно свободно; в общем пространстве вагона заключённые с трудом могли лишь пошевелиться, настолько они были спрессованы друг с другом.

- Что же вы делаете? – возмутился один из заключённых. – Тут даже стоять невозможно.

- Поговори мне, - угрожающе процедил сквозь зубы один из конвоиров.

- Ничего, урки, - утешил другой. – В пути так растрясет, ещё свободное место останется.

Решётчатая дверь со скрежетом закрылась. И сразу же в вагоне воцарилась нестерпимая духота, несмотря на холодный зимний день.

Ждали недолго. Состав дёрнулся, загремел, залязгал буферами, и покатил в неведомую даль, погромыхивая колёсами на стыках.

Ахмад сидел на жёсткой скамейке, которая одновременно служила ложем, ёжился от холода, кутался в бушлат и размышлял о превратностях судьбы. Разве он мог предположить, что недолгая поездка в Москву обернётся двадцатипятилетним сроком в далёкой Сибири?

Поверх голов стоящих вплотную заключённых он видел унылые деревушки, заваленные снегом, синие дымки, тянущиеся из труб к серому, с чёрными подпалинами небу, перелески, голые, с безлиственными ветвями... И до того эти картины соответствовали его настроению, что он даже зажмурился от душевной боли. До чего же ему не хватало свежего воздуха и простора, пусть даже зимнего, лишённого светлых красок. До недавних пор он жил на свободе, был хозяином самому себе и никогда не задумывался о том, какое это великое благо.

А состав, скрежеща всеми металлическими соединениями, тащился по просторам России, в которой одним принадлежало всё, а другие были лишены даже самой необходимой малости.

Понятия радости и горя у заключённых относительные. Вечером при тусклом свете керосинового фонаря конвойный приоткрыл дверь клетки, в которой сидел Расулов, сунул ему матерчатый мешочек и, едва шевеля губами, проговорил: - Слышь, Афган, это от твоей бабы.

Уж на что Ахмад был сдержанным человеком, а тут ощутил, как на глаза навернулись слёзы. Это какие же деньги заплатила Ульяна солдату, чтобы тот согласился передать заключённому продуктовую посылку?! И опять его сердце переполнилось благодарностью к любящей женщине, которая всеми возможными способами доказывала ему свою преданность.

- Спасибо, - так же вполголоса откликнулся истаравшанец и не удержался. – Рискнул ты...

- Улька моя соседка, - буркнул конвойный. – И брат, как ты, чалится на зоне. – И прошёл вперёд, давая понять, что больше разговора не будет.

В мешочке были сухари, жареное мясо, палка копчёной колбасы, вяленая рыба, кусковой сахар...

Ахмад вдыхал запах вкусных продуктов, и рот его наполнился голодной слюной. Есть одному у заключённых не полагалось, за это могли отнять посылку и избить. Но как он мог поделиться с остальными, если был отделён от них двумя решётками и узким проходом? Да и потом, сколько бы от этого великолепия досталось каждому из вагонных узников, если их было человек шестьдесят, не меньше. По крошке...

Ахмад вздохнул и спрятал мешочек под скамейку. Ел он по ночам, в полутьме, чтобы не видели остальные зеки. Именно это и позволило ему держаться и сохранять силы. Заключённым выдавали раз в сутки пайку хлеба и одну ржавую селёдку, с выступившей солью на боках. Воду давали редко, и на всех её не хватало. У вёдер начиналась драка, вода проливалась на пол. И её, как псы, собирали языками. Люди обезумели от голода и жажды. Ненависть переполняла их. В тесноте они затевали потасовки, хватали соперника за горло и душили насмерть. Каждые сутки из вагона выносили

три-четыре трупа. Конвойный оказался прав: через неделю в вагоне заключённые уже сидели, привалившись спинами к дощатой стенке. От дыхания множества людей на досках образовывались наледи и крошечные сосульки. Их жадно лизали, но на всех не хватало, и тогда опять начинались смертоубийства. Ахмад был свидетелем, как один озверевший уголовник избивал худенького паренька за такую вот сосульку. Сперва бил кулаками по лицу, пинал ногами, а потом схватил за горло и принялся колотить головой об решётку. Оба были залиты кровью, молодой был уже мёртвым, а избиение продолжалось. Мертвеца с трудом вырвали из рук уголовника, тот пришёл в себя и с довольным урчанием принялся слизывать иней со стенки вагона.

Такие зрелища потрясали истаравшанца. Он думал: до какого же скотства могут доходить люди в борьбе за элементарную выживаемость. Терялись все человеческие качества, и из - под тонкой оболочки людского облика проступала звериная сущность хищника. И в такой среде ему предстояло просуществовать долгие годы.

Ехали две недели. Все исхудали и обессилели, сидели на полу, закрыв глаза, утратив всякие желания и понимание происходящего. И опять-таки Ахмад пользовался относительным благополучием. Он растягивал на всю поездку продуктовую передачу, а тот самый конвойный, сосед Ульяны, по ночам давал ему свою фляжку с водой. И это простое внимание казалось истаравшанцу верхом человеческого благородства.

Так изменялись критерии обычной человечности в зависимости от среды, в которой находишься.

Долгое и страшное путешествие, наконец, завершилось. Рано утром состав замер на каком-то полустанке. Заключённых вытолкали из вагонов на мороз и заледенелые сугробы. Было очень холодно, сиреневая дымка скрадывала деревянные дома, какие-то высокие хвойные деревья, узкую дорогу, уходящую в тайгу.

Заключённых построили в две шеренги, несколько раз пересчитали, а затем, разбив на пятёрки, повели по дороге. Перед этим, правда, напоили, на полустанке был бетонный бассейн, полный воды. Заключённых группами подводили к нему, и они, стоя на четвереньках, пили жадно, захлебываясь, до рвоты. Вода сверху покрылась корочкой льда, её разбивали кулаками. Она парила на холоде, и белёсая дымка пластами зависала над головами уголовников.

Шли по заснеженной дороге. Скрип разносился из-под ног, лица застыли от холода и стали походить на маски. Но растереть их не было возможности. Руки приходилось держать за спиной.

Начальник конвоя предупредил: - Внимание, заключённые! Идти, не отставая, пятёрками. В пути не разговаривать. Шаг влево, шаг вправо, будут

расцениваться, как побег. Конвой стреляет без предупреждения. Шагом марш!

Слова начальника конвоя не были простой угрозой. Раза два или три сзади слышались винтовочные выстрелы, но добивали ими отставших или это были выстрелы для устрашения, об этом приходилось только догадываться.

В Истаравшане тоже случались холодные зимы, со снегом, морозами, но от них можно было укрыться в тёплом помещении; там не знали, что такое голод и жажда, а сытому человеку любые погодные капризы нипочём. Теперь же Ахмад Расулов понял, что такое настоящая стужа. Как бы ты ни сжимался, ни кутался в телогрейку и ветхий бушлат, холод пронизывал насквозь, леденил каждую клетку застывшего тела. Это было на грани выживания, и Ахмад подумал, какими счастливыми были те, кто умерли в вагоне и тем самым избавились от страданий и необходимости вести животное существование.

Шли полдня, тайга всё плотнее сжимала колонну заключённых, мохнатые ветви елей и кедров гнулись под тяжестью снежных пластов. Они срывались и обрушивались на плечи и головы бредущих людей, которым и без того было непереносимо тяжело. Звенящая тишина царила вокруг, нарушаемая лишь скрипом снега и надрывным карканьем ворон. Неба, казалось, не существовало. Мутная хмарь нависала над тайгой, не имея ни предела, ни каких-то оттенков.

Но вот дошли до временного пункта на пути этапов. Тут были казарма для конвоя, колючая проволока и вышки, да ещё покосившиеся бараки для заключённых, где не было ни матрасов, ни одеял, одни голые доски. Хорошо, что под навесом высилась поленница из сыроватых дров. Кое-как разожгли их, кое-как обогрелись, а ночь коротали под стук собственных зубов от леденящего холода. Ели то, что везли с собой на двух телегах, то есть почти ничего. Счастье, что этап небольшой, всего полтора человека.

И таких временных пунктов до Сиблага было пять, а пешего хода до самого лагеря – неделя, чуть меньше того, сколько ехали по стальной магистрали в обветшалых вагонах-коровниках.

И такая усталость и безнадежность томили этапников, что когда слышали сзади гулкие винтовочные выстрелы, это конвой добивал обессиленных заключённых, не способных брести дальше, то не сочувствовали им, а завидовали, дескать, отмучились, и теперь будут довольствоваться вечным покоем.

Впереди показались высокие дощатые ворота, бревенчатые подходы к ним, колючая проволока в два ряда, и вышки с конвойными на них. Надрывно лаяли овчарки, исходя злобой.

- Да, в таком раю не заживёшься, - пробормотал идущий рядом с Ахмадом уголовник, заросший щетиной до самых глаз. Ахмад же не мог произнести и одного слова. Лицо свело от холода, и он не мог пошевелить одеревеневшими губами. Тело застыло, ноги не ощущались, и он переступал ими, переставляя, как ходули, на которых так часто баловались в детстве.

Заключённых перед воротами пересчитали, затем снова пересчитали ещё раз, уже заведя в зону. Построили, и началось распределение по баракам.

- Расулов, - услышал Ахмад свою фамилию. – Шестой барак.

Шестой барак ничем не отличался от остальных, тянувшихся рядами по зоне.

Пошёл снег, скрадывая и без того плохо различимое пространство, из труб валил чёрный дым, запах гари бил в ноздри.

Надзиратель построил десять человек, которых определили в шестой барак, и погнал их впереди себя, сопровождая тычками, как гонят баранов на выпасе.

Барак оказался огромным. По обе стороны от входа уходили вглубь двухъярусные нары. Их разделял неширокий проход, вначале которого ярко пылала печь, с длинным дощатым помостом, сушилкой для валенок. Около печи сутились двое дневальных, подкладывали дрова, подметали пол. Несмотря на тепло, они были в ватниках. Впрочем, понятие тепла в бараке было относительным, на стыке потолка со стенами виднелись белёсые полосы инея.

Ахмад Расулов и остальные этапники стояли у входа, не зная, куда идти дальше и что делать. В бараке было пусто, наверное, все на работе, догадался Ахмад.

- Вам туда, - махнул рукой в левую сторону надзиратель.

В глубине ярусов кто-то находился. Слышались голоса и временами взрывы смеха.

- Эй, мужики, а ну идите сюда, - послышался зычный голос.

Ахмад уже знал, что определение «мужик» - обидное для настоящего вора и приготовился вести себя соответственно этому.

Он первым пошёл на зов, задевая плечами выступы нар. Остальные этапники потянулись за ним.

На нижних нарах лежал здоровенный уголовник, в свитере и ватнике, в ватных брюках. Редкие светлые волосы зачёсаны на косой пробор. Он был гладко выбрит, голубые, с поволокой, глаза походили на пуговицы. Возле него сидел худой пожилой мужчина в очках и читал вслух какую-то книгу. Ещё

трое заключённых сидели чуть поодаль, слушали чтение, прерывая его неприличными комментариями.

- Проходи, братва, гостями будете, - сострил светловолосый, поднимаясь с места. – Ну-ка, по порядку: имя, фамилию, статью.

Ахмад нахмурился.

- Прежде всего, кто ты сам? И почему настоящих блатных называешь «мужиками»?

Светловолосый с интересом оглядел истаравшанца.

- Вон оно что, только с корабля на бал и уже права качаем? Ну, хорошо, я – смотрящий по зоне. Моё погоняло – Крошка. А ты?

Это было смешно, в Крошке явно за сто килограммов веса, широкие плечи распирала ватник. То, что он занимал высшую ступень в этом лагере, чувствовалось по его уверенному поведению и властному тону.

- Я – Расулов, - представился Ахмад. – Статья 123 «б», кликуха – Афган.

- А-а, - Крошка поднялся ему навстречу. – Здорово, браток. Ждём тебя. Малява о тебе была от лысого Бильярда и от Сухого с Лубянки.

Крошка подал Ахмаду руку. Они померялись силой в рукопожатии. Крошка был силён, но физическим трудом не занимался, и его мягкая ладонь явно уступала жёсткой пятерне колхозного плотника.

- Силёнка у тебя есть, - усмехнулся смотрящий, потряхивая онемевшей рукой. – Большая птица к нам залетела. Всякие блатные у нас на зоне имеются, а международных авторитетов ещё не было. Да ты проходи, садись.

Ахмад устало опустился на койку смотрящего.

- А вы, братва, - Крошка обратился к остальным этапникам. – Среди вас есть крутые?

Те молчали, переминаясь с ноги на ногу.

- Так, ясно, - подытожил смотрящий. – Тогда давайте туда, подальше. Потом с вами разбираться будем. Наган, займись ими.

Смуглый, черноволосый заключённый со странной кличкой «Наган» махнул рукой этапникам, и они потянулись за ним вдоль тесных вагонок.

Крошка с любопытством разглядывал Ахмада.

- Таким я себе и представлял тебя. По-русски говоришь неплохо. Давай, снимай бушлат, а то он сейчас отмокать начнёт, и ватник тоже волглым

станет. И ботинки снимай, валенки тебе дадим. Как ты только ноги не отморозил? Вот, падлы, - последнее явно относилось к тюремщикам. – Отправляют людей по этапу в Сибирь, а экипируют, как для Азии.

Ахмада переодели в сухое, он натянул на ноги валенки и, наконец-то, стал отходить от стужи.

- Рубать будешь? Или сперва чаю?

- Чайку бы было неплохо, - признался Ахмад.

Горячий чай возвращал его к жизни. Потом он немного поел хлеба с вяленным мясом, и его неудержимо потянуло в сон. Крошка хорошо понимал его состояние.

- Давай, ложись, твои нары вот эти, рядом с моими. Потом потолкуем по душам.

Несмотря на усталость от долгого пути, Ахмад уснул не сразу. Он лежал с закрытыми глазами, прислушивался к переговорам заключённых и с признательностью думал о лысом Бильярде. Неясно, чем пришёлся он по душе матёрому рецидивисту, но забота того о бывшем сокамернике ощущалась даже тут, за тысячи километров от Москвы.

Проснулся он уже в сумерках. Барак гудел от голосов, теперь он был заполнен доотказа.

- Работяги вернулись, кто из тайги, кто со строек, - пояснил Крошка. – Там, - он указал рукой на правую половину барака. – Политические. Враги народа. Они все «мужики», блатных среди них нет. Мы их ниже мусора считаем. А это, - Крошка повёл рукой вокруг себя. – Наше государство, воров. Авторитетов сейчас мало, ты да я, да ещё десяток законников. Остальные – кто что. Карманники, форточники, гопстопники, шниффера, но всё равно, наши люди.

Кто такие – шниффера, Ахмад не знал, но на всякий случай понятливо мотнул головой.

- Сейчас все пойдут на ужин, - пояснил Крошка, - но ты оставайся тут. Тебя ещё не определили в бригаду, потому пайки тебе не полагается. Перекусишь у нас, и утром чайком побалуешься, а с обеда уже на казённую баланду перейдёшь.

Крошка тоже не пошёл на ужин. Они ели хлеб с мясной тушёнкой, редчайшим деликатесом в лагере, запивали горячим чаем, и смотрящий рассказывал Ахмаду о порядках в колонии, остальные уголовники уважительно прислушивались к их разговору.

- Ты знаешь, где находишься? – спросил смотрящий по зоне.

Ахмад неопределённо пожал плечами. Ясное дело, что в Сибири, но где именно, на этот счёт этапников никто не просветил.

- Это Сиблаг, в самом сердце Красноярского края, - пояснил Крошка. – Лагерь усиленного режима. Начальник Пустовойт Семён Гаврилович. Мужик жёсткий, но с понятием. Уголовных авторитетов признаёт, хотя поблажки никому не делает. Воров в законе тут нет, начальник через меня правит блатными, потому живём с ним в мире. Но условие у него такое: все должны работать. В других зонах авторитетные вору считают трудиться для себя низким. И в карцеры их сажают, и пайки самые малые дают, а они держатся. Для настоящего урки лучше смерть, чем работа на государство. Ну, да ты знаешь это, чего я тебе толкую...

Ахмад кивнул. О нежелании блатных трудиться в колониях, он слышал достаточно. Ни карцеры их не брали, ни иные какие принуждения. Некоторые пальцы себе отрубали, животы вспарывали, только чтобы не идти на лесоповал или на стройки. Лично сам Ахмад Расулов был не против заниматься чем-то дельным. Вся жизнь его была заполнена осмысленным трудом, и сидеть в камере без дела для него было мучительнее наказания. Но он котировался как преступник высокого полёта, и потому ждал, что последует дальше.

- Все наши блатные трудятся на зоне «придурками», - продолжал Крошка. – Кто на почте, кто в столовой дежурными, кто истопниками, кто посылки выдаёт... Все «тёплые места» я своими парнями забил. Извини, но тебе тоже придётся где-то строить коммунизм. Понимаю, это запахло для настоящего вора, но тут лагерь усиленного режима, и с начальничком не поспоришь. Мало того, что он может загонять в карцер или лишать пайки, ему дано право ставить злостных нарушителей режима к стенке, и это за ним не задерживается. На той неделе он самолично шлёпнул из винтовки Башкира. Хороший был парень, свой в доску, а вот вздумал пойти наперекор Пустовойту, и теперь навечно отдыхает в стылой мерзлоте. Такие-то дела, брат.

Смотрящий немного помолчал, явно готовясь сообщить Афгану что-то не очень приятное. Ахмад терпеливо ждал.

- Пока в зоне для тебя ничего стоящего нет, - Крошка осторожно провёл пальцами по пробору в волосах. – Ты уж извини, но никого я смещать не могу, большое недовольство будет среди блатных. Ты хоть и авторитет, но пока залётный, а остальные все свои. И я с таким положением должен считаться, иначе недолго бы продержался смотрящим по зоне.

Ахмад согласно кивнул, уж это-то ему было понятно. Недаром в Москве он слышал поговорку: своя рубашка ближе к телу. А тут, в лагере, таких «рубашек» у смотрящего было больше трёх сотен.

- Но я держу одно неплохое местечко, - Крошка коснулся рукой плеча Ахмада. – Это место помощника нормировщика в конторе. Будешь вместе с лесорубами в тайге, но самому топором махать не надо. И пилу туда-сюда за ручки таскать тоже. Твоё дело – ходить по вырубке и записывать количество сваленных деревьев. Потом вечером представишь отчёт в контору. Как ты, Афган, на это?

По правде, тайга это лучше, чем угольные шахты, флюоритовые и титановые рудники, - заторопился смотрящий. – Есть тут такие поблизости, и работают там наши лагерники. Вечная мерзлота, холод в забоях такой, что после него мороз на поверхности воспринимается, как летняя жара. Прибавь сюда запылённость, вредные условия подземных работ. В том аду редко кто проживает свыше трёх лет. А ведь можно угодить и туда. Вообще-то там трудятся политические, но, случается, и нашего брата забрасывают, когда под землёй работяг не хватает.

Так что лучше тайга, чем шахтёрская каторга.

Ахмад улыбнулся.

- Что может быть лучше? Весь день на свежем воздухе, да ещё в тайге. Курорт, да и только!

Крошка ответно засмеялся.

- Ну, на курорт это мало похоже, но на первых порах сойдёт. А дальше посмотрим. У нас подвижки в кадрах быстро происходят. Кого ножом пырнули, кто сам удавился, кто в карцере копыта отбросил. Глядишь, и на зоне местечко освободилось, тогда мы тебя сюда пристроим.

Смотрящий вопросительно уставился на Ахмада. Он явно ожидал, что Афган будет недоволен его предложением. Ещё бы, международный вор со стажем, да ещё с расстрельной статьёй, и вдруг в тайгу считать баланы, брёвна, то есть.

Ахмад хорошо понимал Крошку, да и мог ли он качать права, как выражаются уголовники? Его встретили достойно, определили место согласно его званию, и он должен одобрять и ценить это. И то верно, в тюрьмах и лагерях подвижки происходят часто, а за те двадцать пять лет, которые ему присудили, и впрямь многое может произойти. Да и придётся ли ему отбывать эти самые четверть века? Могут вскрыться какие-либо дополнительные обстоятельства грабежа Сбербанка в Москве, и тогда поставят его к стенке, и тот же Пустовойт расстреляет, не помедлит... Как можно в его положении заглядывать в завтрашний день, самое разумное жить сегодняшним, а то и каждым проходящим часом.

Ахмад хлопнул ладонью смотрящего по колену.

- Крошка, о чем разговор? Или я без головы, и мне нужно без конца втолковывать и без того ясное? Давай так договоримся: ты на зоне хозяин. Моё дело слушать тебя и не нарушать обычая в нашем лагере. – Ахмад засмеялся, вспомнив поговорки Ульяны. – Как говорят, в чужом монастыре свою обедню не служат. – За время общения со своей напарницей по торговле, многого от неё наслушался Ахмад Расулов, всяких поговорок, пословиц и прибауток.

Смотрящий по зоне облегчённо вздохнул. Кто знает этого международного авторитета, может, захотел бы претендовать на главенство в зоне, и тогда стычки не миновать? А оказалось – свой человек, с понятием, с таким можно ладить. И чувство благодарности у него имеется.

Откуда было знать Крошке, что Афган, чудом попавший в элиту уголовного мира, так и не свыкся со своим положением, и всё ждал, что вот-вот, да и разоблачат его, установят, что он «апельсин», самозванец, а с такими в преступной среде не церемонятся. И потому самое лучшее для него, это показывать свою покладистость, довольствоваться тем, что имеет, а там, как говорила та же Ульяна, куда кривая выведет.

С того дня установилось у них со смотрящим взаимопонимание, переросшее затем в дружбу.

Увидел Ахмад и начальника лагеря, подполковника Пустовойта. Наутро после завтрака, когда бригады собирались идти на объекты, в барак зашёл надзиратель, заглянул на половину уголовников и крикнул: «Расулов, номер Ф 432». Оказалось, Ахмаду уже и номер присвоили.

- Я, - откликнулся он.

- Давай со мной, - распорядился надзиратель.

- Куда его? – выглянул из своего угла Крошка.

Надзиратель хотел рывкнуть в ответ что-то грубое, но со смотрящим по зоне лучше поддерживать хорошие отношения, потому сдержался и хмуро буркнул: - К начальнику.

Крошка хлопнул Ахмада по спине, что значило «Не дрейфь!», и истаравшанец поспешил за надзирателем.

На дворе было ещё темно. Ярко светили фонари, а там, куда не достигал их свет, густился мрак. Звёзд не было видно, от мороза над землёй клубилась белёсая дымка. Глухо рычали овчарки, их кормили, готовили сопровождать колонну заключённых. Холод стоял такой, что перехватывало дыхание, леденело лицо, а руки, которые нужно было держать за спиной, сразу же потеряли чувствительность. Снег скрипел под ногами, мёрзлые комья отлетали в сторону. «Градусов тридцать, не меньше» - определил Ахмад крепость мороза.

Подошли к административному корпусу. Надзиратель ввёл Расулова в тамбур, приказал снять бушлат и шапку, потом постучал в оббитую черным дерматином дверь, приоткрыл её и доложил: «Товарищ подполковник, заключённый Расулов доставлен».

«Давай его сюда», - послышалось ответное.

В кабинете начальника было тепло. У Ахмада начали оттаивать ресницы, и он стал протирать глаза.

- Руки держать по швам! – рявкнул надзиратель.

Кабинет был просторным, оббит вагонкой, плоскими досками, которые затем обожгли паяльной лампой и покрыли лаком, отчего на стенах образовались причудливые узоры. Большой стол, к нему приставлен ещё один. Над головой начальника висел портрет Сталина в половину роста. Сбоку сейф, вдоль приставного стола ряды стульев. На полу красная дорожка. Ничего лишнего, строгая казённая обстановка.

А сам Пустовойт... Он поднялся с места и подошёл к Расулову. Был он выше Ахмада, в военной форме, лицо костистое, выдавались верхние скулы, глаза прищурены. Короткая стрижка напоминала кабанью щетину.

Пустовойт окинул Расулова холодным взглядом.

- Значит, вот ты какой, Расулов. Он же Афган, он же заключённый номер Ф 432. Статья расстрельная, с временной заменой на двадцать пять лет. Всё правильно?

Ахмад молчал, в голосе подполковника слышалась явная насмешка.

- Я тебя ещё раз спрашиваю: всё правильно? – повысил голос Пустовойт.

- Так точно, - негромко отозвался Расулов.

- Запомни, - подполковник ткнул пальцем в грудь истаравшанца. – у меня в колонии нет ни воров в законе, ни уголовных авторитетов. Я тут единственный вор в законе. Если вздумаешь качать права, сразу же хлопну вот этой рукой. Из нагана.

Здоровенный кулак оказался у самого лица Ахмада.

- Будешь тут жить и трудиться на общих основаниях. Если что, сгною в карцере.

Начальник лагеря полагал, что Ахмад, одна статья которого вызывала уважение уголовников, будет тут устанавливать свои законы, и сразу же решил предупредить его, что ничего из этого не выйдет.

- Были у меня голубчики вроде тебя, пытались поставить себя выше лагерной администрации, теперь лежат в метровой яме. Глубже не выкопаешь, вечная мерзлота не позволяет.

Ты понял меня?

- Так точно, - снова проговорил Ахмад.

- Можешь идти, - подполковник повернулся к надзирателю.- Приходько, проводи его к майору.

Надзиратель козырнул, толкнул Ахмада кулаком в плечо.

- Шагай!

Майором неожиданно оказалась женщина. Ахмад удивлённо прочитал на табличке, прикрепленной к двери кабинета: «Заместитель начальника по режиму, майор Рюмина Нина Дмитриевна».

Рюминой было около сорока лет. Не худая и не полная, светло-русые волосы, лицо сохранило остатки былой миловидности. Тоже в офицерской форме. Держалась строго, но без той угрожающей официальности, которую только что продемонстрировал Пустовойт.

- Садитесь, - предложила Рюмина. Ахмад сел, ожидая, что последует дальше.

Майор открыла его уголовное дело.

- Итак, Расулов Ахмад. Кличка Афган. Давно у нас не было таких серьезных личностей. Вот что, Расулов, думаю, начальник объяснил тебе, какие условия у нас в лагере, и что тебя ждёт, если будешь строить из себя уголовного авторитета. У нас это не принято, и мы с этим не миримся...

Надзиратель негромко кашлянул у двери.

- Ах, да, - Нина Дмитриевна взглянула на него. – Приходько, обожди пока за дверью.

Когда Рюмина и Ахмад остались одни, майор сменила сдержанный тон на доверительный.

- Статья у тебя серьёзная, Расулов, что и говорить. Но от тебя самого зависит – останешься ли жить на этом свете, или поменяешь его на другое помещение.

Ахмад молчал. Крошка уже предупредил, что заместитель начальника по режиму будет вербовать его в стукачи, или осведомители, и научил, как вести себя при таком разговоре.

Рюмина подождала, что скажет Афган в ответ на её слова, но поскольку тот никак не отозвался, продолжала дальше.

- Более того, от тебя зависит – сидеть ли полных двадцать пять лет, или через половину срока подать на условно-досрочное освобождение. Ты понял меня?

Ахмад понял, что нужно проявить какую-то реакцию на эти слова, и негромко отозвался: - Понял.

- Понял, если буду вести себя правильно, то через половину срока могу подать на условно-досрочное...

- Не только, - перебила его Рюмина. – При этом нужно сотрудничать с администрацией, со мной, в данном случае. Скажем, кто-то замыслил побег, подбивает остальных организовать в лагере беспорядок, ну и другое подобное в этом роде, сразу же сообщай мне. Это будет приниматься во внимание и зачтётся тебе при твоём ходатайстве об освобождении через двенадцать с половиной лет.

Ахмад позволил себе усмехнуться.

- Если я доживу до той поры.

Рюмина вскинула подрисованные брови.

- То есть... Что ты хочешь этим сказать?

Ахмад решил сыграть в недалёкого умом уголовника.

- Я авторитетный блатной. Если братва заметит, что я стучу на неё, то ещё скорее покину этот свет. Перо в бок, а то и заточку ночью в грудь, и поминай, как звали. Трудное условие предлагаете, гражданка начальник. Давайте так: режим я не буду нарушать, трудиться, где поставите, а всё остальное не по мне. Опасно очень.

По всему было видно, что заместитель начальника колонии по режиму не ждала иного ответа от такого заключённого, как Афган, но она должна была провести такую вербовку, и она её провела. Отказ сотрудничать не смутил её.

- Вот что, Расулов, - сказала она спокойно, - ты не спеши с отказом. Ты ещё не знаешь порядков в нашей колонии, а когда узнаешь, поймёшь – лучше быть с нами, чем с твоими блатными друзьями. Прав тот, у кого больше прав, да в придачу ещё и сила. Поживи, осмотришься. А когда захочешь переговорить со мной, шепни надзирателю, он сообщит мне о твоём желании.

Ахмад едва не рассмеялся.

- А если надзиратель шепнёт не вам, а тому же Крошке, что тогда будет со мной?

Рюмина заговорила деловито и строго, без прежней доверительности.

- У нас это исключено, сам увидишь.

Приходько! – крикнула она. И когда в дверном проёме показался надзиратель, распорядилась. – Уведи заключённого.

2.

В бараке Крошка внимательно выслушал рассказ Афгана о встрече с начальником лагеря и его заместителем по режиму.

- Ты правильно вёл себя, - одобрил он. – Но, конечно, поначалу тебе будет непросто. И сам Пустовойт, и майорша будут следить за тобой, придираются по делу и без дела. Им главное – сломать тебя. А когда поймут, что ты намерен жить тихо и не мутить воду, отцепятся. Трудно сказать, как сложится дальше. Но что зависит от меня, я сделаю. Вечером сходим к начальнику конторы на лесоповале Карпову. Познакомлю тебя с ним, он скажет, что делать, и начнёшь вкалывать, строить этот самый коммунизм.

Невысокий, широколицый Карпов был примерно одного возраста с Расуловым. Сидел он по политической статье за попытку свержения Советской власти. Определены ему были те же самые двадцать пять лет. Закончил он сельскохозяйственную академию, был крепким специалистом по лесному хозяйству, и заготовка древесины, которую осуществляли лагерники, лежала на его плечах.

Жил Карпов в отдельном боксе, три метра на три, с теми же нарами и столом, заваленном документацией. Особо не развернёшься, но иметь в лагере свой угол считалось большой привилегией.

Уголовников Карпов не жаловал, но Расулов произвёл на него хорошее впечатление. Спокойный, умел слушать, ни на что не претендовал. Ну и потом хорошая рекомендация смотрящего по зоне тоже кое-что значила.

- Образование у тебя какое? – спросил Карпов.

- Среднее.

- Достаточно. Тебя ведь определили помощником нормировщика. Знаешь, что такое плюсы и минусы, цифры складывать умеешь. Справишься, дело нехитрое. Главное, не идти на поводу у бригадиров, они мастера на

приписки. Твоя задача – давать объективную картину. Сколько сделали, столько и покажешь.

С деревом когда-либо дело имел?

Ахмад Расулов не сумел сдержать улыбки.

- Я – плотник с большим стажем.

Крошка удивлённо посмотрел на Афгана, дескать, когда это ты успел, но потом подумал, что, наверное, тот темнит, не хочет, чтобы политический Карпов знал о нём больше, чем нужно, и одобрительно мотнул головой.

- Завтра пойдёшь на лесоповал с бригадой Шамиля Файзулина. Он – мужик правильный, покажет и растолкует на месте, что к чему. Ну, а если какие неясности возникнут, я всегда в конторе. Всё, что надо, разьясню. Ну, бывай, - этими словами Карпов подвёл итог первой беседе с новым помощником нормировщика.

Подъём в лагере производился в пять часов утра. Дежурный надзиратель бил кувалдой в пустую железную бочку, висящую на проволоке у административного корпуса. Гулкие удары разносились по заснеженной территории, и создавалось впечатление, что палят из орудия среднего калибра. Залёживаться на нарах не полагалось, можно и в карцер угодить, всё-таки лагерь усиленного режима. Торопливо поднимались, расправляли байковое одеяло на матрасе, набитом опилками, взбивали такую же подушку, чтобы казалась пышнее, и всё на этом. В бараке топили круглосуточно, но помещение длиной в пятьдесят метров одной печкой не обогреешь, потому спали одетыми, в шапках, а сверху на одеяло набрасывали ватник.

Спустя час шли колонной на завтрак в столовую, а в семь утра бригады уже стояли на разводе. Крошка познакомил Ахмада с бригадиром лесорубов Шамилем Файзулиным. Бригадиру было к пятидесяти годам, среднего роста, с лицом, потемневшим от постоянных морозов, узкими глазами. Файзулин показался истаравшанцу неулыбчивым и малоразговорчивым.

- На месте всё покажу, - коротко проговорил Файзулин.

Поначалу заключённые шли общей колонной, а потом разделились на бригады. До своей лесной делянки бригада Файзулина добиралась два часа. Шли в сопровождении конвойных, овчарки рычали и скалили жёлтые клыки.

До этого дня Ахмад Расулов и леса толком не видел, а тут сразу тайга, да ещё вековая. Гиганты-деревья стояли плотно, между некоторыми стволами человеку не протиснуться. Кое-где виднелись завалы, это когда падало старое подгнившее дерево, ломало молодые, и образовывалась стена, через которую если и переберёшься, то далеко не сразу. На кронах елей и могучих кедров лежали толстые пласты снега. Сугробы под ногами, снежная завеса над головой, сплошное царство снега. В тайге мороз ощущался слабее, но всё

равно бил озноб, и единственное спасение от телесной дрожи, начать скорее работать.

На лесоповале трудилось шесть бригад. Колочей проволокой тайгу нехватишь, потому конвой был усиленный, часовые размещались в пределах видимости один от другого. На небольшой поляне между бригадами стоял бревенчатый домик, это и была контора, куда Ахмад к концу рабочего дня должен был давать сведения о выполненных нормах.

За Расуловым были закреплены три бригады, ещё три доглядывал другой помощник нормировщика.

Бригадир Файзулин вёл Ахмада по своей таёжной делянке, показывал деревья: ель, пихту, лиственницу, кедр, берёзу... Все они не были новостью для истаравшанца, но одно дело видеть ошкуренные брёвна или доски, и, совсем другое, высоченные стволы, уходящие вершинами в хмурое небо.

Бригадир постучал обухом топора по стволу мощного кедра. Тот отозвался звоном, точно был отлит из металла.

- Красавец! – сказал Файзулин и вздохнул. – Тоже подневольный, как и мы. Ему бы жить и жить, а мы его на доски пустим.

Из трубы конторы валил дым. Там нормировщик и прочие «придурки» грелись у печки и лишь из окошка видели снег, а тут в тайге только и маши топором или дёргай пилу за ручки, а то скоро в ледяную глыбу обратишься. И лесорубы пилили стволы, обрубали топорами сучья, а Ахмад отмечал в тетради – кедров срублено пять, елей три, обрублены сучья у пяти лиственниц.

Пробираться по глубокому снегу от одной бригады до другой – нелёгкое занятие. Весь потом изойдёшь, да ещё завалы лежат по пути. К обеду Ахмад совершенно выбился из сил, упал на груды свежих ветвей и дышал тяжело, с хрипом, сомневаясь, что дотянет до конца светового дня.

Готовили обед на все бригады на общей кухне, за конторой, под навесом. Ели у костров, сидя по трое-четверо. Едва успели отскрести миски, как бригадир Файзулин скомандовал: «Подъём тридцать шестая». И хотя тело ломило от усталости и клонило в дрёму, поднялись, разобрали инструменты и побрели к делянке.

Могучие деревья валились с гулом, пласты снега обрушивались вниз, и стоило зазеваться, как оказался бы или придавленным стволом, или засыпанным толстым слоем мёрзлого снега. Пока откопают, можно и задохнуться, в первый же день произошёл такой случай.

Зимний день в тайге недолог. Сумерки подкрались незаметно, синяя дымка залила делянки, огни костров запылали ярче. Заключённые

расселись вокруг них, используя короткую передышку, а Ахмад поспешил в контору, чтобы отчитаться о выработке трёх бригад.

Начальник лесоповала Карпов придирчиво всмотрелся в его цифры, перенёс их в сводную ведомость, подытожил результат: «Не больше, чем вчера... но и не меньше. В такие морозы рекордов не установишь».

Карпов поглядел на Расулова. У того от утомления осунулось лицо и запали глаза.

«Молодец, Афган, - похвалил начальник. – Первый день работал, а справился. Дельным помощником будешь».

Кажется всего-то несколько добрых слов, а Ахмад почувствовал себя бодрее.

Дни тянулись один за другим, как звенья цепи. Работа в тайге казалась бесконечной. Готовые брёвна складывали в штабеля, чтобы с началом лета, посуху, вывезти их до железнодорожного полотна по извилистому тракту.

Ахмад Расулов привык к своим обязанностям и уже не так уставал. У него появилось даже свободное время, но он не сидел у костра, как другой помощник нормировщика. Всё-таки он был плотник. Он брал в руки топор и помогал лесорубам обрубать ветки с деревьев, снимать со стволов кору, укорачивать брёвна. Поначалу лесорубы следили за ним с насмешкой, с каких это пор матёрые уголовники стали тяготеть к физическому труду? Но когда увидели, как сноровисто управляется Афган с плотницкими инструментами, то прониклись к нему уважением. Даже бригадир Файзулин сказал Расулову с неистребимым татарским акцентом: «А ты умеешь ...» Это было у бригадира высшей оценкой трудового мастерства.

Только в тайге истаравшанец чувствовал себя раскованно. В лагере приходилось всё время держаться настороже. Надзиратели по приказанию начальника лагеря следили за каждым его шагом. Постоянные придирки выводили из себя. Не покрашен номер на груди бушлата, опоздал на минуту встать в строй, не поприветствовал надзирателя снятием шапки, ругался с поваром на раздаче баланды... За всё это полагался карцер, но тогда бригады останутся без помощника нормировщика. И Расулова наказывали, как говорится, экономически. Всем полагалась хлебная пайка в четыреста граммов весом, ему давали двести, лишали сахара, держали на одной баланде, без каши... Можно было с такого питания перейти в разряд доходяг, ослабевших от голода заключённых, которых пристреливали, так как они были уже неспособны трудиться на общих работах, а зря в лагере никого не кормили. Но Ахмад питался вместе со смотрящим по лагерю, а там было и хлеба вволю, и сахара, и сливочное масло случалось. Всё это приобреталось на деньги уголовного общака, которые приходили из Москвы, да и посылки шли Крошке одна за другой. Ахмаду неудобно было есть всё это, сам-то он

ведь ничего не вносил в общак, но Крошка относился к этому спокойно. «Не переживай, Афган, - рассуждал он философски. – У всех у нас одна дорога. Выйдем отсюда и снова займёмся своим ремеслом. Ты банки шерстить, я богатых коллекционеров обеднять. С наших доходов процент в общак пойдёт. Сейчас нас кормят, потом мы будем кормить. Уголовный мир на этом и держится».

И хотя Ахмад знал, что никакие он Сбербанки грабить не будет, но кивал головой, соглашаясь со смотрящим по зоне, так ему полагалось по рангу уголовного авторитета.

Время от времени его вызывала к себе заместитель начальника лагеря по режиму Рюмина. Поднимали Ахмада с нар глубокой ночью и вели к майору на беседу. В этом тоже был свой расчёт. Рюмина ждала, что уставший, невыспавшийся заключённый сорвётся, нагрубит ей, и тогда можно будет поставить его перед выбором: или сотрудничество с администрацией, или дальнейшие меры подавления. Но Ахмад разгадал эту тактику Рюминой и не давал ей повода к придирам. Как бы себя он плохо ни чувствовал после долгого трудового дня, держался спокойно, отвечал на вопросы вежливо. Предложения доносить на заключённых деликатно отклонял, говоря, что в тайге он от темна и до темна, да и насколько он понимает, никому в голову не приходит затевать в лагере смуту.

Рюмина срывалась первой. Она орала до посинения на строптивного уголовника, стучала кулаком по столу, а один раз вытащила из кобуры пистолет и приставила его к виску Ахмада, обещая пристрелить, как собаку. Но Ахмада все эти угрозы ничуть не пугали, он уже столько испытал всяких превратностей и унижений, что смерть воспринимал как избавление от того, что ещё предстояло пережить.

В этом лагере усиленного режима помимо тяжёлого физического труда были ещё такие ограничения, как сокращение переписки с родственниками, не больше одного письма в год. Но Ахмад и одного письма ни от кого не ждал. Жена и дети не знали, где он и что с ним стало, а кто кроме них ему писать будет? На посылки не надеялся, на свидания с родственниками тоже, поэтому усиленный режим с его ограничениями, был для него малозначимым.

Крошка считал себя виноватым перед Афганом. Международный вор, авторитет уголовного мира, а пашет на общих основаниях в тайге, да ещё с политическими. Дважды освобождались «тёплые места» - одно на почте, другое в столовой дневальным, но едва Крошка заикнулся о том, что можно было бы перевести туда Расулова, как подполковник обрушился на него с бранью. «Я тебя самого загоню в тайгу, - свирепел Пустовойт. – Придумал тоже, заключённого с расстрельной статьёй хочет пристроить куда потеплее! Моя задача, чтобы он сдох поскорее, я тогда на нём пулю сэкономлю!»

Так и ушёл Крошка ни с чем от разозлённого начальника лагеря, понимая, что дружба с Афганом, конечно, дело святое, но притом и самому зарываться не надо. Разобраться, по сути – в лагере находится смотрящий по зоне, и Пустовойт ничего с этим поделать не может. Таков закон уголовного мира: его представитель должен быть в лагере. Вздумай подполковник положить конец такому представительству, как-то прижать Крошку, и дня не проживёт на свете. То ли из столицы приедет специальный посланник и всадит ему пулю в лоб, или тут же, в лагере, кто-нибудь из братвы всадит ему заточку в спину. Уголовный мир – это государство в государстве, с которым лучше ладить по-хорошему. Тогда и сам уцелеешь, и семью не осиротишь. А разобраться, так смотрящий по зоне – первая опора начальника. Помогает порядок поддерживать, свою братву держит железной рукой, а что там в их среде происходит, так это начальника лагеря не касается.

Крошка покался перед Афганом, что не получается ему облегчить жизнь, но тот лишь махнул рукой. Не стоит, мол, переживать, место помощника нормировщика не из худших. Свежий воздух, физически не надрываешься, от лагерного начальства далеко. Вот если бы угодил в вольфрамовую шахту, тогда стоило горевать. Недавно в шахте обрушилась кровля, сразу десять человек легли в вечную мерзлоту. А туберкулёз там, а ревматизм, от которого пухнут суставы, и человека скручивает так, что он сам на себя не похож становится... Как говорится, от добра добра не ищут.

Уголовники презирали политических заключённых, считали их своей законной добычей. Можно было у политического отобрать хороший бушлат и кинуть ему свой, весь в дырах, стащить с него валенки и вручить ему свои прогоревшие на печке. Опять-таки забрать пайку и съесть на глазах, и никто не осмеливался возразить. Но это в лагере, а на лесоповале Афган не разрешал обижать «политику». «Они не хуже нас, - говорил он наставительно, - а что умнее, так это точно». Авторитет Афгана был высок, и урки не осмеливались перечить ему.

Правда, Крошка как-то заметил Ахмаду, что слишком он опекает «врагов народа», на что тот ответил, что жизнь переменчивая штука. Это сейчас они по политическим статьям сидят, а выйдут на волю, глядишь, снова большими людьми станут. С таким знакомством можно хорошие дела проворачивать. Такое объяснение устроило смотрящего по зоне, и он больше не возвращался к этой теме.

Но тянуло Ахмада Расулова к политическим вовсе не из корыстных соображений. Среди них были такие люди, что даже оторопь брала от одного знакомства с ними. Один профессор медицины, другой самолёты придумывал, третий мосты по всей стране строил. Ахмад и задумывался, ну, ладно, он просто плотник, ни за что сел, так ведь работяг по стране не считано, одним больше, одним меньше, и не заметишь. А тут такие люди, можно сказать, государственного значения. Неужели они стране не нужны

были? Неужели от знаменитого хирурга на лесоповале больше пользы, чем, скажем, в той же больнице, где он делал сложнейшие операции? Этого истаравшанец никак не мог взять в толк. Ведь это всё равно, что золото не на дело пускать, а делать из него молотки и забивать гвозди. Или вот учёный человек Гаврилов, какая-то у него мудрёная профессия. Всей погодой в стране командовал. По делу он проходит как японский шпион, только смешно это Ахмаду Расулову. Какой шпионаж может быть от облаков, ветра или дождей, которые так часты в России?

Ахмад часто подсаживался к политическим заключённым в короткие минуты затишья, слушал их разговоры и много полезного извлекал для себя. У уголовников одно – сколько «взял» при налёте на квартиру, на чём засыпался, сколько денег просадил на воровской «малине», и, конечно, обязательные карты. Полнейшее оупение. А тут Гаврилов рассказывает о местности, где расположился лагерь, заслушаться можно. Так бы просидел Расулов свои четверть века в Красноярском крае и не знал бы толком, что это за местность, а Гаврилов просветил его, да и всех остальных тоже.

«Красноярский край находится в Восточной Сибири, - негромко повествовал учёный - метеоролог, время от времени подбрасывая ветки в жарко горящий костёр. – Занимает он четырнадцать процентов территории России. Расположен в бассейне реки Енисея. На севере омывается водами двух морей Северного Ледовитого океана – Карским морем и морем Лаптевых.

Климат Красноярского края резко континентальный, характерны сильные колебания температур воздуха в течение года...»

Не все слова были понятны колхозному плотнику, тем более научные. Вот, скажем, «континентальный», что это такое? Но не перебивал Гаврилова, запоминал мудрёные слова, чтобы потом спросить об их значении, в удобную минуту.

Гаврилов продолжал рассказывать.

«Для Красноярского края характерны сухой чистый воздух, обилие солнечных дней летом, целебные воды источников и многочисленных озёр создают благоприятные условия для строительства курортов, санаториев и баз отдыха».

- Так почему же их не строят? – не выдержал Ахмад. – Неужели лучше держать здесь лагерь для заключённых и создать тем самым мёртвую зону? А ведь могли бы тут отдыхать и поправлять здоровье тысячи советских людей. Прямая выгода государству.

Гаврилов чуть заметно усмехнулся.

- Наш главный кормчий ведёт страну особым курсом. Государственные интересы не совпадают с интересами народа, а зачастую и противоречат им. Потому лагерь в этом месте нужнее санатория.

Этот ответ не устроил Расулова, поскольку неясно было – кто такой главный кормчий, и почему интересы народа безразличны ему. Но Гаврилов больше не останавливался на этой теме и продолжал говорить об особенностях Красноярского края.

«Средняя температура января – 36 градусов Цельсия. В июле температура поднимается до + 20 градусов. Снег обильно выпадает в начале ноября и держится до конца марта. А случается, лета не бывает вообще. Льют непрерывные дожди, температура максимум + 10, и уже в августе осень заявляет о себе холодом и ранним увяданием растительности».

- А рек много в Красноярском крае? – поинтересовался Ахмад.

- Много, - согласился Гаврилов. – По-моему, четырнадцать, если мне не изменяет память. Все полноводные, обладают значительным гидропотенциалом. Енисей, Ангара, Нижняя Тунгуска...

- А какая ближняя к нам? – продолжал расспросы истаравшанец.

- Курейка.

- Далеко от нас? – не унимался Ахмад. Он и сам не знал, зачем ему это нужно.

- Километров десять через тайгу, - пояснил Гаврилов. – Вот в ту сторону. – И он указал рукой вправо.

Как пригодились потом эти сведения Ахмаду Расулову, хотя до той поры предстояло прожить ещё четыре года.

То, что в январе тут холода за тридцать градусов, это Ахмад Расулов ощутил на себе. Нелегко переносить их, но держался, а вот летние + 20 ещё предстояло испытать, если, конечно, дотянет до той поры. На лесоповале ежедневно погибали заключённые. Рубка деревьев шла сразу в нескольких местах, и никакая техника безопасности не соблюдалась. Погиб, так тебе и надо, для того и заперли тебя в Сиблаг, чтобы не заживался на этом свете. Начальник конвоя составит акт о гибели заключённого, начальник конторы подпишет, ну и ещё конвойные для верности. После этого оттащат мертвеца в сторону, засыплют снегом, утрамбуют, и вся похоронная церемония. Сейчас не мешает, а летом, когда стает снег, хищники позаботятся о погибшем.

Много таких учёных разговоров прослушал за зиму на лесоповале Ахмад Расулов, много узнал интересного. И что показательно, политические узники говорили о серьёзных вещах, но истолковывали их так просто и

доступно, что Ахмад Расулов при всей своей невысокой образованности, понимал почти всё.

Политические заключённые тоже в свою очередь не жаловали уголовников. Слишком разными были их миропонимание и образ жизни, даже тут в лагере.

Заклучённые, осуждённые по политическим статьям, старались даже в тяжелейших лагерных условиях сохранить интеллект и человечность. Сострадание и взаимопомощь были привычны для них, в то время как уголовники руководствовались насилием и всяческим попираанием слабых. Это были два разных общества, мирное сосуществование между которыми было просто невозможно.

Но Ахмад Расулов не вызывал у политических заключённых отчуждения. Он держался наравных, не кичился своей уголовной биографией, не обижал их и не обкрадывал, более того, не давал в обиду. Он оказался внимательным и благодарным слушателем, и это окончательно расположило политических заключённых к нему. Это был редкий случай взаиморасположения двух полярных миров, но он был, и это являлось заслугой самого Ахмада Расулова.

На лесоповале он выступал в роли слушателя, а по вечерам, в лагере, приходилось самому быть рассказчиком. Его персона интересовала уголовников. Ещё бы, международный вор! Чем он занимался в Афганистане? Что это за страна? Как живут там люди? И есть ли блатные в нашем понятии?

Расулов, как мог, удовлетворял любопытство своих братьев по зоне. Его рассказы слушали, как сказки «Тысячи и одной ночи», тем более, что действия происходили на Востоке, овеванном легендами.

- Конечно, блатных в нашем понимании ни в Афганистане, ни в Пакистане нет, воровство там наказывается сурово. Поймали, скажем, карманника, сразу отрубают ему руку, а если сотворил что-то посерьёзнее, то и обе. Сунут обрубки в кипящее масло, чтобы остановить кровь, и живи дальше, как сможешь.

- Ух, ты! – изумился карманник по кличке Сулим. – Этак у нас в России все ходили бы инвалидами.

- Потому мы занимались грабежами караванов, - рассказывал Афган. – На стоянках наши осведомители выясняли – какой и откуда пришёл караван, что везёт, куда направляется и каким маршрутом? Получив эти сведения, мы готовились к налёту. Выбирали место засады, старались, чтобы нас было вдвое больше, чем стражей каравана. Сперва стреляли из укрытия, чтобы побольше вывести из строя караванщиков, а затем налетали на них. Тут уж в ход шли револьверы, рубились на саблях; вопрос стоял жёстко. Для одних –

одолеть охрану, захватить товары и разбогатеть, для других – отстоять товары и самим уцелеть. Тут уж чья возьмет!

- И случилось, отступали? – теперь не выдержал смотритель по зоне.

Вместо ответа Ахмад засучил рукав и показал шрам на правой руке, протянувшийся от локтя до запястья. Поранился он, когда сорвалась пила при подгонке стропил на крыше дома, но такое ранение вполне походило на сабельное.

Такой ответ устроил всех.

- А потом что делали с товаром? – снова любопытствовал Крошка.

Ахмад пошевелил бровями, давая понять, что и тут было всё не так просто.

- Сбыть товар так же нелегко, как и захватить его. Тем более партии большие, и изделия дорогостоящие. Шелка, скажем, ткани с золотыми узорами, фарфоровая посуда, редкостное оружие. В Афганистане есть селения, жители которых занимаются посредничеством. Пригоняем караван в такое селение и продаём там оптом и товары, и вьючных животных. Конечно, дают половину цены, но выбирать не приходится. Посредники уже делят изделия между собой, везут их в Пакистан, и там продают в розницу.

- А если в Пакистане объявится хозяин товара и узнает его? – поинтересовался Савелий, пожилой вор-домушник. – Ведь тогда можно размотать всю цепочку?

Ахмад Расулов пожал плечами.

- Всякое случается. Вот почему при захвате караванов стараемся, чтобы в живых не оставалось ни караванщиков, ни охраны.

Вроде бы ко всему привычны блатные, а ужасом повеяло на них от этих слов Афгана.

- Наверное, немалые бабки имели на этом? – глаза Савелия завистливо блеснули.

- В общем-то, голодать не приходилось, - улыбнулся Ахмад.

Уголовники отозвались на его слова дружным смехом.

- Зачем же тогда понесло тебя в Москву, на явную засыпку? – удивился поездной вор по кличке Гранат. – За границей хорошие дела проворачивали, ну и жил бы там дальше?

Ахмад предвидел такой вопрос и подготовился к нему.

- Прогорели мы на караване с наркотой, - ответил он. – Наркотики – дело очень выгодное, но и условия жёсткие. Довёл караван до места, получи плату. Нет, покроешь стоимость товара из своего кармана или заплатишь жизнью. Мой брат взялся провести такой караван из тридцати верблюдов до границы с Туркменией. Путь сложный, и там сильный пост таможенников. Но брат знал обходную дорогу через такыры, площади из сухой глины. Жара, безводье, не может существовать ничто живое, и таможенники туда не заглядывают. В голове колонны шёл верблюд-вожак по кличке Хирад, что значит разумный. Он оправдывал своё прозвище. Мы доводили караван до такыров, а дальше Хирад сам вёл караван, без помощи людей. Мы же, как крестьяне, проходили через пост, и потом ждали караван в условном месте у границы. Ещё не было случая, чтобы Хирад сбился с пути и не довёл караван до места назначения.

Казалось, всё было предусмотрено, и ничто не предвещало срыва. Но предательство возможно в любой среде. Таможенники повысили сумму вознаграждения тому, кто сообщит им о контрабандистах, и один из наших проводников соблазнился. Он получил у нас аванс и потом рассчитывал получить ещё и обещанное вознаграждение. И он послал своего сына, чтобы тот сообщил таможенникам о нашем караване.

Мы ждали караван сутки, вторые, третьи, и тогда стало ясно, что правительственные службы захватили караван с наркотиками. Самое интересное, что Хирад пришёл к границе один. Он сумел убежать ночью и добрался до нас. Понятное дело, он не мог рассказать о том, что произошло, но само его появление без груза и остальных верблюдов, а также глубокая рана на задней ноге были красноречивее слов.

Вступал в действие договор о доставке каравана. Мой брат должен был выплатить большую неустойку, несколько миллионов долларов. Мы, родственники, собрали всё, что было, не хватало малости, четверти миллиона. Отсчёт времени шёл на дни. Я был в Ленинабаде, когда один из авторитетов сообщил, что в Москве главарь банды по кличке Лошак готовит налёт на Сбербанк. Но ему не хватает надёжных людей. Если я помогу Лошаку, то как раз получу требуемую сумму. Я согласился, но Лошак решил «кинуть» всех и забрать деньги себе, ни с кем не делиться. Так я засыпался, благодаря ему, а сам Лошак был убит, когда милиция прочёсывала в Москве Марьину рощу.

Эту историю блатные знали хорошо и сопроводили рассказ Афгана понятливыми кивками.

- Да вот это жизнь! – завистливо протянул карманник Сулим. – Хотел бы я также промышлять в Афганистане.

- Вряд ли это у тебя бы получилось, - не согласился Афган. – Сложная страна, суровые условия, много народов, различные языки.

Все молчали, размышляя каждый о своём, но всем представлялась глинистая пустыня, оранжевый шар солнца над головой и верблюды, бредущие цепочкой сами по себе, без понуканий погонщиков...

Конечно, ничего этого не было в жизни Ахмада Расулова. Но он должен был поддерживать свой авторитет международного преступника, и потому сочинял невероятные истории, которые его неприхотливым слушателям казались правдоподобными. Он и сам удивлялся своей фантазии. Должно быть, как у каждого жителя Востока, в нём была сильно развита романтическая сторона, и теперь он пускал её в ход, не боясь разоблачения. Да и разоблачать его было некому. Уголовники, собравшиеся в лагере, промышляли, в основном, в России, а о таких странах, как Афганистан и Пакистан, многие даже не слышали. Как выглядят тамошние жители, похожи ли на других людей? Как одеваются, что едят? Красивые ли там женщины, и какова их доступность? На эти вопросы Ахмад отвечал уверенно, и любопытство солагерников удовлетворял полностью.

Не без основания говорят, что человек – продукт той среды, в которой находится. Ахмад Расулов прежде не слышал этого утверждения, но теперь своим примером подтверждал его полностью. Если прежде он был добродушным и покладистым человеком, не любил ссориться с кем-либо, то теперь его характер изменился полностью. Он стал резким и даже грубым, тщательно оберегал свой воровской авторитет, и, когда это было необходимо, даже пускал в ход кулаки. Не позволял каких-либо обидных выпадов в свой адрес, и не позволял унижать слабых, а таких в той части барака, где размещались уголовники, было достаточно. Физический труд закалил его, и силой, как говорится, Бог не обидел. И если кто-то не внимал его словам и не успокаивался, то следовали более жёсткие способы увещевания, и порядок среди уголовников восстанавливался.

Не всем был по нраву Афган с его авторитетом «правильного» вора, но напрямую с ним сталкиваться никто не решался. Один из воров по кличке Борзый постоянно задевал Ахмада, давая понять, что не считает его выше себя. Но делал он это так, чтобы не доходило до прямой стычки. То он с насмешливым видом слушал рассказы Афгана о похождениях в восточных странах, то отпускал реплики, которыми давал понять, что Расулов – птица не высокого полёта и больше мнит о себе, а на самом деле заурядный вор. Так засыпаться в Москве мог только начинающий урка, а не стоящий «деловой».

Невысокий, кряжистый Борзый в прошлом был неплохим боксёром и был уверен – дойди дело до драки, Афган вряд ли выстоит против него. До прихода Ахмада в колонию Борзый считался правой рукой смотрящего по зоне, а теперь Афган оттеснил его, и самолюбие вора со стажем с каждым днём разыгрывалось всё сильнее.

Блатные на зоне следили за растущим напряжением между Афганом и Борзым и понимали, что добром это не кончится. Кто-то должен взять верх, а

кто-то потерять свою значимость. В таких случаях вмешиваться не полагалось, обе стороны сами должны разобраться между собой.

Крошка, правда, пытался утихомирить Борзого, но тот лишь щурил глаза и отворачивался, не желая внимать доводам рассудка.

Карты занимают большое место в жизни уголовников. Это не игра, и не средство развлечения. Это скорее образ бытия, со своими правилами и законами.

В один из вечеров среди блатных завязалась большая игра. На кон ставились деньги, вещи, дозы наркотиков. Везение сопутствовало Борзому. Возле него собралась груда вещей, на столе лежала пачка денег, а сам он курил одну сигарету за другой и небрежно сбрасывал карты, среди которых неизменно оказывался козырной туз.

Ахмад в картёжной игре не участвовал. Он сидел на своей постели и наблюдал за Борзым. По тому как у того плутовато бегали глаза, и он словно невзначай касался левой рукой правого рукава телогрейки, у Ахмада сложилось впечатление, что Борзый плурует. Но Расулова это не касалось, и он предпочитал не вмешиваться в игру, тем более, что обвинение кого-то в мошенничестве было серьёзным делом и предстояло его доказывать наверняка, иначе можно было ответить по-крупному за свои слова.

Молодой карманник Сулим проигрался, как говорится, вчистую. Он спустил всё, что имел, и теперь сидел голый за столом, судорожно теребя в руках карты. Играли в «очко» и у него всё время случался перебор. Осталось последнее – играть на жизнь. Тут уже Сулима никто не принуждал, он сам должен был решить свою судьбу. И он рискнул. Одна карта, вторая, третья... Восемнадцать очков. Взять ещё одну карту, но это опять верный перебор. Оставить так, как есть, шанс на выигрыш ничтожный. Сулим решил, не рисковать. Он бросил карты на стол и посмотрел на соперника. Тот открыл семёрку, тройку, а потом, помедлив, добавил к ним крестового туза. Двадцать одно очко, абсолютный выигрыш.

Нервы у всех были на пределе. Уголовники разразились криками, Сулим упал лицом на стол и зарыдал. Отныне его жизнь принадлежала Борзому.

Борзый победно огляделся по сторонам, натолкнулся на пристальный взгляд Расулова.

- Может, отыграешься за него, Афган? – предложил Борзый и ударил кулаком Сулима по голове. Это был его раб, и он волен поступать с ним, как ему заблагорассудится. По правилам, любой желающий мог попытаться отыграть такого, как Сулим, но если проигрывал сам, то замещал его на последней ступени воровской иерархии. Иначе говоря, становился рабом и слугой выигравшего.

Это был прямой вызов. Афган мог не принять его, но тогда его авторитет крепкого блатного заметно бы пошатнулся. В таких случаях полагалось рисковать.

И Ахмад Расулов принял вызов Борзого. Он сел напротив него и приготовился играть. Борзый перетасовал карты и начал раздавать их. Ахмад внимательно следил за его руками. В своё время в камере следственного изолятора в МУРе лысый Бильярд показывал ему приёмы шулерской игры в карты, и Ахмад хорошо запомнил их.

Ахмад взял три карты, посмотрел и демонстративно бросил их на стол. У него было двадцать очков. Блатные загудели, это была убедительная заявка на выигрыш. Но Борзый держался уверенно. Он положил на стол короля – четыре очка, затем добавил шестёрку, десять очков. Теперь должен последовать туз, и тогда соберётся победных двадцать одно очко.

Борзый медлил, наслаждаясь предвкушением эффекта. В этот момент Ахмад перегнулся через стол, схватил его за рукав телогрейки и рванул на себя. Из рукава вылетел бубновый туз. Все замерли, Борзый был разоблачён. Ахмад схватил туза, плюнул на него и прилепил его ко лбу мошенника.

Все закричали, кто возмущённо, кто радостно. Слишком надоели всем наглые выходы Борзого, и теперь его стремлению утвердиться в воровской среде любой ценой пришёл конец.

Борзый оторопел от неожиданности. Ахмад перепрыгнул через стол, схватил его за ворот ватника и поволок к двери барака. Там, не давая Борзому опомниться, затолкал его лицом в бочку с нечистотами. Это была высшая форма унижения. Отныне Борзый переходил в разряд «чушек». Ему полагалось спать возле бочки, в которую по ночам справляли нужды заключённые, мыть пол в бараке и выполнять все обязанности «шестёрок».

Ахмад повернулся и пошёл к столу.

- Афган, - закричал Сулим. – Атас!

Это значило – берегись!

Ахмад стремительно обернулся. Борзый бежал к нему, держа в руке ложку с заточенной ручкой. Медлить было нельзя. Ахмад ухватился руками за края коек верхнего яруса, подпрыгнул и ногами ударил Борзого в лицо. Тот отлетел назад, ударился об пол и затих.

Минута, другая... Крошка подошёл к Борзому и пошевелил его ногой. Тот оставался неподвижным. Стало ясно, что от удара сломались шейные позвонки, смерть наступила мгновенно.

- Отпрыгался фраерок, - сказал смотритель по зоне. – Чего искал, того и достиг. Ну-ка, братва, тащите его к шконке. Ночью прыгнул с неё. Но неудачно.

Так и сделали. Борзый лежал в проходе с нелепо вывернутой шеей.

Все смотрели на Афгана. Он держался уверенно, ничем не выдавая своего душевного расположения. Теперь судьба карманника Сулима была в его руках, он становился хозяином молодого жулика.

Ахмад взял одежду Сулима и бросил ему.

- Одевайся, - сказал он, - и больше не садись играть в карты.

Это означало, что Сулим получал свободу.

Все облегчённо вздохнули, а Сулим схватил руку Афгана и прижался к ней губами.

С того дня никто больше не посягал на авторитет международного вора.

Ночью Ахмад Расулов долго не мог уснуть. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в темноту. Приходилось драться, силой отстаивать свой авторитет, а вот человека он убил впервые. Раскаяния не было, как не было и чувства другого какого-либо душевного неблагополучия. Впервые смерть так близко подошла к нему. Не крикни Сулим «Атас!», сейчас он бы лежал с перерезанным горлом. Значит, не пришла ещё пора покинуть ему этот свет, что-то предстояло ещё совершить и испытать, хотя, признаться, сам он считал, что пережитых горестей и печалей с него достаточно.

Причину смерти Борзого администрация лагеря не расследовала. Гибель заключённых в лагере – дело обычное. А тут на теле нет следов побоев, только сломанная шея, видно и впрямь упал со своей шконки. Борзый надоел всем в лагере своей наглостью и дикими выходками, и его гибель все восприняли с облегчением.

Время шло. Ахмад Расулов привыкал к лагерной жизни. Он по-прежнему трудился в тайге, и временами ему казалось, что он всегда находился на лесоповале и другого занятия не знал.

Миновали зима, весна, лето, осень расцветила красками со своей палитры величавую тайгу. Ахмад убедился, что в Сибири не бывает для человека благополучной поры. Зимой донимала стужа, весной не было спасения от мокряди. Таял снег, шли дожди, холода чередовались с оттепелью, и волглую одежду невозможно было высушить даже у костра. От постоянной сырости зудело тело, на коже появлялись кровоточащие язвы.

Казалось бы, лето должно было принести облегчение, но не тут-то было. На заключённых обрушилась новая беда – комары и гнус. Комары не

были Ахмаду в новинку, их и в Азии хватало, а вот от гнуса спасения не было. Это было скопление мельчайших крылатых насекомых. Их было так много, что они образовывали тёмные облачка, кружившиеся возле людей. Как бы ни закутывался, ни оберегался, они проникали повсюду и разъедали тело до крови. Ранки чесались, не чесаться было невозможно, и такое истязание длилось изо дня в день.

Скотина от укусов мошки приходила в бешенство. Единственным спасением было бросать в костёр сырые хвойные ветки, и тогда густой едкий дым отпугивал гнуса. Но у костра всё время не просидишь, надо было работать, и тогда облако гнуса снова окутывало человека плотной завесой.

В тайге человек вёл бесконечную борьбу за существование. Это была среда, враждебная человеку. И если он только родился и вырос тут, и не знал другого существования, только при этом условии он воспринимал все испытания, как само собой разумеющееся, и не сетовал на судьбу.

Ахмад Расулов сделал важное для себя открытие. Трудности лагерного быта легче переносятся тогда, когда не заостряешь на них внимание, не думаешь о них постоянно. Да, гнус – это настоящее бедствие, но можно обороняться от него дымом, обмахиваться ветками, мазать лицо и руки смолистыми выделениями хвойных деревьев, резкий запах которых отпугивал мошку. И тогда тайга становится знакомством с удивительным миром, человек узнаёт так много полезного и удивительного для себя, что примиряется со всеми превратностями гигантского растительного царства.

Ахмад подружился с ботаником, греком Цанаксиди. Худой, горбоносый, с сизыми от густой щетины щеками, то постоянно что-то жевал.

- Тайга – это богатейшая аптека, - говорил Цанаксиди. Он был увлечён своей профессией и старался всех приобщить к её таинствам. – Нас, заключённых, кормят так, чтобы мы недолго коптели небо, нет витаминов, полноценных белков. Но ведь всё это есть в тайге. Нужно только знать, какие растения полезны, пользоваться ими, и тогда сто лет – не предел жизни для человека.

Когда выдавались свободные минуты, ботаник учил Ахмада различать жимолость, жёлтую акацию, таволгу, малину, смородину, крыжовник и можжевельник. Показывал – какие грибы съедобные, а какие ядовитые, какие ягоды и орехи можно употреблять в пищу, а какие лучше не трогать.

- В тайге море лекарственных растений, - рассказывал Цанаксиди, сопровождая слова показом этих растений. – Людская беда в их жадности и нежелании тянуться к знаниям. Болезни мы лечим химическими препаратами, а они, помогая одному органу, наносят вред другому. Растительные же лекарства полезны во всех отношениях и способствуют укреплению организма.

И ботаник показывал своему благодарному слушателю – какие растения помогают при простуде, при болях в печени и почках, нормализуют работу сердца.

- Вот взгляни, - говорил Цанаксиди. – Этот цветок – пижма. Казалось бы, чего в нём хорошего. И вид неприглядный, и запах такой, что нос зажать хочется. А польза от него огромная, часами можно рассказывать. Тайга – это не просто собрание множества деревьев и растений, это целая академия для того, кто хочет знать и понимать богатство природы.

Ахмад слушал рассказы ботаника и вбирал в себя всё полезное из узнанного. Он не предполагал, что всё это когда-нибудь пригодится ему. Просто в его натуре была врождённая тяга к знаниям, и он использовал любую возможность научиться чему-либо и обогатить разум новыми сведениями.

Цанаксиди объяснял, как нужно собирать лекарственные растения, какое время наиболее подходит для этого, и как нужно сушить и сберегать целебные травы, ягоды и корни, как их можно заваривать и использовать.

И как был позднее благодарен истаравшанец учёному-ботанику за его уроки на природе. Они не только помогли ему не тяготиться жизнью в тайге, но и сохранить эту самую жизнь в условиях, когда, казалось, ничто живое не может противостоять нескончаемым холодам и снежным заносам.

3.

Время в заключении истаивает медленно, как ноздреватый прошлогодний снег в таёжных завалах. И единственное, что можно противопоставить его неспешности, это терпение и надежду на то, что всё в мире переменчиво, и свободу можно обрести скорее, чем это определено сроком приговора.

Прошёл год. Ахмад приспособился к тягостным условиям лагерного режима, хотя это далось ему непросто. Казалось, уже ничем его нельзя ни удивить, ни опечалить. За это время он дважды побывал в карцере за всё тот же отказ сотрудничать с лагерной администрацией, один раз его водили расстреливать за строптивость на допросе у начальника лагеря. Расстрел был всего лишь имитацией, но пережил он немало мучительных минут.

Но оказалось, в лагере можно и радоваться, причём и повод вроде бы был незначительный. На почте его ждало письмо. Ахмад долго рассматривал его, заметил, что письмо уже вскрывали. Оно было надорвано и грубо заклеено. Что ж, в лагере – это обычное дело. Достал листок, взглянул на

подпись в конце. Писала Ульяна, его напарница по торговле на Черкизовском рынке.

«Ахмад, здравствуй! Мне сказали, что тебе можно посылать только одно письмо в год. Это страшно мало, когда хочется сообщить многое. Прежде всего, о деле. Товар твой я распродала. Зимой он шёл хорошо. Деньги отдала вашему торговому представителю, и он переслал их в твой колхоз. Там им обрадовались, не ожидали, что так много будет. О тебе (строчки, примерно треть письма, замазаны чёрной краской).

Ахмадик, ты даже не можешь представить себе, как я скучаю по тебе. Всё время вспоминаю, а по ночам во сне вижу, встану утром, а подушка мокрая от слёз. Вот как! А ты, наверное, уже и позабыл свою московскую подругу. Все вы, мужики, такие. Недаром говорится: с глаз долой, из сердца вон. И Нинка-Конь тебе привет передаёт, жаль, говорит, что ты не успел взять нас в жёны, всё-таки морально легче бы было.

Как у тебя жизнь там? Говорят, ты где-то в Сибири. Холод там, наверное, собачий, а ты всё-таки человек южный, думаю, тяжело тебе приходится. Хотели тебе посылку с тёплой одеждой послать, не взяли. Сказали, лагерь особый, порядок очень жёсткий, никаких послаблений.

Ахмадик (снова строчки замазаны чёрной краской), а всё равно не верю, что наша разлука будет долгой. Надеюсь, разберутся в твоём деле, и ты снова вернёшься к нам в Москву, хотя она и неласково обошлась с тобой. Но всё равно, как говорится, всё перемелется, мука будет.

Жду тебя. Целую крепко, твоя Ульяна.

Привет тебе от моей мамы и дочки. Часто спрашивают о тебе, по сердцу ты им пришёлся. И Нинка тебя целует. Теперь я стала ревновать тебя к ней. Вернёшься, на версту её не подпущу к тебе.

Ещё целую миллион раз».

Казалось, ничего мудрёного в письме не было, а слёзы навернулись на глаза истаравшанца. В жизни не знал, что это такое, а тут расслабился, даже стыдно стало. Думал, что никому не нужен, все забыли о нём, а оказывается, не так. Любовь женщины, даже если её и нет рядом, действует лучше любого лекарственного снадобья.

В тот же вечер сел писать ответное письмо, оказалось, что это не просто. За всю жизнь письма писал считанные разы и то по-таджикски, а вот по-русски не получалось. Не находились нужные слова. Да и что писать? Как трудится на лесоповале, так это вряд ли Ульяне будет интересно. Описать жизнь в заключении, так это скорее всего вычеркнут. Написать, что любит и скучает? Вроде взрослый мужик, чтобы в чувствах признаваться, да и не было особой любви к Ульяне. Слов нет, помогала она ему здорово, и

приятная во всех отношениях, признателен ей Ахмад за это. Но можно ли назвать это чувство любовью? Скорее всего, нет. Любовь была к жене, когда жили первые годы, обжигала, как костёр. Правда, потом перешла в привычку. К Ульяне такого не было...

Вспоминал Ахмад совместную московскую жизнь втроём, когда спали в одной постели он, Ульяна и Нинка-Конь, и даже головой покачал. Смотрика, что случается в жизни...

Ответное письмо писал неделю. Получилось сухое, и даже на его взгляд, малограмотное. Подумал Ахмад, а потом разорвал его. На встречу никакой надежды не было. Сидеть ему в колонии двадцать пять лет, это в лучшем случае, а в худшем, могут и расстрелять. Зачем обнадёживать женщину, расстраивать и её, и себя? Лучше перечеркнуть всё, что было, и жить одним днём, как все живут в лагерях. И потом одно письмо в год, вроде насмешки над теми, кто пишет, и теми, кто получает. Не надо такой милости.

Самое интересное, потом получил ещё два письма от Ульяны. В них сквозило недоумение по поводу того, что нет ответов. Чтобы это значило? Если погиб, тогда письма бы не брали. А если живой, то молчание тем более неясно, уж строчку мог бы черкнуть.

И снова Ахмад садился писать письма, и снова убедил себя, что бесполезное это дело. Так и прервалось их общение, хотя вспоминалась ему Ульяна часто.

Прошли второй год заключения, третий, четвёртый... Весна пятого года выдалась ранней, тёплой и солнечной. Снега таяли дружно, звонко пели ручьи, им вторили птицы, населявшие тайгу. Лесное царство казалось обновлённым, зелень промытой до последней кедровой иголки. И над всем этим буйным великолепием раскинулось синее небо; даже не верилось, что в Сибири может быть такое.

Ахмаду Расулову исполнилось сорок пять лет. Не мало, особенно для колонии усиленного режима, но возраста он не ощущал. Сила была, мог весь день трудиться на лесоповале и особого утомления не ощущал. Правда, сильно поседел, на щеках появились продольные складки, и морщины от уголков глаз потянулись к вискам. Зеркала в лагере не полагались, а когда видел своё отражение в лужах или родниковой струе, то не узнавал себя, вроде как глядел на чужого человека. Но это со всеми в колонии так происходило, не с ним одним. В неволе, говорят, и птицы петь перестают, а человек чувствительнее всякого пернатого создания.

За эти годы поменялся смотрящий по зоне. У Крошки кончился срок заключения. Отбыл он к себе в Питер, как по-старому называл Ленинград. Тепло простился с Афганом, оставил свой адрес, сказал, если что, то чтобы заходил без всяких. Заменял его прибывший вор в законе по кличке

Гориллыч. Отчество его было Гаврилович, так урки переделали в Гориллыча. И, правда, новый смотрящий чем-то напоминал своего обезьяньего собрата. Возраст к сорока годам, сутуловатый, руки длинные. Голова лысая и смотрел всегда исподлобья. Лоб узкий, и нижняя челюсть заметно выдавалась. Действительно, Гориллыч. Кличку свою новый смотрящий по зоне не очень жаловал, но от неё не отказывался, в молодости её получил, когда из себя ещё ничего особенного не представлял. Сказал, чтобы звали его попросту – Старшой.

И с этим смотрящим по зоне отношения у Ахмада сложились нормальные. Ахмад ни на какое лидерство не претендовал, воровские законы знал и чтит, а что, скажите, ещё нужно было для вновь прибывшего уголовного авторитета.

Надо сказать, что Гориллыч был жёстче Крошки, порядок в своей половине барака держал жёсткий, и был надёжной опорой лагерной администрации. Своих, конечно, не закладывал, ни на кого не доносил, но не допускал всяких бунтов, выступлений и прочее. Если чего требовал начальник лагеря, то это выполнялось в срок и беспрекословно.

Начальником лагеря был всё тот же Пустовойт, правда, теперь он вырос уже до полковника. Заместителем начальника была та же Рюмина, но теперь на её мундире виднелись подполковничьи погоны. Поговаривали, что Пустовойта собираются перевести в Москву, а его место займёт Рюмина, но пока это были разговоры. Заключение не очень одобряли такую возможную перемену. Известно, что незамужняя женщина, да ещё получившая власть в колонии, злее караульной овчарки.

Вечером, когда Ахмад вернулся с лесоповала, поужинал и лежал на нарах, ожидая вечерней поверки, его позвал к себе Гориллыч.

- Афган, разговор есть, - сказал он коротко.

Смотрящий провёл ладонью по лысине, поморщился, словно отведал чего-то горького.

- Такое дело, у нас свой мужик в канцелярии начальника, так вот он сообщил. Пришла бумага, требуют увеличить добычу вольфрамовой руды. Какие-то новые танки собираются делать ля армии, полегче, но с усиленной бронёй. Нам бы это хрен с ним, но и нас касается. Короче, начальник распорядился оставить на лесоповале три бригады, а другие три в шахту. Твоя фамилия тоже в том списке есть.

Гориллыч помолчал, пошмыгал носом.

- Я попытался отстоять тебя, так Пустовойт так разъярился, будто я погоны с него хотел снять. И карцером мне грозил, и пристрелить пообещал. Ты, конечно, авторитет, запахло тебе киркой махать, всё-таки на лесоповале

ты хоть небольшой, а начальник, но пойми, брат, тут я бессилен. Твоя расстрельная статья против тебя работает.

Всё это, конечно, Ахмад понимал, и к смотрящему по зоне у него не было претензий. Среди своих уголовников он считается главным, а в целом в колонии - такой же зек, как и все, только что не дёргают его на общие работы да отсиживается в бараке.

Ночью лежал Ахмад Расулов на нарах, закинув руки за голову, и размышлял. Знал он, что шахты в условиях вечной мерзлоты – верная гибель, но против решения начальника не попрёшь. Как говорила Ульяна: плетью обуха не перешибёшь, сырым яйцом стену не проломишь, и что-то ещё подобное было в её запасе пословиц и поговорок.

И решил Ахмад примириться и с этим изменением в своей судьбе, тем более, что от него ничего в данном случае не зависело. Сила есть, здоровье есть, авось и к шахте приспособится. Главное, не терять надежды, а везение, хотя и относительное, до сих пор не отворачивалось от него.

Три бригады, выработку которых Ахмад Расулов контролировал как помощник нормировщика, заслали поглубже в тайгу. Нужно было заготовить кедровые брёвна, какие-то правительственные квартиры в Москве собирались отделать этой древесиной.

Так далеко в тайгу Ахмад ещё не забирался. Её величие подавляло. Всё тут было гигантским, и всё протестовало против вмешательства человека в её размеренное существование. Да его нога ещё и не ступала тут. Вершины кедров и лиственниц утопали в небесной синеве, снизу виднелись лишь узкие полоски неба. С пихт свешивались длинные пряди лишайников, моховой покров закрывал валуны, и они казались большими шарами, которые кто-то разбросал по полянам. И стояла такая тишина, что голоса людей, да и окрики конвойных воспринимались, как чужеродные звуки в этом царстве покоя и умиротворённости.

Ахмад шагал в узкой шеренге заключённых, смотрел под ноги и вспоминал объяснения ботаника. Вот ирисы, осоки, а это герань луговая. И тайга теперь не казалась ему пугающей, а воспринималась, как своя родная и приветливая к тем, кто знает её и относится с уважением к её великолепию. И ещё было жаль, что вскоре ему предстоит расстаться с таёжным миром, и спуститься в шахту, в царство мрака, сырости и леденящего холода.

Кедры, которые предстояло срубить, росли на редколесье, словно они не хотели соседства ни лиственниц, ни пихт. Зато метрах в двадцати от них начинались такие заросли можжевельника, протиснуться сквозь которые можно было с большим трудом. Прямые и стройные кедры походили на струны невиданного музыкально инструмента. Казалось, стоило коснуться их рукой, и они зазвучат, наполняя тайгу чудесной мелодией. Больно было

видеть Ахмаду, как гибнут под пилами и топорами эти чудесные творения природы, но он бессилён был помешать их уничтожению.

На этой выработке не было ни колючей проволоки, ни вышек. Часовые располагались на расстоянии видимости один от другого, да ещё овчарки скалили клыки и сдержанно рычали, роняя на землю длинную слюну.

Работа не была тяжёлой, и заключённые не выбивались из сил. Перебросили их сюда на неделю, после чего предстояло, кому вернуться на прежнюю лесосеку, а кому спуститься в вольфрамовую шахту. Еду готовили себе сами, продукты принесли с собой, и начальник конвоя без большого начальства поблизости вёл себя спокойно и не придирался по мелочам.

Дни стояли тёплые, уже несколько дней не было дождей, земля просохла и мягко пружинила под ногами.

Один за другим валились на землю высоченные кедры, стучали топоры, очищая стволы от ветвей и длинных прядей коры. Взял в руки топор и Ахмад Расулов. Трудился с подъёмом, вдыхал свежий воздух, напитанный ароматом смолы, и даже позабыл на время, что всё ещё находится в заключении, правда, в удалении от лагеря.

На окраине редколесья бил небольшой родничок. Он был такой чистый и светлый, а вода такой прозрачной и холодной, что от неё ломило зубы. И так полюбился этот родничок Ахмаду, что он обложил его дёрном, а водную струйку пустил по деревянному лотку. И она чуть слышно позванивала, лаская слух и отвлекая от горестных мыслей.

На третий день случилась неожиданность – исчезли овчарки.

- Куда подевались наши четвероногие сторожа? - любопытствовал Ахмад Расулов у бригадира Файзулина.

- Эпидемия чумки началась у них, - хмуро ответил тот. – Должно быть от грызунов прихватили. Всех собак в карантин в лагере определили, ветеринар возится с ними.

Слова бригадира будто подтолкнули истаравшанца. Вот удобный случай бежать из заключения. Собак нет, ограждения нет, а в таёжной чащобе, какая может быть погоня. Подумал так, и тут же отбросил от себя эту мысль. В одиночку в тайге не выживешь. Без еды, без укрытия и хищников полно. Оружие нужно, а где его возьмёшь?

И всё-таки это соображение не давало покоя. Ахмад лежал на груде пахучих ветвей и не мог уснуть. Вскрикивала какая-то ночная птица, глухо шумели кроны кедров высоко над головой, ярко светили звёзды в проёмах между ветвями.

Спали заключённые на толстом слое еловых веток, а укрывались бушлатами. Но всё равно по ночам было прохладно, потому крестообразно, одно на другое, клали обрубки брёвен, и такой костер горел до утра, а размещались на ночлег вокруг него.

Ахмад приподнялся, осмотрелся. У каждого конвойного горел костёр, но они спали, опершись на винтовки. Костры еле тлели, светили красными угольями, и темнота напознала на редколесье.

Здравый смысл останавливал истаравшанца, но он не прислушивался к нему. Им руководило одно стремление – бежать. Заросли можжевельника были почти рядом, на невысоком пне стоял мешок. Ахмад знал, что в нём буханки хлеба, сахар, соль и спички.

Он подполз к пню и стащил мешок на землю. Полежал, прислушиваясь, стараясь умерить дыхание. Сердце стучало так сильно, что он даже поопасился, как бы ни услышал конвойный.

Ахмад полз к можжевельнику, двигая мешок впереди себя. Конечно, если бы были овчарки, то любая попытка бежать была бы бесполезной. Но сейчас был тот редкий случай, который может никогда больше не повториться, и Ахмад не собирался упускать его.

Он добрался до зарослей можжевельника, чуть помедлил, прислушиваясь. В любую секунду мог послышаться грозный окрик «Стой!», и лязг винтовочного затвора. Но конвойных сморила дрёма, да и шум кедров действовал усыпляюще.

Ахмад, как ящерица, скользнул в заросли, прополз ещё немного, осторожно раздвигая ветви, потом поднялся на ноги и пошёл, стараясь ступать так, чтобы под ногой не хрустнула ветка. Закинул вещевой мешок за спину и зашагал быстрее. Он помнил, когда спросил у метеоролога Гаврилова, в какой стороне река Курейка, тот пахнул рукой вправо и добавил, что до неё километров десять. И Ахмад спешил в сторону реки, надеясь, что именно там обретёт спасение. Что это было – интуитивное побуждение или безумная надежда, он и сам не мог сказать, но спешил именно в сторону реки.

Ночью идти в тайге было трудно. Огибал ствол, и тут же наталкивался на другой, продирался сквозь заросли кустарников, раздирая одежду, не зная, можно ли обойти их или следует двигаться именно так, напрямую. Но всего труднее давались завалы, когда падали старые деревья и образовывали непроходимые преграды. Ахмад перелезал через них, падал на землю и ушибался. И молил всех богов, какие только есть на свете, чтобы не сломать руку или ногу. Тогда конец, тогда верная гибель.

А тайга всё также шумела над ним, и помаргивали в небе звёзды, то ли ободряя, то ли осуждая человека за безумную попытку обрести свободу ценой вероятной гибели.

Ахмад не стал перебираться через очередной завал. Сполз с него на землю и сел, опершись мешком на обветшалый ствол. Осыпалась сухая хвоя, пахло сыростью и смородиновыми листьями. Тьма стояла такая, что он не видел собственных рук. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди, лицо заливал клейкий пот, от которого щипало глаза. Он настолько выбился из сил, что не мог заставить себя встать на ноги и идти дальше. «А будь, что будет», - вяло подумал он. И пришло сожаление, что поддался минутному порыву и решился бежать. «Ну, вот убежал, - чередовались в голове мысли, - а дальше что?» И появилось желание вернуться на лесосеку. Можно снова прокрасться мимо часового, лечь на своё место и заснуть, забыв о неудачной попытке вырваться на волю. Подумал об этом и тут же отбросил это соображение. Найдёт ли он в этой тьме обратный путь? Скорее всего, нет. Но даже, если и найдёт, то, скорее всего, добредёт туда на рассвете. Его появление охрана расценит как попытку побега, а в таких случаях пристреливают на месте.

И Ахмад решил идти дальше к реке, положившись на судьбу. Уж если она помогла ему скрыться в тайге, то может и дальше выведет на верную дорогу. Нужно только набраться сил... И он заснул сидя, опираясь мешком на древесный завал.

Пробудился Расулов ,как от толчка. Знобило от предутреннего холода, тело, словно налито свинцом, глаза слипались, и он долго тёр их кулаком.

Рассвет ещё только угадывался. Серая полутьма разлилась по тайге, но стволы уже различались. Ахмад с трудом встал на ноги, помотал головой, приходя в себя, и полез на завал.

Теперь идти было легче, он видел звериные тропы и шёл по ним, надеясь, что хищники выходили по ним к водою.

Сам он ориентироваться в тайге не мог. Он вспомнил, Гаврилов говорил, что в лесу или степи, где нет ясных примет, человек ходит по кругу. И так до той поры, пока не свалится от изнеможения. Ахмад больше всего опасался именно этого, и полагался на инстинкт зверей, оставивших в тайге свои следы.

Конечно же, его будут искать. Глупо надеяться, что побег останется без последствий. Но охрана вряд ли сообразит – в какой стороне его искать. Хотя, не исключено, что погоня тоже устремится к реке. Но, скорее всего, конвойные поспешат в лагерь, возьмут одну из здоровых собак, и она поведёт их по следу беглеца. Опытные заключённые говорили, что собаки теряют чутьё, если по ходу сыпать за собой махорку. Но её не было. Говорили, что следует натирать подошвы ботинок еловой хвоей. Она тоже имеет сильный

запах и может сбить собак с толку. И хотя Ахмад не знал – насколько это верно, всё-таки сел на поваленный ствол и старательно протёр ботинки пучком еловых веток.

Его, действительно, искали. Утром, по время поверки, обнаружилась нехватка одного заключённого. Когда установили, кого именно, то молодой лейтенант Самеев, начальник конвоя, даже изменился в лице. Лагерное правило известно: упустил беглеца, сам вместо него бушлат зека оденешь. В таких случаях не только начальник, весь конвой получит по шеям, и дай Бог, если отделаются только взысканиями. Свободно могут и срок схлопотать.

Рассыпались по кустам, побегали из стороны в сторону, постреляли в воздух для остротки. Но вполне понятно, толку от таких метаний немного. Тайга – враг, но может быть и другом. Так укроет беглеца, ввек не сыщешь.

- Бегом в лагерь, - приказал лейтенант сержанту Майборде. – Проси розыскную собаку Найду. От неё ещё никто не уходил.

Сержант вернулся с Найдой, но уже темнело, а ночью даже с собакой в тайге не походишь. Оставалось ждать утра.

На рассвете Найда уверенно пошла по следу заключённого Афгана. Она бежала быстро, натягивая поводок. Проводник и трое конвойных с трудом успевали за ней, продираясь сквозь заросли кустарников и преодолевая завалы.

- Ну, тварь! – цедил сквозь зубы сержант, пропотевший насквозь от утомительного преследования. Понятное дело, что он имел в виду беглеца. – Поймаем, пожалеет, что на свет родился.

Собака вела погоню к реке. Запах хвои, исходивший от ботинок Афгана, не смутил её. Шли по следу до вечера. Как ни спешили, а в тайге во мраке особо не побегаешь. К реке вышли к середине следующего дня. Найда добежала до воды, лакнула её, заскулила, зарычала, давая понять, что дальше хода нет.

На песке явственно виднелись отпечатки ботинок заключённого, в воде лежала его матерчатая кепка с козырьком, зацепившаяся за прибрежный куст.

Курейка – река широкая. Один берег пологий, песчаный, другой – обрывистый, круто уходящий в воду.

- Метров триста, пожалуй, будет, - прикинул сержант. Опустил руку в воду, холодная, больше минуты не выдержишь.

- Ясное дело, - пришёл сержант к выводу. – Попытался Афган переплыть реку и утоп. Смотрите, на тот берег при всём старании не выберешься.

С этим сообщением и вернулись на лесосеку. Составили акт по всем правилам о попытке побега заключённого Ахмада Расулова по кличке Афган и его гибели в Курейке. Подписались все: начальник конвоя, лейтенант Самеев, проводник розыскной собаки, сержант и солдаты, входившие в группу погони.

Такое же сообщение отправил и начальник лагеря, полковник Пустовойт. Версия о гибели опасного рецидивиста устраивала всех. На практике подтверждалось изречение вождя, Иосифа Виссарионовича Сталина: «Нет человека, нет и проблемы».

Кепка Расулова, найденная на берегу и доставленная в лагерь, была лучшим подтверждением его гибели в водах широкой и холодной сибирской реки Курейки.

Как же всё происходило на самом деле?

Всего на три часа опередил Ахмад Расулов погоню. Он спешил, но силы человека не беспредельны. Плохое лагерное питание – не лучшее средство сохранять хорошую физическую форму, тем более, что он не позавтракал. От голода поташнивало, ноги подкашивались, и истаравшанец уже не бежал, а брёл неверными шагами, пошатываясь, то и дело, запинаясь о корни деревьев. Извилистая тропа тоже не очень-то приближала к цели. Мучения усугубляла мошка, серым облаком вьющаяся над головой. Ахмад жадно хватал воздух широко раскрытым ртом, и всякий раз вдыхал его вместе с гнусом, отчего начинались сильный кашель и головная боль.

Тропа вилась по краю неглубокого глинистого оврага. По дну бежал ручей, Ахмад, оскальзываясь на склоне, спустился в овраг и припал сухими губами к холодной и прозрачной воде. Он пил долго и жадно, переводя дух и снова склоняясь к ручью. А потом достал из мешка буханку хлеба, отломил часть и принялся есть, запивая водой. Как ни спешил, а понимал, что голодный и без небольшой передышки далеко не уйдёт.

Река показалась неожиданно. Ахмад продрался сквозь заросли можжевельника и увидел Курейку. Широкая, она плавно струила свои воды и представляла собой серьёзное препятствие для беглеца. Конечно же, он не смог бы переплыть её. Идти и то не хватало сил, а плыть тем более, да и пловец он был не из лучших.

Ахмад стоял на берегу Курейки, озирался по сторонам и едва не вскрикнул от радости. Метрах в тридцати от него прямо на берегу рос густой куст таволги, и к его стволу верёвкой был привязан небольшой плот из четырёх коротких брёвен. Брёвна были скреплены металлическими скобами, и плот был довольно надёжным сооружением.

Истаравшанец бросился к плоту, торопливо распутал верёвку и принялся отталкивать плот от берега. Он едва не оставил на берегу мешок со

съестными припасами. Забросил его на плот в последнюю минуту и в спешке уронил кепку в воду. Ему было не до неё, счёт шёл на минуты. Ахмад грудью лёг на брёвна, плот был немногим длиннее его роста, и руками стал загребать воду, стараясь удалиться от берега. Течение реки подхватило плот и понесло его вниз. Мимо скользили песчаные выступы, одинокие лиственницы, поросли невысоких елей.

Руки онемели от холода, Ахмад сел на плоту и едва не засмеялся от радости. Песчаный берег сменился гористыми возвышенностями, заросшими настолько, что, казалось, были закутаны в зелёную меховую шубу. Ахмад лёг на спину и отдался во власть плавного движения. Он бездумно глядел в мутноватое белёсое небо с редкими стайками кучевых облаков. Вдоль реки тянуло прохладным ветерком, и гнуса не было. Ещё один повод для радости. Неизвестно почему, но возникла уверенность, что побег удался. Может погоня и была, но на плоту он для неё недосыгаем. Река унесёт его так далеко вглубь Сибири, что его ни с какими собаками не сыщешь. Что будет потом, Ахмад не думал, для этого ещё придёт время. Пока же наслаждался свободой в полной мере. Для того, чтобы понять вкус воды, нужно изнемогать от жажды. Для того, чтобы воспринимать волю, как великое благо, нужно пройти тюрьмы и лагеря.

Ахмад с признательностью подумал об охотниках или рыбаках, которые сколотили этот плот и тем самым дали ему возможность обрести свободу. Конечно, вряд ли они помянут добрым словом вора, похитившего их плот. Но для Расулова это было неважно. Охотники соорудят себе другой плот, в тайге деревьев хватает, а этот послужит беглецу в полной мере.

Ахмад не думал, куда его принесёт река и как он доберётся до берега. Курейка извилистая, где-нибудь плот забросит на отмель, главное, чтобы это произошло как можно позже.

Ветер обвеивал лицо прохладой, нежил своими мягкими ладонями, был напитан ароматами близкой тайги, и Ахмад задремал. Он лежал в ложбине между брёвнами, ватник намок, и спину холодило, но стоило ли обращать внимание на такие мелочи? Он погружался в сон и впервые за долгое время наслаждался покоем. Его теперь не разбудят ни удары молотом по пустой бочке, ни крики надзирателей, и такой сон тоже был свободой, тоже был великим и выстраданным счастьем.

Проснулся Ахмад уже под вечер. Он чувствовал себя отдохнувшим, недавнее утомление сменилось свежестью и хорошим настроением.

Вдоль русла реки тянулись те же горы, крутые, обрывистые, густо поросшие тайгой. Тьма уже проступила в её глубинах, отдельные деревья не различались, а сливались в плотный массив. Небо наливалось густой синью, кое-где замерцали светлячки звёзд.

Захотелось есть. Ахмад пожевал того же хлеба, съел несколько кусочков сахара, запил водой, благо её было в избытке. Сел поудобнее и проверил содержимое вещевого мешка. Особого богатства не было, но какое-то время продержаться можно. Шесть буханок хлеба, пятьдесят кусков сахара, полпачки соли, десять коробков спичек, и что больше всего порадовало его, в мешке нашёлся хлебный нож. Длинный, со сточенным лезвием, но очень острый. В случае чего может пригодиться и как оружие.

Ахмад всматривался в обрывистые берега, в тёмные таёжные массивы, надеясь заметить хоть какое-то присутствие людей. Но ни отблеска костров, ни светящихся окон изб, ничего не было видно. И он подумал, что река несёт его в самую глубь Сибири, в её необжитые и глухие пространства. «Пусть так, - подумал он. – Первое, что я сделал – это обрёл волю. А дальше жизнь как-нибудь образуется». И опять ему вспомнилась Ульяна с её бесконечными поговорками. «Всё, что ни делается, делается к лучшему», - сказала бы она в таком случае. И Ахмад пожалел, что не писал писем своей второй несостоявшейся жене. Она вот всплывает в памяти, незримо подбадривает, а он не подарил ей даже короткие мгновения радости. Казалось бы, что такое письма? Листки бумаги, покрытые чернильными строками. А Ахмад видел, как светлели лица заключённых, когда они получали такие весточки. Это были не только письма из дома, это были послания из другого мира, в котором всё было по уму, добром, и в котором не было ни издевательств, ни унижений. И он мысленно укорил себя в бездушии, хотя руководствовался благими помыслами.

Густая мгла окутала горы и таёжные массивы. Ночь зачернила небо, россыпи звёзд струили на землю пепельный свет. Река отражала его и казалась потоком расплавленного серебра.

Становилось холодно. Ахмад поёжился. Влажная одежда не согревала, и его начал бить озноб. Он подумал, что до утра совсем заоченеет. Это в Азии ночь настолько напитана дневным жаром, что спишь, ничем не укрываясь. Сибирь таки привилегий не даёт. «Вот если бы развести костёр, - подумал он. – Но из чего, и где возьмёшь дров».

Костёр... Истаравшанца осенило. Ведь он плывёт на брёвнах, с которых можно настругать щепок, нужно только найти место посуше. Он нашёл такие места, не пропитанные водой. Настругал длинных щепок, развёл костёр в углублении между брёвнами. Пожара можно было не бояться, брёвна снизу волглые, да и в случае чего, воды в избытке. Его не беспокоило, что с берега могут заметить огонь. На середине реки он недостижим, течение быстрое, да и места тут настолько глухие, что нечего опасаться.

Так Ахмад грелся до утра, он умудрился даже высушить одежду, и ночь провёл вполне сносно.

Днём осмотрел место, где пылал очаг. Выгорело не сильно, можно и дальше поддерживать тут пламя. Но теперь он не строгал брёвна, а стал внимательно смотреть по сторонам. Мимо несло немало древесных обломков с ветвями, Ахмад ловил их, обламывал сухие, и вскоре на оконечности плота высилась груда ветвей, вполне пригодных для костра. Вопрос ночного обогрева был решён.

Время от времени он поглядывал вверх по течению, вдруг да отправят за ним погоню на лодке. С вёслами его быстро можно настичь, сам он может грести только руками, а с таким средством намного ли увеличишь скорость? Но беспокоился первые три дня, а потом тревога прошла, стало ясно, что обрёл свободу окончательно.

Питался хлебом, расходовал его бережно, но такая еда сил не прибавляла. В лагере кормили баландой да кашей, но это была горячая пища, и хоть мало в ней было полезного, но держаться можно было. А хлеб да вода, какая в них энергия? Только что пустоту в желудке заполняют. Вспомнилась Расулову первая отсидка в карцере. Нахамил он тогда майору Рюминой, когда она в очередной раз предлагала ему стать осведомителем администрации. Сулила ему всяческие льготы, а Ахмад сказал: «Прибавьте сюда постель на двоих, тогда, может, подумаю». Рюмина аж подпрыгнула на месте, вызвала надзирателей и отправила Ахмада на десять суток в карцер. Горячая пища только на третий, шестой и девятый дни, а так хлеб и вода. Едва ноги тогда не протянул Ахмад, с месяц после выхода из карцера откармливал его смотрящий по зоне продуктами, купленными на общаковые деньги. Без этого либо туберкулёз бы нажил себе, либо дистрофию...

Но как Ахмад ни экономил хлеб и сахар, а они уменьшались. Река по-прежнему несла плот вглубь Сибири, и он начал тревожиться. Что, если и дальше он будет на стремнине Курейки? Крутых извивов у реки нет, и будет плот так путешествовать до самого какого-нибудь Ледяного моря. Географию Севера и Сибири он знал плохо, метеоролог Гаврилов мало говорил о ней, и Ахмаду представлялось: когда-нибудь река непременно упрётся во льды. Вот это будет достойное завершение его побега.

Хлеб и сахар закончились. Уже двое суток истаравшанец ничего не ел. Он примирился со своей участью, в конце концов, смерти никому не дано избежать, и гибель на воле от голода всё-таки казалась ему предпочтительнее расстрела в одном из глухих карцеров БУРа, барака усиленного режима.

Он лежал на спине, смотрел в небо и ощущал слабость. Не хотелось ни двигаться, ни даже думать. Всё-таки неделя на хлебе и воде, и двое суток без ничего – многовато для здорового, физически крепкого мужчины.

Плот наткнулся на что-то, накренился так, что Ахмад едва не сполз в воду. Он приподнялся, осмотрелся. Было именно то, чего он так долго ждал.

Русло реки круто уходило влево, и плот упёрся в залом из древесных стволов. И берег был рукой подать, по залому вполне можно было добраться до него.

Сил у Ахмада сразу прибавилось. Он перебрался на залом и по нему устремился к берегу. Стволы прогибались под его тяжестью, и он до пояса погружался в холодную воду. Он хватался руками за ветки, подтягивался, и метр за метром преодолевал препятствие. Мешок за спиной намок и мешал продвигаться к цели, но в нём были спички, и приходилось мириться с его тяжестью.

Сильное течение развернуло плот, он скользнул вдоль залома и поплыл вниз по быстрине. Сожаление кольнуло Ахмада, плот помог обрести ему свободу, и теперь истаравшанец остался без его поддержки. Но с другой стороны, плот сослужил свою службу и уже не нужен был беглецу.

До берега по залому Ахмад добирался довольно долго, но всё же добрался. Обессиленный опустился на песчаную отмель и долго сидел, глядя на быстрину реки. Вода с шумом уходила под залом, пенилась, раскачивала сцепившиеся стволы.

Ахмад поднялся на ноги и осмотрелся. Прямо перед ним вздымался крутой откос, ощетилившийся камнями. Высота его была приличной, а там, наверху виднелись лиственницы. Там начиналась тайга.

Ахмад стал взбираться по откосу. Сухая земля осыпалась под ногами, и дважды он скатывался вниз, обдирая ладони о камни. Падал и упрямо продолжал карабкаться вверх, хватаясь за выступающие корни.

Наконец, подъём был преодолен. Ахмад упал грудью на верхушку косогора и долго лежал, собираясь с силами. Он тяжело и шумно дышал, сердце так колотилось в груди, что сотрясалось всё тело. Потом поднялся на дрожащие ноги и побрёл вглубь тайги.

Ни в чём не угадывалось тут присутствие человека. Первозданная природа, без следов вырубки. Нигде не виднелись чёрные проплешины от костров. Прямые стволы лиственниц и кедров казались отлитыми из меди, ели держались кучно, их кроны сливались в тёмно-зелёную стену.

Прежде всего, нужно было позаботиться о пище. Ахмад побрёл к елям, они растут на сырой почве, и там вероятнее всего можно найти грибы. И верно, он наткнулся на их россыпь. Это были белые грибы, крепкие, без единой червоточки. Ахмад осмотрел спички, некоторые коробки подмокли, но были и сухие. Развёл костёр, нанизал грибы на прутик и стал поджаривать. Есть хотелось отчаянно, до спазм в желудке, но он съел лишь малость, и усилием воли заставил себя отказаться есть дальше. В его положении излишек пищи мог обернуться вредными последствиями. Долго лежал у костра, наслаждаясь теплом. Тайга приняла его, и он верил – сохранит ему жизнь и дальше.

День угасал, следовало позаботиться о ночлеге. Набрал сухих дров, сложил их в кучу, прикинул, до утра должно хватить. Темнело быстро, стволы деревьев и кустарники сливались в сплошную черноту. Послышался глухой рёв, Ахмад вздрогнул. Так мог реветь дикий северный олень, а мог и медведь, встреча с которым была бы для истаравшанца нежелательной. Он спал чутко, время от времени пробуждаясь и бросая ветки в костёр. В кустах поодаль кто-то шумел, словно продирался сквозь заросли, красными огоньками светили чьи-то глаза. Ночная тайга была полна жизни, но никто не пытался напасть на него, и Ахмад благополучно дотянул до рассвета.

Утром он снова поел жареных грибов, особой сытости не чувствовал, но голод не так томил, а главное – появилась уверенность, что он спасся от гибели.

Он шёл на восток, в сторону восхода солнца. Можно было идти по всем направлениям, но он упрямо стремился именно туда, где зарождался день. Какой-то инстинкт побуждал его двигаться именно в ту сторону.

Ахмад забрёл в самую глушь тайги. Лиственницы и кедры стояли вплотную, косматые пихты преграждали путь, опять появились завалы, преодолевать которые было подлинным мучением. Наверное, не следовало удаляться от реки, разум подсказывал ему это, а интуиция гнала вперёд. Один раз он наткнулся на родник, напился вволю, отдохнул и пошёл дальше. Пошёл, наверное, не совсем точно сказано; он брёл, путаясь ногами в траве и мшистой поросли, и озирался по сторонам, отыскивая, что бы можно съесть. Встречались кусты малины, смородины, невысокие деревца боярышника. Их ягоды ещё не вызрели, но годились в пищу. Он набивал ими живот до икоты, и всё-таки мучительно хотел есть. Это была несытная пища, дававшая лишь видимость еды. Кедровые орешки были получше, в них было много масла, но они росли высоко и добраться до них было сложно. По прямому гладкому стволу не залезешь, а палкой удавалось сбить лишь несколько шишек, не больше.

Ахмад брёл по тайге, потеряв ощущение времени. Если бы его спросили – сколько дней прошло с той поры, когда он выбрался на берег, он, пожалуй бы, затруднился ответить. Вечерело, он устраивался на ночлег, рассветало, снова отправлялся в путь. Он был занят только поисками пищи. Живности было полно: по стволам сновали белки, проскакивали зайцы, видел соболей, но у него не было ружья, а голыми руками зайца не поймаешь. Много было птиц, несколько раз в кустах отыскивал гнёзда, в них лежали три-пять яиц. Пил их сырыми или запекал в костре, всё-таки хоть какое-то разнообразие. От грибов и ягод его уже мутило.

Часто шли дожди. Укрывался от них под густыми елями, пережидал. В углублениях скапливалась тёмная вода, пил её; всё чаще останавливался на отдых. Подолгу сидел на стволах поваленных деревьев или на обломках камней, покрытых лишайником. В голове вяло струились обрывки мыслей:

долго ли ещё бороться за жизнь и найдётся ли какой-нибудь спасительный выход? Теперь даже лагерное бытие не казалось ему столь тягостным. Всё-таки там был среди людей, можно было с кем-то перекинуться словом. Были, если не друзья, то, по крайней мере, товарищи, искренне расположенные к нему. Тут же одиночество томило его не меньше голода. Он вспомнил слова одного политического заключённого: «Человек – существо общественное» и согласился с ним. Именно общества, пусть даже уголовников, не хватало ему.

Тайга то поднималась на холмы, то опускалась в низины. В одной из низин Ахмад увидел небольшое озерцо. Голубоватая вода в обрамлении зелени походила на осколок зеркала. Ахмад спустился к озеру, сел на камень и наслаждался тишиной и неяркими красками сибирского лета. И вдруг его словно подбросило. В озере водились рыбы. Он не знал их названия, но они были довольно крупными, и, главное, не боялись человека. Рыбы подплывали к берегу и застывали, уткнувшись носами в тину.

Ахмад снял с себя рубаху, завязал рукава и ворот, застегнул на все пуговицы, зашёл в озеро, и потащил за собой рубаху, точно бредень. Даже такое нехитрое приспособление оказалось действенным. Не прошло и часа, а он уже добыл с десяток крупных рыб. Почистил их, нанизал на прутья и поджарил на костре. Соль у него была, и ужин получился поистине царским.

У озера Ахмад прожил три дня. Отдыхал, вдоволь ел рыбы, и даже запас её себе в дорогу. Не хватало хлеба, но тут уже он ничего не мог поделать.

Он шёл по-прежнему на восток. Мог, в конце концов, устроиться у озера, вырыть в склоне пещеру и подготовиться к зимовке. Пища была, вокруг много сухого валежника, как-нибудь продержался бы до очередного тепла. Хотя нет, не продержался бы. Он уже знал, насколько сурова и безжалостна сибирская зима.

Какая-то сила влекла его вперёд, и он подчинялся ей. Когда Ахмад посмотрелся в озеро, то не узнал себя. Он увидел исхудавшего человека, с ввалившимися глазами, заросшего волосами. Это было лицо дикаря, а может быть снежного человека, о котором он когда-то читал в газете. Его одежда обветшала и порвалась, в прорехах виднелось голое тело. Нечем было укрыться ночами от холода, и единственным спасением оставались костры.

Ахмад продолжал идти. И уже на исходе какого-то дня, он продрался сквозь чащобу жёлтой акации и жимолости и вышел на небольшую поляну. На её окраине у громадного кедра увидел зимник, бревенчатую избу, в которой останавливались охотники. Её брёвна потемнели от времени, одна створка ставней валялась на земле, другая косо свисала на петле. Небольшое оконце затянуто бычьим пузырьём. Но это было жильё, то самое к которому его так упорно вела интуиция.

Ахмад подбежал к зимнику, дверь была заперта, её удерживал колышек, вставленный в пробой поверх петли. Истаравшанец вбежал по ступенькам, выдернул колышек, распахнул дверь и буквально влетел в избу. Было темно, едва различались какие-то предметы.

И тут силы оставили Ахмада Расулова. Сказалось напряжение долгих дней. Побег с лесосеки, путь на плоту по реке, утомительное путешествие по тайге, впроголодь, и без видимой цели. Сознание покинуло его, и он упал на пыльный щелястый пол.

4.

Ахмад видел себя в колхозном саду, в почти забытом Истаравшане. Он стоял под урючным деревом и осторожно касался его веток руками. Золотистых плодов было столько, что ветви едва не обламывались под их тяжестью. Он любовался этим великолепием, думал о щедрости родной земли. Может где-то есть земли и получше, но сейчас сад казался ему райским местом, тем самым, где наслаждаются отдыхом праведники. Рядом с Ахмадом стоял пожилой сосед Рахматулло и говорил почему-то на блатном языке: «Ну что ты, как последний фраер, шары выпучил? Погоди, попадешь на зону, баланде рад будешь...»

К чему это сказал Рахматулло, Ахмад не понял. Он застонал и пришёл в себя. Приподнялся на руках, осмотрелся, потом сел. Зимник был не очень большим. Третью его занимали широкие нары, застланные пушистыми шкурами. На стенах прибиты полки с берестяными коробками. Под нарами стоял большой ящик. Но что потрясло Ахмада больше всего, это то, что на стене над нарами висело ружьё.

Ахмад бросился к нему, снял с гвоздя и внимательно осмотрел. Открыл ствол, чистый, без копоти. Закрыл, нажал на спуск, боёк щёлкнул. Ружьё было исправным. Положил ружьё на нары и стал открывать берестяные коробки. Соль, сахар, крупы, в большом коробе вяленое мясо. Дольки сушёной картошки, чеснок, привядший лук, но пригодный в пищу. Мука, горох, подсоленные сухари; было еще что-то, но и то, что увидел истаравшанец, потрясло его до глубины души. Теперь он понял, к чему ему привиделся колхозный сад. Это было обещание продуктового изобилия.

В ящике под нарами была сложена одежда: штаны, рубахи, сапоги, тёплое зимнее одеяние. Под ними россыпью лежали патроны, там же виднелись упаковки пороха, дроби и пуль. В углу грудились капканы, за ящиком Ахмад увидел глиняные горшки.

Слева от входа была сложена кирпичная печь, обмазанная глиной. В сенях перед входом в жильё до потолка высилась поленница сухих дров.

В зимнике было всё, о чём только мог мечтать беглый заключённый.

Ахмад сидел на нарах, жевал сухарь с вяленным мясом и во все глаза рассматривал доставшееся ему богатство. Он слышал о зимниках, которые промысловики сооружали для охоты в тайге, но слышал также и о таёжном законе: любой путник, попавший в беду, мог остановиться в зимнике и пользоваться всем, что там имелось.

И он пользовался этим. Теперь в душе его появилась уверенность, что гибель в тайге ему больше не грозит, по крайней мере, от голода. Исчезли усталость и бессилие, тело наполнилось энергией. За избой была пристройка, вроде небольшого сарайчика. Там тоже были сухие дрова, и что его обрадовало больше всего, небольшой штабель из досок и плотницкий инструмент. Конечно, это был не тот набор, что у него дома, но всё необходимое имелось, и можно было привести зимник в порядок. Тут было к чему приложить руки.

Колодезный сруб тоже обветшал, крышки не было, ворот сгнил и покосился. Ведро валялось на земле. Ахмад посмотрел вглубь колодца, вода была, отсвечивала тусклым зеркалом.

Ахмад набрал воды в ведро и понёс в зимник. Взял глиняный горшок, положил туда кусок вяленого мяса, залил водой, растопил печь и поставил горшок на огонь. Когда мясо сварилось, добавил сушёного картофеля, крупы. Как и многие азиатские мужчины, Ахмад Расулов был неплохим поваром. Мог приготовить всё, что угодно: и шурпу, и лагман, и маставу, и пельмени. А уж о плове и говорить нечего, это блюдо неизменно вызывало похвалу друзей. Мог замесить тесно и испечь самбусу, лепёшки и многое другое, включая и паровые манту. Но ни одно блюдо не доставляло ему такого удовольствия, как этот немудрёный суп, сваренный в зимнике из незамысловатых продуктов. Он ел его, обжигаясь, торопливо глотал, так, как-будто вот-вот раздастся команда: «Заключенные, выходи строиться!», и только когда опустел горшок, Ахмад оторвался от еды и блаженно зажмурился. Уже шесть лет он не ел ничего подобного, ни в тюрьме, ни потом в лагере. Даже питание на общаковые деньги не шло ни в какое сравнение, в нём не было главного – привкуса свободы.

День угасал, пора было устраиваться на ночлег. Ахмад взял инструменты и занялся ставнями. Вытащил ржавые гвозди, выпрямил петли, покрепче сбил полотно ставней, а потом закрепил их на окне. Теперь он закрывались надёжно. Осмотрел входную дверь и тоже поправил её.

Странное дело, сколько ночей он спал в тайге, доступный всем хищникам, какие только имелись, оборонявшийся от них только слабым

пламенем костра, а теперь в помещении делал всё, чтобы укрыться, как можно надёжнее. Такова непоследовательность человеческой натуры.

Ахмад спал беспокойно, как всегда на новом месте. То ему казалось, что кто-то ходит вокруг зимника, то вроде пытается открыть дверь, и он то и дело касался рукой лежавшего топора.

Проснулся, когда светило солнце. Вышел из избы и зажмурился от обилия света. Солнечные лучи пронизывали тайгу насквозь, и она казалась праздничной. Лиственницы и кедры блестели гладкими и ровными стволами, ели походили на подружек, выбежавших поиграть на поляне, и даже пихты утратили свою мрачность. Бездонная глубина неба кружила голову, плотные кучевые облака заняли его треть, и лишь подчёркивали чистоту и ясность поднебесья. И всё вокруг было наполнено таким свежим и ароматным воздухом, что его можно пить вместо нектара.

Два дня Ахмад ел и отсыпался вволю, а потом стал трудиться. Поменял подгнившие ступеньки на крыльце, из берёзовых жердей сделал перила. Поправил колодезный сруб, изготовил новый журавль и крышку. Обновил наличники на окне, в самом доме настелил несколько новых досок на полу, сколотил покрепче шатавшиеся нары. Забрался на крышу, сложил развалившуюся дымовую трубу, настелил свежую дранку, которая ложилась, как черепица. Нужник возле зимника покосился и грозил рухнуть, Ахмад не позволил ему этого. Укрепил и сколотил, как надо, и эта важная часть людского бытия стала выглядеть пристойно.

Трудился Ахмад Расулов с удовольствием. Руки истосковались по полезному делу, и часы за работой летели незаметно. Вроде только было утро, а уже, глядишь, небо начинало сереть, и в тайге залегли синие тени. Вечером готовил себе еду на день. Собирал грибы и ягоды и разнообразил ими своё питание.

Труд в лагере не приносил такого удовлетворения, как теперь. Там заключённые занимались уничтожением. Рубили самые лучшие лиственницы и кедры, оставляли в тайге голые проплешины с безобразно торчащими пнями. Конечно, и брёвна, и доски нужны были строителям, корабелям, всех не перечислишь, но, по разумению истаравшанца, нужно было на месте порубок сажать новые деревья, возобновлять лесное богатство, да и саму вырубку вести планоно, а не как Бог на душу положит. Но всего этого не делалось. Получалось, хищнически истребляли то, что досталось в наследство от минувших поколений, а будущие оставляли ни с чем.

Издали осматривал Ахмад зимник и оставался довольным. Бревенчатая изба выглядела обновлённой, и холода его не застанут врасплох. Ахмад пользовался дровами, но рубил и новые, так что поленница не уменьшалась. Продукты ел, но кое-что запасал. Конечно, муку и крупы ему взять было негде, а вот мясо вялил и складывал впрок. Стрелял зайцев, не

брезговал и белками. Лагерь приучил его есть всё, что только может переварить желудок. Иногда проскакивали дикие северные олени, но их подстрелить истаравшанцу не удавалось, слишком уж стремительным был их бег, да и близко к себе он и не подпускали. По правде говоря, Ахмад не очень жалел об этом, красивыми и мощными были эти животные, да и потом, чтобы он делал с таким обилием мяса.

В тайге водилось много птиц, почти все они годились в пищу, кроме пернатых хищников. Птицы и зайцы составляли основной рацион беглого истаравшанца. Чая не было, заваривал кипятком смесь листьев черёмухи, смородины и мяты, добавлял вызревших ягод, получался ароматный напиток, который и утолял жажду, и бодрил.

Ахмад Расулов жил в полном согласии с окружающей его природой. Вреда ей не наносил, брал для себя лишь самую малость, и ему вполне хватало этого.

Казалось, чего бы желать большего, но истаравшанец был деятельной натурой, и период безделья и отдыха завершился довольно скоро. Осень давала о себе знать травой, которая бурела и становилась ломкой, в кронах берёз появились жёлтые листья, ягоды рябины и боярышника вызрели и ждали первых морозов, чтобы утратить горечь и стать годными к употреблению.

Небо выцвело, и прежняя синь становилась блёклой. Светлые кучевые облака сменились тяжёлыми чёрными тучами, которые сумрачно нависали над тайгой и кропили её частым, нудным дождём. В ясные дни в воздухе плыли нити серебристых паутин. Они цеплялись за ветки и развевались, как флаги приближающейся поры увядания.

Ахмад с беспокойством думал о предстоящей зиме. Нужно к ней готовиться, пока что тайга давала такую возможность. Грибов и ягод было полно, да и дичи, и птиц, не пуганных человеком, вокруг водилось в изобилии. Всё это так, но насколько постоянно его жильё? Зимники – это пристанище охотников-промысловиков. Явятся они с наступлением холодов, когда открывается охотничья пора, и куда тогда деваться беглому заключённому? И кто может поручиться за то, что не сдадут они его лагерному начальству? Бывалые уголовники, прошедшие огни и воды, говорили, что сибирякам за каждого беглеца платят приличные награды.

Ахмад Расулов терялся в размышлениях и готов был к любому повороту событий, лишь бы они не слишком поздно заявили о себе.

И они заявили как раз вовремя.

Ахмад разделявал во дворе сухой валежник на дрова, когда увидел вышедших из чащобы троих мужчин. Они негромко переговаривались и шли по направлению к нему. Ахмад выпрямился и стоял, сжимая топор в руках.

Мужчины были в самой зрелой поре, годам к сорока, не больше. Здоровенные, кряжистые, бородатые. Двое светлые, больше в рыжину, третий потемнее. Одеты добротно, в меховые куртки, штаны из толстой грубой материи, на ногах крепкие сапоги. Хотя было ещё не холодно, но шапки покрывали головы. За плечами ружья, на спинах плотно набитые рюкзаки, на поясах большие охотничьи ножи.

Тот, что потемнее бородой, держался уверенно и шёл чуть впереди, видимо был старший.

- Бог в помощь, хозяин, - грубоватым звучным голосом поприветствовал он Ахмада. Остальные двое склонили головы в лёгком поклоне.

- Здравствуйте, - отозвался Ахмад. Он не знал, чего ожидать от незнакомцев и держался насторожённо. Это были первые люди, которых он встретил после побега из лагеря. По-видимому, это и были промысловики, о которых он столько думал, и которые появились неожиданно.

Незнакомцы обошли его, точно он был древесным стволом, осмотрели избу, зашли внутрь, потом вышли, оглядели крыльцо и поленницу, похлопали ладонью по будке отхожего места. Не обошли вниманием и починенный сруб колодца. Снова подошли к Ахмаду.

- Руки у тебя к месту приставлены, - похвалил старший. – Мы всё тут собирались порядок навести, да всё недосуг. А ты, гляди-кось, какую красоту навёл.

От такой похвалы на душе истаравшанца полегчало. Начало не предвещало ничего плохого.

Особенно понравилась промысловикам скамейка, которую Ахмад сколотил под окном, и сидел на ней по вечерам, глядя, как сумерки медленно перетекают в ночь.

- Сядем, - предложил старший, хлопнув ладонью по плоской доске скамейки.

Сел сам, рядом пристроились двое его спутников, Ахмад опустился на край скамейки.

- Из мастеровых будешь? – спросил старший.

Ахмад кивнул.

- Плотник.

- Умельца сразу видно, - согласился старший промысловик. Его спутники сидели, молча, без очевидного интереса разглядывая истаравшанца.

- Имя-то как?

- Ахмад.

- Ахмад? Вишь ты? – удивился старший. – Из какого же народа будешь?

Ахмад пояснил.

- Таджик я. Из Средней Азии. Слышали о такой?

- Вроде слышали, - отозвался старший. – Мы в нашей тайге не шибко грамотные. У нас свои науки. Как оказался в нашем-то зимовье?

Ахмад молчал. Рассказать правду о себе, но, кто знает, как воспримут её эти самые охотники? Соврать, придумать какую-нибудь историю, но они вряд ли поверят ей, и тогда не будет ли хуже? Может сказать, мол, работал с геологами, или с какими-нибудь учёными, теми же ботаниками, и отстал от них. Но находились ли они тут? Таёжники, сидевшие рядом с ним, хорошо осведомлены в том, что делается в их краях, и сразу поймут его ложь...

Ахмад молчал, молчали и промысловики, поглядывая на истаравшанца. Одет он был в их одежду, жил в их зимнике и питался их продуктами. Правда, зимник обновил, навёл в нём порядок, и это понравилось его хозяевам.

Молчание затягивалось.

- Не спешишь с ответом-то? – усмехнулся старший. – Тогда я скажу о себе, а потом к тебе перейдём. Меня, к примеру, зовут Софрон. Это мои братья, вот он – Макар, а тот – Даниил. Мы староверы, вот уже триста лет обретаемся в тайге. Когда-то нечестивый царь Пётр стал прижимать нас, запрещал нашу веру, заставлял почитать лютеран, забывать наш старинный жизненный уклад. Тогда-то мы и ушли в Сибирь, и укрылись в таких местах, где нас никакая власть не достанет. Из поколения в поколение живём промысловой охотой, сеем понемножку пшеницу, рожь, выращиваем кое-какие овощи, скотину разводим. Было одно селение, стало пять, но довольно далеко одно от другого, хотя все мы родня друг другу.

Добываем белок, песцов, соболей, лисиц, горностаев, меха сдаём в факторию, на деньги покупаем всё, что нам нужно. Только там и общаемся с властями, а в остальном живём сами по себе. Это я к тому говорю, чтобы ты, Ахмад, не опасался, никого мы к себе не привлекаем, но никого и не отдаём на поругание. Понял ты меня?

Ахмад Расулов неопределённо пожал плечами. Что-то понял, а что-то осталось неясным. Например, что дальше будет с ним? Останется ли он в этом зимнике, или опять уходить в тайгу и искать та новое укрытие? Поскорее бы определиться, осень на носу, а там и зима заведёт свои песни.

Староверы поняли его молчание.

- Господь тебя послал к нам. Мы уже и не помним, когда к нам прибывались чужие люди. Ты не звериной породы. Другой бы разорил наш зимник, истребил всё, что тут было, да и ушёл бы восвояси. А ты, вишь, как обновил его, нам и делать ничего не надо, вселяйся и занимайся охотой. Но сами мы не можем решить твою судьбу, у нас есть главный, старец Ананий.

Стало быть, предложение такое: пойдёшь с нами в наше селение, там старец потолкует с тобой и скажет, как тебе жить дальше.

Признаться, это предложение староверов не совсем понравилось Ахмаду. Вот уже шесть лет его тюремного и лагерного бытия кто-то руководил им, лишал свободы, заставлял делать то, к чему не лежала душа. Только-только вырвался на свободу, вдохнул полной грудью воздух воли, и снова чья-то власть нависнет над ним.

Он опять молчал, прикидывая, что сказать в ответ Софрону, но тот не стал дожидаться ответа.

- Мы ведь, брат ты наш, не насильники, не хочешь идти с нами, так тому и быть. Тайга просторная, места всем хватит, иди куда хошь, хоть направо, хоть налево.

Эти слова ещё больше не устроили истаравшанца. Остаться с тем, что было, идти неведомо куда, снова означало вести отчаянную борьбу за жизнь.

Он вздохнул и посмотрел в глаза Софрону.

- Пойду с вами.

- И то дело, - одобрил Софрон.

Селение староверов находилось в трёх днях пути от зимника, в котором обосновался Ахмад Расулов.

Вышли на другой день с рассветом. Опытные таёжники, староверы шли, вроде не торопясь, а Ахмад не успевал за ними. Шагали они широко, но так тихо, что сучок под ногой не треснет.

- Я так не могу, - признался Ахмад.

- Уж вижу, - усмехнулся Софрон. – Ну что ж, пойдём помедленнее. Тогда не три, четыре дня будем идти. Ну да ничего, спешить нам некуда. Вот Макар пойдёт вперёд и предупредит, что запаздываем по делу и гостя ведём.

Макар двинулся по тропе скользящим шагом и вскоре скрылся за деревьями.

Староверы были подлинными хозяевами тайги. Если и стреляли какую дичь, то ровно столько, чтобы поесть, ничего лишнего. Под ветвями проходили, пригибаясь, иные отгинали в сторону, ничего не ломали и не портили. Ахмад внимательно наблюдал за ними, и это их отношение к окружающему миру понравилось ему.

Часто останавливались, чтобы перекусить, отдохнуть возле родников и протоков. Причём делали это не потому, что уставали, а жалели своего попутчика, непривычного к таёжной среде. Их еда пришлась Ахмаду по нраву. Он уже давно не ел настоящего хлеба, а у промысловиков его было вдоволь, пышного, ноздреватого, аппетитно пахнущего. И как ни сдерживался истаравшанец, а ел хлеб ломтями. А пироги – с мясом, грибами, ягодами. Ахмад не мог оторваться от них.

- Оголодал ты, парень, - добродушно усмехнулся Софрон.- Да ты посмелее работай зубами, у нас этого добра вдоволь.

Разговаривал с Ахмадом, в основном, Софрон. Третий брат Даниил отмалчивался, и вообще, как убедился истаравшанец, староверы не были излишне любопытными и навязчивыми. В этом тоже было свойство их характеров, и это тоже пришлось Ахмаду по нраву.

Они шли часами, размеренно и неспешно. Но даже такая ходьба была непривычна Ахмаду. Однако сильного утомления не было. Хорошая еда, чистый воздух, здоровая таёжная жизнь делали своё дело. Он креп на глазах и чувствовал себя всё увереннее на всём протяжении долгого и сложного пути. Двигались по звериным тропам, огибали чащобы, иногда взбирались на кособоры, а один раз пришлось перебираться через болото. Вооружились длинными крепкими жердями, слегами, как выразился Софрон.

- Гляди, шагай за мной след в след, - предупредил он Ахмада. – Шаг в сторону и завянешь. Повозимся тогда с тобой.

Ахмад Расулов только покачал головой. Вспомнилось предупреждение начальника конвоя перед тем, как двинуться колонне заключённых: «Шаг влево, шаг вправо, считается побег. Конвой стреляет без предупреждения».

Неужели и вправду это было с ним, и неужели это никогда больше не повторится?!

Болото преодолели благополучно.

И верно, в селение староверов пришли на исходе четвёртого дня. Миновали густой ельник, и вышли на чистое пространство, заставленное деревянными избами. Причём, как понял Ахмад Расулов, это пространство было отвоёвано у тайги. И он подумал: сколько же труда, упорства и десятилетий нужно было затратить, чтобы потеснить могучее вековое царство растительного мира.

Обычная жизнь селения староверов проглядывала во всём. Дымились трубы на крышах домов, мычали коровы, бегали дети, собаки с лаем выбежали навстречу путникам, но, признав своих, завиляли хвостами. И больше сего потрясли истаравшанца - лошади. Он любил их, и так давно не видел, что, казалось, будто эти животные больше не существуют на свете. А тут они паслись на окраине селения, залиvisto ржали, и острая тоска по родине на мгновение пронизала истаравшанца.

Бабы и дети любопытными взглядами окидывали Ахмада. Мужики вели себя сдержаннее, но чувствовалось, что необычный пришелец тоже занимал их внимание.

Софрон завёл Ахмада в небольшой дом на окраине селения. Две полутёмные комнаты, печь, лавка, другие необходимые вещи и утварь.

- Отдыхай пока, - коротко проговорил Софрон. – Узнаю, что дальше-то.

Ахмад снял с себя меховую куртку, лёг на широкую лавку и закрыл глаза. Тело гудело от усталости, перед внутренним взором проплывали картины пройденного пути: лиственницы, сосны и кедры, стоявшие так плотно друг к другу, что протиснуться между ними было невозможно. Ели, образовавшие чащобу. В ней пахло сыростью и ароматом хвои. Заросли жимолости, можжевельника и смородины. Всё это было уже знакомо беглому истаравшанцу, но всякий раз он поражался великолепию, изобилию и суровости тайги.

Это был мир, с которым можно было только сосуществовать, но не властвовать над ним. Тайга могла принять, если ты пришёл к ней с добрыми намерениями, но могла и отторгнуть, если ты оказался враждебен ей.

Стукнула дверь, показался Софрон.

- Притомился с пути, - сказал он добродушно. – И то, путь-то немалый. Стало быть так, к старцу пойдём утром. Пока ходим в баньку и волосья твои подравнять надо. Больно уж дикий вид у тебя. Садись-ка на лавку.

Большими острыми ножницами Софрон укоротил Ахмаду бороду и усы, коротко срезал волосы на голове.

- Совсем другой вид, - одобрил он свою работу. – Говорят, в тайге водится лесной человек. Правда, сколько мы тут живём, такого дива ещё не видывали. Но вот, если бы тебя увидели в тайге, без одёжи, вполне бы мог за того лесовика сойти.

Посмеялись, потом Софрон предложил: - Давай-ка, брат, в баню.

Сибирская баня поразила истаравшанца. Сложена она была из толстых брёвен лиственницы, с маленькими, подслеповатыми окошками. Небольшой предбанник с лавками и деревянными кольями в стене для одежды. Когда же

вошли в самую баню, то Ахмад едва не задохнулся. Густой пар царил в ней, да такой, что ничего невозможно было разглядеть. Тускло светили угли в очаге, в нём калились большие камни. Жара стояла такая, что даже истаравшанское лето показалась бы прохладной порой.

Ахмад попятился назад, но Софрон подтолкнул его в спину.

- Давай, давай, обвыкнешь, - осмотрел Ахмада, одобрил. – Ты, видно, мужик справный был, только с голодухи мясо-то потерял. Ну да, ничего, дело наживное.

Набрали горячей воды в тазы, мыли голову с мылом, тёрлись мочалками.

- Ложись-ка теперь на полоч, сейчас я тебе настоящую баню устрою, распорядился старовер.

Полки ступенями уходили к потолку. Ахмад лёг на нижнюю. Софрон из ковша плеснул воду на раскалённые камни. Пар ударил вверх, Ахмад едва удержался от крика, до того обожгло тело. А Софрон принялся хлестать его дубовым веником, и в этот миг все лагерные истязания показались истаравшанцу детскими забавами.

- Всё, не могу! – закричал он.

Софрон облил его холодной водой, и это принесло минутное облегчение. Но всё равно, Ахмад вскочил на ноги и выбежал в предбанник. Сел на скамью и тяжело дышал, пот обильно стекал с него.

- Одно слово – азиат, - засмеялся Софрон. – Но ничего, поживёшь в тайге, сибиряком станешь.

Сам Софрон парился долго, кряхтел, рычал по-звериному. Вышел и снова потащил Ахмада в баню. Но веником больше не бил, только обмылись горячей водой. В предбаннике отпивались холодным квасом, потом оделись во всё чистое, и снова пошли в избу.

Поужинали, чай староверы не пили, называли его сатанинской травой, как и кофе и табак. Спиртные напитки тоже не употребляли, и это порадовало истаравшанца. И он сам алкоголь не жаловал. Зато вдоволь было всяких квасов, ягодных отваров и компотов.

- А теперь спи, - предложи Софрон. – Ручаюсь, до утра, как в яму провалишься.

И точно, давно уже Ахмад не спал так крепко, без сновидений и тревоги. Утром пробудился, и даже ахнул от удивления. Тело было лёгким, каждая косточка казалась промытой; было такое ощущение свежести и

здоровья, словно ему исполнилось не сорок пять лет, а лет на двадцать меньше.

Утром перекусили мясным пирогом, запили его клюквенным морсом, а потом Софрон повёл истаравшанца к главе староверов.

Шли через всё селение. Таёжники поглядывали на редкостного гостя, но никаких замечаний в его адрес не отпускали.

Изба, в которой жил старец Ананий, была одновременно и молельным домом, потому находилась в центре селения и была вместительнее остальных построек.

День выдался солнечным и светлым, хотя до этого погода хмурилась, и несколько раз лили холодные дожди.

Одна из стен в молельном доме была целиком завешана иконами, разной величины, потемневшими от времени. Перед ними горели лампы, и вместительная комната наполнялась розоватым сиянием.

Старец Ананий сидел за большим столом, сколоченном из толстых досок. Он оказался, действительно, старцем, худым, с запавшими щеками и узкой, длинной, седой бородой. Одет был в чёрный балахон, на голову надвинут остроконечный колпак, но всё равно было видно, что Ананий совершенно лысый. Его голова походила на череп, жили только глаза, ясные и внимательные.

Ахмад Расулов перешагнул через высокий порог и остановился. Снял шапку, поклонился, как научил его Софрон.

- Здравствуйте.

- И ты будь здоров, мил человек, - отозвался Ананий. – Проходи, садись.

И указал рукой на лавку, с правой стороны от себя.

Ахмад сел, чувствовал он себя стеснённо. Обстановка была непривычной, и он не знал, как вести себя и что говорить. В таких случаях молчание лучше всего, и Ахмад молчал, ожидая расспросов.

Комната заполнилась мужиками. Они сидели на лавках вдоль стен и тоже помалкивали. Среди них Ахмад увидел уже знакомых ему Софрона, Макара и Даниила.

Мужики, сопровождавшие истаравшанца, видно уже рассказали старцу о встрече с Ахмадом в зимнике, и что он там сделал, потому Ананий не задавал лишних вопросов, а перешёл прямо к делу.

- Руки у тебя золотые, стало быть, и душа такая. Большое ты дело сотворил для нас, а у нас такой обычай: отвечать добром на добро. Потому не тревожься, будь самим собой, и не лги. Ты сейчас не только перед нами, но и перед Господом.

Старец указал рукой на иконы.

- Ложь не в моём обычае, - глухо отозвался истаравшанец.

Ананий удовлетворённо склонил голову.

- Похвально, коли так. Тогда скажи, как ты оказался в наших краях? Сюда чужая птица редко залетает, а уж чужой человек – вообще дело невиданное. На сотни вёрст в любую сторону ни живой души.

И Ахмад без утайки рассказал о себе всё с самого начала. И как оказался в Москве, как был принят за грабителя Сбербанка, и что потом последовало за этим.

Старец не сводил с него глаз, и временами Ахмаду казалось, что его взгляд пронизывает насквозь.

- Стало быть, бежал от сатанинской власти, - подвёл итог Ананий. – Не в осуждение говорю, сами когда-то также поступили. Через то и стали таёжниками.

- Бежал, - согласился Ахмад.

- И какой ты веры? – неожиданно спросил Ананий.

Ахмад задумался.

Действительно, какой? Таджики были мусульманами, но при Советской власти религию отделили от государства, да так, что мечети позакрывали, а наиболее стойких священнослужителей – кого расстреляли, а кого определили в заключение на долгие сроки. И стали таджики, как писал великий поэт Омар Хайям, «полубезбожники и полумусульмане».

- Даже не знаю, что сказать, - признался Ахмад. – Дед и отец исповедовали ислам, а я и за ними не последовал, и безбожие мне не по душе.

- Но всё же из магометан? – продолжал допытываться Ананий.

- Выходит, что так, - согласился Ахмад.

В этот миг луч солнца проник через окно в комнату, и осветил истаравшанца, да так, что он даже зажмурился.

Мужики переглянулись, загудели.

- Вишь, Господь отметил тебя, показал, что нет в твоей душе дурных помыслов, - удовлетворённо отметил старец Ананий. – Добрый знак для всех нас. Дальше-то как думаешь жить?

- Не знаю, - признался Ахмад. – Если бы не зимник, я бы точно не выжил. А теперь, как решите.

- Решим, решение наше будет такое. Взять тебя к себе мы не можем. Ты не славянских корней, но даже не это главное. Главное, что иноверец. Сейчас ты ещё не определился, а придёт время, и Господь осветит тебя, вот как сейчас солнце озарило тебя. И придёшь ты тогда к вере предков. Оттого уговаривать тебя принять христианство и креститься – бессмысленно. Будь тем, кто ты есть. Но и бросить тебя мы не можем, коли Бог привёл тебя к нам. Потому сделаем так. В неделе пути от зимника, в котором ты обретался, есть другое зимовье, правда, поплоше. Переберёшься туда. Снабдим тебя продовольствием и всем необходимым. Зиму продержишься, а далее, как сумеешь. Тут уж мы за тебя не ответчики.

Ахмад размышлял. Он и сам не знал, чего ожидал от староверов, но, в общем-то, они не оттолкнули его. Первую зиму помогут пережить, а дальнейшее зависит от него самого. Пусть будет так.

- Чего молчишь? – полюбопытствовал Ананий.

- Моя судьба в вашей воле, - отозвался истаравшанец. – Кроме благодарности, ничего другого сказать не могу. Раз зимовье поплоше, плотницкие инструменты мне понадобятся.

- Там есть, - отозвался Софрон.

- Ружьё, припасы к нему...

Ананий остановил Ахмада.

- Я же сказал, всё, что нужно на первых порах, получишь.

Ахмад посмотрел на старца.

- А почему мне нельзя остаться на зиму в прежнем зимнике? А по весне я бы перешёл в другой.

Старец пожевал тонкими бесцветными губами.

- Ну, это просто. Зимник расположен в самом охотничьем уголье. Там мы добываем меха для продажи. Ты иноверец и жить с тобой вместе мужики не будут. Не положено это по нашему уставу. И так ты задал нам хлопот, опоганил нам жильё. Теперь его надо промыть святой водой, очистить молитвами.

- Я могу жить в пристройке, - стоял на своём истаравшанец. – Утеплю её. Неужели я не смогу быть вам полезным? Ведь я же показал своё умение.

- Не можешь ты быть нам полезным, - жёстко проговорил Ананий. – Ты для нас грешник и еретик, а с такими никакое соседство не допускается. Не принимаешь наше условие, можешь идти на все четыре стороны, - и Ананий повёл вокруг себя тонкой высохшей рукой.

Ахмад поторопился возразить.

- Ну, почему же, не принимаю? Принимаю, да ещё с великой благодарностью. Когда отправляемся?

- Мужики пойдут прежде и отнесут всё, что потребуется для зимней поры. А ты отдохни пару деньков, а потом Софрон проводит тебя. Ладно, что ли, Софрон?

- Как прикажешь, батюшка, - умерил свой зычный голос промысловик.

- А и прикажу. На том и ступайте с Богом.

Мужики перекрестились на иконы, и по одному вышли из молельного дома.

- Спасибо вам за заботу, батюшка, - поблагодарил Ахмад.

- Господь да не оставит тебя своей милостью, добрый человек, - пожелал Ананий. – Мы же сделали всё, что могли. И далее, по мере возможности, присмотрим за тобой.

Софрон отвёл Ахмада в прежнюю избу.

- Чем заняться-то хочешь? – спросил он. – Два дня тебе старец отпустил на своё желание.

- Хотел бы походить с тобой по тайге, - попросил Ахмад. – Ты опытный промысловик. Покажешь, какие травы целебные, за зиму мало ли что может случиться. Что можно запастись из плодов, на какую дичь как можно охотиться?

- Это можно, - согласился Софрон. – Но ты забыл, нам с тобой потом семь дён идти до нового зимовья? Обо всём успеем поговорить, всё тогда и посмотрим.

Ахмад стоял на своём.

- Пусть к ним ещё два дня прибавятся. Мне вон, сколько одному жить в тайге, многое узнать надо.

- А и давай, - согласился Софрон.

И два дня отдыха, а потом семь дней в пути Ахмад провёл с пользой. Бывалый охотник-промысловик показывал ему, какие травы помогают при простуде, чем и как останавливать кровь, если поранился, и если саму рану нужно залечить, какие плоды пригождаются для восстановления сил, и прочее. Это была подлинная таёжная академия, и к тем знаниям, которыми располагал истаравшанец, он прибавил ещё немало других.

Софрон учил его, как нужно бить белок, как стрелять соболей и горностаев, чтобы не попортить шкурки, как подкрадываться к диким оленям. Тут уж истаравшанцу было не сравниться с опытным таёжником, но он уже на своём примере убедился, что в жизни никакие знания не бывают лишними, и слушал внимательно наставления Софрона.

Новое зимовье, которое определили Ахмаду, было не просто плохим, оно было ветхим. Брёвна подгнили, мох, которым конопатили щели между ними, выпал, и холодный ветер гулял по жилищу. Нуждалась в починке крыша, провалились доски на полу внутри избы, обрушился навес, под которым хранили дрова. С грустью осматривал Ахмад зимовье и подсчитывал все те прорехи, которые ему предстояло залатать. Правда, инструменты были, кое-какие материалы, да и тайга плотно обступила зимовье, тоже бери брёвен и жердей сколько хочешь. Рядом с жилищем протекал ручей и с шелестом уходил в глинистую промоину, глина тоже нужная вещь в ремонте.

Софрон понимал озабоченность Ахмада; за то время, что они провели вместе, они не то, что подружились, а скорее прониклись уважением друг к другу, как знатоки и умельцы каждый в своём деле.

- На недельку могу задержаться, - предложил Софрон. – Помогу в главном, а там уж ты и сам справишься.

Ахмад понимал, что сказано это от души, и потому принял помощь таёжника. За неделю они сделали многое, подлатали и утеплили зимовье, а дальше Ахмаду предстояло трудиться самостоятельно и жить в одиночестве.

Он выискивал сухие лесины, благо они находились недалеко от зимовья, и заготавливал дрова с запасом. Зима продлится не меньше семи месяцев, а за это время растопки уйдёт о-го-го сколько. Предстояло обороняться от хищных зверей, в тайге нередки медведи-шатуны, которые почему-то не залегли в берлогу. Волки рыщут по снегу в поисках добычи, тоже опасность немалая. Конечно, есть ружьё, но порох, дробь и пули следовало расходовать бережно, неизвестно, когда удастся пополнить припасы. Ахмад рубил тонкие стволы рябин, берёз и осин, и вкапывал их вокруг зимовья, появился высокий частокол, через который и человеку перебраться затруднительно, а уж зверю, тем более.

Он собирал лекарственные растения, плоды черёмухи, смородины и малины, сушил их, и бережно ссыпал их в берестяные коробки, которые сам научился делать.

Староверы принесли ему немало продовольствия, но особенно порадовал Ахмада бочонок с квашеной черемшой. Он знал, что зимой в Сибири цинга – нередкая болезнь, и спастись от неё можно как раз черемшой или настоем из еловой хвои.

Ахмад никогда в жизни не сидел, сложа руки, но, сколько он работал в зимовье, столько ему трудиться ещё не приходилось. Едва рассвет выбеливал кромку неба, как он уже был на ногах. На еду уходили считанные минуты, и весь световой день проходил в хлопотах. Дорabатывался он до того, что к вечеру буквально падал от изнеможения. С трудом забирался в избу, съедал что-нибудь наспех, падал на нары и сразу засыпал, ничего не видя во сне и ничего не ощущая.

По-разному люди ведут себя в подобных ситуациях. Одни ломаются духовно и утрачивают способность сопротивляться. Такие, как правило, недолго живут в сложнейших обстоятельствах, и гаснут, как свеча под порывами ветра. Другие обретают крепость кремня. И чем больше испытаний выпадает на их долю, тем больше усилий прилагают они для того, чтобы выстоять. Сопротивление среде закаляет их волю, которая, как известно, способна творить чудеса.

Между тем, осень давала о себе знать. По утрам иней выбеливал траву и палую листву, изо рта вырывался парок, а по краям ручья образовывался хрусткий ледок, блестящий под тусклым солнцем. Впрочем, само солнце не часто появлялось в белёсом небе. Оно, как размытое светлое пятно, скорее угадывалось на окраине небосвода, а когда его завешивали чёрные полосы туч, то вообще исчезало из вида.

С грустью смотрел Ахмад на скорое увядание природы. Дома в эту пору ещё властвовало лето, сентябрь – пора сбора урожая и продолжение летнего зноя. Зелень чуть побурела, но до увядания ещё немало дней. В Истаравшане – это, пожалуй, лучшее время, когда жара понемногу идёт на убыль, а холода ещё даже не угадываются. Воцаряется погодное равновесие, и в такой период одно желание, чтобы оно длилось, как можно дольше.

Тут же осенним сумраком наполнялась и тайга. Она утрачивала былую привлекательность, становилась хмурой и неприветливой, и, словно давала знать человеку, чтобы он от неё держался подальше.

Всё живое старалось полнее использовать короткий предзимний период. Огненными языками мелькали лисицы, белки стремглав влетали на кедры, где у них в дуплах были приготовлены гнёзда с запасами орехов и грибов на зиму. Соболя грациозно застывали на ветках и тотчас же исчезали,

стоило им завидеть человека. И только волки вели себя по-хозяйски. Они подолгу стояли под мшистыми пихтами и разглядывали утеплённое зимовье, из трубы которого струился дым очага. Должно быть, странно было серым хищникам замечать вновь ожившую избу. Может быть, видели они в этом какую-то угрозу для себя и прикидывали: смогут ли выстоять в поединке с человеком?

Пока ещё волки не представляли опасности для истаравшанца. Им удавалось неплохо кормиться, а в таком состоянии они покладисты. Злоба и вражда к человеку пробудятся потом, когда снег укутает тайгу метровым слоем, завоет вьюга и голод зажмёт в тиски волчью стаю.

Ахмад продолжал заготавливать дрова, собирал ягоды, в деревянном бочонке запарил еловую хвою, потом выбрал иглы и образовался густой тёмно-зелёный отвар, довольно противный на вкус, но когда нужно будет бороться с цингой, любые средства хороши.

Говорили, что в этом случае нужно пить свежую кровь оленей, но как их добыть, оставалось загадкой. Лишь изредка проносились они близ зимовья, но так стремительно, что Ахмад Расулов не успевал схватить ружьё. Никогда в жизни он не пил свежую кровь, и при одном представлении этой малоприятной процедуры морщился и вздрагивал от отвращения.

Ахмад сделал для себя важный вывод. Никогда не нужно опускаться ни физически, ни морально, тем более в таких условиях, в каких ему предстояло жить. И он следил за одеждой, чистил её и подшивал, если в том бывала необходимость. Острым ножом укорачивал усы и бороду, правда, подравнивать волосы на голове оказалось сложнее. Срезал и их, хотя вполне соглашался с мыслью, что парикмахер из него получался неважный.

Стирая бельё вместо мыла использовал печную золу. Она, конечно, не отбеливала рубахи, но с грязью справлялась.

Постоянная забота о внешнем виде дисциплинировала. Ахмад Расулов старался выглядеть так, как будто к нему вот-вот должны нагрянуть гости. И такая требовательность к себе стала для него обязательной. Поддерживал он чистоту и в зимовье, всё, что нуждалось в починке, было починено. Кое-что изготовил заново, например, табуретки и полки для горшков и продуктов, обновил полати над печкой, чтобы спать в тепле зимой.

Время в трудах и заботах летело незаметно. И когда в одно из утр Ахмад вышел на крыльцо, то едва не ахнул от неожиданности. Первый снег выбелил землю, набросил тяжёлый покров на таёжных великанов, слепящей глаза завесой подёрнул окрестности. Мороз леденил лицо и руки. Ахмад стоял и ловил ладонью снежинки. Они таяли и замерзали на ней стеклистой корочкой. И он подумал, что любое время года имеет свою привлекательность, нужно только уметь замечать его.

У крыльца суетились воробьи. Они первыми дали понять человеку, что пришло время проявить заботу о них. Ахмад согласился с этим беспокойным крылатым племенем. От ужина у него остались хлебные крошки. Он очистил ступеньку крыльца от снега и высыпал на доску корм для пернатых. И они по достоинству оценили его внимание тем, что прыгали у его ног и склёвывали вкусное угощение.

В дальнейшем Ахмад сделал из доски кормушку для птиц и повесил её под навесом крыльца. Сыпал крошки, сухие ягоды, и немало птиц продержалось до тёплой поры, благодаря душевному хозяину зимовья.

5.

Он не мог определять время, и это причиняло большие неудобства. Ночи стали длинными, а световой день занимал всего несколько часов, и поскольку небо было затянуто плотным облачным покровом, казался коротким переходом от одной тьмы к другой.

Ложился спать Ахмад тогда, когда ощущал сильное утомление, просыпался рано, но до рассвета было ещё далеко, и он лежал во мраке, предаваясь размышлениям. А подумать было о чём. Вспоминалась прошлая жизнь, недолгий московский период, а затем тюремные и лагерные заключения. В общем-то, ему не в чем было упрекнуть себя, он вёл себя достойно во все периоды жизни, и тем более непонятно было, за что же судьба оказалась столь неблагоприятной к нему. Но глупо сетовать на то, что уже свершилось, гораздо разумнее не сдаваться и верить в то, как писал великий Саади, что за холодной зимой обязательно придёт тёплая весна.

Суровая сибирская зима окончательно оттеснила осень. Непрерывно шёл снег, его уже навалило по пояс. Ахмад сделал широкую деревянную лопату, и по утрам расчищал подход к зимовью и двор, выбрасывая снег за изгородь, где его собралась уже целая гора.

Часто выходил на охоту, стрелял зайцев, а вот добывать соболей и горностаев не решался. Дробь могла продырявить шкурки, да и потом Ахмад не умел их обрабатывать. Он слышал, что жировой слой снимают с пушнины грубой ржаной мукой, но муки у него было мало, и расходовать её на такую операцию он считал излишней роскошью.

Один раз подстрели олениху, она завязла в снегу и не могла убежать от охотника. Она была небольшая, но пока Ахмад сумел дотащить её до своего жилья, как говорится, раз десять умылся потом. Он посмотрел в безжизненный сиреневый глаз оленихи, и ему стало досадно, что убил красивое животное. Но как бы то ни было, целый центнер свежего мяса надолго решал проблему питания. Ахмад жарил его, варил, заморозил и повесил под навесом, куда не могли дотянуться грызуны.

Время шло незаметно, сколько он прожил в тайге, Ахмад мог сказать лишь приблизительно; дням он давно уже не вёл счёт, да оно и невозможно было в его положении.

Морозы крепчали, в тайге слышно было, как лопались от них деревья, крепкий наст лёг поверх снега, и по нему можно было ходить, не опасаясь провалиться.

Волки уже близко по ночам подходили к зимовью, выли, словно жалуясь на свою нелёгкую судьбу, но днём человека не беспокоили, может, опасаясь ружья, а может, гнал их инстинктивный страх перед людским могуществом. По утрам на снегу отпечатывались цепочки следов, но Ахмад не мог определить, кто прогуливался близ его зимовья. Этой науке ему ещё предстояло учиться.

Одиночество томило его. В лагере, когда он постоянно находился среди заключённых, ему часто хотелось уединения. Посидеть, побыть наедине со своим мыслями, никуда не спешить, и не откликаться на чьи-то вопросы и замечания. Там такой возможности не было. Теперь же одиночества было в избытке, и оно оказалось столь же мучительным, как и жизнь среди скопления людей.

У Ахмада Расулова начались галлюцинации. То ему казалось, что в зимовье кто-то находится, прячется в тёмных углах. Он осматривал их, понятно, никого не находил, но тревожащее его чувство не проходило. В тайге часто слышалось, будто кто-то зовёт его, и голос слышался так явственно, что он откликался на зов, и молчание было ему ответом. Иногда среди деревьев появлялась какая-то фигура, Ахмад шёл ей навстречу, а когда доходил до того места, то видел, что на снегу не было никаких следов.

Он понимал причину таких видений и стал опасаться, что рассудок может не выдержать и можно сойти с ума. Хорошо было бы завести собаку или кошку, но где их возьмёшь в таёжной глухомани, да ещё в суровую зимнюю пору. Ахмад посетовал на свою недогадливость: надо было попросить щенка у староверов, наверняка, они не отказали бы ему, но, как говорится, задним умом мы все крепки. Мог ли он тогда предвидеть, что одиночество – тоже испытание даже для душевно стойкого человека?

И опять случай пошёл ему навстречу. Как-то раз, когда он бродил по тайге, вдруг услышал жалобное повизгивание. Пошёл туда и увидел маленького песца. У него застряла задняя лапка в трещине поваленного ствола, и песцу грозила скорая гибель. Зверёк не только не испугался человека, а, напротив, так молящее глядел на него бусинками чёрных глаз, что Ахмад даже растрогался.

- Сейчас, сейчас, - проговорил он, будто песец мог понять его слова. Ножом расширил трещину. Песец ослабел от голода и не сопротивлялся, когда человек взял его на руки. Оказалось, что лапка у него сломана.

Ахмад положил зверька за пазуху, отогрел его и принёс домой. Из дощечек сделал лубок и поместил между них сломанную лапку, обмотал полоской материи, и опустил песца на пол. Тот постоял, а потом, неловко ковыляя и постукивая лубком об пол, пошёл к нарам и укрылся под ними. Ахмад поставил берестяные чашки с кусочками мяса и водой. Песец поел и снова забился под нары. Но так длилось всего около недели. Потом он привык к человеку и уже ходил по избе, знакомясь с её углами. Постепенно он приобщились друг к другу и подружились. Ахмад назвал его Баёз, что значило по-таджикски «белизна». Зверёк к зиме покрылся чистойшей белой шерстью, такой, что на снегу был даже незаметен. Выделялись лишь чёрная оконечина носа, да бусины глаз.

Баёз привязался к человеку, точно понимал, что обязан ему жизнью. Если Ахмад собирался пойти куда-либо, то песец, видя, что хозяин одевается, начинал поскуливать и прижиматься к ногам, будто упрашивал, не оставлять его одного. Встречал же радостным визгом и мчался навстречу, только что не вилял хвостом. Лубок давно сняли, нога срослась хорошо, однако песец едва заметно прихрамывал. Если Ахмад чистил двор от снега или делал что-либо, Баёз вертелся рядом, а когда приходила пора идти домой, бежал к двери быстрее хозяина. Ночами они сидели у горячей печи, песец забирался совсем по-кошачьи Ахмаду на колени, и оба грелись, глядя на колеблющиеся языки пламени. Одиночество уже не томило истаравшанца, он разговаривал со зверьком, и тот внимательно слушал его, склоняя голову то в одну сторону, то в другую, словно понимал человеческую речь.

В первую зиму Ахмад сделал для себя важное открытие, которое внесло приятное разнообразие в его жизнь. Разбирая в зимовье охотничье снаряжение – капканы, силки и прочее, Ахмад наткнулся на рыбацкую сеть. Это его удивило. Зачем тут нужна сеть, если кроме ручья других водных источников поблизости не было? А что если... мелькнула догадка. Утром пораньше Ахмад пошёл к ручью, а затем отправился вниз по его течению. Ручей сплошь покрылся льдом, лишь посередине струилась тонкая полоска воды, но было ясно, когда наступит январь с его трескучими морозами, ручей замёрзнет окончательно.

Часа через два Ахмад вышел к небольшому водоёму, в который и впадал ручей. К его удивлению, даже у берегов водоём не замёрз. Ахмад опустил руку в воду, она оказалась тёплой наощупь. Попробовал на вкус, вода отдавала сероводородом. Ахмаду стало ясно, что на дне водоёма бил горячий источник, водоём едва заметно парил на морозе. У берегов скопился беловатый ил. Ахмад взял его и растёр между ладонями, ил мылился.

Открытие водоёма Ахмад расценил как большое событие в своей жизни. В нём можно было купаться и стирать одежду. Самое поразительное, что в такой воде водилась рыба. Ахмад забросил сеть и вытащил пяток. Рыбы были небольшими и незнакомыми ему. Как оказалось позднее, это были сиги, рыбы неприхотливые и приятные на вкус. Ахмад поймал ещё десяток и отправился домой. Баёз встретил его радостно и по достоинству оценил прибавку к их пищевому рациону.

Зима раскручивала свои витки. Как-то утром Ахмад попытался открыть дверь и не смог. Он толкал её изо всех сил, но она не поддавалась. С большими усилиями, раскачивая дверь, он сумел немного приотворить её и выглянул наружу. Дом до половины был завален снегом. Он был плотный и спрессовывался под усилиями человека. Ахмад снова и снова толкал дверь, пока не образовался в снегу небольшой тоннель. С помощью лопаты он пробивался наверх, и сумел, наконец, выбраться из снежного завала. В лицо ему ударил холодный ветер. Это был буран. Он выл на разные голоса и расшвыривал во все стороны потоки снега. Основная мощь бурана приходилась на верх тайги. Плотные кроны сосен и кедров раскачивались под порывами сильного ветра, крепкие стволы лиственниц скрипели, и снежная масса валилась вниз, образуя сплошные завалы.

Стихия разгулялась не на шутку. Ахмад подумал, что если буран будет продолжаться несколько дней и с такой же силой, то его зимовье может завалить до крыши.

- Держись, брат, - сказал он Баёзу. – Будем сражаться за свободу.

Песец обиженно пискнул и принялся царапать входную дверь, точно стремился помочь человеку вырваться из снежного плена.

Буран продолжался трое суток. Зимовье и верно почти полностью скрылось под холодным покровом. Два дня Ахмад пробивался наверх, копая наклонный тоннель, а когда выбрался наружу, то увидел, что на дворе ночь. Снежная буря улеглась, небо очистилось от туч, и было покрыто звёздами. Они горели ярко, помаргивая, будто хотели ободрить человека и его маленького пушистого друга.

Немало сил затратил истаравшанец, чтобы освободить зимовье и двор от снежного заноса. Надо сказать, что трудился с удовольствием. Работа на свежем воздухе и на морозе бодрила, кровь бурлила в жилах, дышалось легко и свободно. Ему шёл пятый десяток, но своего возраста он не ощущал. Конечно, уже не молод, но здоровая жизнь препятствовала раннему проявлению старости.

Баёз крутился рядом, притягивал, прыгал с одного снежного пласта на другой, и тоже был доволен, что наконец-то сумели выбраться наружу.

- Надо и тебе сделать лопату, - пошутил Ахмад. – Живёшь за счёт моего труда, а в тайге такое не поощряется.

Бураны в тайге случались часто, но теперь они не пугали Ахмада Расулова. Теперь он знал, что снежные заносы не так страшны, как кажутся, и им можно противостоять. Вот если зимовье совсем завалит снегом, тогда можно задохнуться, но, надо сказать, бураны такой силы не случались в тайге за все годы жизни в ней беглого истаравшанца.

Первый год зимовки в тайге проходил, в общем-то, благополучно. Продовольствия хватало, одет Ахмад был тепло, и жильё, которое он привёл в порядок, надёжно укрывало его от холодов и хищников. Не раз вспоминал он добрыми словами староверов, которые хоть и не приняли его в свою среду, но обеспечили всем необходимым для суровой таёжной жизни. Когда Ахмад был подростком, его дед Сангали-бобо говорил, что добро подобно семенам пшеницы. Рассеешь горсть, а получишь сноп. И верно, когда Ахмад приводил в порядок зимовье староверов, он меньше всего рассчитывал на их благодарность. А оказалось, вон каким благом обернулся его труд. Вот и рассуждай после этого, что правит миром – Добро или Зло...

Время текло незаметно, дни не баловали разнообразием. Да Ахмад и не хотел никаких изменений. Он не знал, какой шёл месяц, но светлое время суток увеличивалось, небо начинало приветливо синеть и светило солнце, хотя морозы всё ещё стояли сильные. Тайга сияла и искрилась под снежным покровом, и если встать с подветренной стороны жилища, то можно было ощутить слабое солнечное тепло. Ахмад вспомнил поговорку: в январе солнышко коровке бок согрело. Только чья это была поговорка – русская или таджикская, он не мог сказать. Скорее всего, слышал её в лагере, вот и осела в памяти.

Тайга манила к себе, и Ахмад не мог противостоять её зову. С ружьём он бродил неподалеку от зимовья, глубже заходить было опасно. Снег в тайге был плотный, но мороз не покрыл его коркой наста, и можно было провалиться в завалах по грудь. Как тогда выбраться?

Волки часто появлялись у жилища одинокого истаравшанца, но он не обращал на них внимания, поскольку никаких хищных намерений они не обнаруживали. Оказалось, что волкам доверять нельзя, не зря об их коварстве сложено столько историй. И в этом Ахмад убедился на собственном примере.

Как-то раз он зашёл в тайгу подальше, чем намеревался. Было на кого охотиться, но снег мешал быстро передвигаться, и дичь ускользала. Ахмад уже собрался возвращаться домой, как услышал сзади лёгкий шорох. Обернулся и увидел матёрого волка, который крался к нему. Отпрянул назад, запнулся, взмахнул руками, чтобы удержать равновесие и уронил ружьё в снег. Искать его уже не было возможности. Оставалось последнее: подпрыгнул, ухватился за толстую ветку лиственницы и взобрался на неё.

Зимняя одежда мешала, но опасность придала силы. Волк клацнул зубами, но лишь царапнул подошву сапога.

Ахмад забрался повыше и осмотрелся. Волков уже было трое. Они окружили лиственницу и неотрывно глядели на ускользнувшую добычу. Видно было. Что хищники оголодали за студёную пору. Бока их ввалились, чётко проступили полукружья рёбер, шерсть свалялась.

Волки уходить не собирались. Вскоре начнёт темнеть, холод ещё больше усилится, и тогда человек будет вынужден или сам слезть с дерева, или замёрзнет и свалится вниз. Преимущество было на стороне серых хищников. Ахмад понимал это и мучительно искал выход из сложившегося положения. Оставалось единственное. Он достал охотничий нож и принялся срезать большую ветку, намереваясь сделать из неё дубинку. Промёрзшее дерево поддавалось с трудом, скрипело под лезвием ножа, под корой виднелись льдинки.

Ахмад продолжал резать ветку, и она оказалась в его руках, когда синие тени наступающей ночи поползли по тайге. Он очистил толстую ветку от тонких, укоротил её, и вскоре держал в руках довольно увесистую дубинку. Но в темноте в битву с волками не вступишь, да и потом троих волков, хотя и оголодавших и ослабевших, многовато для одного человека. Оставалось выждать, обе стороны избрали для себя эту форму поведения.

Волки мёрзли, прыгали, подвывали, но уходить не собирались; добыча была рядом, терпение могло быть вознаграждено. Стужа пронизывала насквозь и человека. Ахмад двигался, размахивал руками, чтобы хоть как-то согреться, и понимал, что шансов у него уцелеть до утра немного.

Пронизанная холодом ночь тянулась долго. Ахмад вставал на ветке, рискуя свалиться, перебирался на другие, только, чтобы не замёрзнуть. Внизу тоже двигались тени, поблёскивали глаза, щёлкали зубы.

Наконец, стало светлеть. Ахмад протёр глаза, всмотрелся и увидел, что внизу сидит один лишь волк, двое других не вынесли холода и ушли. Тогда истаравшанец спустился пониже, сел прочнее на толстой ветке и свесил ногу. Волк прыгнул, стараясь ухватить её, но получил сильный удар дубинкой по голове. Свалился в снег и на мгновение замер. Ахмад быстро слез с дерева и снова ударил волка дубинкой, а потом вонзил в него нож. Хищник дёрнулся, захрапел, снег окрасился кровью.

Ахмад сел на ствол поваленного дерева, ощущая слабость в насквозь промёрзшем теле. Резкие движения вконец обессилили его. Но долго сидеть не стоило. Он отыскал в снегу ружьё и пошёл к зимовью, с трудом переступая онемевшими ногами.

Бессонная ночь на сильном холоде не прошла бесследно. Ахмад Расулов заболел. Начался сильный жар, сознание мутилось. Он заварил себе

ягод сухой малины, пил отвар, и временами впадал в забытие. Он не осознавал, где находится, и в проблесках сознания молил Всевышнего, чтобы только не было воспаления лёгких, тогда ему конец.

Песец поскуливал, забирался на нары и ложился хозяину на грудь, чтобы согреть его своим теплом.

Так прошло три дня. Лежать всё время не было возможности, приходилось подниматься, чтобы топить печь, готовить еду, согревать воду. Ахмад пил отвары лекарственных трав, парил ноги, и сильная простуда стала отступать. Он думал – случись такое с ним дома, какой бы заботой он был окружён. И врача бы вызвали, и лекарств нанесли бы без счёта, и сельский мулла читал бы над ним молитвы. А тут ему сочувствовал лишь маленький пушистый друг Баёз, но и такое внимание тоже оказывало своё благотворное действие.

Ахмад упорно боролся за жизнь. Он убеждал себя, что время умирать ещё не пришло, он ещё не стар, и не до конца выполнил своё земное предназначение. А в том, что оно ему определено, он не сомневался ни минуту. И постепенно здоровье возвращалось, захотелось есть, впервые он крепко заснул, без провалов в памяти. Жар спал, и потянуло на свежий воздух. Он оделся потеплее и вышел на крыльцо. И столько вокруг было обилия снега, ясности и чистоты, что он едва не задохнулся от множества впечатлений.

Первая зимовка в тайге подошла к концу. Солнце с каждым днём пригревало всё заметнее, сугробы посинели, налились влагой и стали проседать. Застучала первая капля, потекли первые, пока ещё робкие ручейки.

Ахмад смотрел во все глаза на это пробуждение природы. Он воспринимал приход весны как самый большой праздник, и каждый день приносил что-то новое. То проклюнулись первые стрелки травы, то подснежники потянулись к солнцу, то появились птицы, и своей суетой и гомоном возвестили об окончании долгой зимы.

Вёсны в тайге истаравшанец видел и во время отсидки в лагере. Но там они воспринимались совсем по-другому, и были такими же несвободными, как и сами заключённые. Валенки промокали, с деревьев обрушивались пласты снега, тепло чередовалось с холодом, и даже костры не спасали от промозглой сырости...

Такие вёсны не приносили удовлетворения. Их поругивали и не могли дожидаться летней поры.

Тут же было совсем по-иному. Весна была торжеством обновления. Тайга – хмурая, тёмная и неприветливая – посветлела, солнечные лучи,

казалось, пронизывали её насквозь, и чащобы оживали, погнало ростки, сок запел в стволах деревьев.

О том, что весна стала полноправной хозяйкой окружающего мира, свидетельствовал и внешний вид ручного песка. Белая шерсть клочьями опадала с боков Баёза и появилась всегдашняя серая шёрстка.

Прошло ещё немного времени и поведение песка изменилось. Прежде он не отходил от хозяина ни на шаг, теперь же стал повизгивать, выбегал из ограды и неотрывно смотрел на тайгу. Виновато оглядывался на Ахмада, и снова шаг за шагом приближался к тайге. Он явственно слышал её зов.

Ахмад понимал, происходит с его питомцем.

- Иди, Баёз, - говорил он песцу. – С голосом крови не поспоришь.

И песец послушался, он нырнул в тайгу и исчез.

Грустно стало Ахмаду. Их дружба с маленьким зверьком крепла день ото дня, а теперь он остался один. Обилие времени можно заполнить трудом, а пустоту в душе ничем не наполнишь. Даже воспоминания не приносят облегчения.

И снова Ахмад Расулов погрузился в скопище дел. Следовало заготавливать дрова, за зиму их запас значительно сократился. Само жилище тоже требовало заботливых рук, и застучали топор и молоток, запела пила, возвещая о новом трудовом сезоне.

Ахмад думал, что навсегда расстался со своим пушистым другом. Но самое удивительное, что дней через десять Баёз вновь объявился. Стремглав выскочил он из зарослей, пробежал по двору и уселся на крыльце, словно не было долгого отсутствия. Правда, вид у него был виноватый, да и любовные утехы дались ему не просто. На морде виднелись следы царапин, песец отощал, нос стал длиннее и заострился.

Ахмад уж на сто человек не впечатлительный, а и то аж прослезился. Он схватил Баёза, прижал к себе, гладил и бессвязно твердил: - Ничего, Баёз, ничего, брат. Откормим тебя, ещё красивее станешь.

В Истаравшане была у Ахмада собака, чабанский волкодав по кличке Хайбат. Пёс был хорошим сторожем, Ахмад гладил и подкармливал его, но такой привязанности, как к маленькому песцу, тогда не было. Видно, для появления любви к животным нужны и особое время, и особые условия. И вот они появились.

Прежде Ахмад соглашался с утверждением, что у животных нет разума. А теперь перестал верить в это. Прожив год с песцом, ежечасно общаясь с ним, истаравшанец уверился, что не только есть разум, а и, пожалуй, он не уступит человеческому. Он поглаживал доверчиво прижавшегося к нему

зверька, заглядывал в его глаза с искорками света, и чувство любви к маленькому другу переполняло его.

Природа – это не просто собрание разнородных явлений, это и единый живой организм. И чтобы понять это, нужно тесно общаться с ней, стать её составной частью. Именно это происходило с Ахмадом Расуловым. Никогда ещё он не жил такой, простой, естественной жизнью. Раньше между ним и природой стояло человеческое общество, множество условностей и обязанностей. Люди выродились в потребителей природных благ, брали у неё всё, что только можно, и мало того, что ничего не давали взамен, они ещё наносили невосполнимый урон окружающей среде. А оказывается, можно поступать по-другому. Брать у природы лишь самое необходимое, ничего не портить и не уничтожать, вернуться к той поре, когда человек был её творением, а не злейшим врагом.

Тесное общение с тайгой меняло мировоззрение Ахмада Расулова. Незаметно для себя он становился философом, к нему пришло понимание, что человек – не царь природы, не венец её творения, а такое же создание, как лиственницы и кедры, как олени и белки, как тот же песец Баёз. И разум, который развился у человека, пошёл ему не на благо, а во вред. И тогда природа из матери превратилась в мачеху, она стала мстить своему корыстному пасынку, насылая на него ураганы, наводнения, неслыханные прежде болезни.

Ахмад стал понимать, что красота – это не что-то искусственное, не та косметика, к которой прибегают женщины, чтобы скрыть свои недостатки, казаться лучше, чем они есть на самом деле. На такую красоту он насмотрелся в салоне Нинки-Коня. Красота присуща всему, что окружает человека, нужно только уметь видеть её. Красиво иссиня-голубое небо, нависшее над землёй, пушистые облака, плывущие в беспредельности. Красивы первые травинки, пробившиеся из сырой земли, цветы, являющие собой само совершенство, красивы звери и птицы, поскольку они полностью соответствуют своему предназначению, красива тайга в любое время года и дня. И, наконец, красив сам человек, занимающийся осмысленным трудом, а не человек-хищник, человек-потребитель.

И Ахмад Расулов по-иному стал относиться к тайге. Она казалась ему одним живым, гигантским организмом, который существует по своим правилам и законам, и которому ведомо, что такое вечность. Отныне, если ему нужно было срубить какое-то дерево, он выбирал старое или покосившееся, если он рвал лекарственные растения или ягоды, он старался не обрывать их корни и не ломать ветки, если собирал грибы, то оставлял нетронутой грибницу, чтобы грибы могли снова появиться на своём прежнем месте. Не просто брать, но и способствовать возобновлению. Этот непреложный закон природы становился его образом жизни.

Как ни странно, но он учился и у своего пушистого друга, песка Баёза разумной и неприхотливой жизни. Песец довольствовался лишь самым необходимым, не требовал ничего лишнего, и всегда был в согласии с окружающим миром.

Весна – это не только обновление природы. Меняется и мироощущение самого человека. Прежде Ахмад Расулов лишь взглядом скользил по цветущему великолепию урючного сада. Да, красиво, но любоваться бело-розовой пеной, заливавшей город, у него не было времени. В его плотницкой занятости не бывало простое, результативность труда определялась быстротой и качеством исполнения. Теперь же он мог подолгу рассматривать неприглядные цветки ландыша, распространявшие сильнейший аромат, от которого кружилась голова, и который навевал неясные мечтания. Весна в тайге вскипала, как котёл с водой на огне. Всё торопилось жить, всё гнало ростки и побеги, а птицы и звери были охвачены заботой о новых поколениях. И только Ахмад Расулов оставался в стороне от этого вечного обновления природы. Одиночество, ставшее его уделом, не способствовало продлению рода, да и возраст его клонился к пятидесяти годам. Оставалось только вглядываться в бурлившую вокруг него жизнь и учиться у неё разумности и целесообразности.

Начался период гроз. Тяжёлые чёрные тучи зависали над тайгой, длинные плети молний хлестали притихших гигантов растительного мира. Оглушительный грохот грозовых разрядов, казалось, раскалывал небо. Дождь лил стеной, от него не было укрытия ни под густыми кедрами, ни под навесом плотного ельника.

Однажды Ахмад видел, как ослепительно-яркая молния ударила в громадный кедр, и он сразу вспыхнул снизу доверху, как гигантская спичка. Но потоки дождя сразу же погасили пожар, и лишь почерневшие кончики игл говорили о том, что красавец растительного мира едва избежал гибели.

Но грозы бывали недолгими, спустя час-другой ветер уносил тяжёлые тучи к горизонту, вновь сияло солнце, и промытая до корней тайга высыхала и прихорашивалась под живительными лучами светила.

На смену грозам пришли грибные дожди, тёплые, ласковые. Они словно гладили землю, ждущую ласки, своими влажными ладонями, и земля отвечала на их прикосновения обилием грибов, пробивавшихся сквозь травяной покров земли.

Для Ахмада Расулова наступила благодатная пора. Он вдоволь ел грибы, молодые побеги растений, пригодных в пищу, из первых ягод готовил отвары, и дивился людям, которым обязательно нужно убивать животных, в то время как растительный мир изобиловал вкусной и полезной пищей.

Однажды, когда Ахмад вернулся из своей прогулки по тайге, он увидел у зимовья три туго набитых походных мешка. Открыл их. Они были полны жареного мяса, солонины, хлебных изделий, пирогов и многого другого. Была даже бутылка крепчайшего самогона. «Староверы» - догадался истаравшанец. Он обрадовался не столь щедрому дару, сколько заботе и вниманию. Обидно было только, что староверы не захотели увидеться с ним. Ахмад для них по-прежнему оставался иноверцем.

В мешках была и одежда, в которой Ахмад нуждался больше всего. Его прежнее одеяние обветшало, зияло прорехами и пришло в негодность. Новая одежда была прочной, из домотканой материи, хотя и грубоватой, но удобной и пригодной во все времена года.

За весну и лето староверы ещё несколько раз давали знать о себе таким образом, но так и не удостоили его ни одним словом. В один из дней Ахмад увидел их. Староверов было пять человек. Они шли гуськом, по звериной тропе, ступая след в след, друг за другом. Ахмад узнал Софрона по высокой, кряжистой фигуре. Тот махнул рукой в знак приветствия и скрылся в зарослях можжевельника.

Как-то раз Ахмад обтёсывал топором круглую лесину, чтобы укрепить дровяной навес, покосившийся под тяжестью снега. Он посмотрел на топор в своей руке, щепки, валявшиеся вокруг, вытер пот со лба, и вдруг вспомнил, что некогда видел подобное. Но где? Память продолжала перелистывать страницы минувших лет, и воспоминание прояснилось.

Ахмад учился в школе вместе с одноклассником Валиджоном Саидовым. Тот был щуплым, слабосильным и не участвовал в мальчишеских забавах. Но Валиджон отличался от своих сверстников умом и стремился к знаниям. Обо всём он судил по-взрослому, считался лучшим учеником в школе, и учителя предсказывали ему большое будущее.

Валиджон Саидов был из интеллигентной семьи. Его мать работала в городской библиотеке, отец возглавлял отдел культуры. Книги были главной страстью подростка. Он читал их одну за одной. На переменах рассказывал одноклассникам о наиболее интересных изданиях, и постепенно приохотил к чтению книг весь класс. Он давал читать приятелям книги, но только на один день. Желающих приобщиться к новинкам было много, и Валиджон установил строгую очерёдность. Благодаря Валиджону Ахмад Расулов узнал об английском сыщике Шерлоке Холмсе, о путешественнике Гулливере, попавшем в страну лилипутов, об Александре Македонском, штурмовавшем их родной Истаравшан. А однажды Валиджон принёс книжку о Робинзоне Крузо, английском моряке, который попал на необитаемый остров и прожил на нём двадцать восемь лет. И в книжке был такой же рисунок: Робинзон мастерил лодку. Так же держал топор в руке, и также вокруг валялись щепки.

Вспомнил Ахмад Расулов своего английского коллегу, жившего до него более ста лет назад, и потом часто размышлял о схожести их судеб.

Нет слов, Робинзон жил в более выгодных условиях. Зелёный остров с изобилием животных, плодов и ягод. Был даже виноград. Часто к острову буря приносила разбившиеся корабли, и Робинзон брал с них всё необходимое, вплоть до золота, которое собирал в надежде на освобождение. Не было суровой зимы, прекрасный климат, спрашивается, в чём же были трудности? Живи и наслаждайся всеми имеющимися благами.

Робинзон не знал ни тюрем, ни сталинских лагерей, да и сибирская тайга мало походила на остров в благодатных южных краях. А вот поместить бы его сюда, в Сибирь, с её нескончаемыми холодами, непрестанной борьбой за выживание, вот тогда бы посмотрел Ахмад Расулов на английского моряка, который сетовал на свою судьбу. Ахмаду приходится несравненно тяжелее, и, тем не менее, он считает, что ему повезло. Конечно, тайга мало походит на райские сады, но жизнь в ней всё же лучше лагерного быта с перспективой быть рано или поздно расстрелянным.

Ахмад Расулов даже задумался: а мог бы он поменяться с Робинзоном Крузо местами их проживания? Поразмыслил и покачал головой в знак отрицания. Нет, и ещё раз нет! Трудности закаляют характер мужчины, а благополучие разнеживает его. И потом тайга стала для Ахмада вторым домом, а что бы он делал на благополучном острове? Так же, как Робинзон, размяк бы и непрестанно жаловался на судьбу. А чего, спрашивается, жаловаться: каждому определено своё высшими силами, вот и следуй предназначенным путём.

Представил Ахмад Робинзона Крузо, бредущим в колонне заключённых, в лагерной робе, под лай свирепых овчарок и брань конвоиров, и даже рассмеялся. Так ли стоек оказался бы английский моряк, занимаясь в тайге рубкой леса и питаясь жидкой баландой, какой брезговали даже сторожевые псы, с пайками хлеба, испечённого из прогорклой муки пополам с опилками?

Посмеялся Ахмад Расулов и больше не вспоминал Робинзона Крузо. Не до него было.

Минул год, второй, третий... Ахмад мог бы отметить пятилетие своего пребывания в тайге в полнейшем одиночестве, но сбился со счёта и просто жил, без памятных и знаменательных дат. Тоже оказалась ненужной эта затея для занятого человека.

На шестом году таёжного бытия случилась в его жизни трагедия. Погиб Баёз, его верный и пушистый друг. Все эти годы они не разлучались друг с другом, Ахмад всё время разговаривал с песцом и был уверен, что тот

понимает человеческую речь и вполне разумен. Вот только отвечать не мог словами.

Пошли они в тайгу уже осенью. Ахмад собирал ягоды черники и малину, Баёз рядом шелестел в кустах. И вдруг пропал. Ахмад окликнул песца раз, другой, тот не прибежал на зов. Подождал ещё немного и отправился на поиски. Нашёл он Баёза на звериной тропе. Песец лежал задущенный охотничьим силком. Неизвестно кем и когда была установлена стальная петля среди зарослей. Баёз угодил в неё головой, и она затянулась на его шее.

Ахмад высвободил зверька из ловушки, гладил его, растирал, но было уже поздно, маленькое тельце остывало.

Потрясение было сильным. Ахмад укорял себя за то, что взял Баёза в тайгу, что замешкался с поисками, пошёл бы пораньше, мог бы и спасти друга. Однако и сам понимал беспочвенность таких упреков. Он и раньше брал песца в тайгу, случалось, тот и сам убегал из дома и пропадал неделю, а то и больше. Значит, такая судьба определена ему, как и самому Ахмаду, и кто знает, какая ему определена кончина.

Посмотрел Ахмад на песца. Тот лежал, вытянувшись в струнку, зубы слегка оскалены, мордочка заострилась. И такая тоска взяла истаравшанца, что он даже прослезился. Опять томительное одиночество, ещё более тягостное, после гибели пушистого друга.

Похоронил Ахмад Баёза за зимовьем, у самой ограды. Вырыл ямку, застелил её лопухами, положил туда песца, и прикрыл теми же лопухами. Засыпал землёй, подровнял могильный холмик. Подумал, из двух жёрдочек сколотил крест и вбил его в изголовье могилы.

Возможно, староверы упрекнули бы его в святотатстве, или неуважении к христианским святыням. Но сам Ахмад Расулов так не думал. Баёз был порождением этого мира, российской Сибири, стало быть, мог считаться русским песцом, а потому крест вполне соответствовал месту его последнего успокоения.

До этого случая Ахмад Расулов как-то не задумывался о своей вере. А теперь вспомнил вопрос главы староверов Анания: какого он вероисповедания? И верно, какого? И нужна ли вера человеку вообще? Чем больше размышлял истаравшанец над этими вопросами, тем больше укреплялся в мысли, что вера человеку необходима. Находясь в тайге, он часто убеждал себя, что такова его судьба. Но тогда, значит, кто-то определил её? Его могли расстрелять, но не расстреляли. Его могли настичь во время побега и забить насмерть, но он избежал гибели. В дни блужданий по тайге мог умереть от голода, но выжил. Значит, кто-то незримый способствовал ему, оберегал его на жизненном пути, давал возможность уцелеть и

исполнить своё предназначение. В чём оно, Ахмад не знал, но верил, что рано или поздно додумается до этого.

Его предки исповедовали ислам, но мог ли он сам назвать себя мусульманином? Коран знал он поверхностно, слышал беседы о нём стариков, но, как говорится, краем уха. У молодости свои заботы и стремления. Мысли о высших духовных ценностях и необходимости духовной опоры приходят потом, на склоне лет. Такая пора для Ахмада пришла. Все эти годы, в трудные периоды, он обращался с просьбой к незримому Божеству помочь ему, и содействие приходило вовремя. Все – и мусульмане, и христиане, и иудеи – молятся одному Богу, на разных языках, выполняя разные обряды, но одному. Значит, и он, Ахмад Расулов, должен благодарить этого единого Бога за содействие и благоволение, просить его и дальше оберегать на жизненном пути, а взамен следовать тем нравственным заповедям, которые предписаны людям в Священных книгах.

И Ахмад Расулов стал молиться по утрам и вечерам единому Богу, искренне и обязательно. Он не знал молитв, он скорее советовался с Богом, поверял ему свои мысли, и у него возникло убеждение, что Бог его слышит и верит в разумность и осознанность его намерений.

В детстве он слышал от стариков хадисы, священные предания о жизни Пророка Мухаммеда (да будет Его имя благословенно в веках!) и Его сподвижников. Некоторые хадисы осели в его памяти и всплывали из неё теперь, в подходящих случаях.

Один из них был таким: «Имам Садык (да будет мир с ним!) сказал: «В судный день толпа воскресших подойдёт к вратам Рая и начнёт стучаться в них. Голос спросит их: «Кто там?» - и они ответят: «Мы терпеливые», «А в чём состояло ваше терпение?» - спросят их, и они скажут: «Мы были терпеливы в покорности Аллаху и терпеливо избегали всего, что противоречит Его воле». И тогда Аллах Всемогущий и достославный скажет: «Это правда, введите их в Рай». Ведь Он уже сказал: «Воистину терпеливым воздастся полностью без всякого счёта!» (Сура 39, аят 10) «Аль-Кафи», т. 2, стр. 75.

И Ахмад Расулов стал верить, что и его тоже ждут райские блаженства, ибо кто, как не он, был по-настоящему терпеливым и не совершил ничего, что противоречило бы воле Аллаха.

Так появилась в его душе нравственная опора, которая в дальнейшем помогала ему переносить все испытания, выпадавшие в годы одинокой жизни в тайге.

И ещё в нём крепла уверенность, что взамен погибшего друга Баёза, Создатель пошлёт ему другого, потому что он часто просил Его в молитвах именно об этом.

И такой друг появился в его жизни через десятилетие таёжной «робинзонады».

Ограда, которой он окружил зимовье в первый год жизни в тайге, разрослась так сильно, что стволы деревьев прижались один к другому, и протиснуться между ними не было никакой возможности. Кроны высоких деревьев тоже слились и надёжно укрывали бревенчатое строение от посторонних взглядов, хотя, надо сказать, их и не было. Зимовье почти не было заметно в глубине таёжного массива. Лишь с одной стороны Ахмад сделал проход, закрыв его прочными одностворчатыми воротами.

Никто к нему не забредал все эти годы, и потому он очень удивился, когда в середине дня в ворота сильно застучали. Он отворил их и увидел местных жителей с широкими смуглыми лицами и узкими глазами. Несмотря на тёплую пору, они были одеты в меховые кухлянки. Их было трое, на руках они держали продолговатый свёрток.

Ахмад знал, что за тайгой в тундре живут ненцы и эвенки, кочуют, разводят оленей, и в тайге появляются редко.

Он удивлённо смотрел на них, они также удивлённо глядели на него.

- Здравствуй, отец, - сказал почтительно один из пришедших.

- Здравствуйте, - отозвался Ахмад. Бородатый, с проседью в волосах, он, действительно, мог уже именоваться отцом, а то и дедом. – Заходите.

Незнакомцы вошли во двор, положили свёрток на землю.

Ахмад молчал, ожидая объяснения.

- Мы – ненцы, - сказал один из пришедших. – Я – Савелий, а это – Терентий и Антон. Беда у нас, батька.

- Что случилось?

- Наше становище там, - Савелий махнул рукой в сторону. – Чумы там стоят, олешки бегают. Хотим перейти на новое кочевье, решили пройти сквозь тайгу, посмотреть короткую дорогу. Очень большой тайга оказалась, застряли в ней. Это моя дочь, - Савелий указал головой на свёрток. – Перелезала через завал, упала, ружьё выстрелило, сильно ранило её. Помогать надо.

Ахмад растерялся.

- Но я не доктор. В больницу надо.

- Какая больница тут? – возразил Савелий.- Тысячу километров идти надо, и то не найдёшь.

- Чем же я могу помочь?

- Смотри её, лечи, а то совсем умрёт.

Ахмад недоумённо смотрел на Савелия.

- Ты русский, - сказал тот.- Грамотный. Русские всё умеют.

Ахмад Расулов мог бы сказать, что он-то как раз и не русский и к медицине никакого отношения не имеет, но это значило бы – терять время, а раненная девушка и впрямь может помереть. Если уже не умерла, потому что лежала молча, не шевелясь и не издавая никаких звуков.

- Что же вы её на землю положили? Несите на крыльцо.

Ахмад постелил на крыльце меховую полость, на неё положили девушку. Она была без сознания, глаза запали, синие тени окружали их, синими были и губы.

«Не выживет», - подумал Ахмад.

- Крови много потеряла?

- Достаточно, батька, - согласился Савелий.

- Куда ранило?

- В плечо, однако.

Развернули одеяло, в которое была закутана девушка. Её одежда была пропитана кровью. Ножом разрезали меховую куртку, матерчатую рубашку, открыли рану. Выстрел пришёлся между плечом и грудиной, и это ободрило Ахмада. Значит, кости не повреждены. Судя по всему, ружьё было заряжено пулей, дробь разворотила бы мышцы.

- Жакан, не дробь? – спросил Ахмад.

Савелий посмотрел на него с уважением. Русский доктор сразу определил, чем ранена дочь, разбирается, стало быть, надежда есть.

- Жакан, как есть, жакан, - подтвердил Савелий. – Молодец, батька.

Его спутники стояли поодаль и, молча, следили за действиями Ахмада.

Повернули девушку на бок, выходного отверстия пули не было.

Ахмад покачал головой.

- Плохо, пуля осталась в ране.

- Куда хуже, - согласился Савелий. – Совсем плохо. Что будем делать, доктор?

Ахмаду хотелось сказать, что лучше всего оставить девушку в покое, жить ей осталось считанные часы. Мало того, что потеряно много крови, так ещё выстрел в упор вызвал сильное потрясение. Но всё в нём протестовало против такой мысли. Сам он боролся за свою жизнь, и просто не имел права не попытаться спасти девушку.

- Нужно вытащить пулю, - сказал он. – Иначе нагноение будет, рана не заживёт.

Савелий с надеждой посмотрел на него.

- Доставай, доктор. Зачем ей пуля? Ты лучше знаешь, что нужно делать.

Как раз этого Ахмад и не знал, но времени на колебания не было.

- Девушка может не выдержать боли, - предупредил он.

- И так помрёт, и так помрёт, - рассудил её отец. – Давай, пробовать будем.

- Доставай нож, - попросил истаравшанец.

Савелий протянул ему свой охотничий нож, большой, с блестящим лезвием, острый, как бритва.

Ахмад прокалил лезвие на огне, протёр его самогоном.

- Держите девушку, - приказал он.

Ненцы прижали девушку к доскам крыльца.

Ахмад примерился, разрезал рану. Потекла кровь, запузырилась. В глубине раны он увидел кончик пули, но ухватить её не смог. Сделал разрез пошире. Девушка стонала, но лежала неподвижно, с закрытыми глазами и тяжело, со всхлипами дышала.

Ахмад снова и снова пытался вытащить пулю, но она была скользкой от крови и всякий раз срывалась.

Ему было жарко, он вспотел от волнения, и незаметно для себя ругался по-таджикски. Ненцы с уважением прислушивались к его словам, полагая, что доктор говорит на своём, медицинском языке.

Наконец, Ахмад сумел захватить пулю ногтями и извлёк её из раны. Она была большая, в два сустава на пальце, и Ахмад удивился, что не пробила плечо насквозь.

- Пороха в патроне было мало? – спросил он.

- Совсем мало, - согласился Савелий. – Охота кончилась, бережём порох.

- Ваше счастье.

Ахмад стянул края раны и суровой ниткой наложил четыре шва. Потом промыл рану самогоном, она уже не кровоточила, засыпал порошком ромашки, надеясь на её обеззараживающие свойства. Разорвал чистую рубашку на длинные ленты, наложил на рану матерчатый тампон, а потом перевязал плечо девушки.

Ненцы во все глаза смотрели на его действия. Савелий то и дело вытирал у него пот со лба обрывком цветной тряпки.

- Всё, - сказал Ахмад, с трудом разгибая затёкшую спину. Он не видел ни ясного летнего дня, ни сороки, которая сидела на ветке рябины поблизости, и надоедливо стрекотала.

- Молодец, доктор, - уважительно проговорил Савелий. – Учёный человек. Теперь что делать будем?

- Заносите девушку в дом, - распорядился Ахмад.

Раненную девушку положили на нары. Она снова была без сознания, Ахмад время от времени касался пальцами её шеи, проверяя, есть ли пульс. Он был, но еле улавливался.

- Будем ждать, - сказал Ахмад, и устало опустился на скамью. Как он мог сказать ненцам, так верившим в него, что это была первая в его жизни операция?

- Сколько будем ждать? – любопытствовал Савелий. На его широком лице, с несколькими волосками там, где полагается расти усам бороде, читались тревога и облегчение.

Ахмад пожал плечами.

- Трудно сказать. Лишь бы нагноения не было. Завтра посмотрим.

- Ты уж постарайся, доктор, - просительно проговорил отец девушки. – Вылечится, хорошо платить будем. Олешка дадим.

- Э –э, дурак, - всерьёз выругался Ахмад. – Разве за такое платят?

- Дурак, совсем дурак, - согласился Савелий. – А как иначе, доктор? Дочка это моя, на всё пойду ради неё. Правда, ещё пять детей есть, но всё равно жалко.

Ахмада позабавило рассуждение ненца. Страшное напряжение, в котором он находился всё это время, спадало, и он с интересом смотрел на кочевников-оленеводов.

- Сколько лет девушке?

Савелий поразмыслил.

- Двадцать, однако, будет, - и, желая уверить доктора в правоте своих слов, привёл очевидное свидетельство. – Она родилась в тот год, когда волки задрали лучшего вожака моего оленьего стада. Как раз двадцать лет назад это было.

Его спутники Терентий и Антон закивали, подтверждая слова Савелия.

- Может, двадцать один? – вопросительно проговорил Антон.

- Зачем двадцать один? – рассердился Савелий. – Двадцать! Разве ты не помнишь серого вожака Найдима?

- Тогда двадцать, - согласился Антон.

Терентий помолчал, поглядывая на трещавшую сороку.

- Однако, Варька будет жить, - высказался он утвердительно.

- Почему ты так думаешь? – осведомился Ахмад.

Терентий указал пальцем на сороку.

- Вот эта птица так говорит. Она беспокоится, просит, чтобы жизнь Варьки не уходила из тела. Если бы девушка умирала, птица улетела бы в тайгу.

Ахмад подивился такой примете и подумал, во что только не поверишь, когда хочется, чтобы смерть отступила от молодой Варвары, которой только жить и жить.

- Дай Бог, чтобы так оно и было, - проговорил он со вздохом.

- Даст, даст, - уверили его ненцы. – Вот посмотришь. Боженька – он добрый. В прошлом году Савелий как болел, мы уже думали всё, хотели его в тундру отнести, чтобы песцы и волки там его съели, а он не согласился, попросил обождать, потом здоровый стал. Ясно, Бог ему помог.

Ахмада забавляли рассуждения ненцев. Он проникался уважением к этим детям природы, бесхитростным, и таким искренним в своём отношении к жизни.

6.

Ненцы прожили в его зимовье три дня. Много спали, готовили еду. Сходили в тайгу за своими ружьями и пожитками, которые оставили там, когда нужно было нести Варвару к зимовью.

- Когда ты стал жить тут, доктор? – допытывался Савелий. – Мы всё знаем, но никто не говорил, что в брошенном доме появился человек.

- Давно, - признался Ахмад. – Даже не знаю, сколько уже времени. Я один, живу тихо, откуда вам знать обо мне?

- Это так, - соглашались ненцы. – А откуда пришёл?

Разве скажешь им правду?!

- С геологами я работал, - сходу придумал истаравшанец. – Они попросили тут пожить, починить зимовье, чтобы можно было в нём останавливаться. На следующий год начнём тут разведку на нефть.

Не всех ненцев устроило такое объяснение.

- В тайге, какая нефть? – усомнился Терентий. – В тундре надо искать.

Савелий с презрением посмотрел на него.

- У тебя ума, как у безрогого оленя. Как раз в тайге много нефти, доктор верно говорит. Она под корнями прячется. Очистил площадку от деревьев и бури на здоровье.

Ахмад каждый день менял повязки на ране девушки, распаривал листья брусники и прикладывал их к ране. Её края были припухшими, но гноя не было, не было и гнилостного запаха. Рана понемногу затягивалась. Синие полукружья вокруг глаз у Варвары стали исчезать, губы порозовели. Ахмад варил крепкий мясной бульон и поил девушку с ложки. Она делала несколько глотков. Давал ей и отвар ягод лимонника, сильного укрепляющего средства.

Девушка оживала.

- Сорока правду говорила, - торжествующе заключил Антон.

- Птица умная, - согласился Терентий. – Правда, шумит много.

- А про доктора вы забыли? – рассердился Савелий. – Если бы не он, помогла бы ваша сорока.

- Как забудешь? – Терентий уважительно посмотрел на Ахмада. – Большой человек, знающий человек. Десять оленей заслуживает, только не возьмёт, - со вздохом добавил он. – Наш шаман двадцать бы оленей попросил.

- Обманщик твой шаман, - рассудил Антон. Подумал, опроверг сам себя. – Хотя иногда помогает.

Через три дня ненцы собрались уходить.

- Пора нам, батька, - сказал Савелий. – В стойбище мужчин мало, оленей много. Смотреть за ними надо, пасти, перегонять по тундре, волки шалят. Бабы, старики да дети с этим не справятся.

Ахмад растерялся.

- Как пора? А за ней кто смотреть будет?

Он кивком головы указал на Варвару. Она уже открывала глаза и наблюдала за тем, что происходит в зимовье.

Савелий искренне удивился.

- Как кто смотреть будет? Ты доктор, ты и смотри. Поправится, потом заберём. А захочешь, у себя оставь. Женой тебе будет. Я, как отец, даю согласие.

Ахмад не поверил своим ушам.

- Какой женой? Я в три раза старше её.

У Савелия на все возражения были свои доводы.

- Чудак ты, доктор, - рассудительно проговорил он. – У нас в тундре один старый олень целое стадо оленух обслуживает. Ничего, все довольны, никто не жалуется.

- Но я же не олень. И потом тут не тундра.

- Ты лучше, - спокойно откликнулся отец девушки. – Ты доктор, умный. А возраст, что возраст? Кто выше поднимается, тот больше видит. И потом, каждому своё. Нам тундра и олени. Тебе тайга и за зимовьем смотреть.

Ахмад Расулов не знал, что и сказать. Он удивлённо смотрел на ненцев, а те укладывали свои пожитки и обсуждали текущие дела, словно всё уже было решено.

Терентий вступил в разговор.

- Не держи нас, батька. И так мы припозднились.

Савелий подошёл к дочери, она повернула к нему голову.

- Уходим, дочка, теперь тут твой дом. Доктор – твой хозяин, как скажет, так и делай.

Девушка едва заметно кивнула.

Ахмад, словно посторонний, наблюдал за этой картиной.

Ненцы ушли, и он остался наедине с девушкой.

Ахмад ухаживал за ней, как заботливый родитель. Перевязывал рану, кормил, сажал её на ведро, как ребёнка на горшок. Она сама была ещё слишком слаба, чтобы самостоятельно следить за собой. Варвара стеснялась, но Ахмад не видел в этом ничего особенного. Его дочь, наверное, была уже такой же, может уже выдали её замуж. А потом, когда девушка окрепла, нагрел воды, и она вымылась, правда, опять не без его помощи.

Ахмад увидел, что она миловидная. Желтизна сошла с её лица, на щеках появился румянец. Зубы у неё были ровные, белые, иссиня-чёрные волосы, густые настолько, что гребень с трудом продирался сквозь них. Фигурка стройная, правда, на взгляд истаравшанца, излишне худощавая, но это должно быть от затянувшегося выздоровления.

Варвара уже с аппетитом ела, улыбалась своему доктору, самостоятельно вставала с постели и делала первые шаги по жилищу. А когда почувствовала себя здоровой, то впервые за долгое время вышла во двор. Ахнула от открывшейся ей таёжной красоты, и, как и Ахмад после болезни, не могла надышаться свежим воздухом.

Как заправская хозяйка, Варвара взяла на себя все заботы по дому. И тут выяснилось, что она многое не умеет. Она готовила простую немудреную пищу, в основном, отварное мясо. Ахмада же такая еда не устраивала, и он стал учить девушку, готовить таджикские национальные блюда: шурпу, лагман, жаркое. Варвара не понимала: зачем тратить столько времени на обеды и ужины, кочевая жизнь приучила её к примитивному рационализму. Но училась она с удовольствием и по-детски радовалась, когда Ахмад хвалил её стряпню.

Ахмад Расулов понимал, что они создания совсем других миров, которые лишь соприкасаются один с другим, но не взаимопроникают. То, что было удобно и привычно ему, ей казалось нелепым, и, наоборот, кочевая жизнь ненцев мало подходила истаравшанцу. И вообще, он пришёл к убеждению, что каждый народ – это как островки в огромном океане планетного бытия. Они могут общаться, учиться друг у друга, мирно сосуществовать, но при этом не терять свою самобытность и свой уклад жизни. Именно сосуществовать, а не уподобляться, как бы того кому-то не хотелось.

Ахмад с Варварой вместе ходили в тайгу, делали запасы к зиме. Лето шло к концу и следовало с пользой расходовать каждый погожий день. Варвара открывала для себя огромный, удивительный мир, восторгалась им, и Ахмаду по душе были её непосредственность, и в то же время взрослая рассудительность и спокойствие.

Рана зажила, уже не болела, хотя рукой девушка владела не в полной мере. Ахмад задним числом дивился своей смелости, это надо же проделал

довольно сложную операцию и вырвал девушку из когтей смерти, хотя, если здраво рассудить, другого выхода у него не было.

Они жили семейной жизнью, но физической близости у них не было. Да истаравшанец и не считал её возможной. Он был пожилым мужчиной, она девушкой, хотя у ненцев такие, как она, уже давно были замужем и имели детей.

Месяцы шли, а Савелий всё не шёл за дочерью.

- Скоро зима, - сказал как-то Ахмад. – Ещё немного и ты не сможешь вернуться домой. Запаздывает твой отец.

Варвара изумлённо посмотрела на истаравшанца.

- Куда домой? – спросила она. – Мой дом тут.

Теперь Ахмад уставился на неё широко открытыми глазами.

- Твой дом там, где твой отец, твой род, твоя семья.

Она несогласно покачала головой.

- Моя мать умерла при последних родах. У отца кроме меня ещё четверо детей. Он живёт с другой женщиной. В его чуме для меня места нет. Он хотел этой осенью отдать меня замуж за пастуха Иннокентия. И хорошо, что не отдал, тогда бы я не знала тебя. Ты красивый, умный, сильный, ты мне настоящий муж.

- Но у меня есть жена, - возразил Ахмад.

Варвара беспечно махнула рукой.

- Это далеко, значит, почти что нет. А потом столько лет прошло, может твоя жена другого мужа нашла. Ты, Ахмад, не знаешь наших обычаев. Ты подарил мне жизнь, значит, я стала твоей. Мой отец как-то подобрал в тундре важенку-олениху. Волки сильно порвали её. Отец выходил её, и хозяин важенки не предъявлял на неё никаких прав. Она стала собственностью другого человека.

- Но ты ведь не олениха?

- В этом мире все люди, - философски ответила девушка. – Олени, медведи, соболя, песцы. Только шкура разная, а все одинаково жить хотят, у всех свои правила.

Оставалось только согласиться с этими рассуждениями.

Варвара спала на нарах, Ахмад на полу, на меховой полости.

- Почему не спишь со мной? – спросила девушка. – Я тебе противна?

Пришлось признаться, что нет

- Я не красивая? Не нравлюсь тебе? Ваши девушки другие?

- Ты красивая, - ответил Ахмад со всей искренностью. – И нравишься мне.

- Тогда я не понимаю тебя, - заключила Варвара, - Муж должен спать с женой. Хозяин должен ложиться в свою постель. На полу у порога валяются только собаки.

На следующую ночь Варвара постелила им обоим на нарах. Ахмад лёг спать с ней, хотя далось ему это нелегко. Опять как тогда, в случае с Ульяной и Нинкой-Конём, пришлось ему перешагнуть через свои нравственные убеждения.

Но оказалось, что перешагивать через них иногда приятно, и Ахмад наслаждался семейным уютom и теплом, на которые даже не смел надеяться на шестом десятке жизни.

Ему по душе была самостоятельность молодой ненки, её рассудительность и своеобразная жизненная философия. Она жила, как все создания в тайге и тундре, сегодняшним днём, с ощущением неповторимости проживая каждый миг, и мало заботилась о будущем. Она справедливо полагала, что наше будущее мало зависит от нас самих, и потому незачем гадать, каким оно будет.

Повалил искристый крупчатый снег, похожий на рисовые зёрна. Зима завывала буранами, набросила белый покров на притихшую тайгу. Тёмное небо низко нависло над растительным царством. Три цвета определяли палитру этого времени года – белый, чёрный и синий. Безмолвие царило в таёжной глуши, лишь надрывное карканье ворон нарушало его чужеродными звуками.

Белки стремглав возносились по стволам кедров к своим дуплам, проворно сновали по ветвям соболя, отправляясь на охоту, волки оставляли цепочки следов на белом снегу; таежный мир жил своей жизнью.

Своей жизнью жил и Ахмад Расулов. Впервые зима не тяготила его. Он наслаждался покоем, теплом и заботой черноглазой ненки, так внезапно влившейся в его судьбу. И он подумал, что, действительно, есть высшая сила, которая не оставляет нас своим вниманием, и лучше нас знает, когда и что нам делать, и как нам жить. Когда-то он потерял пушистого друга Баёза, так скрасившего первые таёжные годы, а взамен Создатель послал ему ещё более бесценное творение – молодую прекрасную женщину. И Ахмад жил, наслаждаясь каждым мигom, полагая, что это воздаяние ему за несправедливый арест и последующие тюремные и лагерные мытарства.

Ненцы подарили ему широкие лыжи, на которых можно было ходить по глубокому снегу, не проваливаясь. И Ахмад в тихую погоду выбирался в

зимнюю тайгу. Оказалось, что она и в холодную пору преисполнена красоты и величия. Стояла звенящая тишина, ели походили на осанистых женщин, на плечи которых набросили изящное белоснежное манто. Лиственницы топорщили голые ветви, и Ахмад понял, почему эти хвойные деревья называют лиственницами. Ели и кедры сохраняли свои иглы, а лиственница сбрасывала их на зиму, и её хвоя пушистым ковром лежала у подножия ствола.

Можно было охотиться, собирать ягоды, оставшиеся с осени. Они, как угли, пламенели сквозь толщу снега, и Ахмад любовался контрастами ярких красок и снежной белизны.

Одно время, ещё до появления Варвары, его охватила такая тоска, такое чувство безнадежности, что он решил выйти к людям. Пусть его снова посадят в лагерь, пусть даже расстреляют, чем такое томительное ощущение неопределённости и своей ненужности. С большим трудом погасил истаравшанец эту решимость. Он снова вспомнил тогда Робинзона Крузо. Тот жил в согласии с самим собой, не знал, что такое несправедливость и оговор, и потому коротал время, не мучаясь раздвоенностью.

Варвара подрезала Ахмаду бороду и усы, постригла волосы на голове, отошла, посмотрела и захлопала в ладоши.

- Да ты совсем молодой! Тебе нельзя обрастать, становишься старше.

Она расцеловала его, прижалась, как шаловливый котёнок, и он ради таких мгновений мирился даже с однообразной таёжной жизнью.

На следующее лето появилась неизменная тройца – Терентий, Савелий и Антон. Принесли припасов Ахмаду, по-свойски расположились в его зимовье.

- Мы за Варькой, - объявил Савелий. – Пусть немного в стойбище поживёт.

- Случилось что? – Ахмад почувствовал какую-то вынужденность в словах отца девушки.

- Случилось, - Савелий взъерошил короткие волосы. – Жена моя померла. Вторая. Вроде ничего была, а потом раз, как спичка, сгорела. Дети остались, хозяйство, пусть Варвара немного поможет.

Ахмад решил.

- Может, и я с вами пойду? Всё-таки не чужие мы теперь.

Савелий несогласно потряс головой.

- Нельзя тебе, доктор. Я думал всё время и понял: непростой ты человек. К нам участковый ездит, комиссии всякие. Если не боишься,

поехали, а если есть у тебя что-то, что нужно прятать, тогда не надо испытывать судьбу. Я так думаю.

И Ахмад Расулов был вынужден согласиться с отцом своей жены.

- Надолго хочешь забрать Варвару? – только и спросил он.

- Зачем надолго? Поможет немножко и обратно. Всё-таки жена тебе.

И Варвара ушла вместе с отцом и его земляками.

Снова время загустело и потекло, как патока из глиняного кувшина. Видел такое Ахмад в детстве у себя в Истаравшане. Занимался он привычными делами, но не было прежнего рвения, больше по необходимости чинил он зимовье и промышлял в тайге. И сама тайга казалась скучной и побуревшей, словно выцвела от летнего тепла.

Только теперь Ахмад понял по-настоящему всю томительность одиночества. Без Варвары жизнь разом обесцветилась и потеряла своё главное содержание, а заключалось оно в семье и во внимании двух расположенных друг к другу людей. Ожидание стало главным смыслом его таёжного существования.

Савелий обещал, что дочь скоро вернётся к Ахмаду, но прошло два года прежде, чем он снова объявился, опять в сопровождении Терентия и Антона, но без Варвары.

- Где Варя? – спросил Ахмад, от досады не желая обмениваться приветствиями.

- Не может Варька прийти, - так же коротко отозвался Савелий. – Ребенка поднимать надо, растить, одним словом.

Ахмад опешил.

- Какого ребёнка?

- Твоего сына, однако.

- Моего сына? Почему же я ничего не знаю?

Савелий пожал плечами.

- Откуда ты можешь знать? Дочь скрыла от тебя свою беременность. Потому я и забрал её в стойбище, там родила.

Ахмад сел на нары и непонимающе уставился на ненца.

- Но почему скрыла?

- Боялась, прогонишь её или откажешься от ребёнка. Ты – не наш, кто знает, что бы ты сделал?

Эти слова задели истаравшанца до глубины души.

- Что значит, не наш? Я – отец, и мой сын мне дорог не меньше, чем вам.

- Может быть, - спокойно согласился Савелий.

- И что теперь?

- Мальчишка подрастёт, приведём сюда, посмотришь.

- Когда?

- Видно будет, - философски отозвался оленевод.

Ахмада словно жаром обдало. Он поднялся с нар, вплотную подошёл к Савелию.

- Интересно получается. Отец я или не отец? Я должен принимать участие в его воспитании?

- Отец, конечно... Должен... – слышалось ответное.

- Как называли ребёнка?

- Иннокентий, Кешка, однако.

- Я должен был дать ему имя, - возмущённо закричал истаравшанец. – Мой сын наполовину таджик, и у него должно быть таджикское имя.

Савелий обидно засмеялся.

- Где такое написано? Ты не у себя в Средней Азии. Ты тут один, нас много. Мы решаем, кем быть мальчику.

Савелий вышел на крыльцо, сел на ступеньку, раскурил трубку. Седое облако дыма отпугивало мошкар, клубившуюся над их головами.

Ненец смотрел на тайгу, стеной возвышавшуюся рядом с зимовьем, на голубое небо и длинные полосы облаков, начинавшие розоветь в лучах закатного солнца.

- Хорошо тут, - проговорил он задумчиво, - а в тундре лучше, простора больше.

Ахмад сел рядом с ним, ладонью разогнал табачный дым.

- Ты не уходи от разговора. Я хочу видеть сына.

- Увидишь когда-нибудь, - отозвался Савелий. – Ты не кипятись, а лучше подумай. Вот ты говоришь, хочешь воспитывать сына. Здесь? Чему ты его научишь? Зимовье чинить, грибы собирать? Ты один, как волк, и сына

таким сделаешь. Дети растут быстро, скоро в школу надо будет. Где тут школа? Сам учить будешь? Только чему?

Ахмад слушал, опустив голову. Хотелось возразить Савелию, но нужных доводов не находилось. Была правда в словах ненца.-

- Молчишь? – проговорил Савелий. – И хорошо делаешь. Слова, как табачный дым, подул ветер и унёс его.

- И что же будет? – глухо проговорил Ахмад.

- Я уже сказал, подрастёт мальчишка, приведём, посмотришь.

- Как же я теперь жить буду? – глубокая тоска прозвучала в словах истаравшанца.

Савелий сочувственно посмотрел на него.

- Как жил до этого, так и продолжай жить. Ты – мужчина, тебе раскисать не к чему.

Через два дня ненцы ушли, а Ахмад Расулов остался наедине со своими раздумьями. Ясно, что он многое взял от матери: и широкое лицо, и смуглость, и раскосые глаза. А что он взял от него, истаравшанского таджика? Даже имя и то чужое. Больно было от сознания всего этого Ахмаду. Какая-то половинчатость в его судьбе. Вырвался на свободу и приобрёл одиночество, полюбил Варвару и остался без неё, родился сын, но увидит ли он его когда-либо... Только тайга дана ему в собственность, вот уж кто не изменит и не оставит... и Ахмад горько усмехнулся, подумав это.

Он ждал прихода Варвары с ребёнком постоянно, ежедневно. Это превратилось у него в какое-то наваждение. Вот придёт ранней весной, нет, летом, а, может быть, осенью, чтобы зиму скоротать вместе с ним? Но проходили весна, лето, осень, и никаких вестей не было от его новой семьи. Так прошли пять вёсен, лет, осеней...

На этот раз Савелий пришёл один. Он заметно постарел, лицо его стало морщинистым, сгорбился, волоски на месте усов и бороды побелели.

- Сдал ты, Савелий, - покачал головой Ахмад.

- Да и ты не молодеешь, доктор, - отозвался в тон ему ненец.

Снова, как и пять лет назад, уселись на крыльце, снова Савелий раскурил трубку, отгоняя едким дымом надоедливую мошкарку. Как будто и не было этих прожитых лет...

- Ну а теперь ты мне что скажешь? – не выдержал истаравшанец.

Савелий помолчал, выдохнул клуб дыма, искоса посмотрел на своего зятя.

- Есть что сказать, - отозвался он. – Беда, брат, Варька умерла.

Ахмад подался к Савелию.

- Как? Когда?

- Год назад. Отбились олени от стада, она пошла в тундру искать их. Нашла, а там волки. Стала отгонять их от оленей, волки её и погрызли. Когда нашли, уже поздно было, истекла кровью. Думаю, даже ты не смог бы помочь ей.

Потрясённый Ахмад теребил пальцами рукав меховой кухлянки Савелия.

- Похоронили?

- Зачем? Мы своих мёртвых оставляем в тундре. Хищники съедают, и все их грехи забирают себе. Душа человека чистая уходит на небо.

- А сын? – Больно было слышать всё это и говорить Ахмаду.

- А что сын? Растёт. Уже второй класс закончил. Хорошо учится, толковый парень будет.

- Я хочу его видеть, - решительно сказал Ахмад.

- Зачем? – удивился Савелий. – Кому это нужно?

- Мне и ему. Он должен знать, кто его отец.

- Э-э, нет, - лицо пожилого ненца посуровело. – Давай, Ахмад, поговорим как мужчины. – Савелий редко называл зятя Ахмад, всё больше «доктор» или «отец». А тут назвал по имени, значит, разговор предстоял серьёзный. – Как раз, наоборот. Кешка не должен знать, кто его настоящий отец. Я усыновил его, он теперь мой ребёнок. И этого для него достаточно.

- Он - таджик наполовину, - напомнил истаравшанец.

- Это ты так думаешь, - спокойно отозвался Савелий. – А я думаю по-иному. Он был бы таджиком, если бы родился на твоей родине. Но он родился в тундре, он – ненец, и ничего другого он не должен знать. Он – сын другого народа, и будет жить так, как живу я, как жили все другие поколения до нас. Ты только мешать ему будешь.

Горячая волна злости ударила в голову Ахмада. Всё вокруг почему-то окрасилось в розовые тона. Он вскочил и замахал руками перед лицом пожилого ненца.

- Я пойду с тобой. Я найду сына. Я отберу его у вас, - Ахмад выкрикивал всё это, и не вникал в смысл произносимых слов.

Савелий усмехнулся.

- Куда пойдёшь? Где искать будешь?

- По имени найду, - запальчиво выкрикнул Ахмад.

Савелий рассмеялся.

- У нас каждый третий ненец – Иннокентий. А стойбищ в тундре сотни. Долго же тебе придётся искать. И потом ты забыл, что тебе нельзя появляться среди людей. Снова можешь поменять свой адрес.

Злость разом оставила Ахмада. Он снова сел на ступеньку, сгорбился, обхватил голову руками.

- Что же делать теперь?

Савелий положил ему руку на плечо, дружески привлёк к себе.

- Жить, Ахмад, продолжать жить. Раз ты не умер до сих пор, значит, для чего ты нужен этому миру. Вот и продолжай узнавать свою судьбу. Больше мы с тобой не увидимся, зачем расстраивать друг друга? Живи с сознанием, что ты оставил свой след на этой земле, выполнил своё предназначение. У тебя дети на родине, сын в Сибири. Разве плохо? Твой род продолжится, и так ли это важно – с твоим участием или без него?

Пожилой ненец говорил задумчиво, наверное, больше для себя, чем для сидевшего рядом истаравшанца, который на короткое время стал ему родным и с которым теперь они разойдутся навсегда. И как ни больно было Ахмаду, но он соглашался с Савелием. Простой оленевод не мог похвастаться высокой грамотностью, но он обладал житейской мудростью, в его речи была продуманная логика, и трудно было её опровергнуть чем-либо.

Ахмад прижал руку к груди, намереваясь унять сердечную боль. Сердце билось неровно, его удары походили на трепыхание птицы, попавшей в силки, и Ахмад впервые подумал, что прожил большую часть жизни, и кто знает – сколько лет, месяцев, а может дней осталось ему коротать в таёжной глуши? Странно обходилась с ним судьба, она дарила ему короткие вспышки радости на фоне однообразного существования. Это походило на дальнюю грозу, когда молнии прорезали толщу чёрных туч, на мгновение освещали окрестности, но тучи при этом оставались неуязвимыми и медленно надвигались на затихшую тайгу. И, наверное, нужно примириться с этим, у каждого своя судьба и глупо примерять на себя чью-то чужую.

- Ты прав, Савелий, - с усилием проговорил Ахмад. – Ты всё сделал правильно. Я не буду тебе мешать.

- Именно это я и хотел услышать от тебя, - согласился Савелий. – Ты разумный человек и ещё раз доказал это.

Они долго сидели на крыльце, касаясь друг друга плечами. Говорить больше было не о чем, но их молчание было выразительнее пространственных речей. Оба переживали чувство духовной близости, которая рождается после долгого выяснения отношений, когда на смену взаимным упрекам и обвинениям приходит понимание обоюдной правоты.

Незаметно наступила ночь, ясная и чистая, какая бывает только там, где небо не замутнено дымами и пылью. Большая круглая луна поднялась из-за гребня тайги и залила всё вокруг серебристым светом. Казалось, отчетливо различаются даже метёлки игл на высоких кедрах. Чёрные тени залегли у подножия таёжных великанов, словно за тем, чтобы подчеркнуть прозрачность лунной ночи. Ни ветерка, ни звука, природа замерла в величественном спокойствии.

- Хорошо как, - еле слышно проговорил пожилой ненец. – Вот так должно быть и в отношениях между людьми, чисто и ясно, безо лжи и обмана.

Ахмад молчал, погружённый в волшебное очарование лунной ночи. Да и о чём было говорить, самое важное сказано, а всё остальное уже не имело значения.

Савелий поднялся с крыльца.

- Пойду я спать. Завтра рано нужно идти к моим олешкам.

Утром, когда Ахмад проснулся, Савелия в зимовье уже не было.

Ахмад Расулов продолжал жить в глуши сибирской тайги. Он делал всё, что нужно было делать, чтобы успешно коротать долгие зимние месяцы, но делал это больше по привычке, без прежнего иступлённого желания уцелеть, во что бы то ни стало. К нему пришло понимание тщетности человеческих усилий, и он примирился с этим. «Делай, что должен, говорили древние, и будет, что будет». Ахмад Расулов не знал этой истины, но в точности следовал ей.

Он не позволял тоске и унынию совладать с собой. По-прежнему не запускал свой внешний вид, чинил одежду и содержал её в чистоте, из беличьих шкурок шил себе куртку и штаны. Они получались грубыми и жёсткими, но отвечали своему предназначению. Коротко подрезал усы и бороду, хотя волосы на голове отрасли и падали на плечи. Не любил смотреть на своё отражение в воде, он не узнавал этого человека, постаревшего и хмурого, на лице которого залегла сеть морщин, оставленных разочарованиями и бесконечным одиночеством. Больше он не искал себе

друзей среди живых существ, слишком дорого обходилась ему разлука с ними.

По-настоящему близкой стала Ахмаду Расулову тайга. Он сроднился с ней, стал её частью. За то время, что он прожил в её глуши, он пришёл к пониманию, что тайга – это не скопление деревьев и прочей поросли. Это гигантское живое существо со своими настроениями, привычками и жизненным укладом. И от того, как ты относишься к ней, зависит и её отношение к тебе. Тайга приняла Ахмада Расулова, делилась с ним своими богатствами в той мере, в какой это ему было нужно, и он довольствовался этим.

Он стал частью великой сибирской природы, и это в полной мере соответствовало его новому миропониманию. Его больше не тянуло к людям. Их суета и заботы стали ему чуждыми. Он пришёл к осознанию, что в жизни вообще есть высший смысл и нужно стремиться к его познанию.

Ахмад Расулов вспомнил Робинзона Крузо и усмехнулся этим воспоминаниям. Робинзон был и остался потребителем тех благ, которые давал ему богатый остров, без понимания великой сущности человеческого бытия. В его записках проглядывало тщеславие мелкого человека, которому нужно было, во что бы то ни стало утвердиться в собственных глазах и в глазах окружающих позднее его людей. Он объявил себя губернатором острова, распорядился Пятницей и попавшими туда моряками, всячески подчёркивал незаурядность своей личности. А всего этого не нужно было. Подлинное величие всегда просто по своей сути, а подвиг заключается не в количестве прожитых в одиночестве лет, а в их верном и философском осмыслении. Судьба решила испытать тебя. Ты выдержал её немилосердную проверку, и будь благодарен ей за это.

И Ахмад Расулов перестал уважать Робинзона Крузо.

Впрочем, он никому не навязывал своего мнения, может он и ошибался. Содержание книги о Робинзоне помнилось плохо, и рассуждения истаравшанца в большей степени относились к самому себе, нежели к литературному английскому отшельнику.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эту историю рассказал красноярский инженер Виктор Кураксин. Он жил в Таджикистане, закончил в Чкаловске Среднеазиатский политехникум, и его направили на работу в Красноярский край, на тогдашнее закрытое предприятие Красноярск – 26, а ныне город Железногорск. Трудно

приживался Виктор в суровом сибирском климате, а когда освоился, побродил по тайге, то лучше этого края и представить себе не мог.

Особенно увлёкся он охотой. Тайга влекла его к себе не столько богатой дичью, сколько своим величием, первозданностью и неповторимостью.

- Казалось, никто и ничто не может совладать с ней, - рассказывал Кураксин, - настолько она сильна и беспредельна, а, оказалось, человек смог. Открывались предприятия, один за другим создавались леспромхозы. Страна строилась, и много нужно было древесины. Тайга отступала, появлялись безлесные пустоши. Если прежде достаточно было на день-другой углубиться в тайгу и, пожалуйста, охотиться, то позднее уже и недели было мало. А дальше, больше. Уходили на десятки километров, и только белок видели, да и те пуганные. А серьёзная дичь укрылась в самой гуще тайги.

Ну что поделаться, как говорится, издержки прогресса.

Однажды, когда мы вот так толковали между собой, вертолётчик Николай Петров, отчаянный мужик, никаких чертей не боялся, взял и предложи нам: «А хотите, я вас в самое сердце тайги заброшу. Туда, где человеческая нога не ступала. На днях я лечу к геологам со снаряжением, сделаю крюк и вас высажу в глухомани. Побродите там с недельку, а потом заберу обратно. Зато такое увидите, кто ещё ничего подобного не видел.

- А сумеешь ли сесть? – спросил я.

- Отыщем какую-нибудь площадку, а нет, на тресе вас спущу.

Посоветовались мы и решили лететь втроём, я и мои приятели, Лёшка Удалов и Семён Панкратов, здоровенный парень, проходчиком работал в шахте.

Рано утром вылетели. Глухо ревел вертолётный двигатель, океанскими волнами колыхалась под нами тайга.

«Крюк» оказался немалый, летели часа три, чтобы достичь таёжного сердца.

- Странное дело, - прокричал вертолётчик сверху, выглянув из кабины. – На карте у меня ничего не отмечено, а внизу жильё. Вон дымок из трубы курится. Так деревьями обсажено, только сверху и заметишь.

- Тем лучше, - откликнулись мы. - Будет, где остановиться.

Сесть вертолёту было негде, и Петров опустил нас возле зимовья на тресе, а потом и наше снаряжение выгрузил, после чего поднялся вверх и улетел.

Небольшая бревенчатая изба была так плотно окружена частоколом из деревьев, что мимо пройдёшь и не догадаешься, что там чьё-то жильё. Только в одном месте были ворота, сколоченные из толстых потемневших досок.

Мы постучали в них.

- Хозяин! Есть кто живой?

Створка ворот отворилась, и мы замерли от удивления. Таёжный житель был уже не молод. Морщинистое лицо, короткие седые усы и борода, длинные волосы до плеч, тоже с обильной проседью. Одет причудливо. Полушубок из беличьих шкурок, весь обвешанный пушистыми хвостами, штаны и рубаха из плохо выделанной кожи.

- Не пригласишь к себе? – спросил я. – Мы – охотники, люди не злые, не обидим. Нам бы на ночь остановиться, а утром мы в тайгу уйдём.

- Заходите, - коротко отозвался хозяин и посторонился.

Двор был небольшой, но чистый. Само строение тоже содержалось в порядке, подгнившие брёвна заменены новыми, щели законопачены мхом, ставни на окнах добротные. И внутри в зимовье всё аккуратно прибрано, никакие вещи не разбросаны, каждая на своём месте.

- Молодец! – искренне похвалил я хозяина, - не у всякого горожанина так квартира содержится.

- Одному много ли надо, - отозвался тот. – Чистота в доме, чистота в душе, я так полагаю. Может, поесть хотите, чаю могу согреть? Только чай у меня на травах.

- Было бы неплохо, - согласились мы. – С дороги чай, хоть на лопухах, первое дело.

- Только особо угощать нечем, - отговорился хозяин.- У меня еда простая.

- У нас всё с собой.

Мы разложили на столе колбасу, хлеб, сыр, открыли пластмассовую коробку со сливочным маслом. Алексей расщедрился, выставил баночку с красной икрой.

- Пока так, - сказал я. – А к вечеру что-нибудь поосновательнее соорудим.

Мы пододвинули стол к нарам, с другой стороны поставили широкую скамью. Уселись, Семён Панкратов достал из рюкзака бутылку водки.

- Это вы сами, - отказался хозяин зимовья, - Не употребляю.

- Что так? – удивился Семён. – Русский человек, а от питья отворачиваешься. Может баптист или старовер?

- Ни то, и ни то, - чуть заметно улыбнулся хозяин. – Да и не русский, к тому же.

- А как зовут? – любопытствовал я.

- Ахмад.

- Постой, постой, - мне стало любопытно. – А ты, отец, не из Средней Азии?

- Из неё самой, - согласился Ахмад. – Из Таджикистана.

Я рассмеялся.

- Вот это случай! В самой таёжной глуши земляка встретил.

Теперь взволновался хозяин зимовья.

- А ты откуда?

- Из Ленинабада, там, рядом город Чкаловск есть.

- Не слышал, - признался Ахмад.

- Ну как же, знаменитый город. А ты давно в тайге?

Ахмад поразмыслил.

- Из Истаравшана я уехал в тридцать пятом году. А в тайге года с сорокового или чуть позднее.

- А ну тогда понятно, что не знаешь Чкаловска, его построили как раз после войны.

- Какой войны? – удивился старик.

- Так ты ничего не знаешь, что произошло с той поры?

- Откуда мне знать, - Ахмад вздохнул. – Людей я не видел, а таёжное зверье неразговорчивое.

За едой мы рассказали таёжнику и о войне с фашистами, и о смерти Сталина, и о том, что было дальше в стране, включая и нынешнее время.

Старик слушал, широко раскрыв глаза, а когда я стал рассказывать о Таджикистане, он прослезился, покачал головой.

- Вот это просветили вы меня.

- А как ты попал в тайгу?

Я ожидал ответного рассказа, а вместо этого Ахмад отделался короткой фразой.

- Так вышло.

Ел он осторожно, приглядывался к колбасе и сыру, подносил их к глазам.

- Да ты не бойся, - не выдержал Панкратов. – Не отравленное. Видишь, мы едим.

- А я и не боюсь, - отозвался таёжник. – Давно не видел этих продуктов, даже забыл, как они называются.

Мы подсчитали.

- Отец, да ты в тайге, почитай, тридцать пять лет. И всё время один?

- Один, - согласился Ахмад. – Староверы меня поддерживают до сих пор. Продовольствие приносят, из вещей кое-что, но сами на глаза не показываются и не общаются со мной. Иноверец я для них. С ненцами одно время встречался, а потом разошлись мы.

- Что так?

- Долгий рассказ, - опять уклонился старик.

- А знаешь, что тебе уже больше восьмидесяти лет? – спросил я.

- Откуда мне знать? Я давно счёт времени потерял.

Мы во все глаза смотрели на удивительного таёжника.

- Ну, батя, ты дал, - Лёшка Удалов восхищённо покрутил головой. – Ты знаешь, ты перекрыл Робинзона Крузо? Слышал о таком?

- Читал когда-то, - отозвался старик. – Ещё в детстве.

- Так вот, - продолжал Лёшка. – Робинзон прожил на необитаемом острове двадцать восемь лет, а ты в необитаемой тайге – тридцать пять.

Ахмад едва заметно улыбнулся.

- Ну, как он жил, и как я! Мои таёжные годы один за два считать можно.

Мы хотели уйти в тайгу на следующее утро, но решили задержаться на день. Уж очень любопытен был нам этот сибирский Робинзон. Рассказывали мы ему, что страна уже не та, нет прежнего произвола, больше справедливости.

Старик слушал нас и напряжённо размышлял, а ещё через день оттаял.

- Растревожили вы мою душу, - признался он. – Слушайте, что со мной было.

И под вечерний чай Ахмад поведал нам свою историю. Мы верили, и не верили.

- Неужели так может быть? – удивился Удалов. – Ни за что, ни про что записали человека в бандиты, приговорили к вышке, и хлопнули бы, наверное, если бы не убежал.

- Было, - вздохнул старик.

Я постарался ободрить таежника.

- Так теперь тебе нечего бояться. В твоём деле, наверняка, разобрались, да и амнистий с той поры сколько было. Ты теперь свободный человек, можешь идти и ехать, куда хочешь.

- Как знать, - усомнился Ахмад. Было видно, что не особенно верил он нашим утверждениям.

Понемногу он раскрывался перед нами. То об одном эпизоде рассказывал, то о другом, и так, по частям мы узнавали все его таёжные приключения, включая и историю о сыне-ненце.

- Может помочь тебе отыскать его, - предложил я.

Ахмад не согласился.

- Не нужно это. Парню уж, наверно, к сорока годам. Какой я ему отец? Растили и учили его другие.

В тайге уже царила осень. Величественная стояла она в золотистом уборе. Самая охота, а мы забыли о ней, настолько захватила нас встреча с таёжным Робинзоном. Мы переживали за него, сетовали на допущенную несправедливость, а старик оставался спокоен.

- Как же ты выстоял против тайги? – удивился я.

Старик дружески коснулся моего плеча.

- Секрет простой. Есть такие предания о жизни пророка Мухаммеда (да будет его имя благословенно в веках!) и его сподвижниках, хадисы называются. В одном из них повествуется: Повелитель правоверных сказал: «Счастлив тот, кто не ждёт многого от жизни и старается плодотворно использовать отведённый ему срок». Именно так я и жил. А если ещё проще: я старался соразмерять свои желания с имеющимися возможностями.

- Так, значит, ты стал в тайге религиозным человеком? – спросил я.

Ахмад поправил меня.

- Верующим, это будет точнее. Понимаешь, вера живёт в душе каждого человека. Иной не даёт ей ходу, как бы подгоняет свои убеждения под существующую идеологию. Но рано или поздно, вера, как семена на пашне, прорастает зелёными всходами. Это неизбежно. Любому человеку нужна нравственная опора, особенно, если попадаешь в сложные жизненные обстоятельства.

- Понятно, - согласился я. – И ты стал мусульманином?

Ахмад поразмыслил.

- Скорее, приверженцем общей веры. Я считаю, что деление на отдельные религии – это скорее условность. В основном, все верят в Единого Бога, исповедуют общие нравственные принципы, и так ли важно, кто ты: мусульманин, христианин или иудей? Прежде всего, ты должен быть душевно чистым человеком. Потому я исповедую общую веру. Сам я таджик, обращаюсь к Богу по-русски, и произношу не заученные молитвы, а делюсь с ним тем, что накопилось в сердце. Прошу о благополучии родных и близких, себе же немного. Только, чтобы помог мне выстоять и прожить здоровым столько, сколько он сочтёт нужным.

Признаться, я с удивлением слушал новоявленного философа. Сколько мне приходилось читать о таких вот вынужденных отшельниках! Многие опускались нравственно и физически, дичали, а Ахмад Расулов, напротив, поднялся на высокую ступень духовной зрелости.

- Ахмад-бобо, ты меня поразил, - сказал я искренне.

Он не согласился со мной.

- Ничего необычного. Если бы ты прожил тут столько же, сколько и я, ты бы понял, что в тайге нужно быть именно приверженцем общей религии. Тайга – это не смешение сосен, елей, кедров, лиственниц, кустарников и прочее, это зелёный Храм, величественный, сотворённый всемогущим Единым Богом. И в него нужно входить с чистыми помыслами, без хищных устремлений, не относя себя к какой-то одной из религий. Ведь объявлять себя в этом Храме, скажем, христианином – это значит, в чём-то считать себя лучше других верующих, требовать к себе особого отношения, а это будет неверно. Тут мы все одинаковые, и нужно понимать и принимать это.

Я так думаю.

Я слушал Ахмада Расулова с открытым ртом. Сам бы я никогда не додумался до такого религиозного толкования. Наверное, в этом тоже проявилось влияние многолетнего одиночества, когда подсознательная тяга к людскому обществу вылилась в форму таких вот откровений.

- А как же хадисы? – полюбопытствовал я. – Ведь это из исламской религии. Значит, мусульманского в тебе больше?

- Может и так, - согласился он. – Но я не считаю это преимущественным.

Мои товарищи с большим вниманием слушали таёжного отшельника. Для них его речи были подлинным откровением.

- Ты здесь живёшь один, - размышлял я вслух.- В жизни каждого человека бывает последний час. И, наверное, не всё равно: встретишь ты его сам по себе, или в окружении родственников и близких тебе людей?

Старик не согласился со мной.

- Звери мудрее людей. Они не клеветают друг на друга, не гонятся за должностями, не занимаются накоплением благ. Они довольствуются тем, что удалось добыть. Главное, чтобы был сыт. А ты посмотри, как они умирают? Они не превращают смерть и похороны в спектакль. Почувствовали, что пришёл конец их земному существованию, забиваются в укромное место в тайге, там расстаются с жизнью. Так и человек; он и кончина должны встречаться наедине. Это касается только их двоих, его самого и смерти.

Я уже решил для себя: когда придёт мой смертный час, так же, как звери, уползу в тайгу, и там испущу последний вздох. Это если хватит сил. Ну, а если нет, что ж, пусть это зимовье будет моим последним пристанищем, хорошо бы поджечь его и сгореть вместе с ним.

- А вот это зря, - не согласился Лёшка.- Зимовье в своё время приютило тебя, ты из развалюхи вон какое жилище сделал, так пусть оно и другому какому отшельнику послужит. Похоронит он тебя вон под той громадной лиственницей и будет жить, поминая тебя добрым словом. Разве плохо?

- Не плохо, - признался Ахмад Расулов. – Память о добре, она подчас долговечнее иного каменного памятника бывает.

Признаться, мне не очень хотелось вести разговоры о смерти в присутствии старого человека. Для нас, тридцатилетних, рассуждения о ней, вроде философского мудрствования, а когда человеку за восемьдесят, тут совсем иное дело. Это уже конкретная тема. Как бы ни огорчить старика такой беседой! Но Ахмад Расулов так спокойно излагал свои взгляды о жизни и смерти, что я успокоился, но всё же попытался перевести разговор на другую тему.

Я подыскивал её, и меня осенило.

Ахмад по-русски говорил правильно, свободно выражал свои мысли, только медленно, подбирая каждое слово. Оно и понятно за долгие таёжные годы мало приходилось ему разговаривать с людьми.

- А родной язык помнишь? – спросил я.

- Не знаю, - честно признался старик. – Вот если бы потолковать с земляком, тогда бы я сказал точно – помню или нет?

Я на память привёл ему несколько простых предложений на таджикском языке.

Ахмад снова прослезился и ответил мне длинной фразой, которую я, конечно же, не понял. Тогда он перевёл мне её: «Это слова поэта Камола Худжанди. Если ты потерял богатство, ты не потерял ничего. Если же лишился родины, то ты лишился всего». Верно, сказал мой великий земляк!»

Где-то на третий день меня осенило. За ужином я предложил: - Слушай, Ахмад. А давай мы поможем тебе вернуться домой. Поедешь с нами в Красноярск. Там мы поместим тебя в гостинице, к сожалению, наш город режимный, посторонних не пускают. Мы свяжемся с руководством города, изложим твою историю, думаю, нас поймут и пойдут нам навстречу. Выдадут тебе документы, соберём деньги на дорогу. У нас во всех городах друзья. Позвоним, встретят тебя в Новосибирске, потом в Ташкенте, потом в Ленинабаде, а там до твоего дома рукой подать. Представляешь, какая радость будет для твоих родных снова увидеть тебя?

- А что, идея! – согласились мои друзья. – Давай Ахмад Робинзонович, решайся.

Старик словно окаменел. Он молчал и не отвечал на наши вопросы, ни на наши шутки.

- Утром я вам отвечу, - сказал он.

Мы легли спать, а он так и просидел на крыльце всю ночь.

Тайга еле шумела под лёгким ветром, звёзды помаргивали и совершали свой круговорот по тёмному бархату неба, и Ахмад словно советовался с ними.

Утром я бросился к нему. Я ожидал чего угодно: слов благодарности, просьбы чуточку помедлить, дать возможность собраться с мыслями и вещами, хотя какие у него вещи, но только не того, что последовало.

- Спасибо тебе, Виктор, - заговорил Ахмад. – Вряд ли кто мог предложить большее. Душевный ты человек, ценю я это. Но я должен ответить отказом. Нет!

Я и мои приятели буквально остолбенели.

- Так ты не хочешь? – изумился я.

- Зачем, не хочу? – ответил старик вопросом на вопрос. – Это будет не верно. Точнее, не могу.

- Но почему, в чём дело?

Ахмад отрешённо смотрел на буро-золотистую тайгу. Она словно распрямилась под его взглядом. Кедр, сосны и лиственницы замерли перед ним, напоминая солдат на полковом смотре. Ели и пихты сошлись теснее и образовали тёмно-зелёную шеренгу, сквозь которую не поникал взгляд таёжного отшельника.

- Я скажу, - Ахмад был серьёзен и чуточку печален. – Я не хочу обкрадывать своих родственников.

Мы непонимающе глядели на него.

Старик пояснил.

- Я уехал из дома зрелым мужчиной, полным сил. Это то, что я увёз от них. Теперь привезу им старость и скорые болезни. Справедливо ли это? Полагаю, что нет. Это, во-первых. Во-вторых, я ничего не сделал, чтобы поставить детей на ноги, обустроить им жильё, женить и выдать замуж. А они будут обязаны кормить меня, мириться с моей дряхлостью и бессилием. Опять-таки, не справедливо.

- Но ты ещё не дряхлый? – не выдержал я.

Ахмад усмехнулся.

- За этим дело не станет. Дряхлость – скорый спутник старости. Я буду своим детям в тягость. Возможно, они не упрекнут меня в этом, но я-то буду знать. За что же их наказывать таким образом?

Старик помолчал, глядя на тайгу.

- Но и это ещё не всё, есть и, в-третьих. Почти сорок лет я прожил в этом крае. Я стал частью этого мира, приспособился к его климату, его условиям. И если теперь я вернусь в жаркую Азию, я долго не протяну. Помните, что бывает со стеклянной посудой, если в неё сразу налить кипятка. А я хочу ещё пожить. Есть силы, есть воля к жизни, зачем же преждевременно расставаться с нею?

Теперь молчали мы, поражённые странной логикой истаравшанца. И в то же время осознавали его правоту. Иные старики, напротив, стремятся к детям, чтобы опереться на них. А иные, вот, как Ахмад Расулов, тянут до последнего, не желая никого обременять своей немощью. И то верно, и это. И каждый решает сам это для себя. Каждый волен распорядиться своей судьбой в зависимости от своего разума.

- Дед, это ты твёрдо решил? – спросил Семён Панкратов.

Ахмад утвердительно кивнул.

- И не будешь потом жалеть о своём решении?

- Может, и буду, но оно правильное.

- Пусть так, - согласился я со стариком. – Скажи тогда, что мы можем сделать для тебя?

Ахмад чуточку поразмыслил.

- Мне нужно мыло. Трудно без него обходиться. Летом я моюсь вон там, в водоёме. Вода там тёплая и по берегам ил. Он хорошо мылится. Зимой же приходится купаться тут, в зимнике, а без мыла ни постирать, ни самого содержать в чистоте.

Мы заулыбались.

- С этим поможем, отдадим всё, что есть.

- И другое, - продолжал старик. – Бороду и усы я сам укорачиваю, а вот волосы на голове не могу. Одно мученье с ними, видите, на плечах лежат.

- Это не вопрос, - успокоил я старика. – Дело в том, что вот он, - я указал на Лёшку Удалова, - директор нашего городского Дома Культуры. И он же руководит народным театром. Это значит, он – режиссёр, гримёр, парикмахер, и многое другое.

Алексей не стал медлить.

- Прошу, маэстро, - указал на лавку. – Сейчас обслужим в лучшем виде. Ножниц у меня нет, но это не важно.

Он извлёк из ножен охотничий нож, попробовал его остроту пальцем, одобрительно прищёлкнул языком.

Через полчаса Ахмад преобразился. Короткая причёска, аккуратные усы и борода так омолодили его, что мы поняли: он в тайге ещё не один год протянет.

- Да, тебя, отец, женить можно, - пошутил Семён. Ахмад подхватил его шутку.

- Было бы на ком, и минуты бы не раздумывал. Разве что к волчице посвататься?

Посмеялись.

- Давайте сделаем так, - предложил я. – Охоты и верно у нас не получилось, но лично я не жалею об этом. Увидели и узнали мы много необычного. Потому оставим тебе, Ахмад-бобо, съестные припасы, тёплую одежду...

Старик сделал рукой такой жест, словно отказывался от моего предложения.

- Не спорить, - грозно произнёс я. – Я старший в группе, моё решение обязательное.

Ахмад Расулов растрогался, даже глаза повлажнели.

- Если так, - сказал он прочувствованно, - мне ни о чём больше заботиться не надо.

Теперь я жестом остановил старика.

- Ну и прекрасно. Это от нашей группы, а от себя лично... – Я снял с гвоздя своё ружьё и протянул Ахмаду, дарю вот это оружие. Прекрасное ружьё, центрального боя, немецкое, марки «Зауэр, два кольца».

Волнение перехватило горло истаравшанцу.

- Такой подарок, я не могу...

- Зато я могу, - успокоил я старика. – Моя зарплата выдержит такие расходы.

Взволнованный Ахмад прижал руку к сердцу.

- У нас говорят: гость – подарок Аллаха. Вы не только подарок, вы его посланники.

К ружью я приложил патроны, коробки с порохом, дробью и капсюлями.

- Тебе этого, Ахмад Робинзонович, надолго хватит, - прокомментировал Лёшка Удалов.

Семён Панкратов явно почувствовал себя обделённым. Все одарили таёжника, а он остался в стороне. Продукты и вещи не считаются.

- Братцы, у меня идея, - пробасил он. – Давайте построим деду баню. Я посмотрел, брёвна есть, доски тоже, фундамент сложим из булыжников. Вместо цемента глина пойдёт, она вязкая. Чудо банька получится, будет, чем ему вспомнить нас.

Баню мы строили три дня, работали от темна и до темна. Ахмад не сидел в стороне. Мало того, что у него руки были умелые, так он ещё оказался толковым прорабом.

Банька, конечно, получилась неказистая, стоит принять во внимание сроки её сооружения и материалы, но полностью соответствовала своему назначению. Небольшой предбанник, полки, чтобы париться, камни над

очагом для пара. Ничего не могли придумать с окном, нечем было стеклить, даже бычьего пузыря не нашлось. Решили обойтись без окна.

- Зажжёшь в предбаннике жирник, ещё лучше будет, - решил Семён. – Всё, что надо и с ним увидишь.

А потом сдали баню в эксплуатацию. Натопили её так, что с брёвен смола потекла, раскалённые камни, облитые водой, дали крепчайший пар, вместо дубового веника использовали ветки пихты. Шёл от него густой запах хвойного масла, и это тоже прибавляло удовольствия.

Отмытый добела, раскрасневшийся Ахмад, одетый во всё чистое, долго, с наслаждением пил чай.

- Словно в раю побывал, - признался он.

Старик прихлёбывал чай, а сам всё поглядывал на ружьё, висевшее над нарами.

- Вижу, угодили тебе этой штукой, - засмеялся Семён. – Как с молодой жены, глаз не сводишь.

- И то верно, - признался Ахмад. – Не поверите, столько лет охотился с луком. Сделал его из корня сосны, а наконечники стрел мастерил из костей. Хороший лук получился, верно служил.

- Добывал дичь? – поинтересовался Лёшка.

- Зайцев стрелял, белок с деревьев сшибал. До того наловчился, белке в глаз стрелой попадал, чтобы шкурку не портить.

В голосе истаравшанца прозвучало явное бахвальство. Он встал и вытащил из-под нар большой, тяжёлый лук и колчан со стрелами.

Мы с интересом рассматривали это грозное оружие.

Попробовали натянуть его, нам с Лёшкой это не удалось, здоровяк Семён сделал это с трудом, Ахмад же натянул тетиву без видимого усилия.

И мы отдали должное его здоровью и физической крепости.

Неделя подошла к концу. На восьмой день прилетел вертолёт. Оглушительно грохоча двигателем, вздымая в воздух хвою и листья, завис над зимовьем. На землю упал трос с карабином на конце.

- Не жалеешь, что нарушили твоё уединение? – спросил я Ахмада Расулова напоследок.

- Как ты можешь... – покачал он головой. – Вы просто осчастливили меня. А вообще-то я знал, что скоро тут люди появятся. Такие вот шайтаньи

машины стали летать над тайгой. Ну, думаю, скоро заметят моё зимовье и обязательно любопытствуют, кто это там прижился.

Мы обнялись со стариком напоследок, и мотор втянул нас на тресе в кабину винтокрылой машины. Пилот озадаченно посмотрел на наши тощие рюкзаки.

- Вот тебе и таёжная глушь. Неужели ничего стоящего не нашли?

Мы засмеялись.

- Ошибаешься, брат, такую диковину отыскали, раз в жизни бывает.

Вертолёт поднимался вверх, могучие кедры остались внизу. Мы видели фигуру Ахмада Расулова, который прислонил ладонь ко лбу, и следил за нами. Он становился всё меньше, а потом массив осенней тайги поглотил его.

С той поры прошло много лет. Мы часто вспоминали таёжного Робинзона. Хотелось бы повидать его ещё раз, да всё не выкраивалось время. Работали посменно, учились в институтах заочно, росли в должностях, и дети прибавляли забот. И вертолёты в те края уже не летали. А так хотелось узнать, как же дальше сложилась судьба истаравшанца Ахмада Расулова.

И твёрдо верилось: если пришлось ему окончить свои дни в тайге, то сделал он это достойно. Ибо кто мужественно и цельно прожил свою жизнь, не пасовал перед её сложностями, тот и завершить её сумеет по-мужски. Тайга приняла его и помогла выстоять, и кто лучше тайги мог проводить его в последний путь...

Эту историю красноярский инженер Виктор Кураксин рассказал мне, спустя двадцать лет после встречи с Ахмадом Расуловым в тайге, когда приехал в Чкаловск на похороны своей матери. Вернувшись домой, в Красноярск, после несостоявшейся охоты, он с головой окунулся в текущие дела, и, конечно же, всё реже вспоминал удивительную историю истаравшанского беглеца из сталинского лагеря в Сибири. Напрягая память, он припомнил имя, вроде бы – Ахмад.

- А из какого города или района?

- По-моему, он сказал из Ура-Тюбе, нынешнего Истаравшана. А может, другой какой город...

Но мне, с моим писательским воображением, этого было вполне достаточно. Ибо только человек со стойким истаравшанским характером был способен пережить невероятные приключения и не сломаться, приспособиться к существованию в тайге и сделать её свое судьбой.

Авторский комментарий

Говорят, когда писатель перестаёт быть любознательным, он кончается как писатель. Не знаем, может это действительно так, но пока что мне любознательность не изменяла, а, значит, тяга к творчеству осталась преобладающей. История таджика Ахмада Расулова, который был несправедливо обвинён в соучастии в ограблении Сбербанка в Москве, затем осуждён, отбывал срок в одном из сибирских лагерей, бежал из заключения и тридцать пять лет прожил в полном одиночестве в таёжной глуши, показалась настолько интересной, что рука невольно потянулась к перу. Итогом этой тяги стал приключенческий роман «Таёжный Робинзон».

Почему Робинзон, может спросить дотошный читатель. Объяснение вполне очевидно. Кому не известна история английского матроса Робинзона Крузо, ставшего героем замечательного произведения Даниэла Дефо? Эта книга получила всемирную известность, но многие ли знают, что в действительности Робинзон Крузо не существовал. Он целиком придуманная личность, как и остров, на котором Робинзон прожил двадцать восемь лет, и все его тамошние приключения. В основу произведения Даниэла Дефо была положена биография шотландского матроса Александра Селькирка, корабль которого потерпел крушение, а сам Селькирк оказался на необитаемом острове, но со значительно меньшим сроком.

Мой герой, колхозный плотник Ахмад Расулов существовал в действительности. И его приключения несравнимы с теми, которые пережил легендарный Робинзон. Ахмад попал в сложный переплёт политических процессов 30-х годов, будучи ни в чём не виновен. Он был удобен в борьбе Сталина со своими политическими противниками, и потому из него сделали матерого преступника и возможного «врага народа».

Ахмад Расулов бежал из заключения в глухую тайгу, но не погиб, сумел выжить, поскольку был волевым человеком и великим тружеником. Всё, что ему было нужно, он добывал сам и делал своими руками.

Робинзон Крузо жил на необитаемом острове в идеальных условиях. Вечное лето, обилие дичи и плодов. Возле острова постоянно оказывались разбитые корабли, на которых в полной мере было всё, включая и золото, которое он собирал, надеясь на благополучный исход. И он состоялся, и Робинзон вернулся домой богатым человеком. Спрашивается, чего ещё можно желать и большой ли это подвиг – выжить в условиях подлинного благоденствия?

Приключенческий роман «Таёжный Робинзон» - это своеобразная полемика с произведением Даниэла Дефо. Сумел ли бы английский матрос прожить в довольстве в таёжной глуши, где восемь месяцев в году царит

суровая зима, и куда не заплывают никакие корабли? За короткое лето нужно создать себе необходимый запас топлива, продовольствия, привести в порядок полуразвалившееся жильё охотников-промысловиков, и при этом не пасть духом, а, напротив, окрепнуть и приспособиться к суровым условиям Сибири.

Робинзон Крузо статичен. Его характер не изменился на протяжении двадцати восьми лет, более того, появилось самодовольство. Он объявил себя губернатором острова, когда на нём появились люди, диктовал им свои условия и определял их судьбы. Он покинул остров ещё не старым человеком, вкусив все возможные блага и почести.

Мой герой – Ахмад Расулов полная противоположность Робинзону. Жизнь в одиночестве побуждала его не только действовать, но и мыслить, и он превратился в незаурядного философа. Он не одичал, не опустил, он поднялся над обстоятельствами и своим примером доказал, что цельному и волевому человеку по плечу любые трудности.

Охотники обнаружили Ахмада Расулова, когда ему было уже более восьмидесяти лет. Он поразил их своей незаурядностью, чёткой логикой мышления и поступков, и тем, что не пытался противостоять величественной тайге, а воспринимал её как гигантский живой организм и стал её составной частью. Это был единственный путь, позволявший выжить в тяжелейших условиях, и «Таёжный Робинзон» Ахмад Расулов сумел отыскать его.

Охотники предложили Ахмаду свою помощь. Они намеревались вернуть его в родной Таджикистан, к близким и друзьям, а он отказался. «Я увёз и дома физическую крепость и здоровье, - сказал он, - а верну старческую немощь и скорую кончину. Равноценно ли это? По-моему, нет. Пусть родные помнят меня таким, каким я уехал от них. Это будет справедливо. И потом я не могу предать тайгу. Она приняла меня, помогла выстоять, и с ней я останусь до конца».

Охотники оставили «Таежному Робинзону» всё, что имели: продовольствие, тёплую одежду, ружьё и припасы к нему, и улетели на вертолёте. Позднее собирались ещё раз проведать одинокого таёжника, но не получилось. Жизнь не всегда согласуется с нашими намерениями.

Дальнейшая судьба Ахмада Расулова неизвестна и не дописана. И, наверное, это правильно. Остаётся простор для творческого воображения читателя. Он волен придумать любую концовку сочинённого романа, и, таким образом, становится соучастником тех приключений, которые пережил «Таёжный Робинзон», и тех дополнений, которые, в силу необходимости, внесли создатели этой книги в биографию своего героя.

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

ПОВЕСТЬ

Здание Душанбинского управления внутренних дел производило солидное впечатление. Его недавно отремонтировали, выкрасили в розовый цвет, и оно замечалось издали. Здание нависало над площадью, украшенной цветниками, среди которых высились валуны, привезённые откуда-то с гор. Такая теперь была мода: соединять город с дикой природой. Не везде массивные камни грубой формы приходились к месту, а тут смотрелись. Они как бы подчёркивали монументальность столичного УВД и давали понять, что это не простое учреждение, а то самое, в котором определяются людские судьбы.

Джамолиддин Солиев замедлил шаги и остановился. Ему было нужно именно сюда, и именно к начальнику Управления, о котором говорили как о справедливом человеке. Но один вид здания на просторной площади внушал неуверенность, конечно, если ты знал, какая организация в нём находится. Джамолиддин знал и потому замер в нерешительности. Как пройдёшь внутрь и тем более доберёшься до начальника? Ясное дело, у него есть занятия поважнее, чем выслушивать какого-то душанбинского мардикора. «Может лучше пойти домой? – мелькнула мысль. – Зачем самому себе надевать верёвку на шею?» За все свои пятьдесят с лишним лет простой рабочий человек Джамолиддин Солиев старался реже иметь дело с милицией, а тут решил прийти с повинной. Никто ведь не знает о совершённом преступлении. Полгода прошло, можно надеяться, что и дальше так будет. Спи, как говорится, спокойно. Но в том-то и дело, что спокойно не спалось. По ночам Джамолиддин Солиев видел лицо убитого им человека, вытаращенные глаза, руки, вцепившиеся в борт грузовика, видел, как тот ударился об ледяную дорогу и замер на ней в неподвижности. Джамолиддин вставал с постели, забрасывал под язык щепотку носа и долго сидел во дворе, глядя на равнодушно мерцающие звёзды. Жена беспокоилась, спрашивала, что с ним. Он отговаривался, что сердце, мол, щемит, должно быть переработал зимой. Весна всегда обостряет недуги. И это понятно: неустойчивая погода, атмосферное давление так и скачет...

Если бы Джамолиддин был пограмотнее и поначитаннее, он сразу бы установил диагноз своему необычному состоянию и понял: его мучила совесть. А так, как человек верующий и честный, он полагал, что каждый должен отвечать за свои поступки, а за тяжкие, тем более. Скроешь их на этом свете, на том воздастся в десять раз больше. И Джамолиддин выбрал: он решил явиться в милицию с повинной.

К его великому удивлению, попасть на приём к начальнику УВД оказалось несложно. Как только Джамолиддин объяснил цель своего визита дежурному капитану, тот как-то странно посмотрел на него, пожал плечами и

выписал пропуск. Дежурного в милицейской форме можно было понять – заканчивалось суточное дежурство, полное различных происшествий. Волнами накатывала усталость, неодолимо хотелось спать, а тут какой-то чужак пришёл сознаваться в преступлении. До сих пор в служебной биографии капитана милиции такого не случалось. Приходилось ловить злоумышленников, доказывать им, что именно они украли, напали на прохожего и ограбили его, проникли в чью-то квартиру... Но чтобы добровольно сознавались, хотя на них и тени подозрений не падало, о таком капитан как-то не слыхивал...

Дежурный протянул пропуск странному посетителю и ткнул пальцем в сторону лестницы, давая понять, что нужно идти в ту сторону. И Джамолиддин пошёл.

Начальник Управления был известен не только как хороший руководитель столичной милиции, как крепкий оперативник, но и как любитель разгадывать всякие психологические ребусы; разберётся быстрее усталого и невыспавшегося дежурного.

И вот Джамолиддин Солиев сидел напротив начальника столичного УВД, генерал-лейтенанта Изатулло Шарипова и во все глаза разглядывал его. Джамолиддин слышал о главном милиционере города много удивительного. Жил Джамолиддин на окраине города, на границе с Кофарнихонским районом. Там действовало немало преступных группировок в смутное для республики время, забредали они и во двор Джамолиддина, били, вымогали деньги, забирали одежду и продукты, один раз увели корову... Обросшие волосами, в грязной камуфляжной форме, с автоматами и гранатомётами, они производили устрашающее впечатление, и не верилось, что кто-то может положить конец их преступным деяниям. А вот этот начальник, спокойный, внимательный, в отлично сидящем на нём светло-сером костюме, не только свёл на нет бандитские шайки, но и многих из них упрятал за решётку. И появилась возможность спокойно жить самому Джамолиддину, и не бояться за семью и детей, за нажитое имущество.

Говорили, что генерал сам принимал участие в задержании особо опасных преступников, в него стреляли, ему угрожали, но он никогда не прятался за спины своих подчинённых. И Джамолиддин с удивлением смотрел на крепкого, лысоватого мужчину, с аккуратно подстриженной щёткой усов и внимательным взглядом. Он ожидал, что генерал будет кричать на него, стучать по столу кулаком, обзывать убийцей, а то сразу прикажет посадить в тюрьму. Но ничего подобного не было. Изатулло Шарипов спокойно выслушал его, задавал уточняющие вопросы и не торопился помещать Джамолиддина в камеру с уголовниками.

Генерал-лейтенант внутренней службы Изатулло Шарипов действительно был неплохим психологом. За его плечами были десятки лет службы в правоохранительных органах, и он повидал и узнал многое. Да,

приходили и признавались в преступлениях. Иногда это были матёрые бандиты, на счету которых числились убийства или грабежи, и чтобы выпасть из поля зрения милиции, они совершали незначительный проступок и сознавались в нём. Их судили, давали небольшой срок, а главные преступления оставались нераскрытыми. Или в период гражданской войны в республике у людей не выдерживала психика. Они брали на себя несовершеннолетние дела с тем, чтобы их поместили в колонию. Они полагали, что там им будет спокойнее, и они будут недосыгаемы для насильников или грабителей. Человеческая психика способна и не на такие чудеса.

Но человек, сидевший в кабинете начальника городского УВД, не походил ни на закоренелого преступника, ни на человека с повреждённой психикой. Джамолиддину Солиеву было далеко за пятьдесят лет, среднего роста, с узкими, покатыми плечами и длинной жилистой шеей. Волосы кажутся серыми из-за обильной проседи, глаза большие, крупный нос. Подбородок слегка скошен, отчего кажется, что на лице Солиева застыло удивлённое выражение. Он не прятал взгляда, смотрел прямо, хотя и встревожено. На вопросы отвечал сразу, не путался, не юлил, не пытался оправдать себя. И генерал поверил ему, потому что привык доверять своей интуиции, и она ни разу не подвела его. Нет, человек, сидевший в его кабинете, говорил правду. Впервые оказавшись в затруднительной ситуации, он не знал, как ему быть: потревоженная совесть не давала покоя, а в таких случаях ищут человека, который мог бы понять, посочувствовать, снять с души хотя бы часть тяжкого груза. Именно это привело Джамолиддина Солиева в городское Управление внутренних дел, и именно к Изатулло Шарипову, до сих пор не запятнавшему себя ни одним бесчестным поступком или непродуманным решением. Авторитет руководителя высокого ранга похож на белоснежную одежду, достаточно одного небольшого пятна, и всё равно оно будет заметно издалека, а одежда безнадежно испорчена.

Джамолиддин не понимал, почему генерал задаёт ему вопросы вроде бы не по существу дела? Какое у него образование? Кто он по специальности? Какая семья, сколько детей? За счёт чего содержит большую семью?

Ну, закончил восемь классов и сразу пошёл работать. Отец был против, хотел, чтобы у сына была бы хоть десятилетка, но Джамолиддин настоял на своём. Здоровье у отца неважное, и старший сын обязан помогать содержать семью, а не болтаться по городу с друзьями. Специальность? Тут Джамолиддин затруднился с ответом, потому что не было такого дела, какого бы он не умел. Он и каменщик, и плотник, и мастер-отделочник, и сельское хозяйство знакомо ему, как собственная ладонь. Семья большая: жена, пятеро детей, сестра живёт с ним, муж бросил её, и тоже троих детей имеет. За счёт чего живут? Двое сыновей Джамолиддина работают в России, присылают деньги; сам он тоже пять лет трудился в Подмоскowie и, грех жаловаться, приезжал не с пустыми карманами. Кроме того, у них большое хозяйство,

двадцать соток земли, три коровы, бараны, домашняя птица, сад, огород. Но Джамолиддин не ограничился этим и продлил свой участок до самой речки Кафирниган. Там была бросовая земля, покрытая камнями. Весной её заливала вода. Джамолиддин с сыновьями очистил землю от камней, из них сложили дамбу, и получился целый гектар дополнительной площади. Теперь мужчины на заработках в России, а женщины и дети трудятся на собственном подворье. Живут неплохо, так бы и дальше. Вот только не повезло главе семейства в Якутии...

Генерал Шарипов задавал праздные вопросы, как казалось Джамолиддину, не случайно. Для него было важно составить психологический портрет пришедшего к нему человека, а для этого нужно было выявить разнородные грани его натуры. Тем более, что человек пришёл не с жалобой, скажем, на соседей, а с заявлением на самого себя. И где-то через час беседы многое в характере Джамолиддина Солиева стало для начальника Управления ясным и понятным. Честный человек, привыкший во всём полагаться на себя, живший до сих пор, как говорится, в ладах с собственной совестью. Но вот произошёл сбой в жизни...

- Ну что ж, всё ясно, - подвёл итог беседе генерал-лейтенант. – Сделаем так: сейчас пойдёте в дежурную часть и там всё, что вы мне рассказали, изложите на бумаге. Заявление напишете на моё имя, подробное и обстоятельное. Мы сделаем запрос в Якутию и будем ждать ответа.

- Я напишу заявление, и вы посадите меня? – голос Джамолиддина заметно дрогнул.

- А за что? – удивился генерал. – Пока что мы имеем только ваши слова и никаких подтверждений. Презумпцию невиновности у нас никто не отменял. Вину человека на основе имеющихся материалов устанавливает суд, а до той поры человек считается невиновным. Так и вы пока что заявитель, а не обвиняемый.

- И я что же, потом могу пойти домой? – всё ещё недоверчиво осведомился Джамолиддин.

- Конечно. На всякий случай возьмём с вас подписку о невыезде до ответа из Якутии и работайте дальше на своём подворье.

Джамолиддин Солиев не верил своим ушам. Он не сказал жене – куда идёт, но на всякий случай туманно намекнул, чтобы она не тревожилась, если мужа долго не будет. Где он и что с ним стало, ей сообщат. Жена всё-таки обеспокоилась, стала допытываться – зачем да что, но Джамолиддин резко оборвал разговор и ушёл, хлопнув дощатой калиткой. Он уже смирился с мыслью, что дальнейшие годы ему придётся коротать в тюрьме, а теперь такая неожиданность – его отпускают. Ну, жене можно сказать, что пошутил, а вот с собой дело будет обстоять хуже. Снова бессонные ночи, непреходящее

чувство тревоги, и снова будут всплывать перед глазами все подробности того давнего случая...

А всему виной его беспокойная натура. Джамолиддин Солиев был из тех людей, которым до всего есть дело. Он не мог пройти мимо, если видел, что человеку вдруг стало плохо. Другие равнодушно спешат по своим надобностям, а он обязательно остановится, поможет человеку подняться или сесть, если надо, побежит в ближайшую аптеку за лекарствами или вызовет «Скорую помощь». А потом оказывается, что помочь-то помог, да вот сам опоздал туда, куда направлялся. И так постоянно. Почему-то ему казалось, что все ждут его помощи, и он всем чего-то должен. Бывают же такие люди на свете.

Два года назад его положили в больницу. Труд в России с её суровым климатом обернулся не только хорошим заработком, но и недомоганием. Начал сильно болеть живот, в больнице установили, что его кишечник усеян мелкими язвочками. Это от постоянного перепада температур и скудного питания. Лечили уколами, вливаниями лекарств через капельницу и прочее. Казалось бы, лежи себе и выздоравливай, но Джамолиддину не сиделось. Поместили его в хирургическое отделение, как там останешься на месте? Кругом ведь больные после операции. Кому-то надо «утку» подать, кому-то помочь подняться с постели и отвести на процедуры, кому-то в туалет захотелось, к другому родственники пришли, опять-таки надо сесть поудобнее... Санитарку не всегда дозовёшься, у медсестры хлопот хоть отбавляй, а Джамолиддин под рукой. Он настолько увлёкся добровольно взятыми на себя обязанностями, что его даже не хотели выписывать из больницы, а главврач намекнул, что не против будет взять Солиева в штат.

И сам вид Джамолиддина говорил о его беспокойной натуре. Глаза у него широко открыты, голова склонена вперёд, он часто осматривается по сторонам в поисках кому бы и чем посодействовать. Сколько раз жена его за это укоряла. «Отец, - говорила она, - ну почему вам больше всех надо? Занимайтесь своими делами, люди до вашего рождения без вас обходились. И после вас так же будет. Вы уж поверьте мне». Джамолиддин верил жене, но переделать свою натуру уже не мог.

В какой-то книге он прочитал, а может, слышал, где странную фразу: «Добро всегда наказуемо». Он не сразу вник в её смысл, а когда понял, то невольно усмехнулся. Это что же выходит: ты оказал кому-то добро, а тебе ответили злом за это? Не согласился он тогда с этим утверждением, а теперь понял: верно сказано, неглупый человек эти слова произнёс. Ныне Джамолиддин убедился в справедливости этого утверждения на собственном примере.

В дежурной части Управления внутренних дел города он задержался недолго. Написал заявление на имя начальника, генерал-лейтенанта Шарипова, поставил свою подпись под подпиской о невыезде, и часа через

два снова оказался на улице. И таким удивительным показался ему весенний город. Чистый, промытый дождями до блеска. Краски так и сверкали, если красная, то до рези в глазах, если зелёная, то изумрудного оттенка, жёлтая, так до золотого тона. И пахло свежей зеленью, цветами, травой, подстриженной на газонах. А над городом плыли белоснежные облака, пушистые, похожие на кипы хлопка, и сулили они не ненастье, а, напротив, долгую и солнечную погоду.

Джамолиддин понял причину такого обострённого восприятия погоды. Он настроился на отсидку в тюрьме, а снова оказался на свободе, и окружающий его мир радовался вместе с ним, одаривал радужным многоцветьем.

И он пошёл вниз по проспекту Айни, бессознательно оглядываясь по сторонам: не нужно ли кому чем-то помочь? Люди казались ему приветливыми, не было видно хмурых лиц. Джамолиддин улыбался встречным, ему отвечали тем же, и никак ему не верилось, что добро, творить которое стало сущностью его натуры, может обернуться бедой. Хотя обернулось же...

А началось всё так. Джамолиддин проработал в Подмосковье сперва на стройке, а потом устроился в цех, где делали стеклопакеты. Работа не сложная, но очень кропотливая. Нужно было резать стёкла на квадраты, а потом клеивать их. Хозяин экономил, покупал стекло по дешёвке, низкого качества, и оно даже при слабом нажиме резца давало трещину. Приходилось приспосабливаться, склоняться к самому стеклу и соразмерять усилия. При резке поднималась стеклянная пыль, её поневоле вдыхали, может отсюда и появились на внутренних органах Джамолиддина мельчайшие язвочки. И заказчики были привередливыми. Стеклопакеты с трещинами не брали, да что там с трещинами, даже если видели царапину на боковине, и то недовольно хмурились и откладывали бракованный стеклопакет в сторону. А куда его потом девать? И высчитывали его стоимость из зарплаты мастеров. Хозяин всё равно потом продавал их по дешёвке, лишь бы покрыть затраты...

Но Джамолиддин Солиев приспособился. Он вообще ничего не делал плохо. И кирпичи клал отлично, и плотницкое ремесло у него было выше всяких похвал, и тут резал стекла легчайшими касаниями резца, и за день клеивал не тысячу стеклопакетов, а полторы. Как было не ценить такого работника? Хозяин не хотел отпускать Джамолиддина, но нужно было тому выдавать дочку замуж. Условились, как только Джамолиддин разберётся с семейными делами, так тотчас же вернётся обратно в цех. А до той поры его место в цехе будет пустовать.

Свадьбу отпраздновали, дочку пристроили за неплохого парня, можно было снова ехать в Подмосковье, но тут пришло письмо от двоюродного

брата Алишера. Трудился он на стройке в Якутии и писал, что люди там очень нужны, платят не в пример другим регионам, в два-три раза больше. Условия в общем подходящие. Ну и, естественно, звал Джамолитдин в Якутию.

Джамолитдин сперва не хотел туда ехать. В Подмоскowie всё было известно и обжито, а про Якутию говорили, что холода там сильные, не выдерживают теплолюбивые азиаты тамошних морозов. Но с другой стороны, Алишер-то не жалуется, да и денег захотелось заработать побольше. Уж если поехать в другие края, так чтобы с максимальной пользой. И Джамолитдин решил попробовать, съездить в последний раз. Потрудиться от души пару лет, потом вернуться домой, и всё на этом. Что ни говори, а идёт шестой десяток. Куда ушла молодость, и сам не понял. Лучшие годы просыпались, как сухой песок сквозь пальцы, и следа не осталось. Дома земля, хозяйство, внуки пошли, есть чем заняться.

До Якутии добирался долго и всеми видами транспорта. Сперва на самолёте, потом поездом, затем пароходом, а под конец, на вездеходе.

Стояла весна, вот как теперь. Тундра подтаяла, зазеленел ягель, мох, которыми кормятся олени. Вечная мерзлота сверху отмокла под солнцем, и за вездеходом тянулись две чёрные колеи. Звучно шлёпали по влажной почве гусеницы, окрестности почти не просматривались, даль затянула сиреневая туманная дымка. И солнце было непохоже на азиатское, белёсым шаром висело над головой и не думало склоняться к горизонту. В кабине вездехода было тепло, а стоило выбраться наружу, как протягивало холодным ветерком до озноба, до пупырышек на коже. «И это поздняя весна, - подумал Джамолитдин. – А что будет зимой?»

И ещё он подумал, что вездеход вреден для тундры. Жёсткие металлические гусеницы сдирали с земли тонкий плодородный слой, больше на этом месте уже ничто не вырастет. Джамолитдин сказал о этом водителю, посетовал, что цивилизация губит тундру. Тот, здоровенный, рыжеволосый, покосился на разговорчивого пассажира и буркнул: «Тут всю страну под откос пустили, а ты о тундре заплакал». И больше не произнёс ни одного слова до самой столицы Якутии.

Якутск приятно удивил таджикского мардикора. Джамолитдин представлял его чем-то похожим на наши районные центры, с низенькими домишками, глинобитными заборами. Оказалось, ничего похожего. Это был современный город, с многоэтажными зданиями, широкими асфальтированными улицами, с обилием зелени. На клумбах цветы, деревья шелестят раскидистыми кронами. Джамолитдин приободрился: действительность оказалась лучше воображаемой картины. Так бы и дальше.

Удивило другое. Навстречу ему шёл якут, в меховой национальной одежде. Капюшон откинут, солнце обдавало лучами черноволосую голову.

Якут держал в руке бутылку, и время от времени прикладывался к ней. Ну, совсем, как в Душанбе в знойную пору, люди идут с пластиковыми бутылками с минеральной водой, кока-колой, другими прохладительными напитками, и отпивают из них по ходу. Якут делал то же самое, но в руке у него была бутылка водки. Джамолиддин даже не поверил собственным глазам, чтобы вот так, запросто, пить водку, как воду, без всякой закуски, и при этом идти ровно, не шатаясь?! Оглянулся, точно, идёт ровно. Вспомнил рассказы, что в Якутии алкогольные напитки в большом ходу, но никогда не думал, что пьют вот так, запросто, прямо на улице. И никто не удивлялся, никто из прохожих не обращал внимания на пьющего среди белого дня человека...

Брата Джамолиддин нашёл сразу, по описанию в письме. Тот трудился разнорабочим на большой стройке, возводили кирпичный четырёхэтажный дом. Алишер похудел, был небрит, в телогрейке, кирзовых сапогах и монтажной шапке. Увидел Джамолиддина, обрадовался, сбежал вниз по сходням, но долго говорить не стал. Работа сдельная, каждая минута простоя одного каменщика, бьёт по карману всю бригаду.

Стройка гудела, словно кожа туго натянутого бубна. Ползли вверх подъёмники со штабелями кирпичей, ящиками с раствором, гремели металлическими прутьями монтажники, вспыхивали яркие огни электросварок. Знакомая картина душанбинскому мардикору! Кто-то сверху кричал: «Эй, давай сюда!» Алишер заторопился. «Увидимся вечером, - проговорил он. – Пока иди вон туда, в конец квартала. Там контора по найму рабочих. В ней заправляют чеченцы, так что не удивляйся. И смотри, не вздумай с ними права качать».

После этих слов Алишер побежал по сходням наверх, в самое пекло стройки, доски гнулись и потрескивали под его ногами.

- А где мне найти тебя? – крикнул ему вслед Джамолиддин. То лишь махнул рукой. Донеслось невнятное: «Сам ... ду». Ясно, сам найдёт.

Джамолиддин давно уже ничему не удивлялся. За прожитые пятьдесят четыре года многое повидал и пережил. Да из них пять лет мардикором в России. Тоже всякое испытал. Но тут всё-таки удивился. Почему в конторе по найму рабочей силы заправляют чеченцы? И почему нельзя права качать? И хотя Джамолиддин за всю свою жизнь ни с кем, ни спорил и ни ругался, всё-таки чувство недоумения осталось.

Контора отыскалась быстро. Размещалась она в двухкомнатной квартире старой четырёхэтажки. Комнаты были смежными. В первой, как водится, сидел секретарь, но не девушка с длинными от шеи ногами, а вертлявый, светловолосый парень, с глазами размытого, белёсого цвета. Он сидел за компьютером и сосредоточенно тыкал одним пальцем в разноцветные клавиши.

Услышав скрип входной двери, вскинул голову, неприязненно осмотрел вошедшего незнакомого человека и буркнул: - Ну чего тебе?

Джамолиддина покоробил тон секретаря. Всё-таки он был вдвое старше этого грубияна. Но сдержался и пояснил: - Я по поводу работы. Хочу устроиться...

Секретарь подобрел.

- Это мы мигом...

Оборотился к двери второй комнаты и крикнул: - Ваха, тут ещё один мужик хомут на шею ищет. – И мотнул головой, давай, мол, туда.

Во второй комнате сидело трое небритых мужчин, одетых одинаково: в дублёнках, добротных сапогах. Шапки лежали на столе, заваленном бумагами. По виду и, правда, чеченцы. Джамолиддин повидал их во время своих странствий по России.

Ваха был покрупнее остальных, сухощавый, но широкий в плечах. Производил впечатление сильного человека. Он сидел за столом и что-то писал в толстом журнале. Двое других разместились на диване и курили, негромко переговариваясь между собой.

Ваха положил шариковую ручку на раскрытые страницы журнала. Тяжёлым взглядом исподлобья смерил Джамолиддина.

- Откуда, мужик?

- Из Таджикистана, - ответил Джамолиддин, рассматривая сидящих чеченцев и непритязательную обстановку конторы. Всё старое, и всё собрано, как говорится, с бору по сосенке. Шкаф со стеклянными дверцами забит папками и какими-то журналами, дощатый стол, три стула, кожаный диван, побелевший от ветхости. Не контора, так, какое-то временное пристанище.

Ваха заулыбался.

- Хороший край. Бывал там. Наш, значит, мусульманин. Работяги нам нужны. Что умеешь делать?

По-русски он говорил правильно, хотя акцент чувствовался.

Джамолиддин пожал плечами. Разговор пошёл о деле, тут уж он почувствовал себя увереннее.

- А что нужно? – ответил он вопросом на вопрос.

- Плотник нужен на стройку. Горение в бригаде. Каменщиков до хрена, сварные есть, а вот хороший спец по дровам не находится.

- Это я могу, - согласился Джамолиддин.

- Порядок, тогда пойдёшь в бригаду Макарыча. Особняк одному крутому мужику складывают. Только смотри, - Ваха назидательно поднял указательный палец кверху. – Без туфты. А то приходят, говорят, к примеру, я монтажник. Мы его определяем на стройку, а он арматуры от бельевой верёвки отличить не может. Приходится наказывать за обман, ну и штрафовать соответственно.

Джамолиддин отрицательно покачал головой.

- Обманывать, не приучен. Я – неплохой плотник. Только, ребята, у меня просьба. На четырёхэтажке, - Джамолиддин мотнул головой вправо, показывая, что он имеет в виду, - мой брат работает. Может мне туда можно?

Ваха полистал толстый исписанный журнал, лежавший перед ним, несогласно помотал головой.

- Это бригада Вазгена. Там битком, никаких вакансий. Пойдёшь к Макарычу.

Джамолиддин хотел запротестовать, но вспомнил предупреждение Алишера, что с чеченцами не нужно качать права, и счёл за лучшее промолчать. Это оказалось верной тактикой.

- Как скажете, - проговорил он. – Мне лишь бы работа была и платили хорошо.

- Всё это будет, - заверил таджикского мардикора Ваха и сделал какую-то пометку в журнале.

- Давай паспорт.

Джамолиддин собрался было полезть за документом в карман, но какой-то внутренний голос подсказал ему, что паспорт отдавать не следует.

Помедлил, отговорился.

- Нет у меня паспорта. По дороге в Иркутске стащили пальто и чемодан. Вместе с пальто и паспорт ушёл.

- В Сибири не надо ушами хлопать, - наставительно заметил чеченец. – Это у вас в Азии, каждый друг другу сват и брат, а у нас каждый на стороннего волком смотрит. То-то я смотрю, ты в куртке и с рюкзаком одним. Ну, нет паспорта и не надо. Повкальываешь пару месяцев, покажешь себя, другой тебе документ организуем. На какую хочешь фамилию и национальность.

- Омолодим и с женой разведём, - сострил другой чеченец, сидевший на диване. – Всё в наших силах.

- А будешь плохо работать, свидетельство о смерти заполним, - добавил третий.

Шутка его Джамолиддину не понравилась, но он промолчал.

Чеченцы отсмеялись и посерьёзтели.

- Такса у нас такая, - Ваха ввёл новичка в курс дела.- За устройство на работу – сто баксов. Платить сейчас. Потом с каждой зарплаты пятьсот рублей нам. Мы будем твоей «крышей». Народ тут разный, бывших зеков полно. Если кто будет наступать на горло, скажешь, мы его быстро успокоим. По рукам? Если баксов сейчас нет, потом отдашь с заработка, но уже сто двадцать, по курсу российского рубля. Потому что мы тебе вроде как кредит предоставляем. Лады?

Джамолиддин молчал, обдумывая услышанное. С таким устройством на работу он столкнулся впервые за пять лет. Деньги у него были, знал, что без небольшого запаса в Россию нечего соваться. Мало ли как может повернуться жизнь. Или работу сразу не найдёшь, или жильё нанять придётся, задаток потребуется. Но всё-таки ни за что, ни про что отдавать сразу сто долларов было жалко.

Чеченцы, сидевшие на диване, подобрались, распрямили спины. Было ясно, что Ваха у них старший, а эти двое – его подручные, что-то вроде вышибал.

Джамолиддин хотел поспорить, а то и поторговаться, но опять вспомнил слова Алишера о том, что не нужно « качать права», и коротко отозвался.

- По рукам.

Ваха подобрел, чеченцы, сидевшие на диване, расслабились.

- Вот это по-нашему, - прокомментировал Ваха.

Джамолиддин извлёк из внутреннего кармана стодолларовую купюру и положил её на стол. Чеченец выдвинул ящик стола и смахнул в него деньги. Потом заполнил какую-то бумагу и ткнул пальцем в нижнюю строчку.

- Распишись тут.

Джамолиддин расписался, даже не вникая в текст. Да и вникнуть в него было сложно: размытые сиреневые строки едва просматривались.

- Исрофил тебя проводит, - Ваха мотнул головой в сторону выхода. И то, задерживаться в конторе уже не было смысла, со всеми формальностями было покончено, и кошелек таджикского мардикора облегчился на сто баксов.

Один из небритых чеченцев лениво поднялся с дивана, Джамолиддин пошёл за ним.

До окраины года добрались за полчаса. Джамолиддин попытался разговорить провожатого, задавал вопросы о стройке, где ему предстояло трудиться, об оплате, но Исрофил только один раз пробурчал: «Зачем спешишь, сам всё увидишь», и больше не проронил ни слова, только сплёвывал в сторону.

Бригадир Макарыч оказался рослым, костистым мужчиной, с красным, обветренным лицом. Исрофил представил ему нового работника, бригадир обвёл Джамолиддина голубыми, словно выцветшими глазами, и довольно кивнул: «Плотник мне нужен позарез». Поднял с пола обрезок доски, протянул Джамолиддину: «Это какое дерево?» «Сосна», - отозвался Джамолиддин. «А это? – второй обрезок оказался у лица таджикского плотника. «Ель». «А это?» «Липа». «Не врёт», - удовлетворённо проговорил бригадир.

После короткого экзамена чеченец, не сказав больше ни слова, повернулся и ушёл.

- Ободрали тебя в конторе? – поинтересовался бригадир.

Джамолиддин молча склонил голову.

- У нас так, в России, было и будет, - прокомментировал Макарыч. – Один с сошкой, а семеро с ложкой. Ничего не попишешь, на их стороне сила. Кого купили, а кого запугали.

Затем перевёл разговор на другое.

- Рабочую одежду летнюю и зимнюю я тебе выдам. Потом из заработка вычту.

Заметив, что будущий плотник нахмурился, бригадир поспешил его успокоить.

- Она уже ношенная, недорого стоит. А без неё нельзя, тут и летом ледяной ветер на верхотуре протягивает. Враз задубеешь. Оставь тут свой рюкзак, никто не тронет. Пойдём, познакомлю с бригадой и покажу, где твоё место будет.

В бригаде оказалось пятнадцать человек. Полный интернационал: русские, украинцы, казахи, белорусы. Запомнились чёрный цыганистый молдаванин и длинный эстонец с вытянутым, лошадиным лицом. Из таджиков никого не было, Джамолиддин стал первым и единственным.

Поднялись по сходням, прошли по комнатам. Дом возводили из жжёного кирпича, просторный, в два этажа.

- Нужно ставить оконные рамы, навешивать двери, настилать полы, - пояснял бригадир. – Этим и займёшься, дам тебе двоих подручных. Живём всей бригадой вместе. Завтракаем плотно в столовой, обедаем тут всухомятку, а ужинаем тоже сытно. Опять-таки питание высчитывается из заработка. Но ты не бойся, деньги тут хорошие, на всё-про всё хватит.

Работаем с восьми утра до восьми вечера. Скоро начнётся полярный день, солнце не заходит три месяца. Будем жить по часам. Впрочем, и зимой так же. Тогда полярная ночь наступает, дня не увидишь. Коротаем время при электрическом освещении.

Пока можешь отдохнуть, а завтра с утра начнёшь вкалывать.

Отдыхать Джамолиддину было негде, а сидеть просто так и наблюдать, как трудятся другие, неудобно. И он отказался.

- Ещё полдня целых. Если можно, я помогу ребятам. Пока так: что подать, что поднести.

Бригадирю это понравилось, бригаде тоже, и Джамолиддин сразу ощутил доброжелательное к себе отношение.

С верхнего этажа Якутск просматривался получше. Город был довольно большим, современным, хотя на окраине имелось незавидное жильё. И что опять бросилось в глаза таджикскому мардикору, это обилие зелени. Прежде он думал, что в этих краях и травинки зелёной не увидишь. Оказалось, что не так. Лето и тут брало своё, и цветением, и множеством разнотравья. Только период этот был короткий, и природа торопилась жить. Стремительный рывок, от пробуждения до увядания, а затем девять месяцев холодов и бесконечного снегопада.

В восемь вечера закончили работать. Пошли ужинать. Столовая располагалась неподалеку, в полуподвальном помещении. Каждому подали щи из свежей капусты и гуляш с гречневой кашей. Джамолиддин ел с удовольствием, а сам то и дело посматривал на повариху. Смотреть, действительно, было на что. Крупная, полнолицая, с румянцем на всю щёку.

- Её Катериной кличут, - пояснил сидевший за одним столом с Джамолиддином молдаванин, которого звали Мирча. – Не замужем. Говорят, троих мужиков уморила, с той поры никто к ней не решается подступить. Я вижу, ты глаз на неё положил. Смотри, до зимы не дотянешь. Наша Катерина, как паровозная топка, сразу сгоришь.

- Дурак чернявый, - отозвалась Катерина. – Язык длинный, вот и чешешь.

А женщина, и впрямь, понравилась таджикскому мардикору. Было на что посмотреть, её формы так и распирала тесный халат.

Бригада располагалась в старом доме, в трёхкомнатной секции. Спали на полу, на матрасах. У стены стояли чемоданы, сумки, рюкзаки. Джамолиддин отыскивал место для своих пожитков. Одежду вешали на гвозди, которых набили в стены с избытком.

- Вот тот матрас свободный, - бригадир указал на один у окна. – Пока спи там, дальше видно будет.

Не успел Джамолиддин толком устроиться и осмотреться, как пришёл брат. Алишер выглядел усталым; и то трудиться по двенадцать часов в день, напрягая все силы, не отдыхая на курорте.

Братья вышли во двор, сели на скамейку под раскидистым дубом. Джамолиддину было удивительно. Пора бы уже наступить темноте, а её не было. Закатное солнце наполовину скрылось, и так и продолжало двигаться вдоль линии горизонта. Розовые полосы тянулись по небу, синеватые сумерки просматривались у домов, да под деревьями, а так день и день.

- Не уснёшь, - подивился Джамолиддин.

- Это так кажется, - усмехнулся Алишер. – За день навкальываешься, головой только коснулся подушки, и готово дело. До подъёма пушкой не разбудишь.

Как тебе бригада?

Джамолиддин пожал плечами.

- Вроде ничего. Ребята нормальные. Хотя за один день многое не узнаешь.

- Верно, - согласился Алишер. – О Макарыче все отзываются неплохо. Мужик правильный, своих не обижает.

Подписал в конторе договор?

- Подписал, мотнул головой Джамолиддин. – Я просился в твою бригаду, сказали, нет свободных мест.

Алишер снова усмехнулся.

- Места есть, но чеченцы стараются, чтобы не было бригад из рабочих одной национальности. Получится коллектив, могут им отпор дать, если что. А в смешанных бригадах каждый сам по себе.

- А как вышло, что они взяли тут верхушку?- Полюбопытствовал Джамолиддин. – Их тут, наверное, не очень много, а всех зажали в кулаке.

- Беспредельничают, - отозвался брат. – Угрожают, избивают, могут убить. Жестокостью берут, вот и боятся их. Народ сюда приезжает разный, особой дружбы нет, а они друг за дружку мёртво держатся.

Посидели, поговорили о семьях, Душанбе. Вспомнили родной Таджикистан. Издалека близкий край кажется светлым и радостным, без полутонув и горестей.

- Ну, я пошёл, - сказал Алишер. – Будем видеться. Хотя тут особо не насидишься. Работаем без выходных и праздников. Даже болеть нельзя, три дня пропустил, увольняют.

- Везде так, - вздохнул Джамолиддин. Уж он-то хорошо знал, как живётся мардикорам вдали от своей страны. Ни защиты, ни внимания, а обобратить норовят многие.

- Слушай, - спросил он брата напоследок. – Чеченцы эти деньги берут, но и «крышу» обещают. Это верно?

- Верно, - согласился Алишер. – В прошлом году сюда азербайджанцы приехали, хотели свои порядки тут установить, покруче, так Ваха со своими земляками их быстро отсюда выпер. Ну, и помогают при случае. Если стройматериалы запаздывают или со светом перебои, стоит им только сказать, мигом порядок обеспечат. Короче, рыночная экономика, - засмеялся Алишер. – Один на всех пашет, и все на одного стараются усесться.

Распрощались. Алишер скрылся в сиреновой дымке, а Джамолиддин посидел ещё часок. Удивительно было глядеть на незакатывающееся солнце, и на то, как на розовом бархате неба проступает бледная россыпь звёзд. Вроде пыли на чистой ткани.

И Джамолиддин стал трудиться на возведении частного особняка. Насмотрелся он на такие стройки в России, целые дворцы поднимали «новые русские» в заповедных местах, на природоохранных территориях, и никто им не указ. Приезжают инспекторы всякие, контролёры, пошумят, попугают, составят протоколы и исчезают. Сунут им в лапу пачку зелёных долларов, и обе стороны остаются довольными. Находились и такие проверяющие, которые стояли на своём до конца, таких урезонивали сверху командным окриком. Не берёшь ты взятку, значит, возьмёт твой начальник, а ты в двойном проигрыше останешься: и денег не получил, и на своё место тебя поставили.

Дворцы в России – это понятно. Но никогда таджикский мардикор не думал, что и тут, в Якутии, есть желающие иметь такие же строения. Климат суровый, всё привозное. Спрашивается, зачем тут оседать, если денег у тебя в избытке? Не лучше ли где-нибудь у Чёрного моря на бережку соорудить особняк и греться на солнышке?

Оказалось, не лучше.

«Где родился, туда и тянет, - пояснил Макарыч. – Тебе в Таджикистане, наверное, тоже не всё по нутру. Ты вон по всей России деньги сшибаешь, а как заработаешь, так сразу домой спешишь. И тут такие есть, Якутия им милее курортных мест».

Особняк в Якутске возводили для бывшего полковника КГБ Крупнова Сергея Васильевича. Джамолиддин видел его, пожилой, прихрамывает, на щеке шрам. Волосы пегие какие-то, на прямой пробор разваливаются. Как узнал, что в бригаде появился таджик, сразу же пришёл на стройку. Оказалось, что десять лет прослужил в Таджикистане, и пять лет афганской войны прихватил. С того дня стал отличать Джамолиддина, приходил по вечерам к ним на квартиру, где ночевали, разговаривал по душам. Дважды приглашал к себе в гости всю бригаду.

Родился Крупнов здесь, в Якутске, тут же прошла его молодость. Потому и решил старость скоротать в родных местах. Но жить тут намеревался только летом, а на зиму уезжать куда потеплее, в тот же Таджикистан, например.

Полковник человек был вежливый, ко всем обращался на «вы», но ощущалась в нём жёсткость, такому на шею не сядешь. И работала бригада на него старательно, тем более, что на оплату труда Крупнов, действительно, не скупился.

Джамолиддин сходу включился в жизнь бригады. Ребята подобрались серьезные, друг друга понимали с полуслова, никаких перекуров не устраивали, и потому дневную норму перекрывали в полтора-два раза. Бригадир был доволен, и заказчик тоже не скрывал своего удовлетворения.

Признаться честно, Джамолиддин не верил в то, что Крупнова тянет в Якутию потому, что здесь родился. Наверное, есть и какая-то другая причина. Он как-то прямо спросил отставного полковника об этом. Крупнов привязался к таджикскому мардикору, уважал его за бесхитрость и прямоту натуры. Как говорится, весь на виду. И оттого тоже не стал кривить душой.

«Понимаешь, Джамол, КГБ ведь в прошлые времена стоял над всеми и знал всё обо всех. Недаром Комитет иронично называли Конторой Глубокого Бурения. Я отслеживал деятельность больших чиновников, очень больших, собирал на них компрометирующий материал. Мало ли как жизнь могла повернуться, такой материал всегда был нужен, чтобы чиновник вёл себя, как положено, и делал то, что ему прикажут, не считал себя самостоятельной личностью.

Теперь Комитета нет, а кое-кто из прежних чиновников, у которых были серьёзные грешки, поднялись ещё выше. И у них появилась необходимость

избавляться от тех, кто основательно вникал в их биографии. Я после ухода на пенсию жил в Москве и видел: один мой бывший сотрудник попал в автомобильную катастрофу, другого хулиганы зарезали, третий почему-то утонул в речке, хотя был прекрасным пловцом. Мне стало ясно: идёт зачистка. Значит, скоро очередь дойдёт и до меня. Семьи у меня нет, жена умерла, сам я воспитывался в детдоме. Сын за границей пристроился. Тогда я потихоньку продал всё, что имел, и никому ничего не сказав, перебрался сюда, в Якутию. Мой след потеряли, и вряд ли будут искать, сейчас не до меня. Как говорится, с глаз долой, из сердца вон. Большие чиновники должности делят, из-за богатства ссорятся. Одно дело, когда я им в Москве попадался, и совсем другое, когда куда-то пропал. Может, помер, а может, кто другой меня уже ликвидировал. Так и живу. Ты первый, кому я рассказал свою историю. Если не продашь, то и дальше буду жить спокойно».

Полковник испытующе поглядел на молчаливо сидящего Джамолиддина. Тот даже покраснел от обиды. «Зря вы так на меня, Сергей Васильевич. Я человек простой, и мне нет дела ни до политики, ни до бывшего КГБ. Вы мне пришлись по душе, и я лучше сам попаду под машину, чем скажу кому-то про вас».

Слова прозвучали немного наивно, но были искренними, и отставной полковник успокоился. Он вообще с большим уважением относился к таджикам, считал их людьми работающими, с врождённой порядочностью, и эту симпатию целиком перенёс на Джамолиддина Солиева.

Дни потянулись неспешной чередой. Таджикский мардикор не видел никакой Якутии, ни самой её столицы толком. Утром спозаранку на работу, через двенадцать-четырнадцать часов на ужин и ночлег. Уставал так, что еле ноги волочил, тут уже не до экскурсионных прогулок. Рассказывали ему о бескрайности тундры, в которой живут северные народы, об их ярангах и чумах – жилищах, бесчисленных стадах оленей. Конечно, хотелось бы посмотреть на это, но не было ни времени, ни сил. Может потом, когда закончат строительство особняка для бывшего кэгэбэшника, удастся выкроить день-другой, и посмотреть хоть частицу Якутии. А пока не до этого. К слову сказать, Джамолиддин работал во многих районах России, и нигде ничего толком не видел. Везде то же самое. Труд от темна, и до темна, а как получил расчёт, сразу купил билет на самолёт или поезд и скорее домой. С деньгами в России оставаться опасно, бандитов всяких полно, да и та же милиция обирает мардикоров безжалостно.

Плотником Джамолиддин, действительно, оказался хорошим. Дело своё знал и любил. Бригадир хвалил его и ставил другим в пример. Вот только инструмента было маловато: топор, рубанок, пила-ножовка да молоток. Но ничего, обходился. Двери и оконные рамы устанавливал и навешивал так, что ни малейшего зазора не было видно. И полы стягивал в единый щит, как зеркало блестели. Всё-таки старался не для кого-то, а почти для своего

земляка. И вообще Джамолиддин не умел плохо работать, с детства отец ему внушал, что плохая работа хуже воровства. Эта истина прочно вошла в сознание и определила дальнейшую жизнь.

А вот с вечной мерзлотой Джамолиддин столкнулся впервые. Дома в Якутии ставят на сваях. Бурят в земле скважины и вбивают в них бетонные опоры. Потом оставляют на два-три года, чтобы вечная мерзлота обжала их и цементировала намертво с собой. Нужно было выровнять площадку между сваями и убрать с неё строительный мусор. Мёрзлые комья сверху подтаяли, а снизу крепко спаялись с землёй. Били их и киркой, и ломami, бесполезно, земля оказалась прочнее металла. Летело мелкое крошево из льдинок и песка, а на почве оставались только неглубокие царапины. Джамолиддин и эстонец Эйно вспотели, рабочая роба пропотела насквозь, а результат труда был плачевный. Неделю возились между сваями, еле-еле выровняли площадку. С таким явлением таджикскому мардикору ещё не приходилось сталкиваться. Вечная мерзлота глухо отзывалась на удары, ломы звенели и вырывались из рук.

- Слушай, как же её удаётся бурить? - спросил Джамолиддин у эстонца, вытирая пот со лба.

- Бура из крепчайшей стали хватает только на одну скважину, - хмуро отозвался Эйно. – Очень трудоёмкая и дорогостоящая работа. Неделю мы мучаемся только, чтобы площадку выровнять. А теперь представь, если бы в мерзлоте скважину выдолбить. Жизни бы на одну не хватило.

Этого Джамолиддин, и верно, не мог себе представить.

Его, непьющего человека, удивляло поголовное пьянство в Якутии. Спиртные напитки тут были самым ходовым товаром. Местные жители никогда не бывали трезвыми. Мало того, что пили мужчины, с бутылками не расставались дети, старики и женщины. «Как же они не выродились до сих пор?» - задавался вопросом таджикский мардикор. Впрочем, вырождение было заметно. Местные жители были, как правило, все низкорослые, узкогрудые, с кривыми ногами. Красивых людей среди них было мало, а девушек тем более.

Бригаду свою Макарыч держал крепко, выпивать не позволял даже в праздники, что, впрочем, никого особенно не волновало. Все приехали сюда заработать и выбрасывать деньги на «дурь в бутылках», как выражался бригадир, ни у кого не было особого желания.

Якуты же деньги на спиртное не жалели. Что ещё поражало Джамолиддина, никто из них не работал. Или почти никто. У всех были олени в тундре, дети и жёны занимались ими, а мужчины коротали время от похмелья до похмелья. Нельзя сказать, что поголовно все. Были и среди них

толковые и деловые люди, но всё-таки пили тут несравненно больше, чем, скажем, в России.

Работали в Якутии, в основном, мардикоры из всех бывших республик Союза. Трудиться они умели, и жилые дома, предприятия, хозяйственные постройки росли в этом суровом крае, как грибы.

С братом Джамолиддин виделся редко. Казалось бы, и трудились рядом, всего два жилых квартала разделяли их, а всё равно встречались от случая к случаю. Уставали очень, да и лето катилось на убыль, белые ночи наливались синевой, а в сумерках особо по Якутску не походишь: хулиганство и бандитизм тут процветали. Приезжих было много и не все промышляли честным трудом. Оседали на Севере уголовники, беглые боевики с Кавказа, и другие, подобные им, лихие люди.

В таких условиях не до женщин, да и мало их, хороших и свободных, было в Якутске. И, тем не менее, сердечное увлечение не обошло стороной таджикского мардикора. Его дамой сердца оказалась та самая крупная и симпатичная повариха Катерина.

Как-то во время ужина она обрушилась с упрёками на бригадира.

- У тебя, Макарыч, в одно ухо влетает, а из другого вылетает.

- Ну что ещё? – недовольно отозвался бригадир.

- А то, неделю уже прошу заменить доску на кухне, совсем прогнила, а ты никак не почешешься.

- Обходи её стороной, - пошутил бригадир.

Со всех сторон посыпались и другие шутки.

- А то перепрыгивай через неё...

- Она перепрыгнет, как же, ей на вечной мерзлоте стоять надо, и то яму вытопчет...

- Слышь, Катерина, мы тебе бетонные плиты настелем...

И только Джамолиддин не принимал участия в общем веселье. Ему было непонятно: женщина старается для них, кормит, хлопчет, а им доску заменить некогда. Мы уже говорили, что для Джамолиддина Солиева чужой беды не существовало.

После ужина все потянулись к выходу, а он остался. Собрал тарелки и пошёл с ними на кухню.

- Показывай, где доска? – сказал он раздосадованной поварихе.

Подгнивших досок оказалось целых три. Джамолиддин снял размеры, на другой день на стройке из обрезков подобрал нужные и с согласия бригадира забрал их с собой. Привёл в порядок пол на кухне, а заодно заменил треснувшее стекло в окне и заедавший замок во входной двери.

- А ты хозяйственный мужик, - похвалила его Катерина.- И руки у тебя куда нужно приставлены. Слушай, у меня дома оконная рама плохо затворяется, можешь подогнать?

Джамолиддин пожал плечами.

- Отчего же нет.

Разговорились.

- Муж твой где?

- Пёс его знает, - отозвалась повариха. Она раскраснелась и стала ещё милевиднее. Крупная фигура не портила её. Он была женщина, как говорится, на любителя. Кому-то нравятся и такие.

- Мы сами с Украины, - разговорилась женщина. – Мужик мой подсобрал тут денег и поехал домой, чтобы домишко с садом прикупить. Тогда бы и я туда поехала. Укатил и, поди ж ты, пропал. Родне я писала, ответили, что не видели моего Павла. То ли убили в дороге с деньгами, то ли к другой какой бабе пристал. Была у него зазноба, со школьных лет любил её, а она за другого замуж вышла. Потом, я слышала, разошлась.

Так и застряла я тут. Вроде при деле, не голодаю, и копейка, какая-никакая перепадает. Только одна, семьи нет.

- Такая видная женщина? – удивился Джамолиддин.

- Абы с кем связываться не хочу, а путного мужика не встретила. Все норовят на ночь забраться, а серьёзных намерений нет. Меня же собачья свадьба не устраивает.

- А дети есть? – поинтересовался Джамолиддин.

- Есть дочка, уже взрослая. Замужем, в Киеве живёт.

- Такая же крупная? – улыбнулся мардикор.

Катерина застеснялась.

- Нет. Она поменьше, слава Богу, попримядрнее, чем я.

- Ну, это как сказать, - не согласился Джамолиддин.

- А у тебя семья есть? – в свою очередь полюбопытствовала повариха.

- Есть, в Душанбе. Это в Таджикистане.

- Слышала, у вас, таджиков, говорят, меньше десятка детей не бывает. Не дома, а инкубаторы.

- Ну, я до этого не дотянул, - засмеялся Джамолиддин. – У меня пятеро, три дочери и два сына.

- Тоже неплохо, - одобрила Катерина. – По крайней мере, случись что, не останешься один, как я вот.

- Всяко случается, - возразил мардикор. – Бывало, что семьи большие, а рассыпаются, как домик из песка.

- Бывает, - согласилась повариха.

Незаметно для себя таджикский мардикор прижился в доме украинской женщины, хотя домом её однокомнатную квартиру назвать было нельзя. Маленькая, тесная, но для одной хватало. В квартире чувствовалось отсутствие мужчины: оконные рамы разошлись и пропускали холод. Катерина затыкала щели ватой, но это помогало мало, по комнате гуляли сквозняки. Джамолиддин подогнал рамы, а потом оказалось, что краны текут. Сделал и их. Попутно выяснилось, что сочит влагу фановая труба в туалете. Пришлось и ей заняться. Так прошло недели две. Однажды Джамолиддин заработался у Катерины допоздна, увлёкся делом, забылся, а когда посмотрел на часы, поморщился. Первый час ночи. Нужно спешить к себе и выговора теперь от ребят дождётся. Не любили они, когда кто-то опаздывает, кому охота вылезать в холоде из-под тёплого одеяла и идти открывать входную дверь.

Катерина поняла беспокойство понравившегося ей человека и несмело предложила: - Может, у меня останешься?

И Джамолиддин остался. Женщиной Катерина оказалась ласковой, по всему чувствовалось – истомило её одиночество.

Наутро Джамолиддин не смотрел бригадникам в глаза. Шуток в его адрес было достаточно. Но шутки шутками, а дело, в общем-то, серьёзное, когда обнадёживаешь человека и приучаешь его к себе. Он посоветовался с Макарычем. Тот одобрил Джамолиддина.

- Баба она хорошая, не гулящая. Если нравитесь друг другу, то и живите. Только не обижай её, а то у нас как бывает: переспал раз, другой и в кусты. Дальше семейные обязательства начинаются, а это не всем мужикам по нутру. А женщина потом страдает.

Джамолиддин по-серьёзному обосновался в доме Катерины. Совсем иная жизнь началась. Поужинает в столовой и в своё жильё. Там и вода горячая, можно помыться после долгой работы и чая вволю. Ну и, конечно,

помогал молодой женщине. Всё в доме перечинил, квартира стала, как новая. Взял на себя доставку продуктов, иногда готовил национальные блюда, по которым очень соскучился. Катерина была довольна и ещё больше привязалась к своему таджику, как называла она Джамолиддина.

Джамолиддин немного стеснялся брата Алишера. Конечно, не он первый завёл себе в России ещё одну семью, такое с мардикорами сплошь и рядом случается. Но всё равно, неудобно, одно дело, когда ты молодой, и совсем другое, когда идёт шестой десяток. Но Алишер не только не осудил старшего брата, а, напротив, стал часто приходить к нему в гости. Видно тоже соскучился по семейному уюту.

Но в душе Джамолиддин всё равно ощущал неудобство. Жил какой-то раздвоенной жизнью: и Катерина нравилась, и родной дом вспоминался часто. Как-то там обходятся без него, всё-таки слишком много души и сил было вложено и в землю, и в большое хозяйство. Деньги посылал часто, письма писал, но разве заменят они общение...

Дом, который строила бригада Алишера, сдали, рабочих рассчитали, а находить что-то новое в Якутии, брат не захотел. Близилась зима, а она тут намного суровее российской. «Поеду домой, - решил брат. – Отдохну с полгодика, а потом снова в России что-нибудь подыщу».

Алишер уехал, Джамолиддин вздохнул облегчённо, всё-таки испытывал он неудобство перед ним, и в то же время стала ощущаться пустота, что ни говори, а с родным человеком в чужих краях не так одиноко.

В работу Джамолиддин втянулся, и в бригаде между собой не было никаких трений. Только становилось всё холоднее, даже в тёплой одежде и то чувствовалось ледяное дыхание приближающейся зимы. Но до её прихода намеревались застеклить окна, а внутри, в помещениях, можно и обогреватели установить.

Деньги платили неплохие, но и расходов было немало, да и чеченцы регулярно взыскивали свою долю.

Ваха, получив как-то от Джамолиддина российские купюры, наставительно сказал ему: - Видишь, дорогой, работаешь, деньги получаешь спокойно, а если бы не мы, большие неприятности у тебя бы были.

- Почему? – удивился Джамолиддин. Вроде бы он со всеми ладил отлично, ни с кем не сталкивался, тут разговор идёт о неприятностях.

Ваха прищёлкнул языком.

- Ещё спрашиваешь, да? Ты где живёшь? У Катерины живёшь. За ней мой земляк ухаживал, хотел третьей женой её взять, она отказалась. Сильно обиделся на неё Муса, даже в Новосибирск отсюда уехал. Кто-то сообщил ему, что у Катерины появился временный муж, Муса сразу закипел. Позвонил

мне, попросил, чтобы я и её, и ухажёра зарезал. Иначе как обиду успокоишь? Я ответил: Муса не теряй голову. Мы с женщинами не воюем, это у нас не принято. А что касается её ухажёра, то не надо его трогать. Мужик он работающий, спокойный, нас сразу понял. Одного зарежем, другого, все разбегутся, кто нас тогда кормить будет?

Ваха наставительно поднял вверх указательный палец с отросшим ногтем.

- Видишь, какое доброе дело я для тебя сделал. Держись за нас, сто лет проживёшь, и ещё немножко прихватишь. Кроме того, я ещё сказал Мусе, что мужик, который поселился у Катерины, наш человек, мусульманин. Почти как наш родственник. Как такого убивать?

Ваха шлёпнул Джамолиддина тяжёлой ладонью по плечу и ушёл, а Джамолиддин ещё долго размышлял о состоявшемся разговоре и странной философии кавказцев, которая никак не укладывалась в рамки тех понятий, которыми жил до сих пор таджикский мардикор.

Между тем, короткое якутское лето миновало, и за ним сразу же пришла зима. Оказывается, в осени природа тут не нуждается. Порывами налетал ветер, пронизывая насквозь. От стужи даже в помещениях новостройки леденели руки, и сковывало губы так, что становилось трудно говорить. Ударили сильные морозы. Пошёл снег, но не такой, как в Азии, не крупными хлопьями, а крупой, вроде рисовых зёрен. Все краски потухли, остались только два цвета: чёрный и белый, без полутонов.

Морозы доходили до сорока градусов и выше. До сорока ещё работали, а когда столбик термометра падал ниже, Макарыч оставлял бригаду дома. Берёг людей, хотя некоторые другие бригады работали, спешили скорее рассчитаться с заказчиками.

- Нам торопиться незачем, - рассуждал Макарыч. - Наш хозяин, полковник, сам собирается в отъезд, а за лето, даст Бог, мы ему жильё тут приготовим. Платят нам за объект, а не за рабочие дни, так что, и помедлить можно.

Джамолиддин в Якутии увидел всё, о чём раньше только слышал. Плюнешь, а на землю плевков ледяным катышком падает. Если не замотаешь лицо шарфом, то щёки и нос в считанные минуты обморозишь, потом на этом месте образуются чёрные, долго не заживающие язвы. И руки надо беречь, для мардикора они – не последнее дело. Узнал Джамолиддин, что такое шёпот звёзд. Это когда морозы достигают пятидесяти градусов и выше, то от стужи снежные крупинки начинают двигаться и трутся одна о другую. И тогда слышишь едва уловимый шелест, получивший такое красивое название.

Холода переносятся легко, когда в помещениях тепло, а на его отсутствие жители Якутска не жаловались. ТЭЦ топила так, что к батареям

рукой прикоснуться было нельзя, дома у Катерины Джамолиддин сидел в одной рубашке.

Он с интересом смотрел на якутов, которые закутались в свои меховые одежды, да ещё изнутри согревались спиртом. В таких нарядах они походили на снеговиков, которых дети Джамолиддина в Душанбе скатывали из свежевывпавшего снега. Забавно было на них смотреть, и в то же время понимаешь, насколько люди могут приспособливаться и выживать в суровых условиях. Одного только не увидел таджикский мардикор, это долгой полярной ночи. Её в Якутии не было, всё-таки она располагалась не за Полярным кругом. То ли Макарыч сам этого не знал, когда пугал Джамолиддина нескончаемым зимним мраком, то ли шутил без улыбки, по своему обыкновению. Дни были, но очень короткие и какие-то тусклые, хотя от снега слепило глаза. Белёсое небо низко нависало над землёй, на солнце можно было смотреть безбоязненно: желтоватый шар с размытыми очертаниями. Никакого тепла от него и никакой радости. От сильных морозов лопались стволы деревьев, и такие трещины походили на бескровные раны, полученные растительным миром в поединках с суровой природой.

Работали так же, по двенадцать часов, когда можно было, и при свете прожекторов. Морозный воздух сгущался, курился туманной дымкой, и лучи прожектора походили на световые столбы.

Честно говоря, Джамолиддин не рад был ни самой Якутии, ни большим деньгам, которые обещались. Здешний мир не предназначался для людей, хотя они жили тут и упрямо противостояли его невзгодам. Только теперь Джамолиддин понял, в каком всё-таки относительном комфорте живут люди в Средней Азии. Летом жара тоже даёт знать о себе, но всё-таки она переносится легче, чем лютые холода, и потом от зноя можно укрыться, оборониться от него тем же кондиционером, а холод – он вездесущ, и более коварного врага для всего живого трудно придумать.

Можно было собраться и уехать из Якутии. Что-то Джамолиддин уже заработал, а остальное можно набрать в Подмосковье, на производстве тех же стеклопакетов. Что ни говори, а тамошняя зима мягче, не в пример якутской. Но по своей природе Джамолиддин был упрямым и самолюбивым человеком. Не хотелось выглядеть в глазах бригады слабаком, и потом не привык он бросать начатое дело на полдороге. Ну и если признаться, то в Якутске его удерживала и Катерина, привязался Джамолиддин к ней. Уютная она женщина, чистоплотная, хорошая хозяйка, ценила семейный покой и знала, чем и как удержать возле себя мужчину. Даже странно было, что до сих пор ей не удалось создать прочное домашнее гнездышко.

Казалось бы, всё сложилось удачно, живи себе и наслаждайся покоем и верь, как говорил великий Саади: за холодной зимой обязательно придёт теплая солнечная весна.

Но судьба у Джамолиддина была своевольной, и мы уже говорили об этом, что ему вечно до всех было дело, а такая активная жизненная позиция далеко не всегда оборачивается благополучием. И на этот раз, видно сочла судьба, что хватит ему пребывать в довольстве и приготовила новое испытание.

В один из дней, когда столбик термометра буквально рухнул вниз и достиг отметки в пятьдесят пять градусов, Макарыч объявил выходной. «Береги, братва, свои причиндалы, - сказал он простуженным голосом. – Прячься в тепло. Отхватит мороз мужские достоинства, с чем тогда домой возвратитесь. Выгонит жена из дому, и с деньгами будете бомжевать. Мужчина без этого дела, всё равно, что Якутия без морозов».

Дома было тепло, Джамолиддин разнежился, но оказалось, что нет хлеба к обеду. Катерина вызвалась сходить в магазин, но Джамолиддин воспротивился. Мужчина он или нет? Ещё не хватало за женской спиной отсиживаться, хотя, признаться, за спиной поварихи могли укрыться и двое таких, как он.

Оделся потеплее и выскочил на холод. Ощущение было такое, словно его с размаху бросили в ледяную прорубь. Стужа моментально сковала всё тело. Город окутывала сиреневая дымка, солнце сквозь неё струило рассеянный серебристый свет. Казалось, ничему живому нет места на этой земле. Тем не менее, прохожих было много, хотя все спешили, пряча носы в меховые воротники. По улице шли, забегая из магазина в магазин. Отогрелся, пришёл в себя, и рысцой до следующей торговой точки. И Джамолиддин так же, ему тем более холод был не по нутру. Снег скрипел под ногами, дыхание изо рта вырывалось клубами пара, намерзавшего ледяными кристаллами на ресницах. До продуктового магазина осталось всего ничего, когда Джамолиддин услышал чей-то смех. Это было так неожиданно, что он даже остановился. Осмотрелся, с трудом поворачиваясь в толстой меховой дохе. Увиденное тоже поначалу заставило его улыбнуться. Прямо по середине широкой обледеневшей улицы мчался олень. Рога он запрокинул на спину, горячее дыхание окружало его серебристым сиянием, копыта выбивали дробь по крепчайшей ледяной корке. За оленем волочились перевёрнутые сани, а за ними якут в меховой одежде, парке. Его нога застряла в боковине саней, он пытался ухватиться за них и не мог. Орал что-то нечленораздельное, по всей видимости, пытаясь остановить оленя, но тот, перепуганный, только увеличивал скорость бега. Видно, где-то на повороте незадачливый седок не сумел сдержать оленя, и сани опрокинулись.

Картина и впрямь была комичной. Якут махал руками и походил на двигатель, который вращением лопастей способствует движению необычного транспортного средства.

- Это Савоська, - пояснил какой-то прохожий Джамолиддину. – Никогда трезвым не бывает. Вечно с ним что-то приключается.

Якут Савоська был местной достопримечательностью. Никто и никогда не видел его трезвым. Говорили, как при рождении он сделал первый глоток водки, так не может остановиться до нынешнего времени. Джамолиддин не раз видел Савоську на улицах, тот всегда был с бутылкой и отпивал из неё без закуски и так запросто, точно это была обычная вода.

Но смех смехом, а помочь человеку следовало. Где-нибудь на очередном повороте сани могло занести, и тогда Савоська с размаху ударился бы о бетонный столб уличного освещения. К удивлению Джамолиддина никто не торопился удержать оленя; все смеялись и торопились укрыться от холода в ближайшем магазине.

Как всегда таджикский мардикор не мог оставаться в стороне. Он выбежал на дорогу и, когда сани поравнялись с ним, упал на них и схватился за полозья. Тяжесть его тела сразу же ощутилась оленем. Он замедлил бег, а потом и остановился, тяжело поводя заиндевевшими боками. Джамолиддин поднялся, помог Савоське высвободить ногу и удержал того, когда подвыпивший якут бросился бить оленя.

- Животное нипричём, - Джамолиддин перехватил занесённую над оленьей мордой руку Савоськи. – Ты сам не справился с санями, а зло на олене хочешь сорвать.

Помог якуту поставить сани на полозья, усадил его, и Савоська гикнул. Олень побежал, размашисто переставляя ноги. Ни спасибо якут не сказал, и вообще не обратил внимания на своего спасителя. Вёл себя так, будто сам выпутался из беды. Впрочем, Джамолиддин и не нуждался ни в чьей благодарности. Он поступил в соответствии со своей натурой. Человеку приходится трудно, нужно помочь ему, всё остальное пусть идёт своим чередом.

Таджикский мардикор забыл об этом случае, но якут оказался лучше, чем о нём можно было подумать. Дней через пять, когда бригада расположилась на короткий обед, Макарыч окликнул Джамолиддина.

- Джамол, к тебе посетитель.

Оказалось, пришёл Савоська. Он был низкорослым, кривоногим, с плоским скуластым лицом и узкими, точно бритвенным лезвием прорезанными глазами. Якут был уже не молод, редкие волоски вместо усов и бороды были наполовину седыми.

Савоська сдвинул с головы меховой капюшон и сел рядом с Джамолиддином на перевёрнутое ведро. В комнате, где отдыхала бригада, было тепло, на этот час включали электрического самодельного «козла», его толстая спираль малиново светилась в затемнённом помещении.

- Спасибо тебе пришёл сказать, - проговорил якут. – Не ты, убил бы меня олешек. Молодой, совсем дурак ещё, только бегать может. Команды не понимает, а хорей, длинную палку, я выронил.

Джамолиддин махнул рукой.

- Не стоит благодарности, любой на моём месте поступил бы так же.

- Не скажи, - возразил Савоська. – Все только смеялись, один ты бросился на сани. Вот подарок тебе привёз, кушай, пожалуйста.

Подарком оказался большой кусок мёрзлой оленины, завернутый в мешковину.

Джамолиддин смутился.

- Куда столько, тут на всю бригаду хватит.

- Все кушайте, - разрешил якут.

Он вытащил из кармана почерневшую от времени трубку, набил её табаком и закурил, по временам сплёвывая на пол. От якута пахло кислой шерстью и алкоголем.

- Как ты меня нашёл? – удивился Джамолиддин.

- Потом многих спрашивал. Ты – не русский, заметный человек. Сказали – кто и где работаешь.

Действительно, Якутск не такой уж большой город, если захочешь отыскать нужного человека.

Савоська то и дело ерошил густые короткие волосы на голове жёсткой ладонью, наверное, голова чесалась в тепле. Зубы у него были жёлтые, прокуренные, одного впереди не хватало.

- Как твоё имя? – спросил якут.

- Джамолиддин.

- Сложно, однако. Я буду тебя Димой звать.

Джамолиддин пожал плечами.

- Зови.

Савоська достал из кармана початую бутылку водки.

- Давай выпьем за знакомство, я угощаю.

Джамолиддин отрицательно покачал головой.

- Нельзя на работе, и потом я вообще не пью.

- А кто пьёт? – удивился якут. – Пьют – это когда компания. Ящик водки зараз уходит. А когда одна бутылка на день, это только греешься. Сам видишь, мороз какой.

- А летом для чего пьёшь? – любопытствовал молдаванин Мирча. – Летом мороза-то нет.

Савоська поразмыслил.

- В жару тоже полезно пить, тогда пот на лице выступает, ветерок дует, прохладно становится.

Бригада с улыбкой приняла такое объяснение.

- Всё, братва, - объявил бригадир. – Кончай ночевать, давай за дело.

Якут распрощался.

- Теперь я часто буду тебя навещать, - объявил он таджикскому мардикору. – Друг ты мне стал, однако.

- Приходи, - согласился Джамолиддин. Ему было смешно. Ни с кем он особо не сошёлся в Якутске, а тут сразу друга приобрёл.

И верно, теперь Савоська часто приходил поведать его. Сидел, курил, смотрел, как Джамолиддин работает. Обменивались короткими фразами. А когда уходил, неизменно предлагал выпить. Джамолиддин отказывался. Якут обижался, начинал спорить, брызгал слюной.

- Не уважаешь, - кипятился он. – Друга не уважаешь. Большой это грех у нас, у якутов. Хочешь, оленя тебе подарю?

Олень Джамолиддину был не нужен и, чтобы успокоить нового друга, брал у него бутылку с водкой и подносил к губам. Делал вид, что пьёт.

- Совсем другое дело, - одобрял Савоська и уходил до следующего раза.

Его посещения веселили бригаду, но Джамолиддину было не смешно. Ему часто приходилось видеть, во что превращает человека неумеренное пьянство. Тут был такой же случай. По своей натуре Савоська был неплохим человеком, ему не чуждо было понятие благодарности. Он ценил дружбу, хотя понимал её по-своему. Но неумеренная выпивка разложила его характер. Якут был непредсказуем. Не понимал шуток, у него часто были перепады в настроении. От любой малости впадал в бешенство, и тогда хватался за нож, висевший у него на поясе.

Джамолиддин с трудом успокаивал его.

- Слушай, Дима, розетку можешь починить? – спросил как-то якут.

- А что с ней?

- Искрит, понимаешь, включишь плитку, дым идёт.

- Наверное, контакты пригорели, - предположил Джамолиддин.

- Обязательно пригорели, - согласился якут. – Прошу, посмотри, пожалуйста. Квартира сгорит, где тогда жить буду.

После работы Джамолиддин с Савоськой пошли к нему домой. Жил якут в старом двухэтажном доме, на окраине города.

По его рассказам, в тундре у него была яранга, жилище якутов, и около сотни оленей. Выпасали их жена, сын и сноха. Сам Савоська ничем не занимался, только пил и шатался подвыпивший по городу. Жена присылала ему деньги, на водку хватало, а остальное якута мало заботило.

К великому удивлению таджикского мардикора, трёхкомнатная квартира Савоськи блистала чистотой и была обставлена неплохой мебелью, что никак не вязалось с образом жизни и внешностью самого якута. Джамолиддин знал, что Савоська живёт с дочерью Варварой, Варькой, как называл её отец, и представлял её такой же, как и все якутки, маленькой, плосколицей, непривлекательной для приезжих людей. Но когда Джамолиддин увидел Варвару, у него даже дыхание перехватило, такой она оказалась красавицей. Конечно, она не походила на российских привлекательных девушек с их русыми волосами и глазами небесной голубизны, но была настолько своеобразной, что взгляд трудно оторвать. Довольно высокая, выше среднего роста, с округлым лицом и большими чёрными глазами. Черты лица правильные, хотя излишне выдавались верхние скулы. Кожа лица смугловато-матовая, чистая, губы полные, хорошо очерчены. Варвара больше походила на японку, таких Джамолиддину приходилось видеть на рекламных проспектах, которые прилагались к товарам страны Восходящего солнца.

- Моя дочь, - представил Савоська. – Варькой, однако, кличут.

Девушка держалась просто, без излишнего стеснения. Она протянула руку Джамолиддину.

- Варвара.

Таджикский мардикор представился. Он ощущал непреходящее смущение. Необычная красота девушки поразила его, и он никак не мог побороть возникшую неловкость. Конечно, у Джамолиддина и мысли не было начать ухаживать за Варварой или какие-то ещё наладить с ней взаимоотношения, слишком он стар был для неё. Но как всякому мужчине в такой ситуации, ему стало немного грустно. Кому-то такая красавица станет женой и подарит столько радости в жизни, а ему вот пришлось довольствоваться обыденностью. Джамолиддин не мог пожаловаться на свою Манзуру, оставшуюся в далёком Душанбе, собой она была ничего, хорошая

хозяйка и подарила ему пятерых детей, но по красоте Манзуре всё же было далеко до якутской девушки. Так уж мы устроены: имеем хорошее, а хочется ещё лучшего.

Джамолиддин вздохнул и, чтобы разрядить возникшую неловкость, проговорил: - Ну, показывайте свою дымящую розетку.

Розетка, действительно, нуждалась в ремонте. Она была старой, от постоянных перегревов пластмасса высохла и раскрошилась, контакты обгорели. Её не чинить нужно было, а заменить на новую, что Джамолиддин и сделал. С собой он прихватил одну со стройки, рассудив, что заказчик не обеднеет.

Осмотрел и другие розетки. Ещё две нуждались в замене, кроме того, на потолке отвалился кусок штукатурки, и проглядывала дранка, у одного из шкафов выскочили шурупы из гнёзд, и дверца повисла на одной петле.

Увиденное втайне обрадовало Джамолиддина. Ему захотелось ещё раз побывать в квартире Савоськи, и теперь для этого отыскался хороший повод. Он любовался девушкой, как совершенным произведением искусства, когда зачарованно и подолгу глядят на него, не испытывая при этом желания приобрести в свою собственность.

- Тут и остальные розетки нужно в порядок приводить, - сказал Джамолиддин хозяину квартиры. - И с потолком, видишь, что у тебя делается. Если ты непротив, я почию.

- Почини, дорогой, - согласился якут, - Мы заплатим тебе, она заплатит, - Савоська ткнул пальцем в сторону молчаливо стоящей Варвары. - Она работает, денег мало-мало найдёт.

С того дня Джамолиддин стал частым гостем в доме якута. Привёл в порядок всё, что можно, вроде уже больше и незачем было приходить, но тянуло, и таджикский мардикор не мог противостоять этой тяге. Он узнал, что Варвара окончила медицинское училище, и сперва работала фельдшером в тундре, в дальнем стойбище оленеводов, но потом отец настоял, чтобы она перебралась в Якутск. Кто-то же должен заботиться о нём, готовить обеды, прибирать в квартире. Кто это может сделать лучше дочери, сам же Савоська занят с утра до вечера, у него чисто мужские дела. Сейчас Варвара работала медсестрой в городской больнице, и опять отец приказал, чтобы она находилась там только полдня, взяла лишь полставки. Девушке исполнилось двадцать четыре года, но она была незамужем. Нельзя сказать, что женихов не было, их-то как раз хватало с избытком. Были и красивые парни, и деловые люди с солидным положением, но Савоська отваживал всех. «Я тебе такого мужа найду, - говорил он и при этом щурил и без того узкие глаза, - все ахнут от зависти». Этому-то как раз и боялась девушка, она знала, какие друзья у отца, но и возразить не смела. Была воспитана тихой и боязливой.

Поначалу Варвара держалась с Джамолиддином сдержанно, но потом всё больше оттаивала, перестала дичиться, и у них установились простые и доверительные отношения.

Конечно, о том, что таджикский мардикор сдружился с вконец спившимся Савоськой и стал частым гостем в его жилище, знали все в Якутске. В небольшом городе такое не скроешь, тем более, как мы уже говорили, Савоська был местной знаменитостью, хотя и со знаком минус.

Узнала о новом увлечении Джамолиддина и Катерина. И впервые за полгода у них состоялся серьёзный разговор.

- Долго ты будешь таскаться к этому пьянице? – напрямую спросила разозлённая повариха.

Джамолиддин искренне удивился.

- А что в этом особенного? Человек попросил помочь, я и помогаю. Вспомни, я и тебе не отказал в содействии.

- Ну да, а потом прижился, - язвительно прокомментировала Катерина.

Джамолиддин почувствовал себя уязвлённым.

- Позволь, - сказал он, - я тебе не навязывался. Ты сама предложила, чтобы я остался. Я и остался. Конечно, ты мне очень понравилась, без этого я бы не решился на такой серьёзный шаг. Всё-таки у нас с тобой не простые отношения.

Катерина всё больше закипала, как самовар, в который подбросили ещё пригоршню сосновых шишек.

- А теперь тебе понравилось в другом месте, и ты ждёшь, чтобы тебе предложили там остаться. А так как этого не догадывается сделать, ты и пашешь безвозмездно на этих узкоглазых, они и рады, нашли дурака.

Молодая женщина раскраснелась от злости, глаза так и сверкали, как у разъярённой кошки.

Джамолиддин не терпел ни ссор, ни выяснения отношений, и всегда старался избегать их, насколько это было возможно. С женой он прожил тридцать лет без скандалов, и, надо сказать, ни разу за полвека существования на этом свете ни с кем не подрался. Вот и теперь он старался погасить назревающий скандал, и чем громче кричала Катерина, тем спокойнее и тише отвечал он на все её выпады и попытки задеть его за живое.

- Конечно, - выходила из себя женщина, - там молодая девка, не чета мне, вот ты и разохотился, как кот на сметану. Ещё бы свеженькая, никто до

сих пор не трогал. А ты подумал, бесстыжие твои глаза, что она тебе во внучки годится. Решил завести себе десятую жену, как это там у вас принято!

- Во-первых, у нас не принято иметь десять жён, - примирительно отвечал Джамолиддин. – Коран разрешает иметь только четыре жены, а у нас республика светская, и многожёнство запрещено законом. А, во-вторых, Варвара и впрямь слишком молода для меня, и я это хорошо осознаю.

- Вас, кобелей, возрастом не остановишь, - не унималась повариха. – Вы там, у себя, и на семилетних женитесь. Слышала я, как же...

Джамолиддин вздохнул.

- И опять-таки неправда, никто у нас на семилетних не женится, не нужно нас делать хуже того, что мы есть на самом деле. Мы – не дикари и не людоеды...

- Вот что, - оборвала его Катерина. – Или ты прекратишь таскаться туда, или собирай свои манатки и катись к чёртовой матери. Вот тебе моё условие.

Теперь и Джамолиддин вышел из себя.

- Ну, раз так, - и стал собирать свои вещи.

Но Катерина, непоследовательная, как и все женщины, в словах и поступках, вырвала у него рюкзак.

- Обойдётся! – закричала она. – Так я тебя и выпущу. Ишь, обрадовался. Давай, пей чай и ложись спать, время уже позднее.

С того дня Джамолиддин старался реже встречаться с Варварой. Он уже и сам не мог понять своего отношения к ней. Тянуло к девушке, как магнитом, и в то же время понимал, что слишком большая разница между ними во всём – и в возрасте, и в положении. Он старше её на тридцать лет, действительно, она ему во внучки годится. И потом ей нужен человек с положением, который мог бы обеспечить её и устроить ей сносную жизнь, а что он, мардикор, которого стремление заработать гоняет по всей России, как колючий шар «перекати-поля». Как говорится, ни кола, ни двора. А иногда приходила в голову бесшабашная мысль: а не послать ли всех к чертям собачьим, взять Варвару и уехать с ней, куда глаза глядят?! Россия – она большая, где-нибудь осядут и заживут спокойно. Руки у него есть, голова на месте, сумеет устроиться не хуже людей. Теперь уже Джамолиддин стал понимать, что влюбился не на шутку в молоденькую медсестру, и готов был совершить безрассудный поступок. Оставалось последнее – решиться на него.

После работы Джамолиддин не сразу шёл домой, хотя и не заходил в дом Савоськи. Он проходил мимо его жилища, замедливал шаги, видел в окне силуэт Варвары, и сердце отзывалось на эту картину острой болью, как будто

кто-то втыкал в него иголку. Катерина не могла его упрекнуть, что он все вечера проводит в обществе молоденькой девушки, но и не видеть её, и не думать о ней Джамолиддин не мог.

Наверное, он всё-таки решился бы на серьёзный разговор с Варварой, И кто знает, какое бы действие последовало за этим, но в судьбу таджикского мардикора вмешался случай, то самый случай, который нередко направляет мерный ток нашего бытия совсем в другое русло.

Семья Савоськи взбунтовалась. Приехал его старший сын Игнат, степенный и неторопливый в речах оленивод, и заявил отцу, что больше они денег ему давать не будут. Он пьянствует без перерыва, позорит их, и работающая и честная семья Рытхэу превратилась в посмешище во всей Якутии. Варвару они забирают к себе в тундру, а он пусть живёт, как хочет.

Савоську взбесило такое решение. Он бросился драться на сына, но тот отбросил его, как щенка, и повторил ещё раз, что больше они пьяницу не считают главой своей семьи. Если отец возьмётся за ум, пусть приезжает в их стойбище и работает наравне со всеми. Пусть докажет, что он не совсем пропащий человек и тогда будет видно. Может они снова признают его старшим в своём роде.

Обо всём этом Джамолиддину рассказала Варвара. Она подкараулила его, когда он возвращался домой, и со слезами на глазах сообщила о семейном раздоре.

Джамолиддин совсем не был готов к такому повороту событий. Он досадливо морщился, и не мог придумать ничего путного.

- Джапол, ты знаешь, что отец придумал, - продолжала девушка. – Он заявил: раз мы пошли против него, он тоже сделает нам подарок. Решил продать меня за четыре ящика водки местному шаману. Тот давно уже предлагал отцу такую сделку.

- Шаман молодой? – невпопад осведомился Джамолиддин.

- Старый, давно за семьдесят, а всё на девушек заглядывается. Он ко мне уже лет пять сватается, отец бы давно уступил ему, но всё кажется, что цену маленькую дают. А тут целых четыре ящика водки, отцу надолго хватит.

И Варвара заплакала, прижавшись лицом к меховому тулупу таджикского мардикора.

И тут Джамолиддину пришла в голову такая мысль, от которой он разом повеселел. Варвара годится ему, если не во внучки, то уж в дочери, это точно. И поступит он с ней по-отцовски, от чего все будут довольны, кроме Савоськи, конечно.

- Варя, давай вот что сделаем, - предложил он. – Дам тебе денег, и ты поедешь ко мне домой, в Таджикистан. Станешь моей дочерью, места хватит, мои женщины не будут возражать. Я напишу им, и тебя встретят по родственному. А как закончим стройку, так и я домой вернусь.

- И что я там буду делать? – негромко отозвалась Варвара.

- У тебя есть хорошая профессия, устроишься на работу в «Скорую помощь». Это целый больничный городок, совсем недалеко от нашего жилья, - с жаром говорил Джамолиддин. – Там есть знакомые, помогут. Да и без них обойдёмся. Спрос на медсестёр большой.

Поработаешь, поступишь в мединститут. Ты ведь умница, у тебя всё получится. До обеда будешь учиться, а во второй половине дня работать. А будет тяжело, прокормим, только, чтобы ты стала врачом. Не чужая ты мне, в конце концов. У меня такое хозяйство, половину города можно обеспечить.

Джамолиддин говорил с жаром, и сам поверил в то, что его предложение вполне осуществимо. Его убежденность подействовала на девушку. Она подняла голову и смотрела на него со слабой улыбкой.

- Ты – хороший человек, - сказала она. – Я сразу полюбила тебя.

Джамолиддина от этих слов словно огнём опалило. Он почувствовал такую уверенность в своих силах, что мог бы сейчас даже горы свернуть. А Варвара продолжала открывать ему свою душу: - Я даже хотела предложить, чтобы ты женился на мне. Уехали бы куда-нибудь. Лучше тебя я всё равно человека не найду. Чем жить с каким-то пьяницей, лучше с крепким и работающим человеком, пусть другой национальности. Не это ведь главное, правда...

- А что если... – мелькнула в голове Джамолиддина сумасшедшая мысль, но он тут же отбросил её, как нелепую. Простой арифметический расчёт удержал его от юношеского порыва. Сейчас ему пятьдесят четыре года, она на тридцать лет моложе его. Через двадцать лет ему будет семьдесят четыре, а она достигнет расцвета женской зрелости.

И что тогда? Видеть каждый день старика, с трудом передвигающего ноги, с красными слезящимися глазами, седой бородой и большой плешью, украшающей трясущуюся голову? Нет, такая судьба не для него. Не зря же жизнь устроена совсем по другому принципу: молодость тянется к молодости, а старики должны находить утешение в воспитании внуков и забавах с ними.

Джамолиддин сдержал тяжёлый вздох.

- Нет уж, милая Варя, - сказал он и ласково коснулся губами её лба. – У меня большая семья и не нужно выбивать из-под неё опору. Всё уже сложилось, устоялось и пусть идёт своим чередом. А с тобой давай поступим

так, как я уже сказал. Пожалуй, это будет самое разумное. Ступай, поговори с отцом, и, если он будет стоять на своём, собирайся в дорогу.

Девушка не до конца преодолела все сомнения.

- Но у вас, в Таджикистане, государственный язык – таджикский, - сказала она. – Как я буду там работать и учиться?

Джамолиддин даже засмеялся.

- Нашла чего бояться! У нас все знают русский язык, это раз. Второе, язык наш очень красивый, недаром поэзия – главное составляющее нашей культуры. Окажешься среди таджиков, язык сам войдёт тебе в память. Я помогу, и все тебе помогут. Ещё так будешь говорить по-таджикски, завидовать тебе станут.

Варвара ответно улыбнулась.

- Убедил.

- Ну, вот и прекрасно. А то давай вместе поговорим с твоим отцом. Мы же всё-таки с ним друзья. Не совсем же он безнадежный человек.

Варвара решительно тряхнула головой.

- Нет, я сама.

- Ну и ладно. А с ним нужно поговорить обязательно.

Джамолиддин не до конца понял натуру человека, для которого водка стала основным смыслом жизни, и этот совет дорого обошёлся ему самому, и ещё дороже милой его сердцу девушке.

Они расстались, договорившись встретиться завтра утром. Стоял первый весенний месяц, но до тепла ещё было далеко. Мороз крепко держал в своих объятиях оцепеневшую землю, воздух был колючим и обжигал лицо, а звёзды холодно помаргивали в недостижимой высоте, и было такое впечатление, будто они старались держаться подальше от холодной и неприветливой земли, всё ещё одетой в плотный снеговой покров.

- Поцелуй меня, - попросила Варвара на прощанье. Он хотел коснуться её щеки, но она сама подставила ему губы, и этот поцелуй мало походил на ласку отца и дочери. Джамолиддин даже смутился, когда понял это.

Он проснулся в шесть утра. Спал плохо, тревожно и беспокойно. Сквозь дрему думал: как прошло объяснение Варвары с отцом? Умылся, позавтракал, и тут в дверь забарабанили. Сердце застучало тревожно, отворил дверь, увидел встревоженного Макарыча. Его лицо было краснее обычного, да и одет он как попало.

- Беда, брат! – выпалил Макарыч, заходя в квартиру. – Не знаю, о чём говорила Варька с отцом, но он совсем взбесился. Избил дочь до полусмерти, собрал дружков, таких, как он сам, и они намереваются идти к тебе выяснять отношения.

- Я поговорю с ним, - произнёс Джамолиддин решительно. Катерина схватила его за рукав рубашки, точно он уже собрался выйти на улицу.

Макарыч замахал руками.

- Никакого у тебя разговора с Савоськой не получится. Он вооружился винтовкой, и у его дружков тоже ружья. Сделают из тебя решето, потом разбирайся. Заварил ты, брат, кашу.

- Что же делать? – спросила Катерина растерянно.

- Прятаться Джамолу нужно.

- А как же работа? – Джамолиддин всё ещё не верил в случившееся.

- Какая тебе работа? – заревел Макарыч. – Ты о жизни своей подумай. Одевайся наскоро и пошли отсюда. Вот-вот якуты нагрянут.

- Но куда? – не успокаивалась Катерина.

- Пойдём к Крупнову. Он мужик головастый, что-нибудь придумает.

Крупнов внешне спокойно выслушал встревоженного Макарыча.

- Да, с якутами шутки плохи, - согласился он. – Это как в стоячее болото бросить камень, долго потом муть не осядет. Давай, спрячу я тебя, Джамол, а дальше видно будет.

- Я скажу Катерине, чтобы собрала твои вещи и принесла сюда, - дополнил Макарыч. – А Савоське она объяснит, что ты, дескать, уехал.

Спрятаться у бывшего полковника было где. У него имелся небольшой дом из четырёх комнат, а к дому примыкал утеплённый гараж с входом из самого дома. Гараж походил на хорошую квартиру, просторный, отделанный кафелем. В нём были стоянка для машины, ремонтная комната с множеством инструментов и подъёмником, и помещение для отдыха с мебелью.

- Пока побудешь у меня дома, - рассудил Крупнов. – Если придут якуты, укроешься в гараже. В крайнем случае, залезешь в яму под джип. Уйдут, снова вернёшься дом.

- Прямо как у нас в гражданскую войну, - усмехнулся Джамолиддин.

Крупнов укоризненно покачал головой.

- Ты не знаешь якутов. Им бы только побузить, а тут такой повод отыскался.

У Крупнова Джамолиддин прожил неделю. Сидел безвылазно в доме и дважды отсиживался в гараже, когда Савоська с дружками пришёл с требованием, чтобы полковник отдал им Джамолиддина для серьёзного разговора. Им всё не верилось, что мардикор сумел выбраться из Якутска. Боевое настроение подогревалось алкогольными парами.

- Лучше по-хорошему, полковник, отдай Димку, - воинственно размахивал винтовкой Савоська. – Найдём у тебя, от дома одни щепки оставим.

- Ищи, - спокойно отзывался Крупнов. – Какой мне смысл влезать в ваши распри. Сами между собой разбирайтесь.

С тем якуты и уходили от него.

Обстановка обострялась с каждым днём. Савоська собрал войско из двадцати человек, и они обшаривали весь город. Милиция не вмешивалась, пока не видела для этого оснований. Савоське вынесли предупреждение, но он пропустил его между ушей.

- Русские хотели отнять мою дочь! – кричал Савоська, забыв о том, что его недавний друг совсем другой национальности. – Они угнетают якутов, заставляют нас работать, лишают права на самостоятельную жизнь. Не потерпим этого!

- Не потерпим!- орали Савоськины друзья, потрясая в воздухе ружьями. – Даёшь якутскую революцию!

Обстановка накалялась с каждым днём.

- Вот что, брат, - сказал Джамолиддину полковник как-то вечером. – Как ни жаль, но тебе нужно выбираться отсюда. Якуты не успокоятся, пока не доберутся до тебя. Плохо то, что рассчитать я тебя сейчас не могу. Деньги получу только через дней десять. На дорогу дам, а остальные получишь позже, когда уляжется вся эта смута. Пока, если хочешь, можешь взять мой джип.

Джамолиддин отказался. Зачем ему машина, если он не может водить её, не имеет права, а кроме того, как тащить её из Якутии в Таджикистан?

- Могу дать акции нефтяной компании, - предложил Крупнов. – В Москве продашь их и получишь свою сумму.

И снова таджикский мардикор отказался. Он привык иметь дело с наличными деньгами, а в акциях и других ценных бумагах разобрался плохо.

- Ладно, потом рассчитаемся, - сказал он решительно. – Ехать, так ехать.

Через два дня из Якутска уходил КАМАЗ. Путь его лежал до небольшого соседнего селения Бестях, вёз туда продукты. Оттуда по реке Лене, а потом поездом можно было добраться до Красноярска, а там самолётом прямо в Душанбе.

Выехать должны были в утренних сумерках. Но, как назло, шофёр долго не мог завести промёрзший грузовик, а когда, наконец, разобрался, в чём дело, рассвет уже окутал город серебристой пеленой. КАМАЗ подъехал прямо к дому Крупнова, Джамолиддин забрался в кузов, и покатили. Попрощался наспех с Катериной, которая не скрывала слёз и обещала ждать его, сколько ни придётся, с Макарычем и самим хозяином дома. Ехали по центральной улице. Джамолиддин не сводил глаз от домов и проулков Якутска, думал, что больше не доведётся побывать тут. В кузове штабелями были сложены ящики и мешки, он сидел на них, укутавшись в меховой тулуп, и чувствовал, что всё равно холод достаёт до тела.

КАМАЗ уже сворачивал с центральной улицы на просёлок, когда Джамолиддин увидел Савоську. Тот брёл по обочине дороги. На плече висела винтовка, которую он придерживал правой рукой. В левой привычно держал бутылку водки, из которой то и дело отпивал глоток-другой.

Джамолиддин и Савоська встретились взглядами. Якут заорал что-то невнятное, выронил бутылку и сорвал с плеча винтовку. Выстрелил, не целясь. Пуля пробила брезентовый тент над головой Джамолиддина и ушла в воздух.

Савоська передёрнул затвор, теперь уже прицелился, но выстрела не последовало. Должно быть, в магазине оружия больше не было патронов. Якут отбросил винтовку в снег, выхватил из ножен на поясе большой нож и погнался за машиной. Шофёр газанул, но КАМАЗ на скользкой дороге занесло. Задние колёса бешено крутились, а машина почти не ехала, всё больше смещаясь к краю дороги. Мотор ревел, ведущие колёса вращались, а грузовик почти не двигался.

Савоська зажал нож в зубах, подпрыгнул и ухватился руками за задний борт машины. Его покрасневшее от натуги лицо показалось над бортом. Джамолиддин обострившимся зрением различал все детали, он видел налитые кровью глаза якута, капельки пота на его лбу и длинное блестящее лезвие ножа в зубах, запотевшее от дыхания. По лезвию стекала струйка слюны...

Ещё усилие и Савоська окажется в кузове. Драться с ним и обороняться от ножа вовсе не входило в намерение таджикского мардикора. Джамолиддин сделал единственное, что возможно было в его положении: сполз с мешков

вниз и впечатал каблук тяжёлого сапога прямо в лоб разъярённого якута. Тот вскрикнул, руки разжались, нож выпал из зубов, а сам Савоська полетел на дорогу. Ударился о блестящую ледяную поверхность спиной, и так и остался лежать, раскинув руки. Голова его неестественно вывернулась, ноги в расшитых меховых торбах пару раз дёрнулись и замерли.

Тут КАМАЗ сполз, наконец, с накатанной колеи, обрёл под колёсами опору и рванул вперёд. И пока не выехали на просёлок, Джамолиддин видел распостёртое на льду неподвижное тело якута...

Домой он добрался через четыре дня. Был хмур и неразговорчив. На расспросы жены и родственников отделивался короткими фразами, и всё не находил себе места. Брату Алишеру рассказал о случившемся.

- Подумать только, человека я убил, - сокрушался Джамолиддин.

Алишер пытался его утешить.

- Так сразу и убил. А может, он просто потерял сознание, а потом пришёл в себя и встал на ноги.

- Нет, убил. У него голова свернулась, сломал себе шею.

- Ну, и убил, - стоял на своём Алишер. – Кто знает, что это сделал ты? Свидетелей-то не было.

- А шофёр?

- Что шофёр... Может и он не видел, машину, сам говоришь, несло в кювет. Тут не до наблюдений. А и видел, болтать не будет. Нужны ему лишние заботы. Не остановил машину, тоже может пойти под суд как соучастник.

Но такие рассуждения не успокаивали Джамолиддина. Всё время снились ему, то расстроенная Катерина, семейное счастье которой оказалось таким коротким, то блестящие чёрные глаза Варвары, в которых отражались яркие звёзды, то красное, обветренное лицо бригадира Макарыча.

Мардикор всё ждал, что вот придут за ним милиционеры и арестуют его, но время шло, и никто не приходил.

Спокойствия всё равно не было, тревога не оставляла его.

Дома дел было полно, большое хозяйство требовало заботливого отношения и умелых мужских рук, но ни к чему не лежала душа. Временами накатывало беспричинное раздражение, опустил, перестал бриться. В щетине на щеках и подбородке проблёскивали нити седины.

«Отец, вы совсем перестали следить за собой, - заметила как-то жена. – Стариком выглядите».

«Не для кого стараться», - хмуро отозвался Джамолиддин, не думая, что обижает жену этими словами.

А время шло, полное неопределённости и тревожных раздумий. Миновали лето, осень и зима. Весной стало невмоготу, и Джамолиддин пошёл с повинной в городское Управление внутренних дел.

Разговор с генерал-лейтенантом Шариповым несколько успокоил Джамолиддина. По крайней мере, расследование якутского происшествия началось, скоро появится какая-то определённость.

Через месяц Джамолиддин получил повестку с предложением явиться в УВД города Душанбе. Собрался, снова предупредил жену, чтобы скоро не ждали, а Алишеру сказал, что всё, скорее всего его посадят.

Джамолиддина провели в кабинет начальника Управления. Изатулло Шарипов выглядел усталым, лицо серое, под глазами синие круги. Нелегко обеспечивать порядок в городе.

- Ну, что, Солиев? – спросил генерал.- На отсидку настроился?

Джамолиддин утвердительно мотнул головой.

- Ну и зря, жив и здоров твой крестник. Из Якутска на наш запрос ответили, что Савелия Рытхэу никто не убивал. Более того, сам он совершил преступление, и его делом сейчас занимаются следственные органы.

С плеч Джамолиддина свалилась огромная тяжесть. Он даже заулыбался.

- А какое преступление совершил Савелий? – спросил он начальника Управления.

- А это уже не наша компетенция, - отговорился генерал-лейтенант. – У нас своих дел сверх головы.

- Я могу идти? – Джамолиддину всё не верилось, что его горести и переживания остались позади.

- Идти и ехать на все четыре стороны, - пошутил начальник Управления. – Сам измучился, и нам работы задал. – А потом добавил неожиданное. – А вообще-то молодец ты, Солиев. Если бы все были такими, как ты, совестливыми и порядочными, насколько бы было здоровее наше общество. Да и нам хлопот бы было меньше.

В свою очередь Джамолиддин испытывал чувство признательности к генералу Шарипову. Тот оказался не сухим, чёрствым чиновником от юстиции, а внимательным и отзывчивым человеком. И то, что он с таким участием отнёсся к мардикору, видел в нём не преступника, а человека, силою обстоятельств попавшего в беду, тоже ободряло и обнадеживало.

«Если бы все наши руководители были такими чуткими и душевными по отношению к простому человеку, насколько всем нам жилось бы теплее на свете», - подумал Джамолиддин, выходя из Управления.

Он шёл по городу, испытывая то же самое ощущение, которое переживают осуждённые, неожиданно оказавшиеся на свободе. Он улыбался прохожим, кое-кто отвечал ему тем же, а иные оборачивались и провожали его недоумёнными взглядами.

И Джамолиддин Солиев решил больше никуда не ездить и больше не испытывать судьбу. Хорошо, что на этот раз всё обошлось благополучно, а ведь могло завершиться иначе. Пора успокоиться, тем более, что его характер постоянно причиняет ему неудобства. «Хватит болеть и переживать за всех, - решил он про себя. – Мне уже пятьдесят пять лет. Есть хозяйство, прокормиться можно, вот и займись этим».

И ровно год Джамолиддин занимался своим хозяйством. Но видно не до конца понимал он себя. Следующей весной заныло сердце, и потерял он покой. Столько он поездил и повидал, столько в его жизни было интересного, а теперь запер сам себя в четырёх стенах и томится без глотка свежего воздуха. Наверное, такие чувства испытывают перелётные птицы, готовясь в дальний путь. И тяжело, и много опасностей поджидает их в пути, а не могут они иначе. Преодоление дальних расстояний становится смыслом их жизни. Верно, говорят: кто познал беспредельность мира, тому даже золотая клетка не в радость. Да признаться честно, и денег, заработанных Джамолиддином в Якутске, было жалко. Всё-таки что ни говори, а тридцать тысяч российскими рублями, это вам не кот заплакал.

С наступлением лета таджикский мардикор снова засобирался в Россию. Жена попыталась отговорить его, но кто слушает голос рассудка, когда начинается томление в крови? «Надо заработать денег, - коротко отговорился он. – Пока есть силы, нечего сидеть дома». Поначалу решил побывать в Якутске, получить то, что ему причиталось, а дальше видно будет.

И снова Джамолиддин Солиев летел на самолёте, плыл на пароходе, катил по железной дороге и трясся в кузовах попутных машин.

В Якутске с виду ничего не изменилось. Зелень, цветы, природа стремилась толком использовать каждый погожий день и порадовать людей скромными здешними щедротами. Джамолиддин до нового дома полковника Крупнова добирался окраинными улицами, не хотел встречи с Савоськой или с кем-либо из его дружков. Времени прошло немало, а всё равно могли узнать, и, кто предположит, чем тогда такое свидание обернётся.

Особняк Крупнова порадовал глаза. Добротная постройка, что и говорить, тем более, что в её сооружении есть доля труда и его, Джамолиддина Солиева.

Бывший полковник был дома. Недавно только вернулся из Твери, где жили его жена и дети. Выглядел посвежевшим, отдохнувшим, так же щурил глаза и иронически поглядывал на собеседника.

Встретил Крупнов Джамолиддина радушно. Без слов отсчитал и вручил тридцать тысяч рублей, да ещё пять тысяч накинул как проценты с задержанной суммы. Пошутил, конечно. Потом долго сидели за обеденным столом. Немного выпили, закусили, а дальше Джамолиддин узнал все новости за минувшие два года. Катерины в Якутске не было, вскоре после отъезда Джамолиддина собралась и укатила к себе на Украину. Не жилось ей больше в Якутии без сердечной привязанности. Немало претендентов было на её руку и постель, но не захотела повариха ни с кем связываться, присушил её таджикский мардикор. Другого такого не было, а худшего и даром не надо.

Макарыч после того, как построили особняк Крупнову, с частью своей бригады уехал в Нарьян-Мар, там намечалось прокладка ветки газопровода, можно было заколотить хорошую деньгу.

Джамолиддин молчал.

- А что же ты про Варвару не спрашиваешь? – посмотрел на него в упор бывший полковник.

- Жду, когда сами расскажете, - отозвался Джамолиддин.

Крупнов вздохнул.

- Нет больше твоей Варюхи. Убил её отец. Отлежался тогда на дороге, прибрёл домой, и без слов ударил дочь ножом прямо в сердце. Взяли его, конечно, следствие велось. Медицинская экспертиза показала, что на почве алкоголизма Савелий утратил вменяемость. Поместили его в местную психлечебницу, пожизненно в ней будет сидеть. Дружков его милиция разоружила, и всех выдворили из города в тундру. Так что можешь без опаски ходить по Якутску.

Вот такие дела, брат.

Помолчали. Крупнов снова вздохнул.

- Намутил ты тут воду. Видишь, чем обернулось твоё стремление помочь девушке. Надо было не толкать её на переговоры с отцом, а увезти поскорее, и осталась бы Варвара жива. И не было бы трагедии.

- Хотел как лучше, - глухо отозвался Джамолиддин.

Тоскливо ему стало, защемило сердце, всё это время он чувствовал, что стряслась беда с Варварой, но глушил душевное беспокойство, успокаивал сам себя.

- Натура у тебя особая, - продолжал бывший полковник. – До всех тебе есть дело, а того не учиываешь, что далеко не все хотят чужого участия. Иным лучше, когда их не трогают, дают возможность жить самим по себе. Тем более, тут, в Якутии. Тут ведь вечная мерзлота, во всём, и в людских душах тоже. Наверное, сам это понял...

Джамолиддин побывал на местном кладбище, постоял у могилы Варвары, положил на земляной холмик букет цветов. Мысленно попрощался с самой красивой из женщин, какие только встречались ему на жизненном пути, и знал, что теперь не будет ему покоя от грустных воспоминаний до самого конца жизни.

Обратно ехал в кузове вездехода, среди таких же, как и сам, залётных людей. Смотрел, как тяжёлые гусеницы вездехода сдирают с поверхности земли тонкий плодородный слой, оставляя позади чёрные водянистые полосы. И вдруг понял, что хотел сказать бывший полковник словами: «Тут ведь вечная мерзлота». Вовсе не крепость промёрзшей до крепости стали земли имел в виду отставной полковник. Он говорил о быте, жизненном укладе здешнего народа, который сформировался за века и в который лучше не вторгаться таким перелётным птицам, каким был Джамолиддин Солиев. Ничем не растопишь и не потревожишь эту вечную мерзлоту, и лучше не пытаться этого делать.

Джамолиддин решил поехать в Подмоскowie и снова устроиться там работать в цех по изготовлению стеклопакетов. Его хозяин обещал, что возьмёт таджикского мардикора в любой момент.

Говорят, что время – лучший лекарь от всяких жизненных невзгод и тягостных воспоминаний. А если добавить сюда ещё и работу от темна и до темна, то, наверное, лучшего лекарства и не придумаешь.